ПЭЛЕМ ГРЭНВИЛ ВУДХАУЗ

Annotation

В этой книге — новые идиллии П.Г. Вудхауза, а следовательно — новые персонажи, которые не оставят вас равнодушными.

Пэлем Грэнвил Вудхауз
Собрание сочинений
Том 16. Фредди Виджен и другие

Весенняя лихорадка

Перевод с английского Н.Трауберг

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава I

В Нью-Йорк пришла весна, на Пенсильванский вокзал пришел поезд, а в свой офис пришел Эллери Кобболд, готовый выкачать из честных людей очередную порцию денег.

Прекрасное утро дышало пивом и новым бейсбольным сезоном. В жилах мистера Кобболда бродили соки. Он напоминал Капитал с карикатуры в рабочей газете, но чувствовал себя хорошо, так хорошо, что охотно пустился бы в пляс, а будь у него розы, принялся бы их разбрасывать.

Поднимаясь в лифте, он подсчитывал свои удачи и остался доволен. Фурункул на затылке поддался лечению. Гандикап в гольфе снизился до двадцати пяти. Стэнвуд, то есть Кобболд-младший, был в Лондоне, где его не достанут щупальца этой актриски. Сам он вот-вот закончит переговоры с Симмсом и Вайнштейном (Детройт) и Объединенной компанией по производству пилочек и пинцетов (Скрэнтон, Пенсильвания). Наконец, заглянув в блокнот, он убедился в том, что сегодня день рождения лорда Шортлендса.

Легко вплывая в офис, мистер Кобболд увидел мисс Шарпл, свою секретаршу, как всегда — за работой. Конверты в мусорных корзинах свидетельствовали о том, что она просмотрела корреспонденцию и готова к ответу. Обычно ему писали Пинцеты-и-Пилочки, но сегодня подключились негоциации с Англией.

— Доброе утро, мисс Шарпл, — сказал он тем тоном, каким говорят: «Ну и утро; тра-ля-ля-ля!». — Записывайте.

— Сию минуту, мистер Кобболд.

— «Уэстерн Юнион».

— «Уэстерн Юнион», — повторила секретарша, изображая что-то вроде микроба с картины импрессиониста.

— Пусть позвонят… Как вы думаете, когда проснется английский граф?

Что-что, а это она знала.

— В одиннадцать, мистер Кобболд.

— В одиннадцать?

— Именно в это время просыпается лорд Піблс из романа, который я

читаю. Он звонит, и Мидоус, его камердинер, приносит алька-зельцер, а также анчоус на тосте.

Мистер Кобболд сердито фыркнул.

— *Граф,* а не шалопай, — пояснил он, — живет в замке, сегодня ему исполнится пятьдесят два года. Думаю, он просыпается в семь утра. Итак, в 7.00 по английскому времени они звонят графу Шортлендсу в Кент и поют песенку.

— Песенку, — пробормотала мисс Шарпл, присовокупляя две закорючки и одного стрептококка.

— Скажите, чтобы нашли певца с приятным тенором.

— Хорошо, мистер Кобболд.

— А может быть, лучше квартет?

— Навряд ли, мистер Кобболд. Один голос больше впечатляет.

— Да? Словом, вот так. Это очень важно. Не хотелось бы, чтобы он подумал, что я забыл о его годовщине. Видите ли, лорд Шортлендс — глава нашего рода.

— Вы подумайте!

— Да. Его фамилия — Кобболд. Сын, лорд Бивер — в Кении, а остальные — просто Кобболды. Скажем, три дочери. Старшая замужем за неким Топпингом, мы с ним учились. Судьба — это судьба. Сижу как-то в клубе, листаю английский журнал, а там портрет исключительно красивой девицы с подписью «Леди Тереза Кобболд, младшая дочь графа Шортлендс кого». «Кобболд? — думаю я. — Интересно». Обратился к английским экспертам…

— И что же? Оказалось, что вы в родстве?

— Вот именно. Правда, дальнем. Написал я этому лорду, и не один раз, но он молчит. Как бы то ни было, в плюс-минус 1700 году один из младших отпрысков рода уехал в Америку.

Мистер Кобболд спохватился, заметив, что Дух весны побудил его к откровенности с подчиненной.

— Вот так, — закончил он. — Что нового? Романтическая секретарша предпочла бы рассказ о лордах, но понимала, что всему свое время и место.

— Симмс и Вайнштейн согласны, — сообщила она, заглянув в записи и переводя на обычный язык.

— Давно пора.

— А вот Пилочки — не совсем.

— Что им нужно?

— Они не все поняли.

— Я их вразумлю. Что еще?

— Телеграмма от мистера Стэнвуда.
— Просит денег?
— Да, мистер Кобболд.
— Так я и знал. Видимо, жизнь в Лондоне дороже, чем здесь.
Эллери Кобболд помрачнел, вспомнив куплет своей юности:

Мой сыночек У-ри-я
В королевстве Ан-гли-я
Хорошо живет,
Пляшет и поет,
Но не знаю, почему
Вечно хочется ему,
Чтобы мы его не забыва-а-ли,
Очень много денег присыла-а-ли,
Ах не знаю, по-че-му!

Однако чело его тут же разгладилось. Как бы то ни было, от Эйлин Стокер сын далеко. И Кобболд-отец стал диктовать письмо Пилочкам-и-Пинцетам, напоминая им, что мы приходим в мир не только для наслаждений.

Утро тем временем двигалось вперед со всеми своими заботами. Подошел и ушел час ланча. В шесть, окончив труды, мистер Кобболд отбыл в Грейт-Нек, на Лонг-Айленд, пообедал там и расселся в кресле, чтобы почитать вечернюю газету, поскольку говорливый попутчик не дал это сделать в поезде.

Однако теперь мешали мысли о сыне. Сонно посасывая сигару и прихлебывая виски с содовой, он сокрушался о том, что Стэнвуд увлекся актеркой. Узнав о недостойной страсти к голливудской звезде, несчастный отец дня два отказывался от второй порции спагетти, а его чувствительный гандикап держался на тридцати.

Сына он любил, но в разум его не верил. В колледже Стэнвуд играл в футбол, но этим дело ограничилось. На поле — король, ничего не скажешь, а вот насчет разума — не густо. Словом, Кобболду-старшему казалось, что его надо спасать от самого себя.

Влюбился бы, честное слово, в леди Терезу! А то — звезда, видите ли! Да эти звезды не успеют зайти в дом, как требуют развода по несовместимости характеров. Разорит подчистую! А счета кто будет подписывать? Отец.

Мысли эти приводили Кобболда-старшего в умоисступление и, отсылая Стэнвуда в Англию, он приставил к нему слугу из слуг, который пленил его в бюро по найму роговыми очками. Финансовым магнатам хорошо. Пока мы чешем в затылке, они р-раз — и подпишут договор.

Итак, отец утешался тем, что три тысячи миль отделяют сына от его недостойной пассии. Посмаковав эту мысль, словно тропический плод, он наконец развернул газету.

Сперва он обратился к финансам, потом к юмору, который по-мальчишески любил, и затем его взгляд стал порхать по страницам, словно мотылек. Остановила его фотография весьма недурной особы с большими глазами, капризным ртом и светлыми локонами.

Он мгновенно очнулся. Особа смотрела на него так, словно нашла наконец сильного, надежного мужчину. Но суть не в этом; под фотографией стояла подпись:

Мисс Эйлин Стокер…

Кобболд-отец перекосился, словно обнаружил в кресле змею. Эйлин, видите ли! Стокер, чтоб ее так! Кино он не любил, актрис не видел, а эта ему не понравилась. Сирена, решил он. Плетет сети. Только и ждет, как бы ограбить хорошего человека. Осторожно взглянув еще раз, он прочитал:

…любимая всеми кинозвезда…

Прямо сейчас, «всеми»! Кто их пересчитывал? Он, во всяком случае, к ним не принадлежит. Искусство не знает границ и по всему миру множились клубы ее поклонников, но Эллери Кобболд не вступил бы ни в один из них, зато охотно поддержал бы сообщество, намеревающееся обмазать ее дегтем и выкатать в перьях.

Нижние строчки, помельче, он разобрал с трудом, но, разобрав, подскочил, словно пес, которому наступили на лапу тяжелым ботинком.

…приехала в Англию, чтобы сняться в двух фильмах на студии «Боннет и К°» (Лондон)…

Какое-то время он только пускал пузыри. Потом, собравшись с духом, кинулся к телефону.

— «Уэстерн Юнион», — потребовал он. — Алле! Это «Уэстерн Юнион»?

Он овладел голосом и произнес:
— Примите телеграмму.

Глава II

На следующее утро, примерно в тот час, когда просыпался лорд Пиблс, в Блокэм-хаусе (Парк-лейн, Лондон) спал молодой человек. У его кровати разместились цилиндр, брюки, вечерние туфли, два воздушных шарика и свистулька. Иногда он глухо стонал, словно страдая. Ему снилось, что его перекусила надвое акула, а это неприятно.

Мы не знаем, почему осторожно сказали «молодой человек». Скрывать нам нечего, то был Стэнвуд Кобболд, а заспался он потому, что пришел под утро с вечеринки, которую сам и давал в честь Эйлин Стокер, только что приехавшей в Англию.

Кроме горы, покрытой одеялом, мало что было видно, да и то не радовало глаз, поскольку природа, должно быть — из лучших соображений, одарила Кобболда-младшего не только золотым сердцем, но и лицом приветливого гиппопотама. А каждый знает, что гиппопотамы, если ты на них не помешан, заслуживают лишь одного поверхностного взгляда.

В комнату мягко вошел слуга по имени Огастес Ворр. Он всегда входил мягко. До того как обратиться на религиозном собрании, он был преуспевающим взломщиком и привык ступать как можно тише.

Однако, войдя, он обрел и резкость — громко поставил поднос на столик и шумно раздвинул шторы.

— Эй! — крикнул он так, словно сзывал коров на дюнах Ди.[1] Стэнвуд расстался с акулой и вернулся в мир. Там он немедленно сжал виски руками, заметив при этом: «О, Господи!» Ему показалось, что слуга, равно как и все остальное, сильно пожелтел.

— Завтр-рык, — прорычал упомянутый слуга, явственно полагавший, что обращается к глухому, который лежит в четверти мили от него. — Ешьте, пока не простыл. Вот яичко всмятку.

Некоторые слова доходят до глубин души. Одно из них — «яичко», тем более «всмятку». Чувствительный Стэнвуд задрожал.

— Унесите его, — сказал он мрачно и тихо. — И не громыхайте. У меня болит голова.

Огастес поправил роговые очки, пленившие Кобболда-старшего, и посмотрел на глыбу с рыбьими глазами, как смотрит пастух на непокорную

овцу. Сам он был широким в плечах, лысым и ушастым. Глазки у него были маленькие, лицо — мучнистое. Иногда он цыкал зубом, чтобы выразить неодобрение.

— Голова, э? — переспросил он. — Сами виноваты, дорогуша. Слышал-слышал, как вы пришли. Всю мебель поопрокидывали. «Дэ, — сказал я, — он еще дождется, близок день отмщения». Плач, дорогуша, и скрежет зубов, вот как! Что ж, проснулись — ешьте завтрык, а потом пробежитесь вокруг парка.

Такая перспектива добила Стэнвуда Коббодда. Он натянул одеяло повыше, чтобы не видеть Огастеса. Даже в самом лучшем состоянии он полагал, что слуга в роговых очках — это уж слишком.

— День-то какой! — не унимался тот. — Птички щебечут, дорогуша, чуть не лопнут. Ну — раз-два! Помойтесь, а я пока костюмчик приготовлю.

Как это ни трудно, Стэнвуд приоткрыл один глаз.

— Выпить дайте.

— Не дам, дорогуша.

— Вы уволены!

— Ну прям! Глупость какая, уволен! Выпить я вам не дам, а дам СРЕДСТВО. Сходил, это, в аптеку, спросил, что у них от перепоя.

Оглядев пузырек, Стэнвуд немного оживился, словно встретил старого друга.

— Да, — сказал он, встряхивая темную жидкость. — Бывало, принимал. Очень помогало.

Вынув пробку, он отхлебнул лекарство, и, хотя вид у него был такой, словно в него попала молния, ему явно стало легче. Как-никак он убрал руку, которой придерживал голову, чтобы не раскололась.

— Уф-фф! — произнес он.

Огастес все еще удивлялся, что его думали выгнать.

— Уволен, это надо же! Как же вы меня уволите, если папаша меня к вам приставил, на манер ангела? Прям и сказал: «Ворр…» Так и вижу: стоит, эт-та, в офисе, жилетка расстегнута, и молит-просит. Значится, «Ворр, дорогуша, доверяю вам моего сына. Смотрите за ним, чтобы он стал такой, как вы».

— А как насчет взлома? — поинтересовался Стэнвуд.

— С этим я, дорогуша, завязал, — сухо ответил Огастес. — Прозрел, слава Господу, и завязал. А что ж это вы дружку своему сказали, что я, эт-та, взломщик?

— Ничего я не говорил.

— Уж прям, дорогуша! А как он узнал бы? То-то с вами и плохо,

много болтаете. Третьего дня зашел я к мистеру Кардинелу, позаимствовать журнальчик, а он и спроси: «Значит, вы взламывали сейфы?». Я говорю: «А что?» Он говорит: «И фамилия ваша Ворр. Смешно получается!» Я говорю: «Мне пятьдесят семь человек на это у-ка-зы-ва-ли». Он говорит: «Что ж, поздравляю, у вас пятьдесят семь умных знакомых». И кладет, эт-та, мелочь какую-то в ящик, а ящик запирает. Нехорошо, дорогуша, обидно.

— Майк никому ничего не скажет, — заверил Стэнвуд.

— Не в том дело, дорогуша. Если кто спасен, нехорошо тыкать ему в морду былые грехи. Мистер Кардинел был на этой вашей вечерушке?

— Был, — сдержанно ответил Стэнвуд.

Мысль о друге вызывала неприятные воспоминания. На упомянутой вечеринке тот уделил слишком много времени мисс Стокер, а она, в свою очередь, не протестовала. Конечно, это ерунда, но Майк так непозволительно красив, что всякий воздыхатель заволнуется, тем более если у него нет иллюзий о собственной внешности.

— И не пил, — продолжал Огастес. — Он свою меру знает. Вот обедал тут, у нас, и что? Полбутылочки. Брали бы с него пример. Уж как страдает, как терзается, а пить — не пьет.

— Что такое? — удивился Стэнвуд.

— Чего-чего, дорогуша?

— Почему Майк терзается?

— Любовь! Никак эту куколку не уломает.

— Какую куколку?

— Да леди Терезу Кобболд.

Стэнвуд удивился. Он давно дружил с леди Терезой.

— Быть не может! — воскликнул он.

— Может, дорогуша, может.

— А я и не знал! Майк ничего не говорил.

— Не все, дорогуша, болтают, как попугай какой-нибудь.

— Вам же он сказал.

— Нет, я письмо увидел. На конверте такие слова: «Кент, Биворский замок, леди Терезе Кобболд», а рядом — листочек, там написано: «Терри, мой ангел без крыльев!» Тут уж не хочешь, догадаешься.

— Черт! Нельзя читать чужие письма.

— Не выражайтесь, дорогуша. Надо вам дать брошюрку на этот счет. Значит, дальше он ее просит-молит. Хорошо написано! Я ему так и сказал.

Стэнвуд перекосился, словно от боли, но тут зазвенел телефон. Трубку схватил Огастес.

— Алле! — сказал он. — Э? Привет, мистер Кардинел. Мы как раз про вас говорили. Передам. Значит, — обратился он к хозяину, — не забудьте, что сегодня вы его угощаете в этом «Баррибо».

— Угощаю? — Стэнвуд вздрогнул. — Скажите, что меня нет. Я умер.

— И не просите, дорогуша. Слово — это вам не кот намяукал. Передам, передам. Ясно, четверть второго, в баре. Пока-пока. — Он положил трубку. — А вам, я скажу, надо бы поторопиться. С души воротит, дорогуша, прямо труп какой-то. Ну, поболтали, и ладно, некогда мне лясы точить. Работа не ждет, дорогуша. Ой, звонок! Кого ж это принесло?

— Если ко мне, не пускайте, — напутствовал его Стэнвуд. Оставшись один, он предался размышлением, и они были приятны, хотя им мешал невидимый враг, ввинчивающий в череп раскаленные болты. Сообщение о Терри сняло бремя с души, а поскольку к бремени он не привык, ему стало немного легче.

Если Майк любит Терри, думал он, ему безразлична Эйлин.

А может, небезразлична?

Нет-нет!

Или «да»?

Все-таки — «да», решил Стэнвуд. На этой вечеринке Майк просто был любезен. Не грубить же будущей невесте хозяина! Странно, что он ничего не сказал. Хотя, если все обстоит так, как говорит Огастес…

Что ж это она? Жаль-жаль. Вроде у Майка все есть: красив, обходителен, богат, как-никак — совладелец голливудского агентства. Понять невозможно, почему он ей не нравится.

Да, жаль Майка. Тот был ему другом; а с Терри он подружился, когда она целых два месяца прожила в Лондоне, пела в хоре популярного мюзикла. Они ходили в кафе, он ей рассказывал о своей любви к Эйлин, она ему — о жизни дома и о том, почему она убежала.

Прелесть, а не девушка, думал Стэнвуд. Хороша собой, остроумна, весела, словом, в самый раз для Майка. Но ничего не попишешь, так уж оно есть. С этой мыслью он перешел к более приятным предметам, конкретно — к тому, какие радости ожидают их с Эйлин, и от счастья задремал.

Дремал он недолго. Прямо над ним раздался рык, и, открыв глаза, он опять увидел Огастеса.

— Что еще? — устало спросил он. Огастес размахивал каким-то листочком.

— Телеграмма от родителя, — объяснил он. — Сейчас прогляжу и

передам самую суть.

Он снял очки, положил их в футляр, а там — и в карман, извлек из кармана другой футляр, вынул очки, надел их, положил в карман второй футляр и откашлялся так, что присевший было Стэнвуд свалился на постель, словно его ударили тупым орудием.

— Суть, значит, — сообщил Огастес.

— Он деньги послал?

— Да, дорогуша, перевел тыщу долларов, но деньги — тлен. Не прилагайте, эт-та, к ним сердца. А тут вот чего: «Что такое вопросительный знак».

— А?

— «Ну запятая знаешь точка».

— Ничего не понимаю!

— «Ну запятая знаешь». Родитель, — раскрыл сокровенное Огастес, — велит, чтобы вы немедленно ехали в этот замок. Прям, я скажу вам, совпадение.

— Какой еще замок?

— Биворский. Ехали, значит, туда и сидели, пока он не даст отбой. Ну, дело ясное. Узнал, что Стокерша ваша явилась, и, эт-та, принимает меры. А насчет совпадения, там живет барышня мистера Кардинела.

Стэнвуд никак не мог вместить отцовского повеления.

— Уехать из Лондона в какой-то замок?

— Я бы на воздух съездил. Оч-чень полезно. Вам, дорогуша, вам. Воздух, молочко, яички свеженькие.

— Не поеду я ни в какой замок!

— Это вы говорите, дорогуша, а велит-то родитель. Не поедете, он денег не даст, что вы тогда запоете? Прям как в Писании: один сказал «Иду» — и не пошел, а другой сказал «Не иду», и пошел как миленький.[2] Против отца, дорогуша, не попрешь.

Даже туманный разум понял, что это правда. Стэнвуд застонал и зарыл лицо в подушку. Что теперь мечтать о долгих беседах с Эйлин? Да, он готовил неделями то, что прошепчет в ее перламутровое ушко, но ничего не выйдет. Она будет здесь, он — в замке. Как во многих фильмах, где она играла, молодые сердца разлучены в самую что ни на есть весеннюю пору.

— Биворский замок!.. — мечтательно произнес Огастес, так, словно смаковал бесценное вино. Среди миллионов, населяющих Лондон, никто не любил аристократию больше, чем он. Из преступного прошлого он вспоминал с удовольствием одно — как проник в кладовую графини, где

его укусил жесткошерстный терьер. — А я его видел когда-то. Катался там на велике. Красивые места. Романтические. Кто бы мог подумать! Вот как бывает, а? Ну, дорогуша, подъем. Мойтесь-купайтесь, а я вам одеться приготовлю. Синий костюм, розоватую рубашку, носочки в тон, — перечислял Огастес, большой поклонник красоты. Он полагал, что хозяина никак не превратишь в картинку, но розоватая рубашка все-таки поможет.

Глава III

Сереброголосый певец «Уэстерн Юниона», превзошедший соловья благодаря особым пастилкам, спел в трубку ту прекрасную песню, которая начинается словами:

С днем рожденья,
С днем рожденья,

а продолжается, если кто забыл, так:

С днем рожденья,
С днем рожде-е-е-нья!

Через час с небольшим Клод Персиваль Джон Деламер Коббодд, пятый граф Шортлендский, стоял у окна своего кабинета (Биворский замок, Кент), перебирая в кармане два шиллинга восемь пенсов, оставшихся от месячного пособия, выданного старшей дочерью. Думал он о том, насколько было бы лучше, если бы он ощупывал двести фунтов.

Солнце, пленившее в одиннадцать Огастеса Ворра, пленило в четверть двенадцатого и графа. Оно сияло. Оно золотило воду рва и башни замка. Оно играло на стенах, увитых плющом, от необитаемого крыла, сооруженного в 1259 году, до приспособленных к современности комнат, где обитало семейство. Но когда расшалившийся луч решился заглянуть в кабинет, он наткнулся на коренастого, незлобивого с виду человека, напоминающего дворецкого в скорби, и быстро исчез.

Дело в том, что двенадцатое мая, день его рождения, застало лорда Шортлендса не в лучшую минуту. Он пребывал в унынии и не ждал ничего хорошего от грядущих дней. Завидев ров, он подумал, как думал часто, что тот исключительно противен.

На самом деле, если отвлечься от легкого запаха тины и дохлых угрей, ров был достаточно хорош. Однако мы зря потратим время, пытаясь внушить это лорду Шортлендсу. Он давно невзлюбил обитель предков, а сейчас, вдобавок, у него был приступ болезни, которую, за неимением лучших терминов, называют хандрой.

Это нередко бывает с теми, кого разбудили в семь утра песенкой «С днем рожденья», но судьба не пожалела для графа и других стрел. У его собаки Усика был жар. Любимая шляпа со сломанными полями куда-то исчезла; скорее всего, ее забрала средняя дочь Клара для благотворительных целей. Завтрак стряпал Бог знает кто, поскольку кухарка миссис Пентер гостила в Уолэм Грин у родственников, и бекон походил на выжженную землю. Космо Блейр, драматург, гостивший уже неделю в замке, явно не думал уезжать, хотя, казалось бы, собирался отбыть сегодня. Наконец, старшая дочь, Адела, жена одного из американцев, при имени которых финансисты снимают шляпу, отказала собственному отцу в двухстах фунтах. Хочет, видите ли, знать, зачем они ему нужны. Не скажешь же ей, что он собирается купить на них кабачок, чтобы жениться на кухарке. Лорд Шортлендс не знал, сколько бед полагается графу в день рождения, но полагал, что это уж слишком, и погрузился бы снова в жалость к себе, если бы не заметил, что вошла Клара.

Жалость к себе сменилась праведным гневом. Есть время красть шляпы и есть время не красть их. Лорд полагал, что у него их вообще нельзя отнимать. Глаза его грозно сверкнули, а голос подошел бы королю Лиру.

— Клара, — сказал он, — это ты ее взяла?

Она не обратила на вопрос никакого внимания, поскольку интересовалась только своими делами. Конечно, к людям она лезла, как лезут сельские леди в грубых башмаках и спортивных костюмах, исправляющие нравы и манеры ближних так, что тем пора бы поднять хорошее восстание. На месте опекаемых селян, нередко думал лорд Шортлендс, он бы сдался без боя и просто лежал лицом к стене.

— Чье это? — спросила она, протягивая ему какую-то пакость, оказавшуюся альбомом для марок.

Как ни странно, этот альбом, сыгравший впоследствии огромную роль в жизни пятого графа, не произвел на него особого впечатления. К концу недели граф нарушил из-за него заповедь и пережил потрясение, но сейчас едва взглянул в его сторону, словно дворецкий, обнаруживший бутылку плохого вина. Грядущее не всегда отбрасывает тень.

— Что ты мне суешь?

— Это альбом для марок.

— Очень грязный. Положи на стол. Где ты его откопала?

— Он лежал в шкафу, — сказала Клара, отказываясь на сей раз от привычки оставлять вопрос без ответа. — Если он ничей, я возьму его для базара.

Тут бы заговорить о шляпе, но лорда заинтересовал альбом. Как все мы, он когда-то собирал марки и теперь испытал странную тоску, а потому, подойдя поближе, осторожно тронул находку, словно щенок, заигрывающий с черепахой.

— Да он мой!

— Почему это — твой?

— Я собирал марки.

— Чушь какая! Я сказала Дезборо, чтобы он посмотрел. Кто-кто, а он в марках разбирается.

Она не ошиблась. Муж Аделы, Дезборо Топпинг, увлекался с малых лет марками и детективами.

— Может быть, там есть что-нибудь ценное, — продолжала Клара, знавшая меру в благих делах. — Тогда мы это вынем.

Она направилась к двери, но отец вспомнил, что главного они не обсудили.

— Постой, а как шляпа? Оставил ее вчера на вешалке, а утром смотрю — нету. Шляпы не бегают. Мало того, шляпы не прыгают с вешалок. Ты ее не видела?

— А ты не видел Терри? — спросила средняя дочь, с которой вообще было трудно разговаривать.

— Терри? — удивился граф.

— Да. Ты ее не видел?

— Нет.

— Что ж, если увидишь, скажи, что Космо хочет прочитать ей второй акт.

Это имя не вызвало у графа радости.

— Космо!

— Да, Космо. Почему ты *так* говоришь?

— Как?

— Так.

— Нет, как?

— Ну, вот так.

— А что? — спросил лорд Шортлендс, открывая карты. — Он пузатый

оболтус.

— Ничего подобного!

— Оболтус, — повторил пэр, словно Роджет,[3] нашедший удачное слово. — Я к нему присмотрелся и знаю, что говорю.

— Он талант, — возразила Клара и вышла, хлопнув дверью, но тут же заглянула в нее и прибавила: — Его пьеса шла девять месяцев.

Лорд Шортлендс не был терпеливым. Ему не нравилось, что дочь уподобляется кукушке в часах. Когда дверь снова открылась, он чуть не закричал, но обнаружил, что входит не Клара, а вальяжный полубог с небольшими баками, несущий на подносе стакан молока. Один из недостатков Аделы состоял в том, что она заставляла отца пить по утрам молоко. Принес его дворецкий.

Природа рассеянна, и лучшее тому доказательство — граф со своим мажордомом. Графа она создала по модели дворецких, дворецкого — по модели графа. Мервин Спинк был высок, вальяжен и важен. Лорд Шортлендс был коренаст и походил на замухрышку. Ни один судья не усомнился бы, кому дать приз за красоту; и граф это понимал. Он отдал бы все свое состояние (сейчас, как мы помним, — два шиллинга восемь пенсов) за то, чтобы поменяться местами со своим слугой.

Тот шествовал по комнате, словно посол, приближающийся к монарху, и бедный граф отвернулся. Он не любил Мервина Спинка. Мы не знаем, любил ли бы он его при благоприятных обстоятельствах, скажем — если бы тот спас его от огня или от воды, но обстоятельства не были благоприятны. Оба они хотели жениться на Элис Пентер. Приятно ли отпрыску гордых графов соперничать с дворецким?

Собственно, это никому не приятно, тем более, хозяину замка. У слуги — немалое преимущество, они с кухаркой вечно рядом, тогда как сеньор довольствуется редкими встречами, дрожа при одной мысли о своей старшей дочери Аделе. Кроме того, слуга красив и многоопытен. Он повидал мир, включая Соединенные Штаты. Мало того, у него племянник — актер, не очень известный, правда, на характерных ролях, но сцена — это сцена.

Подумайте о том, что он подражал Спенсеру Трейси[4] и умел делать фокусы, а потом представьте себе, как отнесется к этому живущая в затворе кухарка. Лорд Шортлендс представил, задрожал и издал тот звук, который издает сифон при последнем издыхании.

Будь обстоятельства благоприятны, могли бы прозвучать хоть какие-то фразы, смягчающие отношения между хозяином и слугой, скажем

«Доброе утро, Спинк» — «Доброе утро, милорд» или «Ваше молоко, милорд» — «А? О! Спасибо». Но царило молчание. Спинк поставил поднос на столик, граф глядел в окно. Между ними маячил призрак кухарки.

Когда дворецкий удалился, зазвонил телефон. Граф поднял трубку с той осторожностью, которая понятна у человека, разбуженного сладостным тенором.

— Алло, — сказал он.

— Алло, — ответил приятный мужской голос. — Нельзя ли попросить леди Терезу?

— Леди Терезу? Я ее сегодня не видел.

— А с кем я говорю?

— С лордом Шортлендсом.

— Здравствуйте, лорд Шортлендс. Наверное, вы меня забыли. Я Майк Кардинел.

Граф признался, что это имя ему незнакомо.

— Так я и думал. Передайте, пожалуйста, Терри, что я звонил. Всего хорошего.

— До свиданья, — ответил лорд, снова погружаясь в раздумья. Однако на этот раз ему помешала та самая леди Тереза, о которой говорил мужской голос.

Мы не скажем, что лорд просиял. Люди, утратившие шляпу и соперничающие с дворецким, который мог бы служить манекеном, не сияют. Но легче ему стало. Только что мы бы приняли его за труп, отлежавшийся в воде; сейчас он скорей походил на труп свежий. Если мы сравним его с тем, кто пережил кораблекрушение, Терри показалась ему чем-то вроде паруса.

Даже в безднах уныния он знал, что у тучи есть кой-какая каемка — младшая дочь, сбежавшая в Лондон, на свободу, вернулась домой и могла его поддержать в меру своих сил.

Старшую дочь вынести трудно, среднюю — тоже нелегко, Космо Блейр и Мервин Спинк могут довести до удара. Зато Терри, дай ей Бог здоровья, девушка хорошая.

Глава IV

Леди Тереза Кобболд была намного красивее леди Клары. Средняя дочь пошла в отца, который был добрым (хотя бы для палаты лордов), но походил скорее на Эрика Блора,[5] чем на Роберта Тейлора.[6] Младшей

хватило здравого смысла, чтобы пойти в мать, которая была в свое время красивейшей дебютанткой Лондона. От ныне покойной графини Терри унаследовала стройность, голубые глаза, золотистые волосы и вообще все то, что побуждало увидевших ее мужчин нервно поправить галстук.

— Привет, Шорти, — сказала она. — Поздравляю, мой дорогой.

— Спасибо, душенька.

— А вот и подарок. Увы, только трубка.

— Хорошая, — признал граф. — Как раз такую я хотел. Да, тебе сейчас звонил какой-то молодой человек.

— Майк Кардинел?

— Он самый. Вроде бы мы знакомы, но я его не помню.

— Конечно. Вы сто лет не виделись. Ну, Бог с ним. А вот скажи, — спросила она, присаживаясь на край потертого дивана, — как у тебя с праздником?

Граф помрачнел. День рождения оказался довольно убогим.

— Адела вручила мне два галстука, Дезборо — «Убийство где-то там», а Клара…

— Как насчет денег? Совсем нет?

— В сущности, совсем.

— Безобразие! А я-то надеялась, что мы съездим в Лондон покутить. Хорошо, совсем, а конкретней?

— Два шиллинга с небольшим. У тебя тоже пусто?

— Три шиллинга.

— Д-да… маловато.

— Такова жизнь.

— Именно, такова, — согласился граф, снова погружаясь в уныние.

Наше время неблагоприятно для графов. Прошли их денечки. Кое-кто еще крутится, но большей частью они, после уплаты налогов (земельный, подоходный и прочая), а также — поддержки скороспелых проектов, подходят вплотную к нищете. Лорд Шортлендс, с его двумя шиллингами и восемью пенсами, еще неплохо устроился.

Когда-то он все-таки мог заказать в своем клубе бутылку лучшего вина. Теперь приходилось довольствоваться молоком, поскольку он полностью зависел от щедрот леди Аделы, которой хватило ума выйти за Дезборо Топпинга.

Зависимость как таковая графа не мучила; он предпочитал, чтобы деньгами занимались другие. Но старшая дочь была прижимиста, тверда (скажем, не дала бы двести фунтов, чтобы он женился на кухарке) и настолько привязана к родовому гнезду, что все там жили круглый год.

Граф понять не мог, почему ей нравится это гнездо, где летом очень жарко, зимой — очень холодно. Вот и сейчас он сказал:

— Представляешь, Терри, последний раз, и то ненадолго, я уезжал отсюда прошлым летом, когда тут жили американцы. Да и то Адела потащила меня в Харрогит. У Дезборо, видите ли, подагра! Я хотел поселиться в клубе, но она считает, что меня нельзя оставлять одного в Лондоне.

— И верно, нельзя.

— Надеюсь! — не без гордости заметил граф.

— Ты там такое вытворял…

— Бывало, бывало. Что с того? Я — в золотой клетке.

— Золотой?

— Если хочешь, в гробнице.

— Бедный старый Шорти! Ты не очень любишь фамильную цитадель?

— Я не люблю, чтобы мной помыкали. «Дай мне шиллинг, милочка!» — «На что?» — «На табак». — «Он не кончился». — «Кончился». — «Вот как? Много куришь». Это меня оскорбляет. Сказать не могу, как я восхищался твоим побегом. Да, ты вырвала клочок свободы. А у меня духа не хватает.

— Надо было вместе сбежать. Играли бы в оперетках, на пару. Старичок и простушка.

— Почему ты вернулась?

— Голод пригнал, мой ангел. Шоу провалилось, больше работы не было. Ты никогда не голодал?

— Неужели ты ничего не ела?

— Ела, один приятель кормил, истинный ягненок. Водил в кафе и рассказывал про свою девицу. Отец отослал его в Англию, чтобы он с ней не виделся. Он американец, но — вот странно! — фамилия у него такая же, как у нас.

— Коббολд?

— Не Шортлендс же!

Графу стало интересно. С некоторых пор это имя запечатлелось в его сердце.

— Хотел бы я знать, связан ли он с моим занудой. Какой-то Элл ери Коббολд все время шлет мне из Нью-Йорка письма и телеграммы. А сегодня он подговорил дружка, чтобы тот позвонил мне пораньше и запел в самое ухо. В семь часов! Ты только подумай. Ровно в семь. Часы над конюшней пробили — и пожалуйста.

— Насколько я понимаю, Стэнвуд — его сын. Он говорил, что они

живут в Нью-Йорке или где-то поблизости. Так вот, он меня спас, но я все равно не выдержала.

— Пошла бы еще куда-нибудь. Ты такая красавица!

— Что ты, я ползти не могла. И ждать — тоже.

— Совсем денег не было?

— Совсем.

Лорд Шортлендс с пониманием кивнул.

— То-то и оно. Что ни возьми, нету денег. Вот, скажем, если бы у меня было двести фунтов, я бы женился на миссис Пентер.

— Знаю, она мне говорила.

— Хочет завести кабачок. Отдохнуть от трудов на склоне жизни. Что ж, это понятно. Женщине нужен дом со всеми финтифлюшками. Но мне-то, мне каково? Где я раздобуду деньги? А Спинк не дремлет. У него кое-что есть. Этот Блейр ему сунул фунтов пять, меня чуть не стошнило. А прошлогодние американцы? Тоже, я думаю, озолотили. Да, к цели он ближе.

— Заметь, он играет на скачках.

— Верно. А вдруг много выиграет?

— Миссис Пентер говорит, что он все время проигрывает. Это ей не нравится. Муж должен быть надежным.

— Она сама сказала?

— Да. Я заходила к ней попрощаться и хлопотала за тебя. Ты знаешь, у нее была несчастная любовь. Кто-то ее обманул, и она ищет надежности.

— Хочет прислониться к крепкому стволу?

— Вот именно. Я тебя расписала, но ты ей и так нравишься. «Ваш папаша, — говорит, — не такой красивый, как мистер Спинк, и не такой обходительный, он попроще, зато верный человек».

— Ха!

— Словом, иди вперед. Плюнь ты на эту красоту! Душа, вот что главное, а у тебя ее сколько хочешь. Поверь, мой ангел, ты выиграешь.

Граф был польщен, но не решился отбросить сомнения. Когда живешь так, как он, становишься реалистом.

— Если, — напомнил он, — раздобуду двести фунтов.

— Что ж, попробуем.

Зазвонил телефон. Теперь граф смелее поднял трубку.

— Это тебя.

— Майк?

— Да. Спрашивает, получила ли ты письмо.

— Получила. Передай ему: «Нет».

— Нет?
— Вот именно.
— В каком смысле?
— Он поймет, не бойся.
— Письмо получила, — сообщил лорд Шортлендс трубке, — и просит сказать: «Нет». А? Сейчас-сейчас. Он хочет знать, изменила ли ты прическу.
— Не изменила.
— Не изменила. А? Я ей передам. До свидания. Он говорит, очень хорошо, а то не будешь похожа на ангелов Боттичелли. А что значит «Нет?»
Терри засмеялась.
— Он спрашивает, выйду ли я за него.
Лорд Шортлендс по мере сил уподобился заботливому отцу.
— Выходи, — сказал он. — Надо же выйти замуж.
— Вообще-то надо.
— Ты подумай, что это значит. Свобода. Сво-бо-да. И потом, ты не будешь смотреть на ров.
— Адела хочет, чтобы я вышла за Блейра.
— Не стоит.
— Я и не выйду.
— Молодец. Ров рвом, но не за такую же цену!
— Это верно. И потом, он женится на Кларе.
— Батюшки! Он об этом знает?
— Пока — нет.
Граф немного подумал.
— А ты права. Она мне чуть голову не откусила, когда я его назвал пузатым оболтусом. Помню, я удивился. Что ж, спасибо, что тебе он не нравится.
— Ни в малейшей мере. Какая спесь! Говорит со мной, как с соплюшкой.
— Со мной он говорит, как с кретином. Расскажи-ка лучше про Кардинела. Когда вы познакомились?
— Помнишь, восемь лет назад Тони пригласил приятеля?
— Как я могу помнить этих жаб?
— Майк не жаба. Он очень красивый. Как-то мы сидели в кафе со Стэнвудом, а он зашел. Они подружились в Америке.
— Что, он тоже американец?
— Да, из Калифорнии. А учился здесь. Так вот, он подошел и спросил,

не забыла ли я его.

— Ты не забыла?

— Конечно. Он к нам подсел, потом Стэнвуд ушел писать своей девице, и Майк прямо над кофе сделал мне предложение.

— Однако!

— Я тоже удивилась. Но он сказал, что любит меня с тех пор. Тогда не смел признаться.

— Что-то я в нем робости не заметил.

— Он ее преодолел.

— А кто он, собственно?

— Греческий бог, Шорти.

— Нет, что он делает?

— Работает в голливудской фирме, вроде актерского бюро. Уломают звезду, им — десять процентов гонорара.

Лорд Шортлендс оживился. Он читал о том, сколько получают звезды.

— Господи! Да он богач.

— Ну, он — младший партнер, но в общем — не жалуется.

— Я бы в него вцепился!

— А я не вцепилась.

— Он тебе не нравится?

— Нравится. Но замуж я за него не выйду.

— Почему?

— Есть причина.

— Какая?

— Ах, просто причина! Бог с ней. Поговорим лучше о тебе и о двух сотнях.

— Прямо не знаю, где мне их раздобыть.

— Может, попросить у Дезборо?

— Да я пытался. Он от меня убегает, как кролик.

— Сейчас он сюда придет поглядеть на эту марку. И не убежит, у него приступ.

— Да, верно.

— Хватай его и держи. Не подлизывайся, действуй шоком. А, Дезборо! Привет.

Зять лорда Шортлендса, щуплый человечек в пенсне, на пятом десятке, был вылитым вице-президентом любой компании. Шел он медленно, опираясь на трость, но взгляд его был зорок и бодр. Когда речь заходила о марках, он походил на вице-президента, подметившего непорядок в отчете.

— Скажи, Терри, — начал он, — где этот… А!

Завидев альбом, он отрешился от всего сущего. Граф и Терри переглянулись. «Ну!» — говорила она. «Сейчас, минуточку…» — отвечал он. Передав такой сигнал, лорд подошел к зятю и нежно тронул его плечо.

— Интересные марочки? — как можно сердечней спросил он. — Дезборо, старина, вы не дадите мне две сотни?

— Две сотни?

— Я был бы очень признателен.

— Почему не спросить Аделу?

— Я спрашивал. Она не дает. Дезборо ощутил, что он загнан в угол.

— Я бы отдал вам последнюю рубашку…

Лорд Шортлендс заверил, что рубашка ему не нужна, в отличие от двухсот фунтов.

— Понимаете, — объяснил зять, — у нас с Аделой общий счет.

То был конец, можно сказать — судьба. Граф побрел к окну, а там бросил на ров взгляд, по сравнению с которым прежние казались просто кроткими.

— Эти общие счета… — пылко начал он, но продолжать ему не дали. Дверь снова открылась, и вошла старшая дочь.

Леди Адела Топпинг, лет на пятнадцать моложе своего мужа, была высока и красива. Екатерину II, русскую императрицу, она напоминала не только внешностью, но и той непреклонностью, благодаря которой властные женщины не терпят всякой ерунды. Судя по ее виду, с ерундой она только что столкнулась; и результат был настолько ясен, что муж свернулся бы в клубок и закатился под диван, если бы не рассматривал марки.

— Отец, — спросила она, — ты знаешь этого субъекта? И прибавила, сверившись с бумажкой:

— Подписывается «Эллери Кобболд».

Если пикадор потревожит быка, тот оставит матадора. Распаленный мыслями об этом счете, граф дерзко произнес:

— Эллери Кобболд? Из Нью-Йорка? Конечно, знаю. Он мне жить не дает.

— Откуда ты его взял?

— Мы — родственники. Во всяком случае, он так считает.

— Это не дает ему права посылать сюда сыночка.

— А он послал?

— Да. На неопределенное время. В жизни не слышала о такой наглости!

— Чистое хамство, — согласился граф, но не удивился. После того, что случилось рано утром, его не могли удивить американские поступки Коббодда.

Обрадовалась только Терри.

— Стэнвуд приедет? — сказала она. — Как я рада!

— Ты его знаешь?

— Мы с ним — как яичница с беконом.

— Что-что?

— Очень дружим. Он меня спас в Лондоне.

Что-то зашевелилось у стола. Дезборо Топпинг вышел из транса.

— Эллери Коббодд? — проговорил он. — Я с ним учился. Толстый такой…

— Вот как?

— А сейчас — ужасно богатый. Леди Адела вздрогнула.

— Во-от как?!

— Я думаю, миллионер, — сообщил ее муж, снова ныряя в альбом с марками.

Строгое чело просветлело, грозный взор умягчился. Железная леди мелодично воскликнула:

— Вот как?

И продолжала со всей сердечностью:

— Так он наш родственник? Терри дружит с его сыном? Конечно, мы его пригласим. Дезборо, ответь ему немедленно. Вот адрес. Подпишись «Шортлендс»! Он обращается к тебе, папа.

— А не к тебе? — осведомился граф, возвращаясь к мыслям об этом счете. — Почему же ты прочла телеграмму?

— Сообщи, что отец встретится с его сыном…

Граф вздохнул. Его отпускают в Лондон, а денег нет. По-видимому, именно это Космо Блейр имел в виду, когда говорил за обедом о трагической иронии.

— …и привезет в замок. Все ясно? Да, прибавь, что мы очень рады. Нью-Йорк, заметь — одно слово.

— Сейчас, дорогая. Прихвачу альбом, он очень интересный. Я нашел марку, которая стоит фунтов десять.

— Значит, Клара не потащит его на базар, пока ты всего не просмотришь, — решительно сказала леди, знавшая, как и средняя сестра, до какой черты простирается помощь неимущим селянам.

— Минутку, минутку, — заторопился граф, взволнованный ценой марки. — При чем тут Клара? Какая чушь!

— Что ты имеешь в виду?
— Полная чушь! Вздор, я сказал бы!
— А при чем тут ты?
— Это *мой* альбом.
— Не говори глупостей.
— Мой. Я собирал марки.
— Бог знает когда.
— Он и в шкафу лежит давно. Смотри, сколько пыли. Проще простого — спрятал марки и забыл.
— Мне не до марок. Дезборо, чего ты ждешь?
— Сейчас, дорогая, сейчас.
Когда дверь за ним закрылась, леди Адела сказала отцу:
— Вот что, папа, езжай. Тогда ты сможешь угостить мистера Коббολда.
— Что!
— Угостить. В ресторане.
Граф закрыл на минутку глаза, словно погрузившись в молитву.
— Превосходная мысль, — одобрил он. — Я думаю, в «Ритце».
— Не угадал, — заметила Терри. — Он вечно торчит в «Баррибо».
— Значит, там, — согласился лорд Шортлендс.
— Можешь прихватить Терри. Младшая дочь часто заморгала.
— Ты слышал, Шорти?
— Вроде бы да.
— Ты не ошиблась, Адела?
— Прихорошись как следует.
— Чудеса! — воскликнула Терри и пошла прихорашиваться.
Граф был счастлив, но удивлен. Что бы это значило? Прижимистая дочь расщедрилась. Поневоле вспомнишь, что случилось со Скруджем рождественской ночью.[7]
— Как удачно! — продолжала оттаявшая леди. — Терри очень привлекательна, и они давно дружат. Она говорит, он ее спас. Интересно, от чего? Могла бы раньше сказать. Словом, если они оба будут здесь, в замке…
— Господи! — вскричал граф, немного шокированный. — Какие вы все, однако, свахи.
— Терри давно пора замуж. Она хоть немного уймется.
— Зачем?
— Что ты говоришь! После этого побега….
— Хорошо-хорошо. Лучше потолкуем о расходах. Как я его буду

кормить?

— Хватит с тебя двух фунтов.

Редко удается видеть, как графы не верят своим ушам. Леди Аделе посчастливилось. Глаза лорда Шортлендса чуть не вывалились из орбит.

— Два фунта? — переспросил он — Господи Боже! А коктейль? А сигары? А ликеры, вина…

— Напиваться незачем. Вино тебе бросается в голову.

— Мне? Ну, знаешь ли! Хорошо, предположим, — а *ему?* Ты хочешь, чтобы он считал нас скупыми? Не понимаю! — Он снова задрожал от жалости к себе. — Гонишь меня в Лондон, отрываешь от дел ради какого-то юнца, чей отец — редкий зануда, и даешь истинные гроши.

— Ну, ладно-ладно.

— Значит, приносят нам кофе, а я и говорю: «Нет, мой друг, ликеры нам не по карману. Сосите зубочистку». Я сгорю от стыда.

— Ладно, бери пять фунтов.

— А не десять?

— Нет. Пять.

— Ну, что ж… Приносят нам бутылку, а я и скажи: «Пейте помедленнее, Кобболд, больше не дадут». Может, отвалишь семь фунтов десять шиллингов? Для ровного счета, а? Нет-нет, я просто спросил, — добавил граф, обращаясь к захлопнувшейся двери.

Какое-то время он смотрел на ров, правда — помягче. В сущности, думал он, и на этом спасибо. Валтасарова пира[8] не закатишь, а все-таки — кое-что. Многие графы при виде пяти фунтов верещали бы от радости. Но если бы какой-нибудь ангел принес еще пятерку, можно было бы лучше выразить себя.

Дверь отворилась так тихо, что лорд заметил зятя, когда тот подошел к нему вплотную. Дезборо напоминал нервного члена банды, впервые посетившего собрание.

— Ш-ш-ш! — прошептал он, оглядываясь. Дверь была закрыта надежно. Однако он продолжал хриплым шепотом заговорщика:

— Две сотни я вам дать не могу, но…

Что-то с хрустом скользнуло в руку графа. Удивленно встряхнувшись, он увидел, что зять пятится к выходу, умоляюще глядя сквозь пенсне, и без труда опознал семейный лозунг: «Ни слова Аделе!»

Благодетель ушел, Терри вернулась и отдала должное рассказу о манне небесной.

— Десять фунтов, ты подумай! Пришел и дал десять фунтов! Герой, ничего не скажешь. Люди получали орден за такие подвиги. Значит, всего

у меня пятнадцать, не считая двух фунтов с лишним.

— Вот это — день рождения!

— То ли еще будет! Закачу такой пир, что его воспоют в песнях и сагах.

— Очень рада за Стэнвуда.

— А? — граф фыркнул. — Какой Стэнвуд? Для нас с тобой, душенька. При чем тут Стэнвуд? Его отец подбивает дружков будить меня чуть не ночью. «С днем рожде-е-енья», видите ли!

Тем временем леди Адела вызвала звонком дворецкого.

— Спинк, — сказала она, когда он вальяжно вошел в гостиную.

— Да, миледи?

— К нам приезжает мистер Кобболд. Приготовьте голубую комнату.

— Приготовлю, миледи, — холодный взор смягчился. — Разрешите спросить, это не мистер Эллери Кобболд из Америки?

— Его сын. Вы их знаете?

— Проживая в Штатах, миледи, я у них служил.

— И видели мистера Стэнвуда?

— Конечно, миледи. Очень приятный джентльмен. Леди Адела обрадовалась. Приглашая этого гостя, она полагала, что он ест ветчину с ножа, и свидетельство надежных людей ее утешило.

Глава V

Мы рады сообщить, что турецкая баня принесла немалую пользу, окупив свою цену. Стэнвуда мяли, томили, выпаривали, его терли и скребли, его окатывали ледяной водой, чтобы выпустить в мир крепким и свежим, как огурчик. В начале второго он почти вбежал в отель и выбрал меньший из двух баров, не потому, что больший был хуже (это не так), а потому, что именно в меньшем он назначил встречу с Майком.

Тот еще не пришел. Кроме ангела за стойкой, в баре находился только коренастый человек лет пятидесяти, похожий на дворецкого. Опытным взором Стэнвуд определил, что он пьет особый коктейль, изготовляемый упомянутым ангелом, которого звали Алоизий Сент-Ксавьер Макгаффи. Если опытный взор не ошибся, что бывало, симпатичный посетитель пил не первый бокал.

Взор был прав. Завтрак из завтраков, истинный пир, достойный песен, требует подготовки. С той минуты, как леди Адела взмахнула волшебной палочкой, отец ее думал о том, как он все устроит. Прибыв в Лондон, он

сразу выделил Терри три фунта на новую шляпу, договорившись, что она придет к половине второго в вестибюль отеля. Потом он заглянул в клуб, где выпил шампанского и виски с содовой, приуготовляя себя к напитку Алоизия Макгаффи.

Стэнвуд сел к соседнему столику, заказал упомянутый напиток, и в баре воцарилось молчание. Иногда граф поглядывал на Стэнвуда, иногда Стэнвуд на графа. Ни один из них не говорил даже о погоде, которая была прекрасна, но оба ощущали тяготение друг к другу.

Быть может, людей объединяет аура или эманация, сообщающая им, что их поймут. Во всяком случае, граф при взгляде на Стэнвуда чувствовал, что с этим гиппопотамом хорошо бы подружиться. Когда же смотрел Стэнвуд, он думал примерно так: «Да, он похож на дворецкого, спущенного с поводка, но что-то подсказывает мне, что мы — родственные души».

Однако оба они молчали, пока первая оса в Лондоне не нарушила мирную картину. Так и хочется назвать ее Осой Судьбы, иначе зачем влетела она в бар знаменитого отеля? Даже для сельской местности двенадцатое мая — слишком ранняя дата, осиный сезон начинается к июлю, и почему эта проникла в каменно-стальные джунгли, неподвластно разуму.

Как бы то ни было, она проникла и кружила над графом, немало его беспокоя. Потом она перелетела на широкую спину Стэнвуда, а услужливый граф прихлопнул ее одним ударом, словно шекспировский герой.

Если пьешь коктейль, такой удар небезопасен. Стэнвуд посинел, а обретя дыхание, резонно вскричал: «Ну, что это!»

Граф поспешил объясниться.

— Оса, — сказал он.

— Оса?

— Оса.

Граф указал на останки и прибавил для верности:

— Оса.

Стэнвуд на нее посмотрел и убедился в добрых намерениях незнакомца.

— Оса, — сказал он.

— Оса, — согласился лорд. — Села к вам на спину. Я ее прихлопнул.

— Спасибо большое!

— Не за что.

— Ну что вы! Тут нужна смелость.

— Скорее, присутствие духа. Заказать вам коктейль?

— А может, вам?

— Нет-нет, вам.

— Что ж, согласен, — уступил Стэнвуд. — А следующий — я вам.

Лед был сломан. Не только любовь, но и коктейль объединяет сердца, располагая к доверию. Все больше приближаясь духом к услужливому незнакомцу, Стэнвуд хотел поделиться с ним своими бедами.

Собственно говоря, делиться можно с Макгаффи, который для того и поставлен, но тогда надо встать, дойти до стойки, поставить ноги на планку, податься вперед и тронуть ангела за плечо. Проще излить душу симпатичному соседу.

Тем самым он приступил к делу и поведал о своей любви к Эйлин Стокер, о противодействии отца, о приезде все той же Эйлин, о своих надеждах, наконец — об их крахе, связанном с телеграммой, приказывающей покинуть Лондон и ехать в какой-то мерзкий замок.

Граф слушал его с вниманием человека, приступившего к трапезе, вставляя временами «Да?» или удивленное: «Ну, знаете!» При слове «замок» лицо его помрачнело. Молодой человек нравился ему все больше. Легко ли глядеть, как тот движется к пропасти?

— Держитесь подальше от замков, чтоб им пусто было! — посоветовал он.

— Я не могу.

— Замки… — горько произнес лорд Шортлендс. — Я бы вам о них порассказал! К примеру, там есть рвы.

— Да, но…

— Мерзкие, вонючие рвы. Воняют со Средних веков. Поверьте мне, мой мальчик, держитесь подальше от замков.

Стэнвуд подумывал о том, не стоило ли, в старом добром духе, излить свою душу ангелу. Собеседник, при явном сочувствии, был вроде бы туповат.

— Как вы не понимаете? Я должен туда поехать.

— Почему?

— Отец велит.

Лорд Шортлендс это учел. До сих пор данный аспект проблемы не был ему ясен. Он поразмыслил и вскоре сказал:

— Дайте ему в глаз.

— Я не могу. Он в Америке.

— Ваш отец?

— Да.

— Я бы вам кое-что рассказал и об отцах в Америке. Сегодня утром, когда часы над конюшней пробили семь…

— Если я не послушаюсь, он не будет давать мне денег. Ну, вот в Писании, — Стэнвуд поискал пример и вспомнил замечание Ворра, — один субъект говорит «Иди», и кто-то там идет…

Теперь лорд Шортлендс понял положение дел.

— А, ясно! — сказал он. — Отец вас содержит.

— Вот именно.

— Как меня моя дочь Адела. Неприятно зависеть от людей.

— Это уж точно.

— Особенно от женщин. Скажу вам по секрету, Адела меня притесняет. Никому бы не сказал, но у вас приятное лицо. Да, так вот, притесняет. Обычно подкаблучниками называют мужей, а я — подкаблучник-отец. Из-за нее я и живу в замке.

— У вас есть замок?

— Еще бы! Из самых мерзких. Она заставляет меня там жить. Я — птичка в клетке.

— А я — последняя собака. Нет, вы подумайте, уехать из Лондона, когда я прилип к Эйлин, как пластырь! Положеньице, а?

Добрый лорд согласился с тем, что положение нового друга чрезвычайно прискорбно.

— Хотя, — прибавил он, — мне еще хуже. Я — жаба под колесом.

— Вы говорили — птичка.

— И птичка, и жаба.

— Вам надо ехать в замок?

— Я там живу. Вы что, не поняли?

— Да, неприятно…

— Как вы сказали, «это уж точно». Но не в том моя главная беда.

— А в чем?

Лорд Шортлендс немного поколебался. До сей поры британская сдержанность побеждала пинту шампанского, двойное виски и три бокала особого напитка, но сейчас она сдалась. Не устояв в духовной борьбе, сдался и он.

— Понимаете, у нас есть кухарка.

— Ах, кухарка, как мне жарко!

— Простите?

— Вспомнил песенку.

— А… Так вот, у нас есть кухарка.

— Еще одна?

— Нет, все та же. И я… э… мэ-э… хочу на ней жениться.

— Это хорошо.

— Вы так считаете?

— Конечно.

— Очень рад, мой мальчик, очень рад. Ваше мнение чрезвычайно важно. Значит, жениться на ней?

— На кухарке из замка?

— Да.

— Конечно.

— Но тут есть трудность. Мой дворецкий тоже ищет ее руки.

— Дворецкий?

— Да. Сложная проблема. Стэнвуд задумался.

— Оба вы жениться на ней не можете.

Лорда пленила такая ясность мысли. Молод, а мудр!

— Вот именно. Что вы мне посоветуете?

— Проще всего выгнать дворецкого.

— Я не могу. *«Мой»* я сказал, не подумав. Платит ему моя дочь, Адела. Слуги — в ее ведении, и она не уступит.

— Смотрите-ка, как я с Огастесом! Ну, тогда надо его затмить.

— А как? Он исключительно хорош. Вы бы видели его. У него один недостаток, играет на скачках.

— Он часом не знает, кто победит в пятницу?

— Вряд ли. Он вечно проигрывает. На это я и надеюсь. Элис не нравится, что он зря тратит деньги.

— Элис?

— Ну, кухарке.

— На которой вы хотите жениться?

— Той самой. Ей нужен надежный муж. На ее взгляд, я надежен.

— Да?

— Я это знаю из верных источников.

— Что ж, дело в шляпе. Главное — не сдавайтесь. По-моему, вы перетянете.

— Правда, мой мальчик? Вы меня утешили. Однако есть еще одно препятствие. Она требует, чтоб ее жених, кто бы он ни был, купил кабачок за двести фунтов.

— Значит, нужны деньги?

— Вот именно. Как всегда. Я живу давно, пятьдесят два года, и все больше в этом убеждаюсь. Да, пятьдесят два, сегодня мой день рождения.

Стэнвуд откинул голову и запел густым басом:

Пятьдеся-ат два,
Пятьдеся-ат два,
А седа ли го-ло-ва
В пятьдеся-ат два?
Я уже не молодой,
Но здоровый и живой,
И доволен я собой
В пятьдеся-ат два.

Он остановился и сжал руками виски. Именно о таких промахах говорили ему друзья. Ну что это, петь всякую чушь, да еще откинув голову!

— Простите, ради Бога, — сказал он, вставая. — Пойду, умоюсь холодной водой. Вы никогда не ощущали, что вам ввинчивают в череп раскаленные болты?

— Бывало, — с тоской отвечал лорд, — давно, в молодости. Вот помнится…

— Конечно, лучше приложить лед, — сказал Стэнвуд, — но глупо заказывать ведро льда и совать в него голову. Может, и вода ничего.

Он удалился, а лорд Шортлендс погрузился в думы, приоткрыв рот.

Думал он о том, как развлекается миссис Пентер в этом Уолэм Грин. Думал и о Терри, надеясь, что она купит хорошую шляпу. Думал о здешнем напитке, не заказать ли еще, но решил, что не стоит. И тут мысли его перенеслись к таким предметам, что он мгновенно протрезвел, словно все эти часы пил молочное пиво.

Мудро ли, спросил он себя, разумно ли доверять тайну своей любви этому милому юноше? А вдруг через него что-то дойдет до Аделы?

Разум, однако, его успокоил. Они с милым юношей — как корабли в ночи. Встретились, побеседовали, и больше никогда не увидятся. При чем тут Адела? Словом, беспокоиться не о чем.

Успокоенный и приободренный, но нуждающийся в подкреплении, он стал искать взглядом Алоизия Макгаффи и увидел, что на него глядят очень красивые близнецы, слившиеся по рассмотрении в одного человека, незаметно присевшего к соседнему столику. Как ни странно, человек этот (заметим, в сером костюме) поднялся, подошел к нему и сказал:

— Здравствуйте.

Глава VI

Лорд Шортлендс помигал, а потом осторожно ответил:

— Здравствуйте.

Шестнадцать лет назад у него занял пять фунтов вот такой незнакомец в баре. Фунты не вернулись; и сейчас, имея при себе двенадцать купюр, лорд подумал: «Осторожно, Клод Персиваль Джон Деламер».

— Я не ошибся? — продолжал незнакомец. — Вы лорд Шортлендс?

Решив, что это признать можно, боязливый пэр ответил: «Да», а молодой человек сообщил, что он так и знал, поскольку пятый граф почти не изменился, даже помолодел.

Придерживая карман, лорд Шортлендс ощутил, что незнакомец ему нравится.

— Вы меня не помните, — говорил тот. — Это естественно, мы давно не виделись. Ваш сын Тони как-то пригласил меня на каникулы. Моя фамилия Кардинел.

— Кардинел?

— Да. Сегодня утром я упомянул это по телефону, но вы меня не узнали. Хорошо встретиться снова. Как Тони?

— Ничего, в порядке. Он в Кении, разводит кофе. — Тут одурманенный напитком мозг откликнулся на призыв: — Кардинел? Это же вы влюблены в Терри!

Молодой человек кивнул.

— Да, это самое главное, — признал он. — Прямо к сути. Не сегодня-завтра я стану президентом США, но в истории хотел бы остаться как тот, кто влюблен в Терри. Приятно, я думаю, иметь такую дочь.

— О, да!

— Веселит сердце?

— Еще как!

— Удивляюсь, что вы не поете от счастья. Я очень обрадовался, когда вы сказали, что она причесывается все так же. Нельзя менять совершенство. Хотя никакие прически не уменьшат ее очарования. Первый раз я увидел ее с косичками, и что же? Сама красота.

— Да, у Терри хорошие волосы.

— Я бы сказал, великолепные. А глаза! Как они вам? Лорд Шортлендс полагал, что они недурны. Молодой человек нахмурился.

— Недурны? Говоря о Терри, надо тщательно взвешивать слова. У нее небесные глаза. Таких больше нет. А как насчет носа? Если помните, он чуть-чуть вздернут.

— Э… — проговорил граф, благоразумно избегая определений.

Молодой человек, этот придирчивый критик, стал зажигать сигарету.

Граф смотрел на него серьезно и вдумчиво. Он понимал, почему Терри одобряет его внешность. Красив, ничего не скажешь; что там, ослепителен. Сидел он вполоборота, и справедливый пэр видел, как четок его профиль. Да, красота — это красота.

Майк Кардинел зажег сигарету и снова заговорил.

— Да, кто-кто, а *она* прекрасна. Вы не представляете, как я ее люблю. Она вернулась в мою жизнь — наяву, не в мечтаниях — совершенно случайно. Представьте себе, именно тогда я думал не о ней, а о котлетах, брюссельской капусте и картошке-фри. Искал вот тут место и увидел, что мой приятель сидит с какой-то девушкой. Подошел к ним…

— Да, она говорила

— Она говорила обо мне? Это хорошо. Кстати, вы позволите за ней ухаживать?

— Вы и так ухаживаете.

— Без разрешения. И без успеха. Почему «без успеха»? Потому что без разрешения.

— Повторите, если не трудно, — взмолился растерянный граф.

— Я хочу сказать, что неправильно подошел к делу. Мне нужна поддержка. Если бы вы были за меня, все пошло бы лучше. Знаете, отцовское влияние… Вставите словечко, напомните вовремя, а главное — пригласите меня в замок. Там, в поэтической обстановке…

— Нет, не приглашу. Это не в моем ведении.

— Что вы говорите! Ребенок, и тот мог бы…

— А я не могу. Адела не позволит.

— Вот как? Прискорбно, прискорбно. Я не знаком с леди Аделой.

— Разве ее не было, когда вы гостили у Тони?

— Не было.

— Везет же людям! — вздохнул лорд Шортлендс. Майк строго на него взглянул.

— А как насчет Стэнвуда? — спросил он.

— Что-что?

— Вы говорите, что не можете никого пригласить. Однако я звонил Стэнвуду, и его слуга сказал мне, что вы послали ему телеграмму с приглашением.

— Не я, Адела. Что ему нужно, кстати? Болван какой-то.

— Ну уж нет.

— Тогда отец болван.

— Не знаю, не видел. Вам Стэнвуд понравится, он всем нравится. Я лично люблю его как брата. Да, вернемся ко мне. Я в замке был, ничего

плохого не сделал, так что ваша старшая дочь может смело меня пригласить.

— О, нет! Она приглашает только тех, кто что-нибудь пишет — романы, картины, музыку. Так сказать, служителей искусства.

— Стэнвуд ничего не пишет.

— Значит, он исключение.

— Словом, меня она не пригласит?

— Ни за что на свете.

— Прискорбно, прискорбно. У меня связаны руки. Нельзя ухаживать, если ты в Лондоне, а *она* — в Кенте, да еще не подходит к телефону. Вам дворецкий не нужен?

Лорд Шортлендс печально вздохнул.

— К сожалению, нет. А зачем все это? Терри за вас не выйдет.

— Да, ей так кажется. Но только пустите меня в замок…

— У нее есть какая-то причина. Майк нахмурился.

— Причина! Она сама не знает, что ей нужно. Упряма, как не знаю кто. Вот эту черту я бы подправил. Стоит ли быть похожей на ангела, спросил бы я, если не можешь опознать верное сердце? На ангела она похожа, тут спору нет. Последние годы я жил в Голливуде, на мне буквально висли красотки, но перед Терри они — тьфу! Она неповторима.

— Терри говорила, что вы там работали. Контракты с актерами, да?

— Да.

— Выгодное дельце?

— Ничего, не жалуюсь. Прокормлю вашу дочь, если что. Но в замок мне приехать надо, почта и телефон не помогают. Подумайте как следует.

Лорд Шортлендс стал думать. Приятный, обеспеченный зять со связями в Голливуде ему не помешал бы. Думы эти прервал Стэнвуд, заметно посвежевший. Холодная вода помогла.

— Привет, Майк, — бодро возгласил он.

— Привет, — отвечал Кардинел. — А ты — совсем ничего. Я к тебе заходил, и твой Огастес сказал, что ты практически скончался.

— Понимаешь, я был в турецкой бане, а сейчас поливал голову холодной водой.

— А, вон что! Ты знаком с лордом Шортлендсом?

— В жизни о нем не слышал.

— Вот он, прошу.

— Ах, да, знаком! Мы тут поболтали. Он много рассказывал про кухарку.

— Это ваш гость, — сообщил Кардинел графу. — Тот самый Стэнвуд

Кобболд. Что с вами?

Пятый граф оцепенел от ужаса.

— С-с-стэнвуд К-к-коб-б-б-олд? — выговорил он. — Это вы?

— Конечно. А что такого? Что с нашим лордом, Майк? Кардинел сам удивлялся, но предложил гипотезу:

— Наверное, это от радости. Огастес говорил, что сегодня ты едешь в Кент. Значит, лорд Шортлендс — твой хозяин. Соответственно, он радуется.

Пятый граф с трудом проговорил:

— К-к-какой ужас!

— Ну, что вы! Стэнвуд — прекрасный человек.

— Понимаете, я хочу жениться на кухарке…

— Одобряю. А ты как, Стэнвуд?

— …и ему об этом сказал. То есть Кобболду. А он, то есть Кобболд, может сказать Аделе.

— Она огорчится?

— Она меня загрызет. Как по-вашему, Кобболд любит поболтать?

— Боюсь, что любит.

— О, Господи!

— Видите ли, Кобболд чист, как дитя. А дети болтают беспрерывно. Если есть, что выдать, он выдаст. Когда мать его ждала, ее напугал диктор Би-Би-Си.

— Ой, Боже мой!

— Если им с леди Аделой не хватит тем для разговора, он, то есть Кобболд, займется вами и кухаркой. Заметьте, не ведая зла. Так, ради беседы.

— Господи Милостивый!

— Скорее всего, беда нагрянет сегодня же, за ужином. Представьте эту сцену. Рыба подана, Стэнфорд ее ест. «Да, леди Адела, — говорит он с набитым ртом, — кухарка у вас превосходная». — «Спасибо, мистер Кобболд. Возьмите еще». — «А это на ней хочет жениться лорд Шортлендс? Я его понимаю».

— Ужасно, ужасно!

— Да, вы смутитесь. Вам придется нелегко. Но, к счастью, могу предложить недурной выход. Что, если задержаться в Лондоне? Тебе, мой друг, тебе.

Стэнвуд помрачнел. Вроде бы ему стало лучше, а тут эти разговоры.

— Ты пойми, отец велел! Не обрадовался и граф.

— Мой дорогой, что вы говорите! Адела послала меня за *Кобболдом.*

Что она скажет, если я вернусь один?

— Вы вернетесь со мной.

— С вами?!

— Подумайте как следует. Я хочу поехать в замок, Стэнвуд хочет остаться в Лондоне, вы хотите привезти гостя, который вас не выдаст. Мой простой проект отвечает всем желаниям.

Лорд Шортлендс думал медленно.

— Адела ждет не вас, а Кобболда.

— Вот я и приеду под псевдонимом.

Стэнвуд взвизгнул от радости. Голову снова пронзила боль, но есть вещи поважнее.

— Майк, ты гений!

— Не без того.

— А я полчаса назад звонил Эйлин, прощался! Побегу скорее к ней.

— Ты еще не поел.

— Ну и Бог с ним!

— А как же Огастес?

— Ну его к черту!

— Он очень хочет поехать.

— Пикнет, дам в глаз, — сообщил Стэнвуд и улетел, как фея. Лорд Шортлендс, способный во всем разобраться, если дашь ему время, спросил на всякий случай:

— То есть вы поедете в замок вместо Кобболда?

— Вот именно.

— Как будто вы — это он?

— Да.

— Но, Господи…

— Что такое?

— Терри же вас знает. Что там, она и его знает! Они ходили в кафе.

— Я это учел. Положимся на ее любовь к вам.

— Ой, верно! Она ничего не скажет.

— Но все же лучше ее предупредить. Позвоните ей.

— Она здесь. Сколько сейчас, полвторого?

— Минута в минуту.

— Тогда она в вестибюле. Мы так договорились.

— Прекрасно. Мне как раз надо бы с ней потолковать. «Нет», видите ли! Эй, что там?

В бар вошел мальчик, обладавший, как все служители отеля, нежным и сладким голосом. Голос этот выпевал:

— Лорд Шо-орт-лендс! Лорд Шо-орт-лендс! Пятый граф посмотрел на Майка.

— Это он меня?

— Естественно.

— Эй, мальчик!

— Лорд Шортлендс, милорд? Вас к телефону.

— Кто бы это мог быть? — пробормотал граф.

— Пойдите и узнайте, — посоветовал Майк, — а я пока что потолкую с Терри. Вы не возражаете, если я намылю ей голову?

— А? Что?

— «Нет», видите ли! — сурово сказал красавец.

Глава VII

Поскольку отель «Баррибо» — пристанище богатых, а богатые почти всегда противны, вестибюль в 13.30 являл собой неприятное зрелище. Глаз отдыхал только на Терри в новой шляпе. Сидела она (Терри, не шляпа) между двумя финансистами с четырьмя подбородками на каждого, и Майк возвестил о себе, громко крикнув: «Эхей!» Подскочив на полфута, она недоверчиво воззрилась на него.

— Это вы?

— Нет, не так, — сказал он. — Надо закатить глаза и схватиться за сердце. «Это *вы!?*» Но я вас понял. Опять я тут как тут, да? Можно себе представить, что чувствовала Мэри.[9]

— Да, в вас есть что-то овечье. Конечно, я рада вас видеть.

— Еще бы!

— Как вы узнали, что я здесь?

— Ваш отец сказал.

— Вы с ним встретились?

— Да, недавно.

— Поистине тесен мир.

— Чему вы удивляетесь? Я вошел в бар, он там сидел, как же мы могли не встретиться?

— Он был в хорошем настроении? Я имею в виду, до вашей встречи.

— Вполне.

— Не слишком разрезвился?

— Нет.

— Понимаете, сегодня у него праздник. Я не совсем спокойна, когда

он сидит в баре.

— Сидел он не так уж долго. Его позвали к телефону.

— К телефону?

— Да. А что?

— Кто ему может звонить?

— Не спрашивайте, мы с ним едва знакомы.

— Я хочу сказать, никто не знает, что он здесь. Кроме нас, конечно.

— Значит, звонили из дома. Вот что, переменим тему. Поговорим о моем письме. Хорошо написано, а? Мысли, стиль…

— Да, неплохо.

— Мой друг Огастес тоже так думает. Захожу, а он его читает. «Здорово! — сказал он, хотя вообще-то суров. — Мне больше всего нравится композиция. А слог! Камень растопит». «Ну, это ее проймет», — думал я, когда лизал марку, но, видимо, ошибся. Или ваш отец неточно передал ваши слова. Вернее, одно слово: «Нет».

— Точно. Именно это я и просила сказать вам.

— Со всей возможной деликатностью?

— Не с грубостью же!

— Естественно. Значит, вы за меня не выйдете?

— Да, не выйду.

— Это *вы* так говорите, но я не отчаиваюсь.

— Не отчаиваетесь?

— Ни капельки. Терпение и труд, знаете ли. Буду ходить за вами, смотреть, и однажды мой пристальный взгляд сделает свое дело. Представьте себе собаку. Она клянчит еду. Вы думаете: «Ничего не дам, ей же вредно». Но она смотрит, смотрит — и вы сдаетесь. Кстати, о браках. Ваш отец сказал, что он хочет жениться на кухарке. Я не возражаю.

— Ох, Шорти, Шорти! Так я и знала, нельзя его пускать в Лондон с кучей денег. Душу выложил, да? Вы уж его не выдавайте.

— Что вы, как можно!

— Если Адела услышит, она его заест.

— От меня — не услышит. Я скрытен, как шпион.

— Это хорошо. А теперь откройте мне, почему вы здесь. Свидание с девицей?

— О, нет. Со Стэнвудом Кобдоддом.

— Правда? Добрый старый Стэнвуд!

— Золотые слова. Он ведь нас свел. Помните? Вы сидели в малом зале, он вам рассказывал про Стокершу, и тут появился я. «Господи, — сказал я себе, — да это же Терри!»

— И угадали?
— Да.
— Что же тут такого?
— А что вам еще нужно? Блистательный сюжет.
— Стэнвуд вам сказал, что он к нам едет?
— Он не едет.
— Едет, не сомневайтесь. Мы везем его с собой. Его отец прислал Шорти телеграмму…
— Это я все знаю. Хочет оторвать его от Стокерши. А вы знаете не все. Сейчас я дополню сценарий. Для этого мы вернемся к началу. Я пришел сюда, чтобы повидаться со Стэнвудом, и встретил вашего папашу. Усвоили?
— Да.
— Прекрасно. Папаша, как я говорил, был достаточно весел. Я представился, мы поболтали — о вашей прическе, о красоте ваших волос, о форме вашего носа и, наконец, о том, что я бы хотел на вас жениться. Словом, болтали мы тихо-мирно, и тут ворвался Стэнвуд. На этом папашино веселье кончилось.
— Ему не понравился Стэнвуд?
— Скорее, слишком понравился. Я бы сказал, горячая, но глупая любовь. Насколько я понял, они познакомились до моего прихода и сразу подружились. Знаете такие дружбы — А ничего не может скрыть от Б, и наоборот.
— Неужели он?..
— Вот именно.
— Ох, Шорти, Шорти, Шорти!
— Несомненно, Стэнвуд рассказал вашему отцу о своей любви, а ваш отец, чтобы не отстать, рассказал о своей. Заметьте, они друг другу не представились. Так обычно и бывает, когда знакомятся в баре. Пока я не назвал Стэнвуда, он был для лорда Ш. приятным незнакомцем, похожим на гиппопотама.
— А ведь похож!
— Больше, чем некоторые гиппопотамы.
— Но не в том дело.
— Не в том.
— Главное, может ли он хранить тайну. Если он приедет к нам…
— …он встретит вашу Аделу. А если он проговорится, мы все пойдем прахом. Да, эта самая мысль терзала нашего лорда. Он ждал утешения, но не дождался. Мне пришлось открыть ему, что Стэнвуд — сплетник самого

высокого ранга. Мы в Америке не даем рекламы в газетах, просто сообщаем что-нибудь Стэнвуду. Оно и дешевле.

— Какой ужас!

— Так сказал и граф.

— О, Господи!

— И это он, кажется, говорил. Какая драма, а? Но не пугайтесь, я все уладил.

— Уладили?

— Естественно. Где я, там счастливая развязка.

— Для вас пределов нет?

— Пока их не обнаружили. Так вот, я предложил, чтобы Стэнвуд остался здесь, а я поехал в замок.

— Выдавая себя за него?

— Вот именно.

Майк улыбнулся, ожидая похвал, но Терри задумалась.

— Понятно…

— Какой ум, а?

— Могучий.

— Другого выхода нет. Конечно, я принимаю как данность, что вы меня не подведете.

— Ну, что вы! Зачем мне губить Шорти?

— То-то и оно. В общем, такой вот план, по-моему — идеальный. Вашей сестре нужен Стэнвуд, и она получит его в улучшенном издании. Ваш отец хочет, чтобы Стэнвуда не было, и его не будет. Я хочу попасть в замок, чтобы обхаживать вас, и я туда попаду. Живя в этом мире, пытаешься хоть как-то распространять сладость и свет — и что же, просим! Все счастливы.

— Кроме меня.

— Ну-ну, что за тон?

— Повторяю, кроме меня.

— Вы не хотите, чтобы я поехал в замок?

— Да, не хочу.

— Ничего, погодите, пока я разверну лепестки. Или, если угодно, открою свои глубины.

— У вас их нет.

— Что вы, есть.

— А я все равно не хочу, чтобы вы ехали в замок.

— Да это же истинная благодать! Как хорошо я помню старый Бивор, рай для влюбленных! Гуляя в рощах, сидя на скамейках, топча зеленые

газоны, ловя угрей во рву, мы быстро преодолеем ваши предрассудки. «Ах ты, Господи! — подумаете вы. — Как же я не углядела, что именно он сужден мне судьбой?» Может быть, уроните слезинку — как-никак, мы давно могли пребывать в счастливом браке.

— А вы не задерживаете Стэнвуда?

— Он ушел. Видимо, есть не хочет. А я, так и быть, перекушу с вами и вашим отцом.

— Вас никто не приглашал.

— Мне приглашения не нужны, я из Голливуда. А вот и граф!

Действительно, лорд Шортлендс шел к ним. Вид у него был такой, что Терри вскрикнула. Больше всего он был похож на Стэнвуда в те минуты, когда тот выпил целебное снадобье. Глаза у него тоже вращались в орбитах, и он напоминал человека, сраженного молнией.

— Терри! — крикнул он. — Ты помнишь этот альбом? Он проглотил что-то раза два и продолжал:

— Сейчас я говорил с Дезборо. Он нашел там марку, которая стоит больше тысячи фунтов.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава VIII

Когда бой Биг-Бена плыл от Вестминстера над Лондоном, возвещая половину третьего, Огастес Ворр неслышно вошел в гостиную квартиры № 7 в Блоксем-хаусе, на Парк-лейн. Он только что окончил второй завтрак, заметим — несколько поздний, и намеревался увенчать его хорошей сигарой. Как ни прискорбно, подойдя к коробке, он заметил, что на тахте лежит хозяин.

— А, вы тут, дорогуша, — сказал он, поспешно пряча добычу в недра своих одежд. — Не заметил, как вы пришли.

Стэнвуд не отвечал. Он отвернулся к стене, и верный слуга сделал из этого выводы.

— Ну и ну! — воскликнул он. — *Опять!* Однако вы даете. Суток не прошло, как я вас откачал, еле справился. И что же? Надрались, как зюзя. Скажите спасибо, что вы не… э-э… грабитель, им пить никак нельзя. Помню, был такой Гарри Коркер, мы его звали Насос. Зашел он в один дом, занялся сейфом, нашел со второго раза какие-то кнопочки и глянь — музыка играет, для танцев, из приемника. Если бы он не догадался прыгнуть прямо в окно, была бы ему крышка. После этого случая он немного одумался. Что ж, пойду за другой бутылкой этого зелья. Попрошу молодого человека, чтобы покрепче сделали.

Стэнвуд присел на тахте. Лицо его было мрачно, голос — ясен.

— Я не пьян.

— Вон как? — удивился Огастес. — А с виду — хуже некуда. На воздух вам надо, дорогуша. Я уже вещи сложил.

— А теперь разложите.

— То есть как это? Мы же едем в замок.

— Нет, — ответил Стэнвуд и объяснил, в чем дело.

Мы гордимся Огастесом Ворром. От лысеющей головы до массивных стоп он был снобом и мечтал о том, как будет писать письма на бумаге с короной, а позже между делом упоминать о всяких там графах. Сейчас он чувствовал себя как пери, изгнанная из рая.

Однако его золотое сердце вынесло удар. Пробормотав: «Ну и ну..» — он взял себя в руки. Никакое занятие не укрепляет дух так, как кража со взломом. Посудите сами, трудишься полночи над сейфом, чтобы

обнаружить только затхлый запах да дохлого паука, — и принимаешь это, зная, что земная жизнь полна разочарований.

Но при всей своей мудрости Огастес проекта не одобрил.

— Помяните мое слово, — сказал он, — толку не будет.

— Почему?

— А потому, дорогуша, что вранье к добру не приведет. Запутаетесь, как миленькие. Помню я такой стишок: «Ты попадешь в густой туман, когда решишься на обман».[10] На память читал, дядя Фред даже давал мне леденцов, чтобы я, это, остановился. Ему, понимаете, мешало обед переваривать. Сядет к столу, а кулечек наготове. Ладно, если вы не надрались, что ж у вас вид, простите, поганый?

— Какой-какой?

— Ну, эдакий. Наподобие тухлой рыбы, — отвечал честный слуга.

При обычных обстоятельствах Стэнвуд остерегся бы доверять заветнейшие тайны тому, кого считал несколько фамильярным. «Ему только дай палец, — подумал бы он, — совсем распустится». Но глубокая скорбь настигла его, морозы и смерчи крушили сад его мечтаний, а в такие минуты изольешь душу любому.

— Если хотите знать, — сказал он, — у меня разбито сердце.

Огастес удивился и выказал интерес.

— Вон как! — заметил он. — А я-то думал, когда ваша девица приехала, вы будете петь, будто птичка. Что, отставку дала? Они всегда так, эти, прямо скажу, любимицы публики. Избаловали, одно слово. Им бы заехать в глаз, сразу бы стали как шелковые. Другого нашла, что ли? Так я и знал.

Стэнвуд тихо взвыл. Тон, да и смысл этой речи ему не нравился, но потребность в наперснике снова оказалась сильнее.

— Не в том дело, — сказал он. — Сейчас я у нее был…

— И зря, дорогуша, зря. Девицы всегда злятся с перепоя.

— Она не злилась.

— Вот она, корысть! Держитесь подальше, дорогуша.

— Какая корысть, чтоб вас черти драли!

— Однако, выраженьица…

— Она говорит, что брак не продержится, если жена богаче мужа.

Огастес присел на тахту, сдвинув ноги хозяина, и сложил кончики пальцев.

— Это верно, — согласился он. — Тут ничего не попишешь. Ну и ну, актерка-то — не дура. Последнее дело за всяким грошом идти к жене. Помню, мой дядя Реджинадд…

— К собачьей матери!

— Да, выраженьица… — обиженный Огастес встал. — Собирался про него рассказать, а теперь не буду. А девица — она права. Я думал, вы и сами знаете. Нехорошо от жены зависеть. Надо себя уважать.

— Уважать, трам-та-ра-рам!

— Выраженьица. Вы что, вечного огня не боитесь? Ну, ладно. Что делать-то будем?

— Не знаю.

— И я не знаю. Раз уж такое дело, я лично бы выпил. Пойду, намешаю бренди с содовой.

— Побольше бренди, если можно!

— Не беспокойтесь, дорогуша. Мне не жалко.

Огастес вернулся не сразу, его задержал звонок в передней. Когда же он пришел, он увидел, что хозяин сидит и курит.

— Я вот что сделаю, — сказал Стэнвуд, благодарно принимая бренди. — Поговорю с ней начистоту.

Огастес покачал головой.

— Нет, дорогуша, — сказал он, — ничего у вас не выйдет. Тут надо молить, просить, распинаться.

— А что? Я так и сделаю.

— Это навряд ли. Сами посудите, она — тут, а вы — в замке. Мистер Кардинел был в таком же, как говорится, положении, только его девица сидела в замке, а он — тут.

Несмотря на животворящий напиток, Стэнвуду не хотелось слушать всякую чушь. Преданный служитель явно рехнулся.

— Что вы порете? — спросил хозяин, сурово глядя на него. — Сказано вам, я не еду ни в какой замок.

— Едете, дорогуша, раз уж телеграмма пришла.

— Какая еще телеграмма? Огастес хлопнул себя по лбу.

— Ах ты, забыл сказать! Совсем голова дырявая. Да от родителя. Прочитал я ее в передней и на столик положил. Новые, как говорится, распоряжения.

— Ой, Господи! Что случилось?

— Да эти, как их, фотографии.

— Какие фотографии?

— Тихо, дорогуша, не сбивайте. Сейчас скажу. Она длинная, все не упомнишь, но самая суть — такая: родитель, значится, просит, чтобы вы послали ему побольше снимков. Тут — зала какая-нибудь, а тут — вы, собственной персоной.

— Что?

Огастес снисходительно улыбнулся.

— И то, смех один. Кому нужна, прошу прощения, такая физиономия? Я так понимаю, будет друзьям показывать. Усекли? Придет, это, в клуб или куда еще, а приятель и спросит: «Как там твой сынок? Я что-то я его не вижу». — «Хо! — говорит родитель. — Ты что, не слыхал? Он сейчас у английского графа». — «Ого! — говорит приятель. — Так-таки у графа?» — «У самого главного, в самом лучшем замке. Вот, взгляни-ка. Это у них янтарная зала, это — портретная галерея. Ничего местечко, а уж он там — как свой». Такие дела, дорогуша. Оно, конечно, грех, называется гордыня, но ничего не попишешь.

Стэнвуд стал мутно-зеленым.

— Тьфу ты!

— Вот уж не скажу, можно так выражаться или нет. Вроде бы — выраженьице, а кто его знает?

— Откуда я возьму фотографии?

— То-то и оно. Как говорится, бремя греха. Я так полагаю, надо изловить мистера Кардинела и поехать с ним. Сами посудите…

Стэнвуд, вероятно, посудил и через пять минут сидел в такси, направлявшемся к отелю. Выскочив, он схватил за локоть знакомого швейцара и проговорил, отдуваясь:

— Кардинела не видели?

— Как не видеть, сэр, — отвечал тот. — Только что ушел. Сел в машину с пожилым джентльменом и молодой дамой.

Оставалось одно — подбежать к бару и заказать Макгаффи здешний напиток. С бокалом в руке Стэнвуд глядел туманным взглядом в не менее туманное будущее, напоминая выброшенный морем мусор, на который презрительно косятся чайки.

Глава IX

Машина миновала ворота Биворского замка, переехала по мосту ров и остановилась у главного подъезда. Майк с чувством вздохнул.

— Переношусь в прошлое, — сказал он. — Здесь я вас впервые увидел.

— Здесь? — переспросила Терри. — Не помню.

— А я вот помню. Вы смотрели из того окна.

— Там классная комната.

— Это я понял, увидев, что вы перемазаны джемом. Пили чай между уроками?

— Ничего я не перемазывалась.

— Перемазывались. Малиновым джемом. Он был прекрасен. Подчеркивал, можно сказать, нежную белизну лица.

Лорд Шортлендс тем временем выходил из ступора, сменившего в конце пути неземную откровенность. Майк узнал буквально все о романе с кухаркой и о поверженном сопернике. Мог он и ответить на любой вопрос, связанный с маркой.

Судя по неоднократным рассказам, марка эта появилась в 1851 году и называлась «Испанская голубая неиспользованная dos reales[11]». Дезборо, чьи заслуги поистине несравненны, обнаружил ее, когда гонг звал к ланчу, и так вознесся духом, что, не убоявшись жены, пошел не к столу, но к телефону, чтобы сообщить тестю поразительную новость. По его словам, тысяча фунтов — далеко не предел. Точно такую же марку продали недавно за полторы.

— Насколько я понял, — объяснил лорд Шортлендс, вылезая из машины, — там что-то не то с цветом.

Собственно, он говорил это в ресторане раз шесть, не меньше, да и раза четыре — в начале пути, но решил, что этого мало.

— Неверная окраска, как он выразился. Не знаю, почему она так важна.

— Когда я собирал марки, — сказал Кардинел, — такая штука ценилась ого-го-го!

— Собирали марки? — спросила Терри.

— Да, в юные годы. Разве вы не помните…

— Что именно?

— Ах ты, забыл!

— Как жаль.

— Видимо, что-то несущественное.

— Я ловлю каждое ваше слово.

— Знаю. Но — забыл. Может, вспомню, тогда скажу. Есть чего ждать.

Лично он, вступил в беседу лорд Шортлендс, ждет встречи с этим гадом дворецким. По-видимому, слухи о нежданном богатстве уже проникли за зеленую штору, и пятый граф очень хотел бы посмотреть на былого соперника. Да, очень хотел бы, просто ждет, не дождется. При всей своей мягкости пэр гадов не жаловал.

Однако, к его разочарованию, двери открыла горничная.

— Что такое? — вскричал граф. — Где же дворецкий?

— Мистер Спинк уехал на мотоциклете, милорд.

— На мотоциклете? А зачем?

По-видимому, дворецкий был одним из молчаливых, сильных мужчин, столь популярных в наше время. Он не сообщил горничной, зачем куда-то едет.

— Вот как? — сказал граф. — Ну, что же. Подождем, подождем. Леди Адела в гостиной?

— Да, милорд.

— Тогда идемте, Кобболд. Я вас ей представлю. Горничная исчезла, а ее хозяин был очень доволен собой.

— Заметили, как я вас назвал?

— Очень кстати.

— Да уж, начинать — так начинать.

— Главное — начать верно.

— Только вы сами не ошибитесь.

— Ну, что вы! Никогда.

— И ты, Терри.

— Не беспокойся.

— Один ложный шаг, и нам конец.

— Да-да. А вот ты ни о чем не забыл?

— Что ты имеешь в виду?

— Аделин характер. Она может вцепиться в эту марку.

— Вцепиться? То есть забрать себе?

— Вот именно. Можно говорить прямо при нашем синтетическом Кобболде…

— Можно, — заверил Майк. — Люблю откровенность.

— Тем более, ты и так ему все поведал, хоть биографию пиши. Представь, что Адела потребует платы.

У графа отвисла челюсть.

— Ну, знаешь ли!..

— Знаю. Потребует. Мы с тобой и с Кларой должны Дезборо больше тысячи. Кто-кто, а она таких вещей не забывает.

— Что же нам делать?

— Меня послушаете? — осведомился Майк.

— У вас есть план?

— И какой!

— Он всегда так, — заметила Терри. — Его называют Мозговым Трестом.

— И не зря, — сказал Майк. — Вот вам план, пожалуйста. Меня

знакомят с леди Аделой. «Мистер Коббольд», — говорите вы.

— Точнее, «Разреши представить тебе мистера Коббольда».

— Да, так лучше. Что же за этим следует, спросите вы. Пока я пожимаю ей руку, лорд Шортлендс хватает альбом и где-нибудь прячет. Как говорится, работаем командой.

Глаза пятого графа наконец засияли. Майк явно получил один голос.

— Какой прекрасный план!

— Еще бы! Другой рукой можно ее удушить.

— Не стоит.

— Как вам угодно. А вот скажите, если я не вторгаюсь в потаенную сферу, леди Адела — железная женщина?

— Железнее некуда.

— Так я и думал. Но я смело предстану перед ней, хотя разоблачение грозит мне смертью. А, каково?

— Недурно.

— Должно быть, вы говорите про себя: «О, мой герой!»

— Говорю, как без этого.

— Опять угадал. Женщины любят отвагу. А там путь недолог: сперва — отвагу, потом — тебя. Скоро вы будете плакать горючими слезами, каясь в том, что мучили меня отказом. Даю вам самое большее неделю. Что это за дверь?

— В гостиную. Вижу, вы подзабыли географию замка.

— Меня в гостиную никто не пускал. Почему-то считалось, что мое место — сарайчик, где мы играли в карты с Тони и младшим лакеем. Что ж, лорд Шортлендс, ведите нас.

Когда Майк впервые увидел леди Аделу, даже его отвага заколебалась. Ему говорили, что хозяйка Биворского замка — женщина железная, но *такого* он все же не ждал. Она только что пришла из сада, держа ножницы, и он с дрожью подумал о том, какие раны они оставят.

Поразила его и сама леди, походившая больше обычного на Екатерину II. А Екатерина, при всех ее достоинствах, была, как известно, строга и величава.

Однако, взяв себя в руки, он прекрасно провел первую сцену. Помогло ему и то, что хозяйка приветливо улыбалась. Ее пленила красота, и настолько, что она приписала такие же чувства младшей сестре. На взгляд хозяйки замка, только совсем уж тупой человек устоит против таких чар, а Терри, при всей ее непредсказуемости, навряд ли останется равнодушной к греческому богу, который, кроме того, приходится сыном миллионеру.

— Рада вас видеть, мистер Коббольд, — сердечно сказала она.

— Как и я, леди Адела, как и я!

— Надеюсь, вам у нас понравится. После чая сестра вам все покажет.

— Леди Тереза уже предлагала мне…

— Розовый сад…

— Да, именно сад. По словам леди Терезы, он романтичен и полон тайн.

— Ваше окно туда выходит. Терри, покажи нашему гостю его комнату. Как раз успеешь до чая. Мы соберемся в голубой гостиной.

Когда дверь за Терри и Майком закрылась, граф, нетерпеливо шаркавший ногой, приступил к заветной теме:

— Где марка?

Леди Адела словно бы очнулась. На пути к дверям Майк явил свой профиль, а совершенство линий вместе с отцовским богатством способно ввергнуть в экстаз.

— Марка? А, марка!.. Которую нашел Дезборо?

— Дай ее мне.

— Она не твоя.

— Моя. Чья ж еще?

— Прости, забыла. Это не твой альбом. Клара искала тут что-нибудь для своей благотворительности и обнаружила твой за шкафом, в кабинете. Ошибки быть не может, на нем — твой титул. Значит, этот принадлежит Спинку.

Граф почувствовал, что из-под него уходит пол.

— Спинку!

Фамилия эта хороша тем, что сперва можно пошипеть. Лорд Шортлендс пошипел, а потом — вскрикнул, и с такой силой, что дочь его дрогнула.

— Папа! Я чуть не оглохла.

— Спинку?.. — повторил пэр чуть потише.

— Да. Дезборо сказал про марку за ланчем, а Клара сказала Блейру про твой альбом, и когда мы вышли из-за стола, Спинк сообщил мне, что первый альбом подарил ему мистер Росситер, сын прошлогодних американцев. Он, то есть Спинк, а не Росситер, всюду его искал.

Лорд Шортлендс схватился за стул. Такие речи — не для людей с высоким давлением. Как-никак дядя Джервис, передавший ему титул, умер от удара.

— Спинк так сказал?

— Да.

Граф внезапно ожил.

— Это ложь! — крикнул он.

Все инстинкты как один подсказывали ему, что дворецкий лжет или, если хотите, говорит неправду. С какой стати американец будет дарить ему альбом? Начнем с того, что у американцев вообще нет альбомов, а если есть, зачем их дарить? Дворецкие не собирают марок. Словом, чистая ложь.

— Почему? — спросила леди Алела. — Спинк сказал, что собирает марки с детства. Не вижу, что тут подозрительного. Как бы то ни было, он требует, чтобы альбом отдали ему.

— Пусть требует, пока не посинеет. Леди Адела подняла брови.

— Что с тобой, папа?

— Он лжет!

— Все равно альбом не твой. Отдадим его Спинку. Мистер Росситер вполне мог сделать такой подарок. Американцы славятся своей щедростью.

— Пусть докажет! Пусть свяжется с Росситером!

— Он как раз думает это сделать. Мрак осветила слабая надежда.

— Значит, альбом еще у тебя?

— Конечно, я не могу верить кому-то на слово. Спинк думает, что Росситер в Лондоне, и недавно сам туда уехал. А пока что марка — в безопасности. Я ее спрятала. А, вот и чай!

Пятый граф любил попить чайку, но сейчас не выказал радости. Он предпочел бы порций шесть-семь особого напитка Макгаффи.

Глава X

С песней на устах, победно сверкая глазами, Мервин Спинк ехал домой на своем мотоциклете, но вид у него был такой, словно он восседает на вершине мира. Если бы не руль, за который надо держаться обеими руками, он бы похлопал себя по плечу. Мир, заметим мы, был несравненно прекрасен. Мервин Спинк глядел на синее небо, на трепетных бабочек, на цветущие кусты, на поля в колосьях, напоминающие бархат, если погладишь его против шерсти, и все это ему нравилось. Он не кричал: «Ура-ура!», но как бы и кричал. Словом, во всем Кенте не было такого ликующего мажордома.

Завидев лорда Шортлендса у ворот замка, он еще больше обрадовался. Приятно полюбоваться унижением соперника. Мервин Спинк не щадил тех, кто вставал на его пути.

Остановив мотоциклет, он слез с сиденья и сказал:

— А, Шортлендс!

Граф удивился. Малиновый и без того, он совсем побагровел, а глаза его вылезли, словно у креветки или улитки.

— Как вы смеете так ко мне обращаться? Мервин Спинк нахмурил белоснежное чело.

— Давайте-ка, — сказал он, — уладим все тихо-мирно. Там, за воротами, вы «милорд», не спорю. А тут я — свободный человек. Так, повстречались на дороге. Тут я вам не слуга.

Доводы были хороши и складно изложены, но граф не угомонился.

— Слуга!

— А вот и нет. Оба мы — свободные люди. Не согласны — жалуйтесь миледи. Тогда я ей расскажу про наши с вами дела.

Лорд Шортлендс стал просто малиновым. При его давлении не побледнеешь, но он был к этому близок. Ему казалось, что позвоночник заменили желатином. Оставив манеру, свойственную средневековым графам, беседующим со смердами, он почти уподобился воркующему голубю.

— Ну-ну, Спинк! Что вы так разволновались? Это, в сущности, пустяк.

— Верно, Шортлендс.

— Пустая условность. А как насчет марки?

— Не понял.

— Леди Адела говорит, что вы на нее претендуете.

— Она моя и есть.

— Какая чушь! — вскричал граф. — Росситер подарил? Как бы не так! Вы лжете.

Ярость предков ожила в пятом пэре. Сама леди Адела не могла бы с ним сравниться.

Дворецкие не смеются, но Мервин Спинк едва не нарушил первое из гильдейских правил. Однако он сдержался, заменив саркастический смех снисходительной улыбкой.

— Послушайте-ка, — сказал он. — Очень советую, послушайте.

До сей поры мы встречали Спинка в его лучшем виде. Нашему взору представал вальяжный трезвенник, только украшавший родовое гнездо. Теперь он сбрасывает маску. Перед нами — последователь Макиавелли. Машинке, и той стыдно передавать его слова. Услышав их, пятый граф, резонно заподозривший неладное, все-таки удивился.

— Да, Шортлендс, я лгу. Ну, что будете делать? Сразу скажу, ничего не выйдет.

Граф понял, что дворецкий прав. Страх перед Аделой не позволит разоблачить козни. Придавленный грузом унижений, он слабо крякнул, хотя Огастес на его месте воскликнул бы: «Хо!» Дворецкий тем временем продолжал:

— Росситер мне никаких альбомов не дарил, я их вообще в жизни не видел. Зато у меня есть племянник, он играет на сцене и, заметьте, своего не упустит. Завтра он сыграет новую роль. Только что мы все с ним обговорили.

Тут он прервал свою речь, лицо его потемнело. Он ощутил, что надо было еще поторговаться. Скостил бы мзду до пятидесяти фунтов, тогда как теперь этот актеришка получит сто, хотя и частями. Однако человек, который вскоре выручит полторы тысячи, не должен мелочиться; и Спинк, вполне оправившись, продолжил свою речь:

— Леди Аделе я скажу, что перехватил америкашку чуть не на пути во Францию. Он обещал заехать в замок, так это, к ланчу. Ну, что? Как говорится, без сучка и задоринки.

Лорд Шортлендс, не отвечая, повернулся и направился к дому. Мервин Спинк следовал за ним, ведя в поводу мотоциклет.

— Прекрасный вечер, милорд, — заметил он, войдя в ворота.

Сказав эти слова, он посмотрел на хозяина и остался доволен. Пятый граф напоминал Стэнвуда Кобболда после возлияний. Радовала глаз и местная флора, равно как и фауна. Дворецкий с удовольствием глядел на сирень, цветущую слева, и на птичку с красным клювом, щебечущую справа. Ему доставил радость даже Космо Блейр, курящий сигарету, хотя даровитый драматург, буквально загребавший деньги и в Англии, и в Америке, не отличался красотой. Обычно, завидев его, люди моргали и отводили взгляд.

Драматурги, как правило, изящны. Рост их неограничен, а вот объем — таков, что сбоку их, в сущности, не видно. Космо Блейр не соответствовал стандарту, он был невысок и тучен. Граф называл его «пузатым оболтусом», поскольку он имел неприятную привычку говорить «мой дорогой Шортлендс» и спорить, что бы ты ни сказал.

Сейчас он посмотрел на странную пару сквозь сверкающий монокль.

— А, мой дорогой Шортлендс!

Пэр Англии издал тот звук, который издает медведь, подавившийся костью.

— А, Спинк! — продолжал Космо.

— Добрый вечер, сэр.

— Катались на мотоциклете?

— Да, сэр.
— Какая погода?
— Великолепная, сэр.
— Да, кстати…

Драматург тоже был доволен жизнью. К чаю подали пончики, буквально сочившиеся маслом, а после чая он читал Кларе второй акт. Ее непритворный восторг породил в нем благоволение к ближним, которому способствовала и упомянутая погода. Тем самым, он был рад оказать Мервину Спинку небольшую услугу.

— Да, кстати, — сказал он. — Помнится, вы меня просили помочь вашему племяннику. Роланд Уинтер, если не ошибаюсь?

— Вот именно, сэр.

— Как он сейчас, занят?

— Нет, сэр. Свободен.

— Что ж, у меня в пьесе для него кое-что есть. Странная вещь, мой дорогой Шортлендс, я все гадал, почему мне знакомо это имя, а сегодня вспомнил. В прошлом году он играл в моем шоу, и недурно, скажу вам, не…

Его прервал сдавленный крик. Мотоциклет упал на землю.

— Вы с ним знакомы, сэр? — с трудом проговорил Спинк.

— Естественно. Такой стройный, слегка косит, губы необычного рисунка. И рыжеват, да? Ну, конечно, в сущности — рыжий. Так вот, передайте ему, чтобы он заглянул к Чарли Кокберну. Я пошлю Чарли записочку.

Довольный собой, Космо двинулся дальше. Лорд Шортлендс радостно засмеялся.

— Ну как, Спинк? — осведомился он. Дворецкий не отвечал. Лицо его затуманилось.

— Если этот толстый нахал знает вашего племянника, — развернул свою мысль пятый граф, — навряд ли удастся выдать его за Росситера. Да, Спинк, вам крышка. Кончились ваши козни.

Мервин Спинк молчал. Подняв мотоциклет, он мрачно сел на него и мрачно направился в деревню.

Радость его сменилась скорбью. Синее небо было отвратительным. Бабочки — хуже некуда, колосья — это черт знает что! Словом, настроение пресловутой Пиппы,[12] столь понятное у человека, которому светят полторы тысячи фунтов, начисто исчезло.

— Тьфу, та-ра-рам! — мрачно бормотал Мервин Спинк.

Добравшись до почты, он отправил телеграмму племяннику и мрачно

поехал обратно, в замок, чтобы укрыться в своем логове.

Просидев там немалое время с мыслью о том, что нет на свете слов, печальнее чем: «Так могло бы статься»,[13] он услышал звонок из комнат леди Аделы. Когда вызывает хозяйка, надо идти, что бы ты ни чувствовал.

— Да, миледи?

— О, Спинк, приехал мистер Кобболд. Вы не посмотрите, все ли в порядке? Быть может, ему что-нибудь нужно.

— Сию минуту, миледи.

— Мистера Росситера нашли?

— Нет, миледи. К сожалению, он уехал.

— Но вы с ним свяжетесь?

— Непременно, миледи.

Мервин Спинк удалился, ничуть не страшась встречи с новым гостем. Когда он (Спинк, не гость) служил в роскошном доме Кобболда-старшего, младший ему очень нравился, поскольку, от щедрости душевной, нередко заглядывал к нему, чтобы поболтать и выпить. Мало того, несколько раз они ходили вместе на матч.

Однако, приближаясь к голубой гостиной, он был достаточно сумрачен.

Глава XI

Майк сидел в своей комнате, переодевшись к обеду, и ему все нравилось. Пятый граф мог терзаться и томиться, как Шильонский узник, но на свежий взгляд комнаты замка были выше всех похвал.

Скажем, окна, как справедливо заметила хозяйка, выходили в розовый сад, а дальше ласкали взор поля и рощи, где каркали грачи и бегали кролики. В самой комнате было уютно, если не сказать — роскошно. Особенно понравилось Майку мягкое кресло. В сельских спальнях сплошь и рядом обнаруживаешь мебель, сделанную в далеком прошлом по заказу инквизиции; но тут было не так.

Сидя в этом кресле, положив на столик ноги, Майк думал о Терри. Мысли его прервало то, что дверь открылась и появился вальяжный незнакомец, по-видимому — дворецкий, то есть тот самый Спинк, соперник лорда Шортлендса. Вон он каков, этот Адонис или, если хотите, змий в эдемском саду! Что ж, понятно, почему пятый граф его боится.

— Добрый вечер, сэр, — сказал Адонис.

— Добрый вечер.

Хотя Спинк и страдал, уста его тронула улыбка, какой улыбается дворецкий, когда один из вышестоящих совершит промах. Хозяйка сказала ему, что в голубой спальне находится Стэнвуд Кобболд, однако в кресле сидел кто-то другой.

— Простите, сэр, — произнес Спинк. — Должно быть, я что-то перепутал. Мне показалось, что, по словам миледи, здесь обитает мистер Кобболд.

— Да. Это я.

Дворецкие не вздрагивают, и Спинк только покрылся зыбью.

— Мистер Стэнвуд Кобболд, сэр?

— Он самый.

Они помолчали, и Спинк осторожно спросил:

— Вот как, сэр?

Надо быть особенно глупым, чтобы ничего не заподозрить, если вместо гиппопотама видишь греческого бога. Спинк был умен. Он сразу распознал, что дело нечисто, и взгляд его стал суровым.

Повторим, Спинк был умен и тут же смекнул, что на этом можно нажиться, мало того — восстановить рухнувшие упованья. Молодые люди, приезжающие в замок под чужим именем, зачем-нибудь это делают. Значит, надо узнать их тайну и назначить свою цену. Дворецкий приободрился.

— Разрешите заметить, сэр…

— Да-да. Прошу.

— Дело в том, сэр, что я знаю мистера Кобболда.

Майк обнаружил, что кресло не так уж удобно. Чем-то оно напоминало раскаленную сковороду.

— Знаете? — переспросил он, быстро вскочив.

— Да, сэр. Я служил почти целый год у мистера Кобболда-старшего, на острове Лонг-Айленд. С мистером Кобболдом-младшим мы виделись ежедневно.

— Тут есть над чем подумать, — проговорил Майк.

— Вот именно, сэр.

Словечко «сэр» подсказывало, что дворецкий не принимает его за вора. По-видимому, какая-то черточка, быть может — особое достоинство, побудила отвергнуть самую простую разгадку.

Что ж, подумал Майк, тем лучше. Должно быть, можно сговориться за сходную цену. Как видите, оба они стремились к одному и тому же.

— Присаживайтесь, — сказал Майк. — Ваша фамилия Спинк, если не ошибаюсь?

— Да, сэр.

— Так вот, дражайший Спинк, не будем делать глупостей. Договоримся тихо-мирно за круглым столом.

— Согласен, сэр.

— Начнем с того, что я не Стэнвуд Кобболд.

— Вот именно, сэр.

— Прекрасно. Теперь встает вопрос, кто же я. Как вам кажется?

— Фамилии не знаю, сэр, но имя ваше, по-видимому, Майкл. Кроме того, смею предположить, что вы — друг мистера Стэнвуда. Приехали вы вместо него, чтобы ухаживать за леди Терезой.

— Однако! Как это вам удается? Наверное, фокус с зеркалами.

Мервин Спинк снисходительно улыбнулся.

— Недавно леди Тереза получила… э-э… весьма пылкое послание с подписью «Майк».

— Господи! Она его показывала?

— Отнюдь, сэр. Одна из служанок нечаянно прочитала его, убирая туалетный столик, а позже пересказала в нашей гостиной.

Майк покраснел, что было ему к лицу, и слегка скрипнул зубами.

— Да? — зачем-то переспросил он.

— Да, сэр. Одна из горничных. Конечно, я сделал ей выговор.

— А шею не свернули?

— Нет, сэр.

— Зря. И как, ей понравилось?

— О нет, сэр. Я был очень строг.

— Не выговор. Письмо.

— Понравилось, сэр.

— Что ж, и то хлеб. Доставил человеку удовольствие. Огастес тоже его похвалил.

— Кто, сэр?

— Один лондонский критик. Если как-нибудь встретите, познакомьте его со служанкой. Явное родство душ. А что до ваших слов, вы правы. Что будем дальше делать? Кстати, фамилия моя — Кардинел.

— Я часто слышал о вас от мистера Стэнвуда.

— Мы старые друзья. Прибавлю, что он полностью согласен с моими теперешними планами.

— Так я и думал, сэр. Мистер Стэнвуд исключительно добр, тем более — к друзьям. Но вы говорили…

— …что будем делать дальше?

— Простите, сэр?

— Ну-ну, Спинк, где ваш разум? Прежде всего, надо обеспечить ваше молчание. Если Алела узнает, мне конец.

— Несомненно, сэр.

— Итак?

— Если разрешите, сэр…

— Разрешу, разрешу.

— …я бы предложил полюбовное соглашение.

— Финансового характера?

— Вот именно, сэр.

Майк облегченно вздохнул и улыбнулся Спинку, как улыбались жители Гента гонцам из Аахена.[14]

— Значит, дело ясно, — сказал он. — Как вам десятка?

— Ну, что вы, сэр!

— Это немалые деньги.

— Меньше, сэр, чем двести фунтов. Майк засмеялся.

— Что-то у меня со слухом. Мне послышалось «двести фунтов». Или с акустикой комнаты…

— Я так и сказал, сэр. Майк щелкнул языком.

— Слушайте, Спинк! Все мы любим пошутить, но это уж слишком. Вы, наверное, имели в виду двадцать?

— Нет, сэр, двести. Мистер Стэнвуд часто говорил о ваших доходах. Мне кажется, указанная сумма не так велика по сравнению с вашими чувствами к леди Терезе. Я сужу по письму.

— А если я дам вам в глаз?

— В глаз, сэр?

— Очень уж тянет, руки чешутся.

— Весьма прискорбно, сэр.

— Нет, это подумать — двести фунтов!

— Они мне нужны, сэр.

— Знаю.

— Его светлость поделился с вами, сэр?

— Еще как! Вот вам и другая причина. Я не хочу ему мешать.

— У каждого бывают неудачи. То солнце, сэр, то дождик.

— Что-что?

— Другими словами, сэр, омлета не сделаешь, не разбив яиц.

— До омлета ли нам, Спинк? Надеюсь, вам понятно, что вы — подлый шантажист?

— Понятно, сэр.

— И вы не стыдитесь?

— Нет, сэр.

— Тогда говорить не о чем.

— Перья и чернила на письменном столе, сэр. Майк медленно подошел к столу и взял ручку.

— Что ж, утешение одно, — сказал он. — Рано или поздно вы за это ответите. Так и вижу, как вы, шаг за шагом, погружаетесь в трясину зла. Аппетит растет во время еды.

— Несомненно, сэр.

— Не хотите остановиться, пока не поздно?

— Нет, сэр.

— Дело ваше. Что ж, бегите к печальной развязке. Шантажируйте, но однажды вы оступитесь и — бамц! — упадете в яму. «Рад познакомиться», — скажет судья и вынесет приговор. Буду вас навещать, поболтаем через решетку.

— Весьма признателен, сэр.

— Не за что. Какое сегодня число?

— Двенадцатое мая, сэр.

— А как вас зовут?

— Мервин, сэр.

— Красивое имя.

— Моя матушка, сэр, тоже так считала.

— Вам не стыдно о ней вспоминать, когда вытягиваете двести фунтов из незнакомого человека?

— Нет, сэр.

— Подумайте, Спинк. Она смотрит на вас с небес.

— Она в Далидже, сэр.

— Значит, из Далиджа. Смотрит и…

— Если не трудно, сэр, чек на предъявителя.

— Ладно. Вот, прошу.

— Большое спасибо, сэр.

— Итак, ваша матушка…

Майк замолчал, услышав, что кто-то к нему стучится.

— Войдите! — сказал он. Вошла леди Адела.

— Решила посмотреть, как вы устроились, — сияя, сообщила она. — Вам ничего не нужно?

— Нет, спасибо.

— Наверное, вы болтаете со Спинком о старых временах? Он ведь служил у вашего отца. Мистер Коббολд очень изменился?

Многое в Мервине Спинке могло и не понравиться, но деньги он

отрабатывал.

— Ничуть, миледи. Мы вспомнили разные оказии. Мистер Стэнвуд был чрезвычайно добр ко мне, когда я пребывал в Соединенных Штатах.

Издалека донесся жалобный голос мужа в беде. Дезборо Топпинг, страдающий подагрой, пытался завязать галстук. Леди Адела кинулась к нему, словно тигрица — к детенышу.

— Спасибо, Спинк, — сказал Майк.

— Не за что, сэр.

— Теперь я в безопасности.

— Несомненно, сэр.

— Хотел бы я вас отблагодарить. Мервин Спинк благосклонно улыбнулся.

— Вы отблагодарили, сэр.

— Как, чеком? С вас этого хватит?

— Конечно, сэр.

— Очень рад. Вижу, вам легко угодить. Но чек не годится. Он подписан «Майкл Кардинел». А я, видите ли, Майкрофт, как брат Шерлока Холмса.

Мервин Спинк, наконец, дрогнул. Лицо его перекосилось. Если бы у него были усы, он был бы похож на сбитого с толку баронета.

— Я пойду к миледи… — проговорил он.

— И признаетесь? Не советую. Придется многое объяснять. Нет-нет, инцидент исчерпан. Ваша матушка счастлива, Спинк. Любимый сын избежал ловушки. Скорее всего, — прибавил Майк, — она поет от радости.

Глава XII

Отцу, чья дочь обращается с ним, как с трудным ребенком, непрестанно угрожая поставить в угол и не давать карманных денег, нелегко ввести в ее дом подкидыша, и потому на первых порах граф очень волновался. Можно сказать, что он пережил целую гамму эмоций.

Поначалу главенствовал страх, побуждавший вздрагивать при громких звуках и припоминать Дамокла, о котором он читал в школьные годы. Потом пробудилась слабая надежда. Только на третий день, под вечер, когда он сидел в кабинете, ожидая обеда и почесывая собаку, пятый граф ощутил, что бояться нечего. Интрига, чувствовал он, удалась на славу.

Конечно, этот змий еще мог преподнести сюрпризец. Да, он повержен в прах, но очень живуч. Подумать страшно, что он едва не одержал победу.

Если бы не редкостная сметливость нового друга, Кардинела, именно в эти дни дворецкий праздновал бы свой триумф.

Когда Майк описывал поединок, лорд Шортлендс был потрясен. Он понять не мог, почему его младшая дочь не кидается на шею этому замечательному юноше. Она как раз пришла и тоже занялась собакой, пощекотав ей брюшко.

— Вот что, — сказал отец.

Но тут дверь снова открылась, и вошел Майк. Семейная сцена умилила его донельзя. Будущая жена, будущий тесть и будущий свойственник Усик предстали его взору. Поистине, сам домашний уют! Жаль нарушать его, но он, Майк, пришел сообщить новость и должен это сделать.

— Привет, лорд Шортлендс, привет, — начал он. — Собственно, какие лорды? Вообще-то полагалось бы назвать вас «папаша» или «папочка», раз уж я буду вашим зятем. Кстати, этот Дезборо ни на что не годится. Я надеялся перенять обращение от него, но он говорит вам: «Э-э…»

— Моя сестра, — объяснила Терри, — хотела, чтобы он говорил: Pара. [15]

— Отвратительно!

— Папе тоже не нравится, это уж слишком. Вот Дезборо и крякает.

— Может, и мне крякать? Лорд Шортлендс думал иначе.

— Называйте меня Шорти, — предложил он.

— Спасибо, — ответил Майк. — Что ж, Шорти, вам хочется узнать, зачем я нарушил ваш покой?

— Ни в малой мере, мой мальчик, ни в малой…

— Нарушил, тут спору нет. Но я принес новости, и не очень хорошие. Держитесь за кресло.

При этих словах граф снова пал духом. Задрожав, как желе, он последовал совету Майка.

— Она все узнала? — проговорил он.

— Нет-нет, дело не так плохо. Приехал Стэнвуд Коббблд. Если можно покачнуться, сидя в кресле, пятый граф покачнулся.

— Быть не может!

— Может, может. Приехал. Собственной персоной.

— Сюда, в замок? — вскрикнула Терри.

— Пока что — в местную гостиницу. Прислал мне записку, я к нему пошел. Он собирался нанести визит.

Собачка Усик дала понять, что остались непощекоченные места, но

графу было не до этого.

— Господи, он встретится с Аделой!

— Мало того, — поддержал его Майк, — он представится: «Стэнвуд Коббодд». Вот я ему и растолковал, что сюда ходить не надо, и пообещал, что лучшие умы займутся его проблемой. Понимаете, отец прислал ему телеграмму. Хочет, чтобы он сфотографировал здешние интерьеры.

— О, Боже ты мой!

— Видимо, она пришла, когда мы уже уехали. Он совсем растерялся, но вчера вечером его осенило. Я сниму его в этих интерьерах очень рано утром.

Граф опять задрожал, а Терри — вскрикнула.

— Рано утром! — простонал отец.

— Самое плохое время, — пояснила дочь. — Всюду кишат служанки.

— Они примут его за взломщика…

— Начнут верещать…

— Привлекая тем самым леди Аделу, — завершил Майк, — которая нас и укокает. Именно такая картина стояла передо мной, когда он излагал свой замысел. Но не тревожьтесь. Оснований нет.

Казалось бы, приятное сообщение, однако Терри снова вскрикнула, на сей раз — от гнева, вызвав тем самым вдумчивый вопрос Майка.

— Скажите, как вам удается издавать этот удивительный звук? Я полагал, что он доступен только нескольким щенкам сразу.

Терри не собиралась обсуждать звуки.

— Зачем же вы нас напугали?

— А зачем вы пугались? Вы же знаете, что со мной не пропадешь.

— У вас не было случая это показать.

— Верно, не было. Но это правда. Могли бы привыкнуть к тому, что мой могучий разум решает любую проблему.

— Вы что-нибудь придумали?

— Естественно.

— Вот и рассказали бы сразу, чем пугать. У Шорти высокое давление.

— Наследственное, — заметил граф. — Выше некуда. Майк понял их доводы.

— Да, вы правы. Не подумал. Я всегда сперва сообщаю худшее, чтобы потом сильнее обрадовать. Многие жалуются.

— Не удивляюсь.

— Что поделаешь, художественная натура! Люблю довести до предела, а уж после — снять напряжение. Значит, снимем? Пожалуйста. Насколько я понял, в теплые месяцы ваш замок открыт для обозрения по

субботам.

— Конечно.

— Что за легкий тон! Вы об этом не думали так с миллион лет.

— Стэнвуд придет с экскурсией…

— И с камерой.

— А как же Спинк? Он же их водит.

— Плюньте на Спинка. Что он может сделать? Он — пыль под моей колесницей.[16]

Терри охнула.

— Знаете, вы просто бесподобны.

— Без «просто» как-то сильнее.

— Стэнвуд знает?

— Еще нет. Меня осенило после визита. Зайду к нему завтра с утра и успокою, а то он очень волнуется. То-то в нем и плохо, нежная душа. А теперь не пойти ли нам в столовую? По-видимому, леди Адела не терпит опозданий.

— Гонг слышали? — спросил испуганный граф.

— Нет, еще не звонили. Но уже половина девятого.[17]

— Идем-идем-идем! — воскликнул лорд Шортлендс и в два прыжка вылетел из комнаты.

Майк и Терри медленно пошли за ним.

— Знаете ли вы, — спросил Майк, — что блоха, весящая восемьдесят тысячных унции, подскакивает на тринадцать дюймов?

— Нет, — отвечала Терри.

— Научный факт. Кстати, отец ваш очень проворен.

— Он испуган. Аделы боится.

— Вполне понятно. Если бы мы, Кардинелы, знали страх, я бы и сам ее боялся. Серьезная дама.

— Вы бы видели ее в роли разгневанной хозяйки!

— Любопытное зрелище, я думаю. Странно, что сестры настолько разные. Вы вообще не умеете гневаться. Милость, кротость, доброта — словом, истинная голубка. Идеал для семейной жизни. Вы за меня выйдете?

— Нет.

— Тут вы не правы. В один прекрасный день, двигаясь к алтарю под пение хора, я вам это напомню. «А кто говорил, — скажу я, — что за меня не выйдет?» У вас будет очень глупый вид.

Графа они застали у двери в столовую и немного успокоили.

Собственно говоря, гонг еще не звонил.

Довод был так разумен, что пятый граф смог войти в комнату едва ли не с вызовом. Обнаружив, что все собрались, он дрогнул, но тут же одумался.

— Добрый вечер, — заметил он. — Что-то обед запаздывает. Леди Адела совсем не сердилась.

— Да, — отвечала она. — Мы ждем мистера Росситера.

Переступив порог, граф схватил китайскую вазочку, чтобы укрепить свое мужество. При этих словах он ее уронил.

— Росситера!

— Да, зачем ты все бьешь, папа?

Должно быть, в другое время несчастный пэр сказал бы, что кто-то толкнул его под руку, но сейчас ему было не до таких мелочей.

— То есть как — Росситера? — вскричал он.

— Насколько я поняла, мистер Росситер приехал порыбачить. Живет он в местной гостинице. Какое совпадение, правда? Спинк у него был. Конечно, я его пригласила. Росситера, не Спинка.

Открылась дверь, вошел Мервин Спинк. Когда его взор упал на хозяина, во взоре этом что-то мелькнуло.

— Мистер Росситер, — доложил он.

Входя в комнату, Стэнвуд Кобболд, как обычно, споткнулся о ковер.

Глава XIII

— И не просите, Шорти, — сказал Майк. — Я — во прахе.

Обед кончился, совет трех собрался в кабинете. Глава его мерил шагами ковер, заложив руки за спину, а иногда, в порыве чувств, выбрасывая руку вперед. Майк и Терри сидели тихо. Собачка Усик была тут, но участия не принимала. Она пыталась поймать назойливую блоху.

— Во прахе, — повторил Майк. — Побежден, повержен, разбит. Если вам приятней французский, «bouleversd».

Застонав, лорд воздел руки, словно семафор в отчаянии. Он вспоминал лицо Мервина Спинка. При исполнении, так сказать, тот был бесстрастен, но когда леди Адела спросила гостя, давал ли он властителю слуг альбом с марками, гость, по-видимому — нервный, опрокинул стакан и проговорил: «О, да!..», а упомянутый властитель незаметно улыбнулся. Жест, которым он предлагал овощи, искушал дать ему в ухо или, если хотите, пронзал сердце.

— Нет, — резюмировал Майк, — притворяться не стоит. Я — пас. Что это все значит?

Терри щелкнула языком, словно учительница, которую довели до ручки отсталые ученики.

— Вы что, не слышали?

— Чего именно?

— Того, что Адела сказала про марки.

— Простите, упустил.

— Спинк утверждает, что их подарил ему младший Росситер…

— Бывают же гады! — вставил граф.

— … и как-то уговорил Стэнвуда выступить в его роли. На вопрос Аделы Стэнвуд ответил «Да». Теперь ясно?

Майк свистнул. Истерзанный граф попросил его не свистеть, и Майк обещал сдерживаться, но объяснил, что первый свист вызван сложностью ситуации.

— Однако мне пришла в голову мысль, — заверил он. — Марка у змия?

— Еще нет. Он попросил ее после обеда, но Адела сказала, что лучше подождать до тех пор, пока Дезборо поедет в Лондон. По ее словам, он знает нужных людей и выручит больше.

— Умно.

— Спинк попытался спорить, но Адела его прихлопнула.

— Очень хорошо. У нас есть передышка. Если хотите — отсрочка.

Лорд Шортлендс не внял утешениям.

— Ну и что? Все равно он ее получит не сегодня — завтра.

— Отсрочка, любезный Шорти, исключительно важна. У меня есть план.

— План, — пояснила Терри.

— Да, именно — план, — поддержал ее Майк. — Не удивляйтесь, вы знаете, как я умен. Пока вашего Дезборо терзает подагра, мы не будем сидеть, сложа руки. Друзья, мы ее украдем.

— Что!

— У-кра-дем. Умыкнем. Стащим. Когда противник низок и подл, жантильничать нельзя. Его девиз — «Все дозволено». Что ж, переймем его и мы.

Справедливая Терри считала, что удачные мысли надо хвалить, даже если это и повредит их автору.

— Замечательно! — сказал она. — До чего же приятно встретить прирожденного преступника. Видимо, это — одна из тех глубин, о которых

вы говорили?

Совесть пятого графа оказалась менее гибкой. Он задумчиво щупал подбородок.

— Я красть не могу.

— Почему это?

— Какого дьявола…

— Шорти!

— Отец ваш прав, — сказал Майк, — и я его понимаю, мало того, уважаю. Не хочет пятнать старый добрый герб. Не беспокойтесь, Шорти, вы просто возвращаете собственность владельцу. Альбом принадлежит Терри.

Она покачала головой.

— Спасибо, но это не пройдет. Шорти знает, что я не собирала марок с детства.

— Ценный экземпляр достался вам в те годы. Я хотел об этом напомнить, когда мы вылезали из машины, но Шорти был уверен, что она принадлежит ему, и я его пожалел. Ну, обратите взор в прошлое. Вы сидите в классной, перемазанная клеем, и рассматриваете марки. Я вхожу и говорю: «Привет. На марки смотрите?» — «Да», — отвечаете вы. — «Что-то их немного», — замечаю я и прибавляю, что как раз получил альбом в подарок от дяди, который еще не знает, что в школе это утратило престиж.

— Ах ты, Господи! Помню.

— На это я и уповал. Итак, я подарил марки вам.

— Не зная, что это — золотые россыпи.

— На что мне россыпи? Мы, Кардинелы, щедры к тем, кого любим. Представьте, какие из нас получаются мужья.

— А мы, Кобболды, не принимаем ценных подарков от красавчиков из Голливуда.

— Я совершенно на них не похож. И потом, что значит «не принимаем»? Вы его приняли.

— Могу вернуть.

— Лучше отдайте Шорти.

— Прекрасная мысль. Так и сделаю. Видишь, Шорти, марка — твоя. Поблагодари дяденьку.

— Спасибо, — рассеянно сказал граф. События развивались слишком быстро, словно он попал в водоворот. Кроме того, он ощущал, что тут есть какая-то неточность.

— Кончилась духовная брань, — продолжал Майк. — Заша совесть может поплевать на ладони и взяться за дело. Вы согласны?

— Д-да… К-конечно… Но…

— Что такое?

— Эта проклятая марка стоит полторы тысячи. Я не могу отнимать у тебя столько денег, — обратился он к дочери. — Лучше одолжи мне две сотни.

— Какая чепуха, Шорти! Все мое — твое.

— Спасибо, душенька. Прямо не знаю, что сказать.

— Поблагодари Майка.

— Спасибо, Майк. Вы щедры, как принц.

— Да, — согласился Майк. — Я вообще прекрасен. Но вернемся к делу. Марку мы крадем. Принято? Хорошо. Теперь — как? Думаю, это нетрудно. Выведаем у Дезборо со всей нашей тонкостью, где его жена держит альбом. Вероятно, в столе или в секретере. Берем хорошую отвертку…

— Но…

— Шорти, миленький, не усложняй, — попросила Терри. — Другого пути нет. К Дезборо подъеду я.

Она вышла. Граф подрагивал. Майк заботливо на него смотрел.

— Вижу, — заметил он, — вы еще в упадке. В чем дело? Опять совесть?

Лорд Шортлендс понял, что ему мешало.

— Мой дорогой, если Адела увидит, что ее стол взломан, она заподозрит меня.

— Ну и что? А вы засмеетесь. «Что будешь делать?» — осведомитесь вы, присовокупив: «Хо-хо» или «Э?», по вкусу. Леди Адела будет молча кусать губы.

— Молча?

— А что она может ответить?

Лорд Шортлендс издал такой печальный звук, что Майк похлопал его по спине.

— Хвост пистолетом! — сказал он. Лорд Шортлендс не ободрился.

— Хорошо вам говорить «хвост». Мне это все не нравится. Да я и не смогу взломать никакой стол.

— И это вас тревожит? Я же вам помогу.

— Поможете?

— Конечно. Это дело для молодых.

— Спасибо вам большое.

— Не за что.

— Надо бы Терри за вас выйти. Где она найдет такого хорошего

мужа?

— Так ей и скажите. Я сам это чувствую. Она вам не давала понять, в чем загвоздка?

— Нет.

Открылась дверь, вернулась Терри, села, и Майк заметил, что она погасла. Лорд Шортлендс тоже бы это заметил, если бы что-нибудь замечал.

— Ну? — сказал Майк.

— Ну? — сказал граф.

— Я видела Дезборо, — призналась Терри.

— Узнала то, что нужно?

— Узнала то, что ненужно.

— Говори понятней. Она вздохнула.

— Я просто не хотела сразу вас пугать. Дезборо подозревает Стэнвуда.

— В чем? — вскричал граф.

— В том, что он — не Росситер.

— Спинк же его признал!

— Он подозревает и Спинка. «Что мы, в сущности, о нем знаем?» — сказал он и привел массу примеров, когда дворецкий оказывался преступником. Лучше бы он не читал столько детективов.

— Почему он заподозрил Стэнвуда?

— Заговорил с ним о марках, а тот ничего не знает. Жаль, что у Стэнвуда такая преступная внешность!

— Что Дезборо думает делать?

— Понятия не имею. Пока что положил марку в конверт и запер в сейф.

Они помедлили.

— В сейф? — спросил наконец Майк.

— Да.

— А где он?

— В библиотеке.

— Какая глупость! Да, этого я не предусмотрел. Пойду, подумаю. Если что нужно, я — у себя. Нет, это надо же, в сейф!

Когда он вошел в свою комнату, с кресла поднялся Стэнвуд.

Глава XIV

Стэнвуд выглядел неважно. Обед с устрашающей леди и беседа с ее мужем сделали свое дело. Когда представители Индианы или Миннесоты садились ему на лицо или на живот, он испытывал неудобство, но таких испытаний у него еще не бывало. Посмотрев на него, вы бы сказали, что душа его прошла сквозь горнило, и попали бы в точку. Во всяком случае, Майк после первого взгляда кинулся к шкафу, вынул фляжку и вручил ее другу

— Спасибо, — сказал тот, отхлебнув побольше. — Ох, что я пережил!

— Что ж, — отвечал Майк, переходя к суровости, — сам напросился.

— А кто этот субъект в очках?

— Дезборо Топпинг, муж хозяйки.

— Он говорил со мной о марках, — поведал Стэнвуд, содрогаясь при одном воспоминании.

— Чего же ты хочешь? Втерся в дом под видом филателиста, а тут еще один филателист. О чем ему с тобой разговаривать?

— Да я в жизни не видел этих альбомов! Раньше я думал, только дети собирают марки. А теперь куда ни взгляни — филателист. С ума посходили, как ты думаешь?

Майк не собирался вступать в академическую дискуссию.

— Зачем ты сюда полез? Я же тебе сказал, сиди на месте, жди указаний.

— Да-да. Но мне показалось, ты немного спекся. Скажем так, утратил хватку. В общем, когда Спинк пришел, я принял его план.

— Куда он пришел?

— Ко мне, сразу после тебя. Мы же с ним давно знакомы. Он служил у отца.

— Да, знаю.

— Вот. Я ему рассказал про эти снимки и попросил совета. А он говорит, это легче легкого. Выдайте себя за Росситера, и дело в шляпе. Ну, я согласился, он позвонил вашей леди, а она меня пригласила в самое логово.

— Что он сказал про альбом?

— Да ничего, в сущности. Просто он ему нужен.

— Еще бы! Там марка в полторы тысячи.

— Вот это да!

— Мало того, она принадлежит Терри. Доказать это нельзя, а твой Спинк теперь докажет все что угодно. Ты, несчастный, обобрал бедную девушку.

— Не понимаю.

— Сейчас объясню, — ответил Майк и объяснил. Когда он закончил речь, Стэнвуд корчился от муки. Оружие просто торчало из его души.[18]

— Что же ты раньше не сказал?

— А как я мог знать, что ты полезешь в замок?

— Если Спинк получит марку, Шортлендс не сможет жениться на этой поварихе.

— Спинк купит ее согласие. Стэнвуд сокрушенно покачал головой.

— За Спинка ей выходить нельзя. Ты смотри, а я-то думал, он хороший парень! Откуда я мог знать, что это — бес в человеческом облике? Если ты бес, так себя и веди. Вот что, старик, теперь дело за тобой. Забудь, чему учили в детстве, и сопри марку.

— Я об этом думал. Но она в сейфе.

— Значит, надо взломать сейф.

— Как?

— Попроси Огастеса.

Майк просто ожил. Глаза его засияли тем светом, которым сияют глаза осажденного гарнизона, заслышавшего, что идет морская пехота.

— Ах ты, Господи! Я и забыл, что он медвежатник.

— Взломает за милую душу.

— Он тут, с тобой?

— Конечно.

— Старик, — произнес Майк дрожащим голосом, — забудь все, что я наговорил. Назвал тебя толсторылым кретином…

— Нет, не назвал.

— В уме, про себя. Начал ты плохо, а кончаешь — блестяще. Огастес! Так всегда, время рождает героя. Прости, отлучусь на минутку, скажу сообщникам.

Однако, не успел он выйти, появилась Терри, а за нею — лорд Шортлендс.

— Мы больше не могли ждать, — сказала она. — Мы решили… О, Стэнвуд! Здрасьте.

— Привет Терри. Пип-пип, ваша светлость. Терри глядела сумрачно и с укоризной.

— Да, натворили вы дел, теперь не распутаешь!

— Простите. Майк мне растолковал.

— Поздно сокрушаться, — прибавил пятый граф.

Он был так печален, что Майку захотелось его приободрить. Для начала он крикнул «Огэй!» отчего граф подпрыгнул, как лосось на крючке, а Терри задрожала.

— У меня хорошие новости, — пояснил Майк. — Благая весть. Проблема решена.

— Что!

— Решена. Все очень просто. Взламываем сейф. Терри закрыла глаза, явственно страдая.

— Видишь, Шорти, он всегда найдет выход. Мы взламываем сейф.

— Вы умеете их… э… взламывать? — осведомился граф.

— Лично я не умею. Но у меня есть друзья-специалисты. Пригласим Огастеса Ворра.

— Вора?

— Что еще за Огастес?

— Мой камердинер.

— Пока он не попал на собрание методистов, — пояснил Майк, — он был медвежатником.

Терри утратила мрачность. Мало того, лицо ее озарилось радостью.

— Это просто чудо! А он хороший специалист?

— Великолепный. По его словам, имя Ворра высоко ценилось в преступном мире.

— Однако, удачная фамилия!

— Я это заметил по своей тонкости. Вижу, тонки и вы. Приятно представить, что нас ждут словесные поединки у камина. Вообще-то насчет фамилии говорят все, кому не лень, но это — другое дело. Только у нас с вами — тонкий, острый ум.

— Если он обратился, он не станет красть.

— Ничего, убедим. Он увидит, что мы правы. Кроме того, он сноб. Будет счастлив выручить графа. У вас есть корона, Шорти?

— А, что? Корона? Да, где-то лежит.

— Тогда наденьте ее на время переговоров, так это, набекрень.

Советы не пригодились, поскольку раздался громкий стук, потом — возглас «Хо!», и вошел герой, рожденный временем.

— Пришел посмотреть, дорогуша, как вы тут, — сказал Огастес. — А, мое почтение! Не знал, что у вас гости. Пардонт.

Он повернулся, чтобы уйти, но Майк его перехватил.

— Не дурите, Огастес. Вы нам как раз нужны. Мы собирались послать за вами ищеек. Значит, приехали в старый замок?

— Ну! Неплохое местечко. Куда окно выходит? В сад? Вот это да, одни розы! Как говорится, шик-блеск. Что ж, наслаждайтесь, как их, земными благами. Расплата не дремлет.

— К чему эта грозная нота?

— Да так, чувство такое. Как говорится, нечестивый цветет-цветет, да и завянет.

— По-вашему, я нечестив?

— А то как же! Обманщик. Дал бы вам одну книжечку, но я их все в спешке забыл. — Огастес покосился на Терри и произнес, прикрыв рот рукой: — А это, пардонт, что за особа?

— Простите, забыл представить, — сказал Майк. — Ну, Стэнвуда вы знаете. А лорда Шортлендса, скорее — нет.

— Рад познакомиться, — сказал граф.

— Здрасьте, милорд, — отвечал взволнованный Огастес.

— Добро пожаловать в наш замок.

— Благодарствуем, милорд. Это надо же, в замок! Снаружи-то я его видел, как говорится, в молодые дни. Помню, приехал на велосипеде, сэндвичей прихватил…

— Кроме того, — заметил Майк, — вас удивляет, должно быть, что вы вошли в дверь, а не влезли в окно.

Огастес был явно шокирован, и Майк извинился.

— Виноват. Но эту тему мы скоро затронем. Перед вами — дочь лорда Шортлендса, леди Тереза, известная вам по моей корреспонденции. Благодарю, — вставил он, увидев, что верный слуга поднял большой палец. — Рад, что вы одобрили мой выбор. Присаживайтесь, вот — удобное кресло.

— Подложить подушечку, мистер Ворр? — спросила Терри.

— Сигару не хотите? — осведомился лорд Шортлендс.

— Я предложил бы выпить, — сказал Майк, — но Стэнвуд ничего не оставил.

Эти слова были не к месту. Огастес, пребывавший в состоянии, которое буддист сравнил бы с нирваной, а именно — куривший сигару, откинувшись на подушку, поджался и помрачнел.

— Хо! — сказал он. — Опять вы пьете? Ладно, умываю руки. Хотите сгубить печень, дорогуша, губите, мне-то что? Как говорится, полная индифергентность.

Все смущенно помолчали. Майк смотрел на графа, Терри — на Стэнвуда, и с многозначительным намеком. Стэнвуд был не очень умен, но понял, что надо внести мир.

— Вы уж простите, Огастес, — сказал он. — Провинился!..

Огастес цыкнул зубом.

— Он больше не будет, мистер Ворр! Огастес не отвечал.

— Леди Тереза с вами говорит, — мягко заметил Майк. — Кстати

сказать, дочь лорда Шортлендса связана по материнской линии с Бинг-Браун-Бингсами и Фостер-Френчами. Конечно, сассекскими, а не этими, из Девоншира.

Огастес словно очнулся от обморока, бормоча: «Где я?» Он поморгал сквозь роговые очки, буквально впивая родовитость Терри, и мгновение-другое казалось, что он отвесит поклон. Во всяком случае, он склонил голову, а суровость исчезла из его взгляда.

— От это да! Ясно.

— Значит, все в порядке? Хвалю. Как кресло? Вам удобно?

— Еще одну подушечку? — предложила Терри.

— Сигару? — вступил в беседу граф.

— Что ж, Огастес, — сказал Майк, довольный своей работой. — Повторю, мы только вас и ждали.

— Вот именно, — поддакнул Стэнвуд.

— Да-да, — сказал граф.

— Мы так вас хвалили, мистер Ворр! — сообщила Терри, понимая, что немного сюсюкает. Что поделаешь, бывают минуты, когда грех не посюсюкать.

Огастес закашлялся. Голова у него слегка кружилась.

— Понимаете, Огастес, — продолжил Майк, — мы влипли. Под «мы» я подразумеваю прежде всего пятого графа Шортлендского, чей род, как известно, восходит к Вильгельму Завоевателю. Услугу, которую вы можете ему оказать, он никогда не забудет. Через годы, в палате лордов, беседуя с графами, а то и с герцогами, он, как и они, станет приводить примеры истинной верности. Один пэр расскажет о секретаре или управляющем, другой (скорее всего, герцог) — о преданной собаке по имени Понго, но лорд Шортлендс затмит их повествованием о вас. Все будут зачарованы. «Хо! — вскричат они, когда он кончит. — Да, это человек. Хотел бы я его увидеть».

Огастес снял и протер очки. Разум его мутился, грудь вздымалась. До сих пор он жил среди людей, говоривших, что придет в голову, а в голову им приходили низменные мирские мысли. Таких речей он практически не слышал.

— Золотые слова, — поддержал хозяина Майк. — Лорда Шортлендса буквально осаждают дворецкие. Часом, вы не видели нынешнего?

Огастес вздрогнул.

— Ну! А вы?

— Несомненно.

— Молились о нем?

— Нет, до этого я еще не дошел.

— Что же вы, а? Я-то думал, он в вас пробудит, как его, сокрушение.

— Нечестивец?

— А то! Самый отпетый грешник. Посланец Сатаны, если они баки носят.

Как сказали бы в парламентских кругах, он встретил всеобщее понимание. Лорд Шортлендс радостно засопел, Стэнвуд сказал: «Точно!», Терри ослепительно улыбнулась, Майк похлопал его по плечу.

— Прекрасно, — сказал тот же Майк. — Если так, слушайте.

Слушая историю марки, Огастес поначалу испугался. Он трижды вскрикнул: «Ого!», словно тьма греховной души все больше открывалась ему, пробуждая отвращение. Майк, несомненно, держал аудиторию.

Но когда изложение событий сменилось, скажем так, просьбой, Огастес заметно изменился. Теперь страх был направлен не на Мервина Спинка, а на того, кого он называл искусителем. В конце концов он поднялся, тяжело дыша.

— Что? Вы хотите, чтобы я взломал ящик?

— Сейф, — услужливо поправил лорд Шортлендс.

— Ящик и есть, так?

— Так?

— Несомненно, — отвечал Кардинел. — Сейфы именуют ящиками в самых лучших кругах. Ну, что скажете, Огастес?

— Что скажу? «Нет!».

Майк заморгал, словно это короткое слово пробило его навылет.

— Я не ослышался? Вы сказали «Нет»?

— Сказал.

— Да это же займет какую-нибудь минуту!

— Нет, и все.

— А как же услуга графу?

— Никаких графов.

Майк заморгал снова, потом оглядел сообщников, но не утешился — граф поник от удара, Стэнвуд скрипел зубами, что никакой пользы не приносит.

— Чего-чего, Огастес, — произнес он с укоризной, — но этого я не ждал.

— Вы знали, что я спасен?

— Да, конечно, но мы же просим о добром деле. Можно сказать, праведном.

— Кража — она кража и есть, ничего не попишешь.

— Вы не забыли, что род лорда Шортлендса восходит к Завоевателю?

Огастес чуть-чуть дрогнул.

— А что подумают Фостер-Френчи? Огастес взял себя в руки.

— Изыди, Сатана, — сказал он. — Чего прицепился?

— О Бингах-Браун-Бингсах и подумать страшно.

— Да что с ним говорить? — крикнул Стэнвуд. — Дай ему в ухо!

Майк удивился. Это мысль!

— Молодец, Стэнвуд, — одобрил он. — Это мысль.

— Скрути его, а я обработаю.

— Лучше сперва переобуйся. А вы, Терри, оставьте нас. Зрелище не для женщин.

Огастес побледнел. Он был миролюбивым человеком.

— Это что, как говорится, насилие?

— Оно самое, — произнес Стэнвуд, утративший недавнюю мягкость. — Насилие в чистом виде. На размышление даю две секунды.

Огастесу хватило одной.

— Ладно, — сказал он. — Если вы так, дорогуша, ничего не попишешь.

— Вот это разговор.

— Молодцом, Огастес.

— Только я…э… рас-тре-ни-ро-вал-ся.

— Ничего, талант не убьешь.

— И потом, это самое, невры. Слаб я стал. Не выпью — не взломаю. А пить я не буду, грех.

Он победно расправил плечи, но Терри нежно улыбнулась.

— Ну, ради меня, мистер Ворр! Малю-юсенький глоточек.

— Ы-ы… Малюсенький! Да мне ведра не хватит.

— Дадим ведро, — пообещал лорд Шортлендс. Казалось бы, дельное предложение, но Огастес не сдался.

Он покачал головой.

— Переобуйся, Стэнвуд, — сказал Майк. — И поскорее. Именно тут Огастес рухнул. Он не видел Стэнвуда на футбольном поле, но прекрасно представлял.

— Ладно, чего там, будь по-вашему. Только добра не выйдет.

— Молодец, — сказал Майк. — Мы знали, что вы не подведете. Инструменты есть?

— Придется в Лондон смахать.

— Храните их, голубчиков?

— Ну! Никак руки не доходят. Схожу, значит, к другу, на Севен

Дайелз. Да, не было заботы… — и он угрюмо побрел к дверям.

— Стэнвуд! — вскричала Терри. — Вы — волшебник! Как вы до этого додумались?

— Пришло, знаете, в голову, — скромно ответил он.

— В таких деликатных делах, — пояснил Майк, — часто побеждают не тонкие, хитроумные дипломаты, а грубые практичные люди, переходящие прямо к делу. Теперь, как мы добудем выпивку? Не лезть же в погреб. Лучше я поеду с ним в город и все куплю.

— Побольше, — сказал Стэнвуд.

— Естественно.

— А главное — разного, — прибавил прозорливый пэр. — Кто его знает, что он пил. Некоторые, к примеру, не выносят виски. Накупите, мой мальчик, всего, что только бывает, и поставьте ко мне. Ему нужно тихое местечко, чтобы подготовиться. Чего не допьет, — прибавил граф, заметно оживляясь, — я использую попозже.

Глава XV

Если ты хочешь добиться успеха, за твоим замыслом должен стоять направляющий разум. Когда речь зашла о взламывании сейфа и извлечении марки 1851 года, план кампании разрабатывал Кардинел. Соответственно, он постановил:

1. Час 0–1.30 (полвторого ночи).

До этого времени, разъяснил он, кто-то может еще ходить по замку. Позже — самим заговорщикам не удастся толком поспать. Лично он поспать хотел, равно как и граф, поддержавший его решение.

2. Общий сбор — 1.15 в кабинете.

Надо же где-то собраться. Кроме того, Огастесу стоит вынуть в кабинете стекло и оставить отметку на мебели, наводя тем самым на мысль, что взломщик проник извне. Граф горячо поддержал эту уловку.

3. Лорд Шортлендс занимается Ворром.

Конкретно — приглашает к себе в спальню и накачивает до тех пор,

пока тот не достигнет нужной кондиции. Потом он ведет его в кабинет (1.15). Собравшиеся располагают четвертью часа. Восемь минут уходит на окно и мебель, две — на то, чтобы подняться по лестнице. Пятиминутный зазор необходим, чтобы образумить Огастеса, если в нем проснется совесть.

4. Стэнвуд идет в постель.

И в ней остается, поскольку иначе может тем или иным способом испортить игру.

5. Терри тоже ложится.

Поскольку от волнения она верещит, как целая корзина щенков, да и вообще дело — не женское. (Граф поддержал и это, заметив, что в детективе, который Дезборо подарил ему на день рождения, сыщику серьезно мешает златокудрая Мейбл.)

6. Та же Терри прекращает спорить и подчиняется приказу.

Действительно, спор затянулся, но Майк поставил ее на место, указав, что и у нее — золотистые волосы.

Однако в час ночи Терри лежала здесь же, на тахте, читая второй из трех томов романа Марсии Хаддлстоун «Преданный Перси» (1869). Он валялся на столе, и она его взяла за неимением лучшего. Заметим, что ей удивительно шли пижама, халатик и домашние туфли.

В 1.03 вошел граф, которому тоже шли пижама, халат и туфли. Глаза его, и так вылезавшие от волнения, совсем уподобились улиточьим, когда он увидел дочь.

— Ой, Господи, Терри! Что ты тут делаешь?

— Читаю, Шорти, чтобы занять время.

— *Он* же велел тебе идти в постель!

— И то правда. Какой самоуверенный, а? Это мне, в постель! А у тебя неплохие книги. Все, как одна, изданы не позже 1870 года.

— Что-что? А, они не мои, — рассеяно бросил граф, радуясь тому, что сможет замолвить словечко за своего фаворита. — Дядины.

— Он любил викторианские романы?

— Наверное.

— Да и ты их любишь. Этот лежал на столе, чуть ли не раскрытый.

— Его брал Майк. Только что вернул. Говорил, очень помогло, не знаю уж, в каком смысле. Терри, — ловко свернул он, — я о нем немало думал.

— Вот как, Шорти? Ясное дело, он вечно лезет в глаза.

— Знаешь, он мне нравится.

— И себе тоже.

— Посмотри, как он обставил Спинка.

— Ловко, ничего не скажешь.

— Храбр, как лев. Не боится Аделы.

— К чему ты ведешь, мой дорогой?

— Я… э-э… хочу узнать, не переменила ли ты мнения.

— Поня-ятно…

— Так переменила?

— Нет.

Лорд Шортлендс печально помолчал. Все шло хуже, чем он думал.

— А почему? — спросил он.

— Есть причина.

— Какая такая причина? Он — то, что тебе нужно. Богат. Красив. Занятен. И заметь, влюблен, как не знаю кто. Обрати внимание на его взгляд…

— Преданный?

— Вот именно. Ты его сразила наповал.

— А сама не поддаюсь. Это тебя огорчает?

— Естественно.

— Хорошо, я тебе кое-что скажу. Как выразилась бы героиня «Перси», я не осталась равнодушной. Этот самый взгляд пробирает меня до костей.

— Пробирает? — обрадовался лорд.

— В высшей степени. Я чувствую себя так, словно сияет солнце, шляпка, туфли и платье — лучше некуда, и кто-то подарил мне тысячу фунтов.

— Ну, вот! В чем же дело?

— Минуточку, Шорти, потерпи. Кроме того, я ощущаю, что у меня нет на эти взгляды эксклюзивных прав.

— Не понял.

— Должно быть, он смотрит точно так же на всех женщин.

— То есть, по-твоему, он… э-э… ветреник?

— Да, если это слово обозначает человека, который ухаживает за каждой мало-мальски приятной девицей.

— Он говорит, что любит тебя с давних пор. Тебе было пятнадцать

или сколько там…

— Нужно же что-то сказать, а то разговор угаснет.

— Почему ты так думаешь?

— Чутье! Оно мне подсказывает, что твой Кардинел — мотылек, порхающий от цветка к цветку. Очень может быть, что порхал он не далее как вчера. Ты его видел, когда он вернулся из столицы?

— Нет, я гулял с Усиком.

— А я видела. Мало того, мы поболтали. От него на несколько ярдов пахло чем-то эдаким, терпким, словно он провел немало времени с экзотической женщиной. Не думай, я его не виню. Он не виноват, что похож на Аполлона. Но мне поддаваться нельзя. Благоразумная Терри Кобболд в очках и в митенках шепчет на ухо, что с Аполлонами связываться опасно. Словом, сердце — за, разум — против. Наверное, так относится к Спинку миссис Пентер.

Граф удрученно запыхтел.

— По-моему, ты делаешь большую ошибку.

— Что ж, бывает.

— Насчет этого, запаха. Наверное, он просто столкнулся с какой-нибудь дамой.

— Вот именно.

— Ах, Господи! Да выходи ты за него!

— Зачем это тебе нужно?

— Он мне нравится.

— Мне тоже.

— И потом, ты думала, что будет, когда Ворр украдет марку? Я женюсь, оставлю тебя один на один с Аделой — если, конечно, Клара подцепит Блейра. Тебе придется плохо, душенька. Лучше выйди за него, а?

Картинка, нарисованная им, тронула Терри. О чем, о чем, а об этом она не думала. Когда она как следует нахмурилась, вошел Майк.

— Что вы здесь делаете? — строго спросил он. — Я полагал, вы легли.

— Да-да, но я встала. Не могу заснуть. И вообще, я не видела, как взламывают сейфы.

— И незачем. Это — не для женщин.

— Мне очень хотелось!

— Теперь я понимаю, почему в газетах вечно пишут о своеволии современных девушек.

— Жадных до сенсаций.

— Именно, жадных до сенсаций. Что ж, благодарите Бога, что у вас будет добрый муж.

— Будет?
— Несомненно. Я придумал новый метод. Где Огастес?
— Наверное, у Шорти в спальне.
— Почему же Шорти не с ним? Где дух команды?
— Он меня выгнал, — жалобно промолвил граф. — Я не хотел уходить, но он сказал, я ему мешаю. Очень чувствительный, по-видимому.
— Как он там?
— Вроде бы ничего.
— Пойдите-ка лучше, посмотрите.
— А почему не вы?
— Мне надо поговорить с Терри.
Перенапрягшийся граф нервно провел рукой по седеющим волосам и пробормотал что-то насчет выпивки. Майк удивился.
— Вы что, с ним не пили?
— Он не позволил. Сказал, что это грешно. Я стал было спорить, но он заметил, что даст мне бутылкой. Ох, — размечтался несчастный пэр, — я бы миллион отдал за глоточек!
— Зачем? — возразил Майк. — Можно и дешевле. Пойдите ко мне, пошарьте в шкафу, на верхней полке. Там вы найдете фляжку. Отхлебните, сколько надо, и положите на стол два пенса.
Хозяин резво выбежал. Гость закрыл за ним дверь.
— Наконец мы одни, — сказал он. Нежное сердце Терри тронули муки отца.
— Бедный Шорти!
— Не без того.
— Он не годится для таких дел.
— Это верно.
— У него высокое давление…
Майк осторожно взял ее за локоть, подвел к креслу, усадил, а сам сел сбоку на ручку.
— Когда я воскликнул: «Мы одни!» — объяснил он, — я имел в виду не беседы о Шорти. О нем мы потолкуем позже, в нашем доме, у камина. «Давай, — скажете вы, — обсудим его давление». — «Давай», — отвечу я, но теперь актуальны другие вопросы. Входя, я услышал, что наш граф…
— Разве можно подслушивать?
— Можно, время от времени. На сцене для этого ставят ширмы, и все рады. Словом, он говорил: «Почему ты за него не выйдешь, дурья твоя голова?»
— Не совсем так…

— А надо бы. Кого он имел в виду, меня?

— Да.

— Молодец. А как вы обо мне заговорили?

— Он просто спросил, почему я за вас не выхожу.

— Я и сам удивлялся. А сейчас, кажется, понял. Вижу, вы читаете «Перси». Прошлой ночью я его пролистал, и не зря. Он навел меня на мысли об упомянутом методе. Мне стало ясно, в чем моя ошибка.

— Да?

— Да. Я слишком легковесен, если хотите — поверхностен. Занятен, конечно, но недостаточно серьезен. В 1869-м они лучше разбирались в таких делах. Вы дошли до той сцены, где лорд Перси объясняется с *ней* в оранжерее?

— Еще нет.

— Сейчас я вам прочитаю. Готовы?

— Что ж, если хотите…

— Хочу. Итак, он говорит: «Любящим взором, дорогая, я следил за тем, как вы переходите от детства к юности. Передо мною раскрывалось ваше очарование, и я, побывавший при многих дворах, не мог бы найти изъяна в ваших манерах. Теперь я прошу о даре, которым бы гордился человек самого высокого ранга, ибо вы украсите любой титул, одарите радостью любой замок. Каждое ваше желание, даже малейшая прихоть — закон для меня». Ну, как?

— Недурно.

— А вот еще: «О, дорогая, не разбивайте сердца, которое бьется только для вас! Я не из тех, кто пленяет прекрасных дам, и вы пожалели бы меня, узнав, какую зависть испытываю я к такому умению. Слова мои нелепы, облик скромен, но любовь непритворна. Вино льется тонкой струей, ибо сосуд переполнен. Да и способен ли блистать красноречием тот, кто молит о жизни? Я люблю вас, люблю. Неужели вы мне не ответите?» Не пойму, чего он жалуется. Если уж это — не красноречие… Ну, как? Вы тронуты?

— Не очень.

— Странно. На ту девицу это подействовало. ««Вы молчите, — вскричал он, прижимая ее к груди, — но ваше молчание лучше многих слов. Вы бледны, но вскоре лилия сменится розой». Он склонился к ее губам, и то ли со вздохом, то ли с рыданием она потянулась к нему». Каково? Дело в шляпе, тут и спорить не о чем. У Перси все в порядке. А у меня?

— У вас — нет.

— Вы не издали то ли рыдания, то ли вздоха?

— Ни в малейшей мере.

— Ясно! У Перси, если верить автору, шелковистая бородка, которую он приобрел — надеюсь, честно, — к двадцати четырем годам. Значит, ждем, пока я ее выращу. С утра и начну.

— Я бы не начинала. Сказать, почему вы меня не тронули?

— Давно пора.

— Ну, что ж… Вам непременно надо сидеть на ручке?

— Нет. Я просто хотел быть поближе на всякий случай. Ну, если что, я успею. Лилия, знаете, сменится розой и тому подобное. Ладно, слушаю.

Терри еще помолчала.

— Слушаю, — подбодрил ее Майк. — Говорите.

— Звучит глупо, но я боюсь.

— Ничего, ничего. Так в чем же дело?

— В том, что вы такой красивый.

— Что-о?!

— Кра-си-вый. Я же вам сказала, что это звучит глупо. Майк был совершенно потрясен.

— Глупо? — повторил он — Да за такие слова сажают в желтый дом! Это я, по-вашему, красивый?

— А какой же? Просто кинозвезда. Разве вы не замечали?

— Вроде бы нет. Лицо как лицо.

— Посмотрите в зеркало.

Майк посмотрел, закрыл один глаз, потом покачал головой.

— Ничего особенного. Ну, приятен на вид. Такая хорошая, надежная внешность.

— Анфас — может быть. Тут главное профиль. Поглядитесь как-нибудь боком.

— Я кто, по-вашему, мужчина-змея? — он отошел от зеркала. — Неужели вы *из-за этого* не выходите за меня замуж?

— Да, из-за этого.

— Знаете, ждал я какой-нибудь чуши, но все-таки не такой. Видимо, в детстве, глядя из окна, вы упали и обо что-то стукнулись.

— Спасибо, что ищете мне оправданий.

— А что еще делать? Дитя мое, вы слабоумны.

— Нет. Я благоразумна.

— Предположим. Что же плохого в красивых мужчинах?

— Я им не доверяю.

— Даже мне?

— Даже вам.

— Но я — сама добродетель!

— Так вам кажется.

— При чем тут «кажется»? Это — бесспорный факт. Может, одумаетесь?

— Нет.

Майк тяжело запыхтел.

— Насколько я понимаю, невежливо дать даме в глаз.

— Все графство подожмет губы.

— Ох уж, эти условности! Так до какого уродства надо дойти, чтобы получить вашу руку? Если бы я был вроде Стэнвуда…

— Ой!

— Нет, не сумею. Вот что, займусь боксом, я его люблю. Даст Бог, мне порвут ухо или сломают нос. Тогда вы перемените мнение?

— Во всяком случае, подумаю.

— На этом и остановимся. Разумеется, пока что я буду по-прежнему любить вас.

— Спасибо.

— Не за что. Рад служить. Но вообще-то Шорти мог бы выложить три гинеи и показать вас психиатру. А вот и он, то есть Шорти, — заметил Майк, поскольку подкрепившийся граф входил в комнату. — Приятно смотреть на оленя, идущего от потоков вод.[19] А знаете ли вы, что сказала мне ваша дочь Тереза? Что я, на ее вкус, слишком красив.

— Быть не может!

— Еще как может. Сказала, и во взоре ее, прибавлю, мелькали искры безумия. Но почему вы один? Что вы сделали с Огастесом?

— Его нигде нет.

— Даже у вас в спальне?

— Он оттуда ушел.

— Может быть, в библиотеку? — предположила Терри. Майк нахмурился.

— Да, наверное. Где дисциплина, хотел бы я знать? Где послушание старшим?

— Виновата, мой генерал!

— Никак с вами не справишься! Что ж, идемте в библиотеку. Терри оказалась права. Огастес ходил по библиотеке, держа бутылку creme de menthe.[20] Когда они вошли, он бесшабашно крикнул: «Хо!»

Глава XVI

Да, слово «бесшабашно» точнее всего обрисует его поведение. Именно оно, в своем французском виде, пришло бы на ум такому стилисту, как Флобер, скрупулезно подыскивавшему mot juste.[21] Лицо разгулявшегося Ворра стало пунцовым, глаза сверкали, уста растянулись в доброжелательной улыбке.

— Пр-ривет, дор-рогуши! — пророкотал он, приветливо помахивая бутылкой. Звук его голоса в ночной тиши напугал бы любого.

— Ш-ш-ш! — сказал Майк.

— Ш-ш-ш! — сказал лорд Шортлендс.

— Ш-ш-ш! — сказала Терри. Пунцовое лицо осветилось удивлением.

— Почему это «шы»? — осведомился он.

— Не так громко, Огастес. Уже ночь.

— Ну и что?

— Людей перебудите.

— Хо! И точно. Вот не подумал, — отозвался Ворр и хлебнул ликера. — Мятой пахнет, — прибавил он, стремясь просветить сообщников — Дэ, мятой, не иначе.

Майк понял, что предусмотрел не все. Он надеялся, что Огастес выпьет столько, сколько нужно, но не подумал, что тот может войти во вкус. Что он во вкус вошел, сомнений не было. В стельку он еще не напился, но был к этому близок. Оставалось пресечь зло, пока не поздно.

— Дайте-ка мне бутылку, — сказал Майк.

— Почемуй-то?

— Мне кажется, с вас хватит.

— С меня? Да я только начал.

— Ну-ну, старый друг. Я жду.

В глазах Огастеса мелькнула угроза.

— Ты только тронь, дорогуша, только, эт-та, тронь, дам по куполу. — Он отхлебнул еще. — Мята. Хорошая травка. И для здоровья полезно. Помню, любил я мятные леденцы. Дядя Фред мне давал, чтобы я не дек-ла-ри-ро-вал. Такой эт-та стих, дорогуша, туман там, обман. — Он с упреком взглянул на Майка. — Обман, дорогуша. Это грех, ложь называется. Возьмем Ананию и Сапфиру…[22]

Лорд Шортлендс испуганно тронул локоть Майка.

— Кардинел!..

— А?

— Вы ничего не заметили?
— Э?
— Я думаю, он напился.
— И я так думаю.
— Что же нам делать?
— Прервать операцию. Огастес!
— Чего?
— Ш-ш-ш, — сказал Майк.
— Ш-ш-ш, — сказал граф.
— Ш-ш-ш, — сказала и Терри. Ворр очень обиделся.
— Заладили, «шы» да «шы»! — горестно воскликнул он. — Народ перебужу, да? Ну, что «шы»? Что «шы»?
— Простите, Огастес, — сказал миролюбивый Майк. — Больше не будем. Может, все-таки приступите к делу?
— Какому такому делу?
— К сейфу.
— Какие еще сейфы?
— Который вы собирались открыть.
— А, этот! Что ж, дорогуша, потопали. Эй!
— Что?
— Где инструменты?
— Не у вас?
— Да вроде бы нет…
— Не могли же они пропасть!
— Почему это «не могли»? Могли, как миленькие. У слесаря может пропасть инструмент? Может. А я что, хуже? То-то и оно, дорогуша. Сперва подумайте, а потом уж и, эт-та, говорите.
— Наверное, вы оставили их у папы, — предположила Терри.
— Ну, здрасьте! Теперь вы начали. Какие такие папы?
— Я хочу сказать, Шорти. Огастес повернулся к графу.
— Это вы, что ли?
— Сокращение от «Шортлендс», — пояснил Майк.
— Надо же… — удивился Огастес. — Со-кра-ще-ние… — он хрюкнул, и так громко, что измученный пэр подскочил на шесть дюймов, а спустившись, вцепился в рукав Майка.
— Зачем вы хрюкаете?
— Ды ладно, не буду.
— Адела и так плохо спит.
Майк понял, что надо было дать железной леди снотворное, скажем —

в теплом молоке. Именно такие мелочи упускают стратеги.

Огастес тем временем бродил по комнате, бормоча: «Значит, от Шортлендс». Потом он опустился в кресло, благодушно бормоча и там, словно попугай, чью клетку накрыли зеленой бязью.

— Сбегайте, Шорти, посмотрите, не у вас ли они, — сказал Майк.

Граф убежал. В библиотеке воцарилась странная тишина. Огастес закончил монолог и сидел, опустив голову. Терри тронула Майка за локоть.

— Майк! — прошептала она.

— Да, моя дорогая?

— Посмотрите, он плачет.

Майк посмотрел. Действительно, из-под очков медленно текли слезы.

— Что случилось, Огастес? — спросил он. Обратившийся медвежатник утер жемчужные капли.

— Про нее вспомнил, дорогуша.

— Про кого?

— Да про нее. Потерял я одну, эт-та, особу… Майк облегченно вздохнул.

— Ничего, — шепнул он Терри. — Впал в сентиментальность.

— Да-а?

— Да. И слава Богу, следующая стадия — буйство. Не знал, Огастес, что у вас несчастная любовь. Когда вы в последний раз *ее* видели?

— Я не видел. Она не пришла.

— Куда?

— Да в эту, ре-гис-тратуру. Наверное, вы думали, дорогуша, чегой-то он плывет один по, эт-та, морю житейскому. Сейчас скажу. Собирался я жениться, а она не пришла.

— Ай-я-яй!

— То-то и оно.

— Какая жалость, мистер Ворр!

— Пропала, наверное. Я ей про все рассказал, она вроде бы простила, а явился я на Бик-стрит, смотрю — ее нету. Два часа просидел.

— Какой ужас! Что же вы сделали?

— Ну, выпил шипучки, съел сэнгвич с ветчиной… А забыть — не забыл, дорогуша. Прямо вижу ее физиогномию, а сердце-то гложет, будто мыши.

Майк понимающе кивнул.

— Любовь, это вам не сахар. Вот они, женщины. Рыцарственный Огастес с ним не согласился.

— Прям сейчас! Я так думаю, — начал он, допивая crёте de menthe, — может, это перст судьбы, а может — и нет. Эти ре-ги-стра-ту-ры есть и на Бик-стрит, и на Мик-стрит, и на Грик-стрит. Трудно ли перепутать? Я пошел на Бик-стрит, а она, значит, на Мик-стрит…

— Или Грик-стрит.

— Ну!

— Что ж вы ее не спросили?

— Опоздал, дорогуша. Целую неделю обижался, а там и подумал: не иначе как не-до-ра-зу-мнение. Пошел к ней, да не застал. Говорят, нету, уехала. Ну, я и сам уехал в Америку с одним джентле-ме-ном. Как говорится, пролег меж нами океан.

Воцарилось молчание. Потрясенные Майк и Терри с сочувствием смотрели на Огастеса, тогда как он, если бы не икал, мог бы сойти за статую печали.

Однако вскоре он ожил, словно Галатея.

— А ка-ак она стряпала! — проговорил он. — К примеру, пирог с почками. Одно слово, таял во рту.

— Какой ужас!

— Да, дорогуша.

— Шекспир бы написал неплохую пьесу, — предположил Майк.

— Ну! — согласился Огастес, снимая очки, чтобы утереть новую слезу. Надев их, он печально смотрел на сообщников. — Куда ни глянешь, беда. У вас-то как, мистер Кардинел? Вот с ней, с ней!

Терри залилась краской, что позволило Майку сравнить ее щеки с предвечерним багрянцем на летнем небе, а заодно подумать о том, что бы тут сделал лорд Перси. Ответ не замедлил: он бы сам превратился в розу.

— Переменим тему, — предложил он.

Огастес помрачнел и резко выставил подбородок.

— С чегой-то? — осведомился он — Тему, понимаешь! Будут мне указывать всякие…

Он замешкался, отыскивая mot juste, но тут появился лорд Шортлендс и сообщил, что инструментов нигде нет.

— Каких эт-та ин-скру-ментов?

— Да ваших.

Огастес поджался. Последний глоток cr’eme de menthe переместил его в следующую фазу алкогольной интоксикации, а потому он зорко взглянул на графа.

— А на что они вам? Тронете — дам в рыло.

— Вы же сами меня послали!

— Это кто, я?

— Послал, послал, — заверил лорд Шортлендс Майка, на которого Огастес тут же сурово взглянул, спросив при этом:

— *А он* тут при чем?

— Понимаете, Огастес, — сказал Майк, — без инструментов нам не обойтись. Значит, их надо найти.

— Зачем это? Они под диваном, я сам положил. Как сюда явился, так сразу и засунул.

— А, ясно! Произошло недоразумение.

— Не люблю я этого…

— Ну, ладно. Вот они, просим.

Огастес отрешенно взял сумку. Смотрел он на лорда Шортлендса, по-видимому, ощутив неприязнь к безобидному пэру.

— Графы! — произнес он, и его сообщники поняли, что crête de menthe обратил записного сноба в бескомпромиссного мятежника. — Чихать я на них хотел. Тоже мне, графы!

— Они совсем неплохи, — возразил Майк, пытаясь остановить дрейф в сторону Москвы.

— Прям сейчас! Рыщут, как говорится, обирают сирот и вдов. И вообще, никакой он не граф.

— Поверьте, граф. Завтра он покажет вам корону, можете поиграть с ней. Так вот, Огастес…

— Мистер Ворр.

— Простите.

— Еще чего, простить! Я вам не Огастес. Пораспустились! Чего не люблю, того не люблю. Надо бы Стэнвуду сказать, а то он… Может, я и не граф, но тоже человек, себя, эт-та, уважаю.

— Конечно, мистер Ворр, — заверила Терри.

— Ну!

Лорд Шортлендс ощутил, что пора переменить тему.

— Я постоял у Аделы под дверью. Кажется, спит.

— Это хорошо, — откликнулся Майк.

— Какие такие Аделы? — спросил Огастес.

— Леди Алела, моя дочь.

Огастес нахмурил лоб. Он знал, что разум его почему-то затуманен, но не мог уловить, где же тут ошибка.

— Прямо! — наконец догадался он. — Вон ваша дочка.

— Нас трое, мистер Ворр, — сообщила Терри.

— Хо! — заметил Огастес тоном, каким говорят, чтобы не обидеть

даму. — Ладно, потолкуем с этой Аделой.

— Может, попозже? — предложил Майк, видевший, что граф — в агонии. — Сделайте дело, и потолкуете. Кстати, сейф у окна.

— Справа от окна, — уточнила Терри.

— Почти рядом, — добавил граф, чтобы не допустить и малейшей ошибки.

— Ы-р-р, — сказал Огастес. — Чего ж время теряли? Ой! Его сообщники вскочили разом.

— Ш-ш! — сказал Майк.

— Ш-ш! — сказал лорд Шортлендс.

— Ш-ш! — сказала и Терри.

— Опять за свое, — огорчился Ворр. — Судорга, как говорится. Ногу схватило.

Он медленно встал, размялся, подошел к сейфу и постучал по нему, а потом презрительно хмыкнул.

— Хо! Тоже мне сейф! Сообщники приободрились.

— Значит, вам легко его вскрыть? — проверил Майк.

— Да хоть ножом от сардинок! Дайте-ка… Не-а, лучше шпильку.

Растерянный граф, которого Огастес явно считал чем-то вроде подмастерья у слесаря, сидел на тахте, обхватив голову руками. Урезонивать героя пришлось Терри.

— Может быть, лучше ваши орудия, мистер Ворр? Как-никак, ездили за ним в Лондон.

Огастес, большой поклонник красоты, все-таки не сдался.

— Шпильку.

Майк пожалел, что отослал Стэнвуда. Вот кто тут нужен. Что ж, придется заменить его по мере сил.

— Ладно, — сказал он, — хватит. Кончайте комедию, работать пора.

Однако он ошибся. Суровость обидела Огастеса.

— Ах, вот как? — поинтересовался он. — Да я их в окно выброшу!

И, подняв сумку, он стал ею размахивать.

— Майк! — закричала Терри.

— Остановите его! — вскрикнул граф.

Майк кинулся к Огастесу и застыл на месте. Он услышал женский голос за дверью. Сумка, полная острых инструментов, ударила его по лицу. Вслед за этим раздался звон, она вылетела в окно и, судя по всплеску, упала в ров.

— От это да! — заметил медвежатник.

— Майк! — вскричала Терри. — Вы ранены?

Но Майк выскочил из комнаты и хлопнул дверью.

Глава XVII

Сообщники удивленно смотрели друг на друга. Первым заговорил граф.

— Пойду-ка я лягу.

— Почему он убежал? — спросила Терри.

— Глаз промыть, дорогуша, — объяснил Огастес. — А то распухнет, будь здоров. Ловко я его, однако!

— Шорти! — воскликнула дочь — Как ты думаешь, он ранен?

Лорд Шортлендс уклонился от обсуждения этой проблемы. Майк ему нравился, и при нормальных обстоятельствах он бы ему посочувствовал, но сейчас им владела мысль о том, что Огастес, должно быть, выпил не все. Отсюда следовало, что можно хлопнуть стаканчик, а после того, через что прошел бедный граф, это поистине необходимо. Время ли размышлять об увечьях человека, который скорее знакомый, чем близкий друг?

— Спокойной ночи, — сказал он, уходя. Огастес тем временем сокрушался.

— Что ж это я, а? — сетовал он. — Много кому я дал бы в глаз, но не мистеру Кардинелу. Я его очень уважаю.

Терри кинулась на него, как самка леопарда.

— Вы его убить могли!

— Ну уж, дорогуша! — возразил он. — Одно дело — убить, другое — заехать в глаз. А что вы орете, это хорошо. Значит, как говорится, в сердце проснулась любовь.

Негодование исчезло. Чувство юмора у Терри надолго не засыпало.

— Вы так считаете, мистер Ворр?

— А то! Зря силы тратите, как этот, фараон. Помните, жабы у них расплодились, а он и ожесточись? Эй, пить больше нечего!

— Какая жалость!

— Мята, — констатировал Ворр. — Вас и на свете не было, а мой дядя Фред, помнится…

— И я помню, вы рассказывали.

— Вон как? Так о чем мы говорили?

— О жабах.

— Это я так, к слову. А говорили мы об, эт-та, ожесточении сердец. Значит, проснулась любовь. Самое время пойти к мистеру Кардинелу.

Обнимете-поцелуете…

— Да?

— А то как же! Он вас, что называется, любит.

— Он вам говорил? Ах, забыла, вы же прочитали письмо.

— Ну! На столе лежало.

— Вы всегда читаете чужие письма?

— Могу, так читаю. Интер-ресно, как люди живут, а уж мистер Кардинел — и подавно. Всем хорош. В Америке сказали бы — туз.

— Вам нравится Америка?

— Да ничего. Хаш с кукурузой ели?

— Нет, не доводилось.

— Будете там, поешьте. И вафли у них — ого!

— Расскажите мне про вафли.

— Прям сейчас! Я вам про мистера Кардинела скажу. Одно слово, туз.

— Вы часто видите тузов? Огастес молчал, он был в трансе.

— А рыба печеная? — проговорил он наконец. — А курица по-мэрилендски? А пирог с клубникой?

— Я вижу, вы любите поесть.

— Это да. И мистера Кардинела люблю. Вот с кого Стэнвуду пример брать. С ним хлопот не оберешься. Уж как я за ним смотрел, а что толку? Пьет как не знаю кто, и еще дворецких всяких слушает. Росситер он, это надо же!

— Не знала, что Стэнвуд пьет.

— Сосет, как насос, дорогуша. Прямо, эт-та, жаждущий цветок. То ли дело мистер Кардинел! Посадите его в погреб, он выйдет — ни в одном глазу. И такая пигалица выйти за него не желает!

— Вы грубоваты, мистер Ворр.

— Для вашего блага, дорогуша.

— А! Ну, тогда простите.

— Ничего, ничего. Значит, выходите, не прогадаете. Положение занимает.

— Вроде бы да.

— Веселый такой.

— Да, веселый.

— Играет на укулеле.

— Просто идеал.

— И кошку-собачку не обидит. Как сейчас помню, подобрал он песика, грязный такой, мокрый — и отнес к нам. Прямо Авраам, одно слово. — Огастес утер слезу. — *Она* тоже собачек любила. Ладно, так вы к

нему пойдите и, эт-та, скажите: «Да».

— Не стоит, мистер Ворр.

— Вы что ж, за него не выйдете?

— Не выйду.

— Ума у вас нету, дорогуша. А, привет, мистер Кардинел!

— Майк! — вскрикнула Терри.

Огастес глядел на дело своих рук — один глаз закрыт, по щеке расползается пятно, словно пчелы искусали.

— От это да! Виноват, мистер Кардинел. Майк отмахнулся.

— Да ладно, с кем не случается! Где Шорти?

— Собирался лечь, — отвечала Терри. — А почему вы убежали?

— Услышал голос вашей сестры.

— О, Господи!

— Не беспокойтесь. Я все уладил.

— Как?

— Думать пришлось на месте. Она спросила, что со мной. Так Шорти лег? Это хорошо. Пусть поживет, пока можно. Бедный он, бедный! Сердце кровью обливается.

— Что вы ей сказали?

— Сейчас, сейчас. А вам я сказал, что думать пришлось на месте?

— Да.

— Так вот, я заложил Шорти. Как русский крестьянин, знаете. Бегут за ним волки, он им ребенка и выбросит, все же саням легче. Итак, я сказал вашей сестре, что Шорти напился и бьет окна. «Посмотрите, — говорю, — и мне перепало». Она хотела зайти, но я ее убедил, что с ним справлюсь. Она меня благодарила: «Какое утешение, что вы тут!» И ушла. Что-то вы не радуетесь.

— Шорти жалко.

— Мне, собственно, тоже. Но, как выражается Спинк, омлета в белых перчатках не сделаешь.

— Да, наверное. И вам пришлось думать на месте…

— Именно. А Шорти не рассердится. Он меня похвалит.

— Не очень пылко.

— Может быть, не очень. Но увидит, что иначе я поступить не мог.

— Надеюсь, это его поддержит при беседе с Аделой. А что будем делать с глазом? Его надо промыть.

— Мяса сырого положите, — твердо сказал Огастес. — Пойдите в кладовую, возьмите хороший кусочек. Сразу легче станет.

— Я думаю, вы правы.

— А то! Мясо — его ничем не пробьешь.

— Жестокие забавы старины, — заметил Майк. — «Пробивать мясо». Сколько со мной хлопот!

— Ничего, — ответила Терри и ушла делать доброе дело. Огастес осмотрел глаз и вынес приговор эксперта:

— Фонарь, дорогуша.

— Да, Огастес. А как распух! Вроде свинки.

— И не ко времени. Эти, особы, что они любят? Красоту. Так-то, дорогуша. Пожалеть — пожалеют, а уж любить — не обессудьте. Вот ваша сейчас…

— Я бы сказал «леди Тереза».

— Ладно, леди. Что бишь я? А, помню! Я, значит, ей говорю чтобы она, эт-та… Ух ты, прям черный! Помню, один со-ци-а-лист тоже мне в глаз заехал, за консервированные взгляды. Так где мы были?

— Не знаю.

— А я знаю. Значит, сказал я вашей…

— Огастес!

— Ничего девица, хо-хо! Как говорится, пупсик.

Майк вздохнул. Ему хотелось обойтись без методов Стэнвуда, но становилось ясно, что других в данном случае нету.

— Вы не заняты? — спросил он.

— Вроде нет. А что?

— Не могли бы вы повернуться ко мне спиной?

— Зачем это?

— Не важно. Сделайте одолжение, повернитесь — и наклонитесь.

— Вот так?

— Именно. Р-раз! — и Майк ударил в зад добровольную жертву с силой, которой позавидовал бы Стэнвуд.

— Ой! — заорал Огастес и что-нибудь прибавил бы, если бы в это мгновение не появилась Терри с миской теплой воды и мясом на тарелке.

— Прошу, — сказала она. — Какой вы суровый, мистер Ворр!

Тот не ответил. Поправив роговые очки, он бросил на Майка долгий, скорбный, укоризненный взгляд и удалился.

— Что это с ним? — спросила Терри.

— Пришлось ему врезать.

— Врезать?

— Да.

— Почему?

— Он непочтительно отзывался о даме.

— Быть не может!

— Еще как может! Назвал вас пупсиком.

— А это не так?

— Не в этом дело. Если мы допустим, чтобы медвежатники непочтительно отзывались об ангелах, нас ждет печальная участь Вавилона и Рима. Где иерархия, где порядок? Нет, вы подумайте, «пупсик»!

— Пригнитесь немного, — сказала Терри, отерев ему глаз губкой. — Я думаю, вы еще пожалеете.

— О чем мне жалеть, если вы не будете лить мне воду за шиворот?

— О том, что вы его ударили. Он — ваш верный защитник. Перед тем как вы пришли, он уговаривал меня за вас выйти.

— Что!

— Вот, пожалели.

— Да уж, совесть не молчит. Как мне искупить вину?

— Лучше послушайте. Он удивлялся, что такой человек нашел в какой-то пигалице.

— Однако! С утра попрошу прощения. Удивительно…

— Не дергайтесь. Вода потечет за шиворот.

— Мне это нравится. Так вот, удивительно, что все как один за меня хлопочут. Сперва Шорти, теперь Огастес. Почему бы вам не прислушаться к гласу народа?

— А теперь мясо. Так. Привяжу вашим платком. Майк сентиментально вздохнул.

— Думал ли я в одинокие дни, что здесь, у вас в доме, вы будете привязывать к моему глазу сырой бифштекс!

— Вы были одиноки?

— Еще как!

— Странно.

— Что тут странного?

— Стэнвуд говорит, на вас вечно висели дюжины девушек.

— Он так говорит?!

— Да. Увидит вас, и думает, как в старой песенке: «Ну, что это творится? Еще одна девица…»

Майк не в первый раз подумал, что Стэнвуду самое место в хорошей психушке.

— Разве это неправда? — продолжала Терри.

Трудно ответить с достоинством, если у тебя бифштекс на лице, но Майк сделал, что мог.

— Иногда я общался с особами женского пола. Там это принято. И что

же?

— О, ничего! Просто сказала.

— Голливуд — не монастырь.

— Я слышала.

— Там есть женщины, мало того, они на вас виснут. Приходится быть вежливым.

— Ну, вот. Я думаю, держаться будет. Хотела бы я, чтобы вы посмотрелись в зеркало.

— А что, очень страшный?

— Страшнее некуда. Вроде гангстера после драки.

— Что ж, самое время возобновить мои старания. Если помните, вы сетовали на мою… э-э… красоту. Пожалуйста, она пропала.

— Я думаю, только на время. Если мясо не упадет, завтра будете, как раньше. Ну, я пошла.

— Нет, что за глупости! Вы не уйдете, пока не образумитесь.

— В каком смысле?

— Сами знаете, в каком. Итак, вы за меня выйдете?

— Нет.

— Почему?

— Я же вам сказала.

— А я ответил, что это бред. Девушки не отвергают мужчин за то, что у тех правильный профиль.

— Кто как. Я — отвергаю.

— Вы же знаете, что я вас люблю!

— Знаю? Не уверена.

— Зато я уверен. Кроме вас мне никто не нужен.

— А Стэнвуд…

— К черту Стэнвуда! Его давно пора отдубасить.

— Да? Тогда он вас отдубасит так, что вы себя не узнаете.

— Верно. И почему бессовестные люди обычно бывают такими глыбами? Праведным остается терпеть.

— Расскажите мне про этих девушек.

— Что тут рассказывать? Ну, танцевали.

— Ага!

— При чем здесь «ага»? Танцуют обычно парами. Как вы думаете, через сколько времени вышвырнут из «Трокадеро» субъекта, который кружит пируэты один?

— Что такое «Трокадеро»?

— Одно местечко в Голливуде.

— Там вы держите свой гарем?

— Опять! Какой гарем? Это — просто знакомые. Плюньте на них.

— Не могу. Понимаете…

— Нет.

— Хорошо, я объясню. Я не доверяю красивым мужчинам потому, что уже обожглась.

— Господи! Когда же?

— Не так давно. Когда служила в оперетте. Там был герой-любовник, Джеффри Харвест.

Майк закричал от ужаса:

— Боже мой! Этот червь? Этот смазливый гад? Помню, мне всегда хотелось перескочить через рампу и врезать ему как следует.

— Но вы не можете отрицать, что он красив.

— В самом мерзком, слащавом, приторном духе.

— Мне он казался Аполлоном.

— Стыдитесь!

— Я и стыжусь.

— Герой-любовник! Нет, только подумайте: вы — и герой-любовник! Заметьте, не чечеточник, не куплетист, те еще ничего, а сладенький тенор! Какой позор! Что вас подвигло на такие глупости?

— Сказано, красота. Но пелена упала с моих глаз. Он оказался ветреником.

— Кем-кем?

— Так называет это Шорти.

— Где он берет такие словечки?

— Если хотите — ловеласом. Когда я это заметила, я разорвала помолвку. И решила, что больше меня не поймать. Теперь ясно?

— Да я же не ветреник! Откуда вы взяли?

— Так, чутье.

— Оно вас обманывает.

— Может быть. Но рисковать я не хочу. Второго раза мне не вынести.

— Я вас никогда не оставлю!

— Кто его знает…

— Ну, попытайтесь хотя бы.

— Это не игра, Майк. Боюсь, я старомодна. Брак для меня *очень* серьезен.

— И для меня.

— Неужели?

— Почему вы мне не верите?

— Ну, вы вечно шутите, и…

Майк стал бить себя в грудь, как Гость на свадьбе.[23]

— Так я и знал! Так и знал! Так и чувствовал! Значит, дело в том, что я — клоун. Сколько раз я себе говорил: «Брось, не паясничай, смени пластинку» — но не могу. Надо же как-то прикрывать свою робость.

— Робость?!

— А то что же? Все влюбленные робеют. Я вас люблю всерьез. Я вас люблю с самой первой встречи. Ну, поверьте мне, Терри! Я же умру без вас!

— Если бы вы *так* говорили…

— Но еще не поздно? Терри, не поздно? Больше мне случая не представится.

— Почему?

— Мне надо ехать.

— Куда?

— Туда, в Голливуд.

— Ой! — тихо выдохнула Терри.

— Да, на той неделе. Меня ждала телеграмма. Старший партнер заболел. Так что это — мой последний шанс. Через шесть тысяч миль не объяснишься.

— Ой! — повторила Терри.

Советы опытного Ворра припомнились Майку. Как он сказал, «обнимете-поцелуете»? Конечно, напился дальше некуда, но эти слова достойны внимания. У некоторых cr’eme de menthe обостряет разум.

Тем самым, Майк обнял Терри и поцеловал. Совет сработал на славу.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава XVIII

Стэнвуд Кобболд присел в постели и зажег свет. Он посмотрел на часы. Было самое начало третьего.

Футбол приучил его к послушанию, и когда Майк велел ему лечь, он лег. Конечно, он жалел, что отстранен от дела, но понимал, что так лучше. Действительно, того и гляди, он бы испортил всю игру. Оглядываясь назад, он видел, что всю свою жизнь портил игру где только мог, значит — испортил бы и эту.

Однако сейчас, проснувшись, он подумал, что не будет особого вреда, если сходить в библиотеку и посмотреть, все ли в порядке. Операция должна бы уже закончиться; интересно, как там что. Кроме того, интересно посмотреть на Огастеса. Все-таки, исключительное зрелище.

Где библиотека, он знал. Этот очкастый тип водил его туда после обеда. Облачившись в халат, Стэнвуд спустился по лестничке и пошел по коридору. Из-под заветной двери сочился свет; значит, компания — на месте. Конечно, они могут рассердиться, что он нарушил приказ, но все-таки стоит войти. Он и вошел, словно мокрая собака, проникающая в гостиную, чтобы присоединиться к людям, и опасающаяся, что ее плохо примут.

Увидев, что там только Терри, он облегченно вздохнул. Она сидела в кресле и о чем-то думала.

— Эй! — произнес он, как ему казалось, шепотом. Терри очнулась и вскрикнула. Майк понес посуду на кухню, а она осталась, пообещав, что ляжет в постель; но не легла, поскольку хотела хоть как-то развеять чары. Голос Стэнвуда, похожий на вопль приемника, когда ты повернешь эту штуку больше чем надо, ее напугал.

— Стэнвуд! — сурово сказала она. — Почему вы кричите?

— Я шепчу, — возразил огорченный гость.

— Шепчите тише. Садитесь сюда, на тахту, и говорите мне на ухо.

Стэнвуд подошел поближе, свалив по дороге столик.

— Все в порядке? — хрипло выговорил он.

— О, да! — отвечала Терри, сияя.

Стэнвуд обрадовался. Его это дело не касалось, но за друзей — приятно.

— Очень хорошо. Значит, она у вас?

— Кто именно?

— Да эта марка.

— А, марка! Нет, не у нас. Видите это окно? Мистер Ворр бросил в него свои инструменты, и они упали в ров.

Стэнвуд заметил сразу, что откуда-то дует, но решил, что ему кажется.

— Зачем он их бросил?

— Обиделся. Майк с ним грубо говорил.

— Вон как! Напился, я думаю.

— Да, напился.

— Жаль, я его не видел.

— Жаль. Исключительное зрелище.

Стэнвуд испытал много чувств — сострадание к графу, не получившему марки; жалость к себе (см. выше); а главное — растерянность. Если все провалилось, почему Терри так рада?

— Помнится, вы говорили, что все в порядке, — намекнул он.

— Конечно. Вам казалось когда-нибудь, что вы плывете на розовом облаке?

— Еще бы! — воскликнул он, живо припомнив оба случая: когда Эйлин, стряхнув пепел, ответила ему: «Да», и несколько раньше, когда именно его удар в последние полминуты обеспечил команде счет 7:6.

— Вот и мне сейчас так кажется. Понимаете, я выхожу за Майка.

— Да? А я думал…

— И я думала. Но изменила мнение.

— Рад за вас.

— Рады?

— Конечно.

Они помолчали. Терри покачивалась на облаке, сияя глазами, а Стэнвуд с облегчением думал о том, что Майк любит не Эйлин.

— Это приятно, — объяснил он наконец. — Старый добрый Майк уходит с поля. Все же легче.

— Я не совсем поняла.

— Когда человек так красив, как-то страшновато.

— Почему?

— Кто его знает, что случится! Мне казалось, ему нравится Эйлин.

Облако выскользнуло из-под Терри, она упала в океан, причем не сверкающий, а холодный, и кишащий, вдобавок, колючими чудищами.

— Какая глупость! — сказала она чужим, незнакомым голосом.

Но Стэнвуд продолжал, как ни в чем не бывало:

— Началось все на этой вечеринке. Позвал я гостей в честь Эйлин, Майк пришел и как-то так на нее поглядывал. Вы не замечали, как он смотрит на женщин? Такой, знаете, взгляд… А, что?

— Ничего.

— Вы хотели что-то сказать?

— Нет-нет.

— Значит, он на нее глядел, и мне это не понравилось. Конечно, они знакомы по Голливуду…

— Близко?

— Ну да. И когда она мне сказала вот *это…*

— Что именно?

— Я вам не говорил? Да, конечно, случая не было. Она сказала, что не выйдет за меня, пока у меня нет денег. Понимаете, она выходила замуж за бедных, и ничего не получалось. А сейчас, когда я лег, мне подумалось, что она крутит.

— Крутит?

— Финтит, — пояснил Стэнвуд. — Понимаете, вспомнил я вечеринку и этот самый взгляд… В общем, а вдруг она просто хочет от меня отделаться? Но сейчас я успокоился. Если вы за него выходите, значит, мне просто показалось.

Терри не разделяла эту наивную веру. Простодушный Стэнвуд успокоился, а она — нет. Ей припомнился Джеффри Харвест, непостоянный красавец. Он *глядел* и на нее, и на всех других. С болью подумав об этом, она вскрикнула и закрыла лицо руками.

— Эй! — заволновался Стэнвуд. — Что это вы?

Простодушные люди мыслят штампами. Когда добрая приятельница вскрикивает, словно умирающая утка, и закрывает руками лицо, они знают, что делать. Взволнованно спросив: «Эй, что это вы?», они по-братски ее обнимают. Когда Стэнвуд все это сделал, он услышал голос:

— Мистер Росситер!

В дверях стояла леди Алела, неприязненно глядя на происходящее.

Когда женщина строгих правил хочет в два часа ночи посмотреть, какие разрушения произвел ее пьяный отец, и видит младшую сестру в пижаме и халате с молодым человеком, тоже в халате и пижаме, она, то есть женщина с правилами, бывает очень суровой. Так оно и случилось, а потому Стэнвуд взвился ввысь, словно под него подложили тринитротолуол.

У таких, как он, есть заповедь, начертанная золотыми буквами: если честный человек скомпрометировал даму, он должен немедленно это

исправить, не щадя затрат.

Тем самым, он знал, что делать. Путаясь в полах халата и свалив по пути бюст покойного Гладстона[24] вместе с подставкой, он промолвил с неброским благородством:

— Не беспокойтесь, миледи. Мы помолвлены.

— Вот как? — откликнулась леди Адела, глядя еще суровей. — Не говорите ерунды. Какая помолвка? С моей сестрой вы познакомились вчера, за обедом.

Тут ей припомнилось, что муж бормотал что-то попозже, когда она мазала кремом лицо. Получалось, что Росситер — самозванец, поскольку совершенно не разбирается в марках.

Тогда она не обратила внимания, мало ли что бормочет муж, но теперь склонилась к тому, что гипотеза его интересна. Еще через мгновение она стала ее пламенной сторонницей. Конечно, Дезборо прав не бывает, но тут он не ошибся.

Примерно год назад, в Харрогите, она читала ежемесячный отчет дворецкого и сейчас ясно вспомнила одну фразу. Мервин Спинк сообщал, что Росситер-младший разбил очки, а потому нечаянно толкнул большую китайскую вазу.

Очки!

Посмотрев на Стэнвуда огненным взглядом, она спросила:

— Где ваши очки?

— Простите?

— Вы очки носите?

— Н-нет.

— Тогда КТО ВЫ?

— Стэнвуд Коббголд, — честно ответил Стэнвуд. Майк не ошибся в своих предсказаниях.

Леди Адела ахнула. Чего-чего, но этого она не ждала.

— Стэнвуд Коббголд?

— Да.

Как обычно бывает в запутанных случаях, леди Адела проверила его слова.

— Это правда, Терри?

— Правда.

— Кто же тот, другой?

— Друг Стэнвуда. Его фамилия Кардинел.

Леди Адела стала пунцовой. Ни одну хозяйку не обрадует такая весть, а ее — меньше прочих.

— Зачем же он назвался Кобболдом? — опять обратилась она к ночному гостю.

Стэнвуд откашлялся, развязал пояс халата и завязал заново. Кроме того, он почесал подбородок и коснулся рукой затылка.

— Понимаете… — начал он.

Терри догадалась, что сейчас он расскажет историю графа и кухарки, и побыстрее вмешалась в беседу:

— Стэнвуд не мог покинуть Лондон, у него дела… Благодарный за помощь, он это подтвердил, — …и мистер Кардинел предложил его заменить.

— Вот-вот!..

— …Они поспорили, что никто не догадается…

Терри замолчала. Несмотря на поддержку, ей казалось, что объяснения неубедительны.

— Ну, такая шутка, — неуклюже прибавила она.

Дочери графов не фыркают, но леди Адела издала очень похожий звук.

— Шутка?

— А потом Стэнвуд все-таки смог приехать…

Терри снова помолчала.

— …и приехал.

Как ни странно, сестра вроде бы смягчилась, словно возобладало ее лучшее «я». La chatelaine[25] одарила гостя улыбкой.

— О, понимаю! — лукаво заметила она, несказанно удивив Терри, которая никогда не видела ее лукавой. — Вы не могли выдержать разлуки. Я угадала?

Стэнвуд с трудом проговорил:

— Д-да.

— И Спинк предложил, чтобы вы представились Росситером?

— Д-д-да…

— Сегодня же с ним поговорю, — сказала леди Адела, подходя ближе к прежней манере. — На вас я тоже сержусь, мистер Кобболд.

— Э-э…

— Но не очень. А теперь — идите к себе.

— Э-э-э…

— Мне надо побеседовать с Терри. Спокойной ночи. Беседа сестер была краткой.

— Ну, знаешь!

Терри молчала.

— Странная ты, все-таки. Но я не сержусь. Я рада.

Леди Адела обняла младшую сестру и нежно ее поцеловала.

— Дезборо говорит, — пояснила она, — что у его отца миллионы.

Глава XIX

Солнце нового дня позолотило древние стены Биворского замка. Часы над конюшней мелодично пробили девять раз. Лорд Шортлендс, входя в столовую для завтраков, увидел Дезборо и вздохнул. Хотя мысли его были тяжки, он надеялся побыть наедине с ними.

— О, привет! — сказал Дезборо. — С добрым вас утром.

— Добрым утром… — отозвался граф.

Голос его был тускл, лицо бледно, ибо он почти не спал. Мало что препятствует сну больше, чем крах всех надежд. Забросив в ров свои орудия, Огастес обрек хозяина на бессонницу. С двух часов ночи злосчастный пэр ворочался в постели, на мгновение отключаясь и тут же просыпаясь снова. Так и шло до того часа, когда приличная птичка приступает к ловле червей.[26]

— Какая погода, а? — не унимался зять. — Бекона не берите, подгорел.

— Да? — произнес граф, равнодушный к чужим несчастьям.

— Просто уголь, — продолжал тот. — Слава Богу, миссис Пентер сегодня вернется.

Граф совсем опечалился. Он знал, что она вернется, и думал порадовать ее счастливыми новостями, но Огастес разрушил мечту. Оставалось налить себе кофе, достаточно черного, но не чернее этих дум.

Завтракали в замке по обычаю предков. В обычном состоянии лорд начал бы с овсянки, перешел к копченой рыбе, колбаскам, яичнице, бекону и, наконец, к мармеладу. Судите сами, что он чувствовал, если взял только тостик, хотя славился утренним аппетитом. Друзья нередко говорили: «Что-что, а позавтракать он умеет».

Когда он снова налил себе кофе, Дезборо, оторвавшись от яичницы, поднялся и взял колбаску.

— Этот Кобболд уехал, — сообщил он, садясь на место.

— А?

— Уехал. Наскоро поел и сказал, что у него дела.

— О!

— Наверное, хочет показать глаз.

Лорд Шортлендс был тугодумом, но даже он понял, что про глаз знать не должен.

— Что-что?

— Ему глаз подбили.

— Как же это?

— Ума не приложу. Я ему сказал: «Вижу, у вас синяк», а он ответил: «Бывает, бывает». Странно!

— Может быть, обо что-то ударился.

— Да, наверное.

Дезборо молча занялся колбаской.

— Но обо что? — спросил он наконец.

— А?

— Обо что он ударился? Граф немного подумал.

— О дверь?

— Почему же прямо не сказать?

— Не знаю.

— И я не знаю. Загадка!

— Да уж…

— Тут вообще что-то творится. Слышали ночью грохот?

— Грохот?

— Я даже проснулся.

— А я ничего не слыхал.

— Что-то упало. Часа в два. Мало того, — прибавил Дезборо, глядя сквозь очки, как сыщик, идущий по следу. — Как быть с этим субъектом, который выдавал себя за Росситера?

Граф облизнул губы — нет, не «облизнулся», а именно облизнул, молясь при этом, чтобы tete-a-tete кто-нибудь нарушил. Молитва была услышана. Дверь открылась, вошла Клара в сопровождении драматурга.

— Здрасьте, Шортлендс, — сказал тот.

— Доброе утро, папа, — сказала средняя из дочерей.

— Доброе утро, — отвечал пэр, чувствующий то, что чувствует человек, из которого изгнали беса, но тут же явились семь других.[27] Молясь, он не имел в виду замены Дезборо на Блейра. Тот, кстати сказать, был в прекрасном настроении.

— Грохот слыхали? — спросил Топпинг.

— Мой дорогой, — отвечал Космо, — мне не до того. Спешу сообщить, что сегодня — счастливейший день моей жизни. — Он подошел к столу и положил руки на скатерть. — Прошу внимания! Наполните чашки и выпейте за здравие молодой четы.

— Мы обручились, папа, — прямо сообщила Клара.

— Не беспокойтесь, — заверил он. — Вы не теряете дочь. Вы обретаете сына.

— Жить мы будем здесь, — прибавила Клара.

— Словом, все в порядке, — поддержал ее жених, спешивший утешить будущего тестя. — Мы вас не оставим.

Графу захотелось поскорее уйти от всего этого. Общество Космо Блейра часто давало такой эффект. Только что пэр собирался налить себе третью чашку кофе, но теперь решил перебежать к младшей дочери, которая, скорее всего, завтракает у себя. Терри всегда была для него лучшим лекарством или, точнее, противоядием.

Он вскочил. Дезборо удивился.

— Как, и все?

— Да.

— Больше ничего не съедите?

— Аппетит пропал.

— Это нехорошо.

— Примите пилюльку, Шортлендс, — посоветовал Космо. — От печени. Запейте водой.

— А, кстати! — воскликнула Клара. — Аделе от тебя что-то нужно.

— Аделе? Что именно?

— Не знаю. Я заглянула в дверь, чтобы сказать о помолвке, а она просила передать.

Лорд Шортлендс задумчиво направился к Терри. Весть о том, что драматурга придется терпеть пожизненно, потрясла его, но не больше, чем весть об Аделе. Когда старшая дочь говорила с ним, слова ее бывали неприятны, а сейчас он мог бы выдержать только нежную, щадящую речь.

Однако он быстро утешился. Как-никак, совесть его была чиста, как голубка. Аделе не в чем его винить, кроме каких-нибудь мелочей. Да, он хочет жениться на кухарке, он протащил в замок самозванцев, он склонил ко греху былого взломщика, но ничего этого она не знает. По-видимому, сейчас речь идет о домашних делах. Стучась к Терри, он был преисполнен той нравственной мощи, которой наделены отцы, когда суровой дочери не в чем их обвинить.

Дезборо доел тем временем колбаску и, как обычно, пошел к жене. Она сидела в постели, опершись на подушки, а на коленях у нее помещался особый столик. Преданный муж с удовольствием отметил, что она — в прекрасном настроении.

— Доброе утро, душенька, — сказал он.

— Доброе утро, милый. Ты видел Клару?

— Да, только что. Она сообщила мне о помолвке. Вижу, ты рада.

— Еще бы! Космо мне очень нравится.

— И деньги у него есть.

— Да. Удивительно! Такие события — одновременно.

— А?

— Разве ты не знаешь? Терри обручилась со Стэнвудом Кобболдом.

— Быть не может!

— Может. Истинное чудо! Он так мил, и потом — у него *миллионы.*

— Да уж, старый Эллери не беден. А когда же это они?

— Я узнала под утро.

— Почему он мне не сказал? Прибежал, поел наскоро — и куда-то делся. Значит, обручились. А вид у него такой, будто он подрался в баре. Глаз подбит. Интересно, кто его отделал?

Леди Адела стала суровой.

— Могу тебе ответить. Папа.

— Кто?

— Мой отец. Он страшно напился. Утром я зашла к нему, там полно бутылок.

Дезборо был потрясен. Он не ждал от тестя такой прыти, не ждал и такой силы.

— Вот это да! — сказал он. — Спасибо, что мне не досталось. То-то я вижу, сегодня он какой-то странный. Естественная реакция. Я спросил про синяк, а он ничего не помнит.

— Я ему напомню, — сухо обещала леди Адела. — Только это был не Стэнвуд, а некий Кардинел. Вот мистер Росситер — Стэнвуд.

Дезборо опустился на постель.

— Что-что? Не понимаю.

— Я сама немного запуталась. Терри говорит, что Стэнвуд не мог приехать, и этот Кардинел его заменил. Что-то вроде пари.

— Чушь какая-то!

— Да. Надо мне будет поговорить с Кардинелом.

— Он уехал в Лондон.

— Ну, когда вернется.

— Все равно не понимаю. Ты сказала, он приехать не мог, а он приехал.

— А, это ясно! Через день-другой он затосковал по Терри. Приехал, поселился в гостинице, а Спинк посоветовал ему прийти сюда под видом Росситера.

Дезборо протяжно свистнул.

— Значит, Спинк…

— Вот именно. Спинк это подстроил, чтобы завладеть маркой. Я его немедленно уволю.

— Правильно. Какой подлец! Да, в этих книжках все верно, дворецким доверять нельзя. Помнится, в «Убийстве на ферме»… Что ты думаешь делать с маркой?

— В толк не возьму. Теперь нам никогда не узнать, чья она. Возьми лучше себе.

— Себе?

— Знаешь, пора возместить все, что ты на нас потратил. Как-никак ты много лет содержишь семью.

Дезборо был тронут. Он наклонился и поцеловал супругу.

— Спасибо, душенька. Пополню свою коллекцию. Это тебе не шутка, dos reales с изъяном! Расскажи-ка мне еще про папашу. Значит, напился?

— До отвращения.

— Ты его видела?

— Собственно говоря, нет. Я слышала ночью грохот.

— Я тоже что-то слышал.

— Мне показалось, что это — из библиотеки. Бегу туда, а мне навстречу выбегает мистер Кардинел с подбитым глазом. Он и сказал, что папа в ужасном состоянии. Разбил окно, ударил гостя, но беспокоиться незачем, Кардинел отвел его в постель.

— Вот это да!

— Я очень сержусь на Кардинела, но тут он, видимо, справился. Во всяком случае, я больше ничего не слышала. Через какое-то время я решила пойти взглянуть, что же разбилось, и увидела, что Терри сидит на тахте со Стэнвудом. В половине третьего ночи!

— Да-а!

— Он ее обнимал.

— Ну что такое!

— Увидев меня, он вскочил, и я вспомнила про это письмо. Помнишь, насчет очков.

— Каких очков?

— Спинк писал мне прошлым летом, что Росситер-сын носит очки. Соответственно, я спросила, кто он. Он ответил: «Стэнвуд Кобболд», и прибавил, что они обручились.

— Что им понадобилось в библиотеке?

— Видимо, услышали грохот и пошли посмотреть. А там сели на

тахту. Нет, ты подумай, в половине третьего! Терри совершеннейшее дитя. Слава Богу, что она пристроена.

— И заметь, жених будет очень богат, если Эллери даст дуба. А он даст, как без этого.

— Лучше ты пошли ему телеграмму. Такую дружескую, сердечную.

— Сейчас, душенька.

— А папе скажи, что он мне нужен.

— Скажу, скажу.

Дезборо вернулся довольно скоро.

— Телеграмму я послал. «Эллери запятая старик запятая как ты там вопрос твой сын обручился леди Терезой точка очаровательная девушка точка поздравляю восклицательный знак». Хорошо?

— Замечательно. Папу видел?

— Никак не мог отыскать, потому и задержался. Наконец, Клара сказала, что они с Терри уехали в Лондон. Собирались пойти в ресторан.

— У папы же нет денег! Я подарила ему пять фунтов на день рождения, но их он, я думаю, истратил, когда ездил в прошлый раз. Как он расплатится?

Дезборо поспешил сменить тему.

— Знаешь, — осторожно сказал он, — в утренней газете очень занятная статья о современных девушках. Сейчас покажу.

Глава XX

Решение лорда Шортлендса было одним из тех решений, которые принимают в час беды. Когда он узнал о хитрой уловке, при помощи которой Майк не допустил его старшую дочь в библиотеку, ему тут же пришло в голову, что надо бы убраться из замка.

Повествование Терри он слушал со смешанными чувствами. Как человек разумный, он понимал, что перед лицом этой грозной фигуры Майку пришлось что-то делать, и все-таки жалел, что тот не сделал чего-нибудь другого. Выслушав рассказ, он за тридцать секунд уговорил младшую дочь поскорее одеться и поехать с ним в город.

Конечно, побег давал только отсрочку, но ему представлялось, что после ланча в «Баррибо» или в чем-то подобном будет легче встретиться с Аделой. Кроме того, он помнил, что большая часть десяти фунтов, подаренных ему зятем, еще при нем. Словом, он походил на узника, который собирается позавтракать перед казнью.

Сели они на поезд 11.03, с одной остановкой в Севеноксе. Граф прибыл в столицу почти таким же мрачным, а вдобавок и растерянным. Его измученный разум не мог вместить рассказов Терри. За кого же она, в сущности, выходит — за Майка, за Стэнвуда или за обоих?

«Туманно, туманно», — думал он. Заботливые дочери не обрушивают такие рассказы на отца, проведшего почти бессонную ночь. Одно было ясно: самое время поспешить в клуб и спросить там карту вин; что он и сделал, договорившись с Терри встретиться в «Баррибо» не позже половины второго. После этого он устремился к клубу, как стрела.

Терри, со своей стороны, пошла побродить, поглядеть на прохожих, а главное — на витрины, особенно те, где красовались шляпы, туфли, косметика и драгоценности. Это подбодрило ее, и она, равно как и лондонцы, ощутила свое сходство с каким-нибудь духом весны. Да, на шляпу ей денег не хватило бы, но что с того? Безоблачная радость не нуждается в шляпах. Словом, Терри плыла сквозь мир, полный солнца и роз.

Как известно, радость приходит поутру.[28] Сомнения и заботы, смущавшие Терри в ночи, исчезли при свете дня. Теперь она могла оценить по достоинству бормотание Стэнвуда, которое казалось недавно таким зловещим. После того что было в библиотеке, и коту ясно, что Майк любит только ее. Предполагая, что он увлекся какой-то актриской, Стэнвуд расписался в полном невежестве.

Да уж, этот Стэнвуд! Близко общаясь с ним, всякий убедится, что он несет чепуху, но нельзя же, в конце концов, доходить до таких глупостей. Надо быть с ним похолодней, вернувшись в замок, решила она; но тут же увидела, что можно сделать это и раньше.

Блуждая примерно час по залитым солнцем улицам, она добралась до Беркли-сквер, где остановилась, сокрушаясь о том, что этот прелестный оазис испорчен министерством и многоквартирными домами. Тогда она и заметила, что к ней ковыляет именно Стэнвуд в таком жалком виде, что враждебные мысли мгновенно покинули ее.

— Что с вами? — вскрикнула она.

Он отряхнулся, словно выходя из транса.

— Привет!.. — глухо проговорил он, по всей вероятности, не помня об их последней встрече. Видимо, какие-то беды оттеснили ее в разряд событий, не стоящих внимания.

— Привет… — повторил он, глядя на Терри, как гиппопотам, услышавший дурные вести. — Что вы тут делаете?

— Мы с Шорти сбежали из темницы. Собираемся зайти в «Баррибо».

А вы что делаете?

Стэнвуд, должно быть, ее не слышал. Взор его блуждал, и Терри пришлось легонько пнуть его по лодыжке.

— Ой! — вскрикнул он и провел ладонью по лбу. — Что вы сказали?

— Я спросила, почему вы в Лондоне. Лицо его искривилось.

— Хотел повидать Эйлин.

— И как она?

— Не знаю. Я ее не видел.

— Каким вы поездом ехали?

— Я взял в гостинице машину. Терри, мне конец.

— Бедный вы, бедный! А что случилось? Терри взглянула на часы.

— Ох, мне пора. Шорти ждет меня к полвторого. Я бы вас пригласила, но он тоже совсем расстроен.

— Мне хуже. Червю пришлось бы уши прижать, чтобы со мной сравняться. Конечно, есть я не могу, кусок в горло не полезет.

— Тогда проводите меня и расскажите, в чем дело.

— Началось с письма, — сказал он, приноравливаясь к ее шагу. — Я его увидел в гостинице.

— Адресовано вам?

— Да.

— Значит, вы там живете под собственным именем?

— Конечно.

— О, Господи! Хотя теперь это не важно.

— Теперь *все* не важно.

Терри подумала о том, что в такой радостный день она общается только с сокрушенными духом, и благодарно вспомнила Майка. Да, у него есть недостатки — Адела к этому часу, должно быть, нашла не меньше дюжины, — но тоску он ненавидит.

— Ну, подбодритесь! — предложила она.

— Подбодриться? — переспросил он и глухо засмеялся. — Да уж, самое время!

Дальше они шли молча. Облако скорби, окутавшее Стэнвуда, понемногу втягивало Терри. Прежние сомнения нет-нет, а возвращались, словно рядом шла та особа в очках и митенках, о которой она говорила Шорти, и нашептывала в своей излюбленной манере, что общение с греческим богом к добру не приведет.

«Они такие, — говорила особа, — они все одинаковые. Вспомни, как ты относилась к Джеффри Харвесту. Да-да, ты считала его совершенством. А кем он оказался? Мотыльком».

Терри отмахнулась. Майк — не Джеффри. Майку можно доверять.

— Что же с этим письмом? — спросила она. — Почему оно вас расстроило?

— Эйлин отвечала на мое послание. Я ее просил забыть к собакам всякую чушь насчет денег. Помните, я вам рассказывал?

— Помню.

— Она писала, что не сдается.

— А вы чего ждали? Конечно, она не сдастся сразу. Тут горевать незачем.

— Я читал между строк. Прошу, взгляните, — ответил он. — Сами увидите.

В отличие от Огастеса Терри не любила читать чужие письма и хотела отказаться, но он уже вынул из нагрудного кармана большой белый конверт, издающий сильное благоухание.

Некоторые ароматы буквально неповторимы. Аромат, издаваемый письмом, был густым и терпким. Он принадлежал к тем запахам, которым их изготовители с такой поспешностью дают неподобающие названия. Во всяком случае, он запоминался, и Терри его запомнила. Именно так пахло вчера прошлой ночью от злосчастного рукава.

Они свернули на Дьюк-стрит. Отель «Баррибо» громадой вздымался перед ними, но был не настолько прочен, чтобы не шататься, словно пьяный. Словно во сне, Терри слышала скорбную речь.

— Помните, я говорил о шутках? Ну, о розыгрышах. Насчет того, что Эйлин морочит мне голову. Я еще сказал, что Майк затеял это ради нее. Так, хорошо. Приехал я в Лондон, звоню ей, а она вешает трубку. Бегу к ней, она меня не принимает. Это еще что! Захожу в бар, к «Баррибо», а Макгафи говорит, что вчера она была там с Майком. Ели ланч. А, каково?

Терри заставила себя выдавить:

— Что же тут такого?

Стэнвуд не принял столь легкомысленного мировоззрения.

— То, — отвечал он.

— Я же бывала с вами в ресторане.

— Это другое дело. Ланч ланчу рознь.

— Почему? — спросила она, не желая сдаваться.

— Потому. Между ними что-то есть. Иначе он нам сказал бы. Не-ет, ясно, куда ветер дует!

Ветер и впрямь подул, мешая говорить. Когда он утих, разговору помешало другое препятствие.

Перед главным входом отеля стоял ревностный служитель футов

восьми ростом, да еще в парадной форме руританского[29] адмирала. Дело его состояло в том, чтобы встречать машину, распахивать дверь перед владельцем или нанимателем и помогать ему выйти. Сейчас орнаментальная фигура склонилась к подъехавшему такси.

Адмирал был не только высок, но и объемист, а потому заслонил на мгновение новоприбывшую пару. Вскоре, однако, она стала видна. Даму узнал бы каждый из многочисленнейших поклонников, основавших по миру клубы Эйлин Стокер. Терри со Стэнвудом, однако, узнали и ее спутника.

Майк Кардинел прошел мимо них, не глядя. Внимание его было сосредоточено на прекрасной спутнице. Задержавшись на секунду у вращающихся дверей, он бросил на нее взгляд, который лорд Шортлендс определил бы сразу.

Улица поплыла перед Терри, а заодно и потемнела. Из плотного тумана донеся вскрик, какой издают в агонии, когда же туман немного рассеялся, она оказалась одна.

Терри стояла на месте, бледная и прямая. Лондон шумел вокруг, но она его не замечала. «Дура! — говорила она себе. — Какая же ты дура!» Особа в очках и митенках удовлетворенно поддакивала.

— А, вот и ты! — сказал кто-то. — Я не опоздал? Заметно повеселевший граф вступил на тротуар обутыми в гетры ногами. Детская вера в погреб его клуба не подвела. Он был резв, даже слишком, и встреча с Аделой больше не пугала его. Смелость эту породило не только вино, но и внезапное озарение.

Если Терри, подумал он, выходит за Кардинела — а беседа в поезде явно свидетельствует об этом, — он запросто даст искомые двести фунтов.

У графа, как и у нищих, были свои правила, запрещавшие, к примеру, брать деньги у чужих. Знакомым опасность не грозила. Но если они собирались стать зятьями, их могла спасти разве что верхушка дерева — конечно, если они, в отличие от глупого Дезборо, имеют отдельный счет. Словом, дело в шляпе. Как тут не ликовать?

— Идем, — благодушно сказал он. Утреннее воздержание обострило его аппетит, и он радостно предвкушал, как отведает прославленных блюд. Терри не шевельнулась.

— Шорти, лучше не сюда!

— Что?

— Я тебя прошу!

— Ну, хорошо. В «Ритц»?

— Ладно.

— Такси! — крикнул граф, и адмирал кинулся ловить машину. — «Ритц», — прибавил он уже адмиралу.

Граф не поскупился. Адмирал снял шляпу. Шофер что-то завел, и машина тронулась.

— Терри, — сказал отец.

— Шорти, — сказала дочь в тот же самый миг.

— Да?

— Прости, ты что-то хотел сказать?

— После тебя, дорогая.

Такое великодушие приостановило ее. То, что она хотела сказать, могло огорчить отца. Майк ему явственно нравился.

— Понимаешь, — начала она, — я немного ошиблась. Это он понимал. Ошибок он наделал достаточно.

— Ошиблась?

— Да. Я не выйду за Майка.

— Не выйдешь?!

— Нет.

Графу показалось, что солнце фукнуло и погасло. В полной прострации он откинулся на спинку сиденья.

Глава XXI

Дворецкие, как и моллюски, умеют скрывать свои эмоции. Когда Мервин Спинк величаво подошел к телефону в кабинете хозяина, никто бы не догадался, что стервятник терзает его утробу. Шерлок Холмс, и тот не определил бы, что недавно он претерпел достаточно бурную беседу с леди Аделой. Конечно, бурным был не он; а сейчас, ровно в четыре часа пополудни, держался с обычным достоинством и превосходно владел голосом.

— Алло! — сказал он. — Это редакция «Кентиш Тайме»? Не окажете ли любезность… Кто выиграл в 3.30, в Кемтоне? Благодарю.

Он повесил трубку. По его лицу нельзя было определить, какую он услыхал новость. Покинув кабинет, он направился в холл, там всегда найдется дело — выбросить окурки, сложить аккуратно бумаги. Да, леди Адела вроде бы его выгнала и завтра он, по-видимому, уедет, но долг есть долг. Пока он здесь, девиз его — служение.

Обычно в четыре часа удавалось выкурить в холле с полдюжины сигарет из серебряной шкатулки, стоящей на центральном столике. Однако

сейчас там сидели хозяин с младшей дочерью. Граф выглядел так, словно перенес кораблекрушение; леди Тереза бессильно откинулась в кресле. Когда дворецкий вошел, она посмотрела на него исключительно скорбным взглядом.

— Мистер Кобболд вернулся? — спросила она.

— Да, миледи. Должно быть, он в своей комнате.

— Передайте ему записку, если вам не трудно.

— Сию минуту, миледи.

Лорд Шортлендс немного ожил.

— Спинк!

— Милорд?

— Миссис… э-э… Пентер вернулась?

— Да, милорд.

Мервин Спинк почтительно подождал, не будет ли новых указаний, и, убедившись, что хозяин — в скорби, тихо вышел. Граф повернулся к Терри. Голос его был хриплым, как у разбойника в старинной оперетте.

— Знаешь что…

— Нет.

— Ты ничего не заметила?

— В каком смысле?

— Ну, этот змий. Мне кажется, у него глаза блестят.

— Да?

— А я заметил. Блестят. Это неспроста. Ты слышала, что он сказал? Миссис Пентер вернулась.

— Слышала…

— Я думаю, он от нее не отходит. Ему и карты в руки, между ними нет преград. Наверное, посочувствовал: «Ах, вы устали» — и угостил хересом. Именно такие действия прельщают женщин. Но важно ли это? — он тяжело вздохнул. — Если ты не выходишь за Кардинела, мне конец.

Вздохнула и Терри. И в «Ритце», и в поезде, и позже, когда она писала записку, отец немало говорил об ее оборвавшейся помолвке. Казалось бы, тема исчерпана.

— Прости, — сказала она.

— Никак не пойму, почему ты порвала с ним.

— Я же объяснила.

— А я не понял. Может, они просто друзья. Заглянули в ресторан…

— Сказано тебе, я заметила его взгляд.

— Ну и что?

— После того, как я намучалась с Джеффри…

— Ерунда!

Реплики эти были исключительно неприятны, но Терри, сжав зубы, как-то держалась.

— Ради Бога, Шорти! — сказала она. — Хватит об этом говорить.

Лорд Шортлендс вылез из кресла. Он понимал, что дочери плохо, но все же обиделся.

— Пойду, — сообщил он, — прогуляюсь.

— Да, прогуляйся. А то сидишь, ждешь. Припомнив, чего он ждет, граф вздрогнул.

— Прогуляюсь у рва, — сказал он. — Можно бы туда броситься. — Эта мысль его оживила, но ненадолго. — Интересно, где твоя сестрица?

— Я думаю, в саду.

— Как она играет на нервах! Я в таком состоянии, что, не поверишь, хотел бы на нее наткнуться.

Граф удалился, но через минуту-другую пришел Стэнвуд, скорбный и молчаливый, как все, у кого разбито сердце. Он тоже видел Майкла с Эйлин и тоже простился с последней надеждой.

— А, вот вы где, — мрачно промолвил он. — Спинк передал мне записку.

— Что! Я писала Майку, а не вам.

— Знаю. Спинк перепутал. Не вините его, он уволен. Это нелегко. Значит, разорвали помолвку?

— Да.

— И правильно. Покажете ему, что почем. Вот оправлюсь чуть-чуть и напишу *ей*. Как звали эту злодейку в Библии?

— Далила?

— Нет, Иезавель. Огастес часто ее поминает. Так и начну: «Иезавель!» Она у меня попляшет. Еще есть вавилонская блудница,[30] надо и ее ввернуть. А вот скажите, дать мне Майку в ухо?

— Нет.

— И то верно.

Он угрюмо замолчал. Терри хотела бы, чтобы он оставил ее наедине с горем, но он явно не собирался этого делать, и она поискала нейтральной темы для беседы.

— Вы Аделу не видели? Он всполошился.

— А что? Она меня искала?

— Вроде бы нет.

— Слава тебе, Господи! Почему вы спросили?

— Сама не знаю.

— Лучше не надо. Я ее боюсь.

— А ночью не растерялись.

— Что?

— Ну, ночью. Помните, «мы обручены»…

— Ах, вот вы о чем! Надо же было что-то сказать.

— Да…

— И, заметьте, сработало. О! Вы мне подали мысль. Почему бы нам с вами…

— Что-что?

— …не обручиться?

Терри едва не задохнулась.

— Вы серьезно?

— Да.

— Нашли время для предложения!

— Очень удачное. Посмотрите: вы должны показать Майку, а я — Эйлин. Мне худо, вам худо. Ну, как?

Терри расхохоталась. Ему это не понравилось. Смех был мелодичный, ничего не скажешь, но какой-то истерический. Что делать, когда у дамы истерика? Совать ей в нос жженые перья? Или бить по спине?

— Эй! — крикнул он. — Уймитесь!

— Не могу. Слишком смешно.

— Что тут смешного? — обиделся Стэнвуд. Терри стало стыдно.

— Простите, — сказала она. — Очень уж это неожиданно. Вы что, всерьез?

— А то как же?

Терри задумчиво глядела на него. Он ей всегда нравился. Она испытывала к нему материнские чувства. Кроме того, он надежен. Брак с ним — далеко не худший удел. Она обретет мирную гавань, укроется от бури. Может быть, судьба и припасла для нее тихий, лишенный романтики союз, основанный на дружбе.

И еще одно — она уедет из замка, в широкий мир. Там легче *забыть*. «Больше не могу!» — думала она, представляя одинокую жизнь в этой ловушке, где все напоминает *о нем*. Собственно говоря, ей предложили бежать из темницы.

— Если вас беспокоят деньги, все в порядке, — продолжал Стэнвуд. — Когда отец узнает, что я женюсь на вас, он мигом раскошелится.

— Какие деньги! — сказала Терри. — Я о вас беспокоюсь. Зачем это вам? Будете жалеть.

— Вы не будете — и я не буду.
— Это точно?
— Еще как! А что такого?
— Понимаете, я боюсь, что не разлюблю Майка.
— А я — Эйлин, чтоб ей пусто было. Ну и что? Любовь, видите ли! Одно мучение. Посмотрите на этих, влюбленных. Месяца два держатся за руки, пылинки друг с друга сдувают, и глядишь — они в суде, разводятся. Любовь! Ха-ха! Да я ее даром не хочу.
— Вам больше нравится дружба?
— Естественно. Крепче как-то.
— В этом что-то есть…
— А мы с вами всегда ладили. Как в этой песенке: «Тамтам, та-ра-рам, у меня хороший друг».
Терри вздохнула.
— Что ж, Стэнвуд, я согласна.
— По рукам?
— По рукам.
— Можно, я вас поцелую?
Он клюнул ее в щеку. Они помолчали, не зная, о чем говорить. Однако и ей, и ему было полегче, когда явился пятый граф.
Ров, как обычно, усугубил его тоску. Вид у него был такой, что дочь немедленно сообщила:
— Спинк уволен, Шорти.
Слова эти и впрямь оживили его на минутку, но эффект их быстро прошел. «Ну и что? — подумал лорд. — Денег все равно нету».
— А мы со Стэнвудом обручились, — добавила она же. Пятый граф сжал голову руками. Опять эта неразбериха!
— Со *Стэнвудом?*
— Да.
— Не с Кардинелом?
— Нет.
— Значит, ты и Стэнвуд?
— Вот именно.
Лорд Шортлендс наконец понял.
— Желаю счастья, — сказал он. — Мой мальчик, вы уж ее не обижайте! Кстати, вы не можете дать мне двести фунтов?
Стэнвуд очень удивился.
— Конечно, — ответил он.
— Мой дорогой! Спасибо!

— То есть, конечно, не могу.

— Не можете?

— У меня их нет. Отец послал мне тысячу долларов, но я почти все истратил. Подождите немного, пока я снова получу.

— А… сколько мне ждать? Стэнвуд подумал.

— Примерно месяц.

— Месяц?

Если в замке нет Спинка с его роковыми чарами, это совсем небольшой срок, подумал пэр.

— Месяц?

— Может, и поменьше.

— Это замечательно, мой мальчик!

Лорд Шортлендс закрыл глаза, как бы погрузившись в молитву. Когда он их открыл, он увидел Спинка.

— Вас вызывает Нью-Йорк, сэр, — сказал тот.

— Нью-Йорк? — переспросил Стэнвуд.

— Да, сэр.

— Не иначе как отец!

С этими словами он выбежал из холла.

— Слышал, вы нас покидаете, Спинк?

— Да, милорд.

— Какая жалость.

— Весьма признателен, милорд. Я тоже сожалею, что ухожу из замка. Мне посчастливилось провести здесь много незабываемых часов.

— Завели друзей?

— Да, милорд.

— Будете по ним скучать?

— Да, милорд. Но есть и утешение.

— А?

— Мне повезло на скачках, милорд. Сегодня, в половине четвертого, победил мой фаворит. Ставка — сто к восьми.

Челюсть у графа медленно отвисла, словно ее тянула невидимая рука.

— Сколько вы поставили? — почтительно прошептал он.

— Пятьдесят фунтов, милорд.

— Пятьдесят фунтов? Постойте, постойте! Сто к восьми…

— Да, милорд. Я рискнул всеми сбережениями.

Мервин Спинк удалился, но граф этого не заметил, поскольку стоял у стола и что-то подсчитывал.

Потом он обратил к собравшимся посеревшее лицо.

— Шестьсот двадцать пять! Этот змий получил шестьсот с лишним фунтов! Я говорил, что он себя еще покажет! — граф отер мокрый лоб. — Пойду-ка я прилягу, — добавил он. — В библиотеке. Адела не подумает, что я там. Если что, вы меня не видели.

Он вышел. Минуты через две раздался веселый свист, и вошел Майк.

Глава XXII

Сразу стало ясно, что он доволен собой. Свист намекал на это, манера — утверждала. Он источал bien etre,[31] и самая мысль о том, что этот король мотыльков чем-то доволен, глубоко оскорбила Терри. Она посмотрела на него, как Снежная королева. Так и казалось, что у ее висков образуются сосульки.

Однако он этого не заметил, поскольку поцеловал ее, мало того — приподнял и опустил в кресло. По-видимому, он полагал, что она ему рада.

— Мой ангел! — сказал он. — Мой херувим! Мой серафим! Как мы давно не виделись! А ты все такая же, не постарела.

Терри не отвечала. Что тут скажешь?

— Глаз заметила? — спросил он.

Терри как можно холодней посмотрела на глаз. Синяка под ним не было.

— Зашел в косметический кабинет, — пояснил он. — Ради тебя. Огастес сказал, что девушки не любят фонарей под глазом, а он такие вещи знает. Кстати, у меня новости. Где Шорти?

— Наверху, в библиотеке.

— Сейчас он будет прыгать, как холмы.[32] Огастес согласен! Терри его не поняла, что и показала, холодно подняв брови.

— Да, Огастес снова в деле, — продолжал Майк. — Начнет с того, где остановился. Я разыскал его с утра и уговорил. Поначалу он был довольно сдержан. Но я указал на то, что он сам довел меня до ручки, и попросил взглянуть на предмет либеральнее, шире. В конце концов он отмяк и сообщил, что если я зайду за инструментами на Севен Дайлз, остальное он сделает. «Передайте, — сказал он, — что Гасу нужны отмычки». Я, конечно, зашел, этот тип оказался очень милым, только глазки слишком близко к носу, — так вот, я зашел, передал, а совсем недавно вручил инструмент по назначению. Твоя сестра Адела, несомненно, в саду, морит несчастных улиток, а Дезборо Топпинг — у себя, держит в горячей воде больную ногу. Словом, берег свободен. Если Шорти в библиотеке, он

горячо приветствует Огастеса, понимая, как поймешь и ты, что счастье близко. Огастес обещал управиться за пять минут.

Майк завершил рассказ. И менее внимательный человек подметил бы, что Терри не рада.

— Не вижу девичьего восторга, — сказал он.

— О, я счастлива!

— Тогда почему ты не визжишь? Какой тут, однако, странный запах!

Терри усмехнулась.

— Вероятно, — сказала она, — вы не заметили, что он исходит от вас.

— От меня? А ведь верно! Ай-я-яй!..

Терри удивила такая реакция. Казалось бы, он должен сгореть со стыда. Неужели его ничем не пробьешь?

— Ничего странного, — горько прибавила она. — Хороший был ланч?

— При чем тут ланч? Мы говорим о запахе.

Терри закусила губу, чтобы та не дрожала. Лучше умереть страшной смертью, думала она, чем расплакаться.

— Какой такой ланч? — настаивал Майк.

— Я случайно видела, как вы входите в отель.

— Не знал, что ты была в Лондоне.

— Была.

— И заходила в «Баррибо»?

— Нет. Стояла у входа.

— И увидела меня?

— Да, увидела.

— Значит, — обрадовался Майк, — ты подстерегла мой звездный час?

— Что-что?

— Я уломал Стокершу. Контракт на пять лет. Добрая старая фирма будет платить ей не так уж много. Если она попробует вырваться, ее растерзают дикие юристы. Это сделал я, Кардинел. Здорово, а? Здорово, здорово, здорово!

Терри охнула. Сердце ее, судя по всему — омертвевшее, тем не менее часто забилось. В руинах души зазвучала небесная музыка, хотя разум подозревал, что леди Тереза Кобболд сделала глупость.

— О, Майк! — воскликнула она.

— Надо было тебе сказать, что босс прислал мне телеграмму, — продолжал он. — Перед отъездом Стокерша порвала с нами отношения. Он просил меня найти ее и умаслить. Вчера я угостил ее за счет фирмы так, что она закачалась на тонких каблуках, сегодня закрепил результаты. И не зря, мой ангел, не зря. Понимаешь, она очень упрямая. Много раз мне

хотелось дать ей по башке бутылкой, но я добился победы. Одного не понимаю, почему ты не скачешь? Что с тобой?

Терри испытывала странные чувства. Должно быть, под воздействием музыки сердце ее кружилось в медленном танце.

— Это все правда? — проверила она.

— Ты о чем?

— Вы встречались по делу?

— Конечно.

— О, Майк!

— Правильно, восторгайся. Я превзошел самого себя. Чего я только не делал — шептал комплименты, невзначай трогал руку, улыбался, смотрел таким это взглядом…

Терри смущенно засмеялась.

— Взгляд я видела.

— Да? Надеюсь, тебе не пришло в голову…

— Пришло. Ты же ничего не сказал.

— Кардинелы слов не тратят. Они действуют.

— Уехал рано утром…

— Не так уж рано, в 9.45. И честно, заметь, не скрываясь. Вышел из замка, расправив грудь, помахивая тростью. Значит, ты решила, что я ловелас?

— Да. Порхающий с цветка на цветок.

— Ловеласы это делают?

— Конечно. Они очень похожи на мотыльков. И не смотри на меня, как Артур на Гвиневеру![33]

— Я смотрю не с упреком, а с болью. Могла бы знать, что кроме тебя я никого не люблю. И вообще, только полный дурак станет порхать, если он с тобой помолвлен. Ты смотрелась когда-нибудь в зеркало?

— Но ты на нее так глядел!..

— Думая, заметь, о контракте.

— Любой ошибся бы. Даже Стэнвуд…

— При чем тут он?

— Он тоже видел.

— Вот это да! Что же он подумал?

— Самое худшее. Собирался написать ей письмо, называя вавилонской блудницей.

— Откуда он знает про эту блудницу?

— От Огастеса. А потом он сделал мне предложение.

— Что?!

— Предложение. Я согласилась. Майк задрожал.

— Согласилась?

— Хотела тебе показать…

— Если Шорти пожалеет три гинеи, я сам раскошелюсь на психиатра. Какие предложения? Ты выходишь за меня.

— Да, за тебя.

— Это ясно?

— Ясно.

— Нет, что за легкомыслие! Играет, видите ли, сердцами. Теперь мне придется огорчить старого друга.

— Ты ему скажешь?

— Естественно.

— О, Майк, как благородно! Я бы не смогла.

— Где этот злодей?

— Звонит отцу, в Нью-Йорк.

— А теперь я тебя утешу. Он не будет очень страдать. К концу, когда мы все обговорили, я стал работать на него. Она согласится, как только он попросит. Надо было раньше сказать.

— Да, надо.

— Грешен, люблю нагнать страха. Но Бог с ним, со Стэнвудом. Его любовные дела нас, в сущности, не касаются. Перейдем к нашим.

— Перейдем.

— Поженимся как можно скорей, а?

— Если хочешь.

— Вот это разговор! Хочу. Только время теряем! Мне уезжать на той неделе.

— Голливудские девицы будут очень рады.

— Там есть девицы?

— Стэнвуд говорит, есть.

— Не замечал.

— А если они закричат: «Майк, наш дорогой!»?

— Обращусь в полицию. Да, так я говорил, поскорей поженимся. Запросто, в регистратуре.

— На Бик-стрит?

— Или на Грик-стрит, не важно. Только не спутай, как невеста Огастеса. А! — сказал Майк, услышав тяжелые шаги. — Ватсон, вот и наш клиент.

Глава XXIII

Сразу было ясно, что разговор по телефону дал свои плоды. Глаза у Стэнвуда сияли, волосы стояли дыбом в тех местах, где он ерошил их от волнения, сам он походил на Пробуждение Души,[34] насколько это возможно. Представьте гиппопотама, узнавшего, что гиппопотамша отвечает на его пылкую любовь, и вы увидите Кобболда-младшего в счастливейший час его жизни.

— С-с-с… — зашипел он, и Майк, призывая к порядку, стукнул кулаком по столику.

— Сплюнь, — посоветовал он.

Стэнвуд не сплюнул, а сглотнул раза два-три и овладел своими чувствами.

— Сейчас я говорил с Эйлин, — сообщил он.

— Ты хочешь сказать, с отцом.

— Нет, я хочу сказать «с Эйлин». Поговорив с ним, я позвонил ей. Она за меня выйдет.

— Выйдет?

— Да.

Майк нахмурился.

— Постой, постой…

— Ждать не могу, — возразил Стэнвуд. — Надо снова нанять эту машину.

— Однако, — возразил и Майк, — постой минутку. Значит, ты женишься на Эйлин?

— Да.

— А я слышал, ты женишься на Терри.

— Ой, забыл! — спохватился Стэнвуд. — Как же это я? Он немного подумал.

— Да-а… Терри, вы не против?

— Нет-нет.

— Ну и слава Богу.

— Хорошо, что вы все уладили, — заметил Майк. — Потому что Терри выйдет за меня. Не хватало, чтобы ты явился в регистратуру и сказал: «Запрещаю».

— За тебя?!

— Да.

— После того, как…

— Майк мне все объяснил, — сообщила Терри. Стэнвуд подозрительно взглянул на друга. Если он *это* смог объяснить, для него поистине нет предела.

— Он чист, как снег, — прибавила Терри.

— Чище, — поправил Майк. — Твои подозрения, мой милый, совершенно необоснованны. Спроси свою Эйлин, когда вы встретитесь, и она тебе скажет, что я вел с ней чисто деловые переговоры, не имеющие никакого отношения к так называемому сексу. Между мной и твоей пассией ничего не было и не будет. Если хочешь знать, она мне даром не нужна. Я бы ее и шестом не коснулся.

Стэнвуд обиделся, а Терри спросила, не грубы ли такие метафоры. Майк немного подумал.

— Прости, — сказал он. — Хорошо, коснулся бы, но если шест очень длинный.

— Спасибо, старик.

— Не за что.

— Ну, все в порядке, — обрадовалась Терри.

— Приятно, — заметил Майк, — видеть счастливую любовь.

— Молодец она, — одобрила Терри. — Согласилась, хотя денег у вас нет.

— Денег? — удивился Стэнвуд. — Есть, есть. Забыл вам сказать. Этот очкарик сообщил отцу, что я женюсь на вас, и тот сразу выделил мне сто пятьдесят тысяч. Потому он и звонил.

С этими словами Стэнвуд нырнул в дверь, чтобы поскорей нанять машину.

— Да!.. — сказала Терри, и Майк признал, что больше тут ничего не скажешь.

— Надеюсь, он будет счастлив, — неуверенно прибавила она.

— Еще как, — заверил Майк, — хотя и не в том духе, что мы. Она вообще-то ничего. Любит поговорить о своем последнем фильме, но ему это нравится.

— Духи у нее противные.

— Ему нравятся и они, он мне сам говорил.

— А как насчет верности? Порхать она не будет?

— Да что ты! Тихая, домашняя женщина. Любит читать, в интервью это особенно подчеркивается, любит и стряпать, подвязав простой ситцевый передник.

— Я бы очень хотела, чтобы Стэнвуд был счастлив.

— Не беспокойся, они созданы друг для друга. Оба — чистая слоновая

кость, с головы до пяток. А, вот и Шорти!

Как и Стэнвуд, граф ожил, обретя редкостное сходство с «Пробуждением Души». Терри вопросительно взглянула на Майка.

— Скажем ему сразу или сначала подготовим?

— Я думаю, сразу.

— Хорошо. Рада тебе представить…

— Нет, лучше: «Разреши…»

— Намного лучше. Так вот, разреши тебе представить моего жениха, мистера Кардинела.

Граф растерялся, ощущая, что это все-таки слишком.

— Жениха? — переспросил он.

— Да.

— Кардинела?

— Да.

— А не Стэнвуда?

— Нет.

— Значит, Кардинела?

— Да.

— Господи! — пробормотал пэр, отирая лоб рукой.

— Понимаете, любезный Шорти, — пояснил Майк, — дела немного запутались, но нам удалось их распутать. Были и ошибки, и недоразумения, очень похожие на те, что описаны в «Преданном Перси» (том второй). Вероятно, вы читали этот роман, а может быть, не читали. Сейчас все распуталось, повторю, так что готовьте старый добрый цилиндр, предстоит свадьба. Колокола деревенской церкви, точней — небольшой регистратуры, скоро издадут свой веселый звон. Огастеса не видели?

Лорд Шортлендс снова уподобился «Пробуждению Души». После того что случилось прошлой ночью, он не думал, что имя Ворра усладит ему когда-нибудь слух, но теперь питал к нему искреннее уважение.

— Как не видеть! Только что расстались.

— Вы не хотели подождать?

— Он не разрешил. Ему это действует на нервы. Очень чувствительный человек. Я сказал ему, что иду сюда.

— Значит, с минуты на минуту. А, вот и он!

Огастес вошел, словно актер, ожидающий аплодисментов. Приняли его прекрасно.

— Мистер Ворр! — воскликнула Терри.

— Ну, как? — воскликнул лорд Шортлендс.

— Порядок, дорогуша, — отвечал он. — Всем привет! Значит, порядок. Но…

Неожиданное вмешательство заставило Майка замолчать. В дверях возникла леди Адела.

На ней были садовые перчатки. В руках она держала ножницы. Завидев отца, она бросила на него взор, который бросает тигрица, прежде чем прыгнуть на козленка, которому выпало стать ей ужином. Праведный гнев возрастал в ней с половины десятого, и она, несомненно, собиралась спустить пары.

— А! — сказала она. — Мне надо с тобой поговорить. Наедине, — прибавила леди, оглядев помещение.

Огастес был учтив, как всегда. Социальное чутье его еще не подводило, а кроме того, он собирался подслушивать у дверей.

— Убраться нам, дорогуша? — благодушно спросил он. — Это можно.

Леди Аделу никто не называл «дорогушей», и она брезгливо подняла брови.

— Кто вы такой?

— Фамилия — Ворр, дорогуша. Огастес Ворр.

— Камердинер Стэнвуда, — пояснила Терри.

— Вот как? — только и сказала леди, проглотив прочие слова. Вассалы Кобболда-младшего неприкосновенны. Позже, быть может, придется указать дорогому мальчику, что его камердинер не совсем таков, как следует, но пока что наглеца надо пощадить. Тем самым она только на него поглядела.

Этого вполне хватило, ибо взгляд ее разил не хуже молнии. Огастес удалился, равно как и Майк с Терри, и леди обернулась к отцу.

— Та-ак, — сказала она.

— Да? — откликнулся лорд Шортлендс.

Слово это, если, например, увидишь его в книге, навряд ли поразит вас. Казалось бы, оно совершенно безобидно. Но услышьте, как его громко и дерзко произносит человек, распрямивший плечи и сунувший пальцы в проймы жилета, и у вас перехватит дыхание. Леди Адела испытывала то же, что испытывает тигрица, если козленок укусит ее за лапу.

Ничто не вселяет такой прыти в неимущих графов, как мысль о том, что у них есть тысяча пятьсот фунтов. Дух предков, отличившихся и при Гастингсе, и среди нечестивых, осенил графа. Так и казалось, что он, одетый в кирасу, взмахнул боевым топориком.

— Да? — спросил он. — В чем дело? Не доводи меня, Адела. Все

равно толка не будет.

Старшая дочь, женщина храбрая, попыталась стряхнуть наваждение. Нельзя же поверить чувству, что тебя ударили по лбу мокрой рыбой.

— Отец! — вскричала она.

Лорд Шортлендс громко фыркнул. Упомянутых предков особенно раздражало, когда подавали голос женщины.

— Ну что «отец»? Что «отец»? Сказано, больше я этого терпеть не буду. Мне давно не нравится твоя манера. Когда я был молод, дочери почитали родителей.

Тут бы и заметить, что, наверное, родители были другими, но чувство, что тебя ударили рыбой, никак не проходило.

— Я решил уехать, — продолжал граф. — И немедленно. Мне достались большие деньги, зачем же мне здесь жить? Меня давно тошнит от этого рва, и от крыла, построенного в 1259 году, и от прочей мерзости. Если хочешь знать, я куплю кабачок.

— Отец!

— Что «отец»? Ну, что «отец»? Ты не попугай.

Разум леди Аделы был в таком смятении, что она сама не знала, можно ли причислить ее к попугаям. Знала она одно — ей грозит что-то похуже Французской революции.

— Да, кстати, — прибавил лорд Шортлендс. — Я женюсь на миссис Пентер.

Судите сами, в каком состоянии была его дочь, если она не поняла, о ком он говорит.

— Пентер? — растерянно спросила она. — Из дорсетширских Пентеров или из эссекских? Пентер…

— Да. Пентер, Пентер, Пентер. Ты ее прекрасно знаешь. Наша кухарка.

— Кухарка? — закричала леди Адела.

— Кухарка, — ответил граф. — И не ори.

Заговорив снова, несчастная леди не орала, она шептала, а перед этим издала звук, который только врач с очень хорошим слухом отличил бы от предсмертного хрипа.

— Ты не можешь на ней жениться!

— Не могу? — спросил лорд Шортлендс, утверждая пальцы в проймах. — Посмотри на меня!

Леди Адела поняла, что остается потолковать с кухаркой, которая всегда казалась ей разумной женщиной. К замыслу она приступила так быстро, что граф не понял, что происходит. Прыжок, резкий свист — и

дочь исчезла. Через миг-другой вошел Огастес, довольный тем, что слышал.

— Хо! — одобрил он. — Можно сказать, врезали.

— Ха! — отозвался граф, козырем пройдясь по паркету.

— Что я вам скажу, — продолжал Огастес. — Минуточку! Он подождал, пока войдут Майк и Терри. Она волновалась, он гладил ее руку.

— А дочка ваша, Тереза, прямо намучалась. Думала, сестрица вас заест. Да и я пред-по-ла-гал, что пора покупать венок или там букет лилий. А смотрю, вы целы.

Лорд Шортлендс с этим согласился.

— Ух, он ей показал! — сообщил Огастес новоприбывшим. — Р-раз — и готово. В лёжку.

Терри была потрясена.

— Шорти! Это правда?

— Естественно, — отвечал граф с той гордостью, какая приличествует победителю. Должно быть, после Ватерлоо Веллингтон вел себя примерно так же. — Я ее распустил, да, распустил. Пришла пора исправить ошибку. Как справедливо заметил мистер Ворр, теперь я показал ей. Ха! Вы бы видели ее лицо, когда я сообщил, что женюсь на Элис.

— Сообщил?

— Конечно.

— *Аделе?*

— Кому же еще? Так и сказал, я женюсь на миссис Пентер.

— Нет, дорогуша, — мягко вставил медвежатник. — Ни на ком вы не женитесь.

— Э? — удивился граф. — Что-что?

Огастес снял очки, протер их и надел снова.

— Это я на ней женюсь, — ответил он.

— То есть как?

— Так, дорогуша. Помнится, я говорил мистеру Кардинелу, мы давно хотели пожениться, только она пошла на Мик-стрит, а я ее ждал на Бик-стрит. Бывают такие случаи.

Терри охнула.

— Значит…

— Именно, дорогуша. Ее я любил, ее и утратил. А сейчас иду с этой самой маркой, чтобы у себя где-нибудь припрятать, а навстречу кто? Она.

— Господи!

— Верно, дорогуша. Я чуть не грохнулся. Ка-ак закричу: «Элис!», а она — «Гас!» — «Ты?» — говорю. — «Я. Хорош, однако, голубчик». Ну,

разобрались мы, что к чему, на той неделе поженимся. Теперь не перепутаем, хо-хо! На Бик-стрит.

— Можете встретить там нас, — сказал Майк. — От всей души поздравляю.

— Благодарствуем, дорогуша.

— Что люблю, то люблю — счастливые сердца, соединившиеся после разлуки, особенно — по весне. Но вы учли, что у миссис Пентер очень высокие идеалы? Ее избранник должен иметь двести фунтов, чтобы купить кабачок.

— У меня есть и побольше.

— Банк ограбили?

— Нет, банк я не грабил. Такой у меня, дорогуша, тайный источник. Куплю ей хоть дюжину кабачков.

Замечание это вызвало глухой стон. Лорд Шортлендс сидел в кресле, словно лишился костей. Терри виновато на него посмотрела. Рассказ Огастеса был так интересен, что она забыла, как он огорчает отца.

— Шорти! — вскричала дочь. — Я о тебе не подумала.

— Ничего, — подбодрил ее Майк. — У него остаемся мы…

— Да, Шорти, мы с тобой, — …и марка.

Граф приподнялся, словно покойник, восстающий из гроба. О марке он чуть не забыл.

— Где она? — слабо проговорил он.

— Дайте его милости марку, — обратился Майк к Огастесу. Тот почему-то растерялся. Переминаясь с ноги на ногу, он смущенно поглядывал на собравшихся.

— Такое дело, — начал он. — Случился, дорогуша, случай.

Положил я эту марку в рот, чтобы вернее припрятать, а увидел *ее* и, как говорится, от полноты чувств…

— Что? — закричал лорд Шортлендс, полностью вставая. — Что-о-о?

— Проглотил, дорогуша.

Давление у графа подскочило, словно кто-то его подстегнул.

— Такова, дорогуша, жизнь, — заметил Огастес. — Самому жалко. Ну, привет.

И он исчез с такой быстротой, какую не смогла бы развить леди Адела.

Первым из оставшейся троицы отреагировал лорд Шортлендс.

— Не верю! — вскричал он. — Этот гад *унес* ее! Майк сочувственно кивнул.

— Боюсь, Шорти, что вы правы. То-то он говорил о тайном источнике.

— Я в суд подам! В палату лордов!

— Х-мм… — отозвался Майк, и граф, поразмыслив, тоже сказал: «Х-мм…».

Но тут же заорал так, что Терри подпрыгнула, и даже Майк испугался. Будущий тесть напомнил ему дворецкого, который увидел муху в своем портвейне.

— Что мне делать? — причитал пэр, заметно дрожа. — Я сказал Аделе про миссис Пентер! Она меня загрызет! Будет следить за каждым шагом! Узник в оковах, и тот…

У Терри округлились глаза. Майк похлопал графа по плечу.

— Ничего, — сказал он, — не волнуйтесь. Если Майкрофт Кардинел с вами, судьба бессильна.

— У тебя есть план? — спросила Терри.

— Да. Шорти поедет с нами.

— Ну конечно!

— Когда я тебя отучу от восклицаний?

— Виновата, мой повелитель!

— Так и быть, повелительница.

— А куда? — спросил лорд Шортлендс.

— Да есть один городок у Тихого океана. Иногда его называют «Голливуд». Поженимся как можно скорей, выправим вам паспорта — и в путь. А пока соберите самое нужное и переезжайте в клуб. Кстати, любезный Шорти, вы созданы для роли дворецкого.

Терри вскрикнула.

— А я все гадала, кого мне отец напоминает! Конечно, ты прав. Вылитый дворецкий.

— Неужели? — удивился граф.

— Один к одному, — отвечала Терри.

— На них огромный спрос, — пояснил Майк. — Звездой вы не будете, текста мало. Скажите-ка: «Сию минуту, милорд».

— Сию минуту, милорд.

— Великолепно! Вы украсите экран. А теперь мы вас покинем. Моя будущая жена хочет показать мне розы.

— Разве вы их не видели?

— Видел, но не с ней.

Оставшись в одиночестве, граф постоял немного, глядя в радужное завтра. Потом медленно подошел к зеркалу и повторил, поставив локти под правильным углом:

— Сию минуту, милорд.

Лицо его озарила улыбка. Да, вылитый дворецкий. Один к одному.

Мервин Спинк появился бесшумно, граф увидел его отражение. Сильные люди, связанные любовной бедой, посмотрели друг на друга. Спинк думал, что хозяин — неплохой старик; граф думал, что слуга не так уж и страшен.

— Слышали, милорд? Граф кивнул.

— Какой удар, милорд!

— Ужасный.

— Не будем падать духом, милорд.

— Не будем. Мы — британцы.

— Если хотите выпить, милорд, у меня есть все, что нужно.

Граф облизнул сухие губы. Выпить! Ну конечно. Как он только мог недолюбливать этого сенбернара?

— Пойдемте, Спинк.

— Сюда, милорд.

— Не называйте меня «милорд».

— Сюда, Шортлендс.

— Какой Шортлендс? Шорти.

Он взял друга под руку, и они удалились.

Грабят ли дворецкие банки?

Перевод с английского Е. Доброхотовой-Майковой

Глава I

В то июньское утро Гораций Эпплби собирался на веллингфордские скачки и беседовал с Костоломом Эвансом, когда к нему нежданно заявился чикагский гангстер Чарли Йост.

Ферди объявил посетителя.

— Пришел Чарли, шеф, — сказал он.

Гораций нахмурился. Он был недоволен заокеанским гастролером и не желал впредь вести с ним никаких дел.

Гораций Эпплби возглавлял банду Эпплби, весьма известную и уважаемую в преступных кругах; Чарли, который по некоторым соображениям счел за лучшее временно променять Чикаго на Англию, до недавних пор подвизался у него. В своей долгой и успешной карьере Гораций во многом зависел от подчиненных, таких, как Костолом Эванс, специалист по сейфам, или Ферди Муха — сей последний, хоть и не блистал интеллектом, умел взобраться по любой стене, используя лишь руки, ноги и личный магнетизм. Сам Гораций исполнял роль боевого генерала, то есть планировал и направлял кампанию, не покидая ставки.

Они жили душа в душу. Гораций по-отечески заботился о благополучии «ребят», ко взаимному удовольствию вознаграждая каждого после успешного дела. Однако ему случалось бывать строгим родителем. Чарли Йост вышел на задание с пистолетом, а в этом отношении Гораций был непреклонен. Он запретил огнестрельное оружие, о чем Чарли своевременно уведомили. Тот не подчинился старшему, за что был наказан. Гораций твердой рукой удержал причитающуюся ему долю, отказавшись выплатить даже символическое вознаграждение.

Поэтому сейчас он нахмурился. Неприятно, когда наказанные сотрудники нарушают твой покой. Кроме того, Гораций немного нервничал. Чарли, узнав, что не получит своей доли, явно выказал неудовольствие, и сейчас злополучный пистолет наверняка был при нем. Человек импульсивный, с младых ногтей приученный сначала стрелять, потом объясняться, вполне может выразить свою мысль пулей.

— Да впустите его, шеф, — сказал Костолом, читая мысли Горация. — При мне он бузить не станет.

Гораций взглянул на него и сразу понял, что означают эти слова. К Льюэллину (Костолому) Эвансу можно было применить лишь одно определение, которое немедленно пришло бы на ум любому обитателю

Голливуда — «колоссальный». Он изумлял даже не столько исключительным ростом, сколько телосложением. Везде, где мускулы могут бугриться, они бугрились. Более того, они выпирали даже там, где мускулам выпирать не положено. Костюм его безусловно соорудил портной, но трудно поверить, чтобы такой масштабный труд осилил кто-нибудь, кроме Омара Делателя Палаток.[35]

Беглый осмотр еще раз убедил Горация, что в присутствии этого исполина ему и впрямь не страшны самые взбешенные снайперы.

— Отлично, — сказал он. — Введите его, Ферди. — И через мгновение вошел Чарли.

Бытует мнение, будто в силу некоего строгого кодекса все американские гангстеры обязаны походить на Хэмфри Богарта[36] и криво ухмыляться при разговоре. Отступника отводят на пустырь, где в кругу мрачных типов по прозвищу Билли-Бык или Беф-Строганофф прилюдно лишают атрибутов гангстерского ремесла — черных пальто и шляпы.

В действительности же правила не столь строги, и рядовые гангстеры могут невозбранно следовать собственным вкусам.

К примеру, Чарли Йост был невысок, с тихим приятным голосом и открытым лицом, безобидность которого подчеркивали большие очки в роговой оправе. На улице вы бы приняли его за мелкого банковского служащего, а отнюдь не за головореза.

Впрочем, Чарли Йост и впрямь был по натуре человек мирный, а к насилию прибегал лишь в силу деловой необходимости, когда было нужно устранить зарвавшегося конкурента. Он отличался сентиментальностью, исправно жертвовал на приюты для бездомных животных и всегда плакал в кино, если картина плохо кончалась.

Гораций, черпая уверенность в присутствии Костолома, встретил его холодно.

— Ну?

Величавая манера Горация, так не похожая на все, что он видел в Чикаго, обычно внушала Чарли трепет, но столь велика была обида, что сейчас он не дрогнул. Скривив рот, что делал лишь в минуты величайшего волнения, он с такой же холодностью процедил:

— Деньги гони.

— Какие деньги?

— Какие мне причитаются.

Гораций выпрямился в полный рост. Рост этот не был велик, но само движение впечатляло. Этим умением мастерски владел Наполеон.

— Ничего вам не причитается, — сказал Гораций. — Вы знали правила, когда вступали в мою организацию. Вам простыми словами объяснили, что я не разрешаю носить огнестрельное оружие. Вы сознательно не подчинились, и я в воспитательных целях наложил на вас денежное взыскание. Разговор окончен. Костолом, проводите мистера Йоста.

— Пошли, Чарли, — сказал Костолом, и Чарли остановил на нем долгий, задумчивый взгляд.

Вообще-то Льюэллин Эванс был кроток и прозвание Костолом получил не за то, что ломал людям кости, а за то, что всем своим видом внушал подобные опасения. Ничто в его внешности не развеивало опасений самого мрачного рода, и Чарли, как было предсказано, не предпринял ни малейших поползновений к тому, что Костолом определил метким словом «бузить». Он покорно двинулся к двери, однако на пороге обернулся и тихим, но угрожающим голосом произнес:

— Еще увидимся.

С этой многозначительной речью он удалился.

Костолом вернулся в комнату и увидел, что Гораций уже вернул себе обычное, спокойное расположение духа. Подобные пустяки никогда надолго не выводили его из равновесия.

— Ушел, — сказал Костолом, — и вам лучше двигать, шеф, не то на поезд опоздаете.

— Вы совершенно правы, — отвечал Гораций. — Опаздывать нельзя. Мне намекнули, какие лошади придут первыми в два тридцать и три часа, так что я рассчитываю сорвать неплохой куш.

С этими словами он вышел из дома, чтобы сесть на поезд до Веллингфорда, где, неведомо для себя, должен был встретить Майка Бонда, Аду Кутс, Джил Уиллард, сержанта Клода Поттера из Скотланд-Ярда и других лиц, которые сыграют важную роль в его жизни.

Верно говорят: мы не знаем, что ждет нас за следующим поворотом.

Глава II

1

Продиктовав приятным голосом несколько малоинтересных деловых писем, Майк Бонд замолчал и словно впал в тяжелое забытье. Ада Кутс воспользовалась передышкой, чтобы поднять глаза от блокнота и оглядеться. До сих пор она исполняла секретарские обязанности исключительно в банке, а в Мэллоу-холл попала впервые и была потрясена его пышностью. Она много слышала о здешнем великолепии от своей подруги Джил Уиллард, сиделке при тетушке Майка Изабелле, но сейчас, подобно царице Савской, чувствовала, что ей не сказали и половины.[37]

Усадьба Мэллоу-холл — одна из достопримечательностей Вустершира — на протяжении четырех столетий принадлежала семье Армитейдж, пока последний представитель рода не уступил ее сэру Хьюго Бонду из «Банка Бонда». Изящная елизаветинская постройка высится среди обширного парка неподалеку от городка Веллингфорд, что в долине Ившем. Первой мыслью Ады было, что покупка наверняка стоила сэру Хьюго немыслимых денег. Впрочем, такие мелочные соображения не могли остановить легендарного человека, который всегда жил по принципу: довольствоваться лучшим, пока не подвернется что-нибудь еще лучше.

Сейчас они сидели в комнате, где, как догадывалась Ада, старик разместил свой кабинет. Все изумляло габаритами: письменный стол, камин, портрет румяного сэра Хьюго в охотничьем костюме, напольные часы и буфет в углу у окна. Лишь люди, сидевшие в кабинете, не вязались с его героическими масштабами: Ада была низенькая и коренастая, Майк — худой и жилистый. Он много ездил верхом, а студентом Кембриджа успешно выступал как боксер в весе пера.

Недавно он унаследовал от дяди «Банк Бонда», один из тех процветающих банков, которые переходят от отца к сыну (или, как в данном случае, от дяди к племяннику) из поколения в поколение, богатея с каждым новым владельцем. Майк не особо стремился сделаться банкиром, но, как ближайший родственник старого холостяка, счел своим долгом продолжить семейную традицию.

Молчание длилось так долго, что Ада забеспокоилась. Верная

секретарша наблюдала за Майком как мать или нянюшка и заметила, что после смерти сэра Хьюго в нем произошла разительная перемена. Он утратил ту веселость, которая прежде скрашивала их совместную работу в конторе. Аду это удивляло и настораживало.

Дверь отворилась и вошел Коулман, дворецкий.

— Простите, сэр, — сказал он извиняющимся тоном дурного вестника. — К вам дамы.

Майк вышел из транса и непонимающе уставился на дворецкого.

— Дамы?

— Числом шесть, сэр. Как я понимаю, они явились за портретом сэра Хьюго.

— Для статуи, которую они хотят поставить на рыночной площади, мистер Майк, — напомнила Ада. — Скульптор будет лепить ее с портрета. Леди Пиннер недавно вам об этом писала.

Майк перевел на нее отсутствующий взгляд.

— Правда?

— На прошлой неделе. От имени Веллингфордской Женской Ассоциации. По ее словам, комитет единогласно проголосовал за установку памятника. Наверное, это дамы из комитета. Вам нужно их принять.

— Обязательно?

— Да, мистер Майк. — Ада Кутс умела при необходимости проявить твердость. Майк вышел в настроении еще более подавленном, чем минуту назад. Иные мужчины возликовали бы при мысли побеседовать с шестью общественницами, но он явно не принадлежал к их числу.

Ада вернулась к своим раздумьям. Одно из писем, которые она только что записала, разбудило ее воображение. Письмо это, адресованное мистеру Дж. Б. Ричардсу из конторы «Ричарде, Прайс и Грегори», содержало просьбу встретиться и обсудить крайне срочное дело. Спешка наводила на мысль, что у банка возникли какие-то финансовые затруднения. Впрочем, поверить в это было трудно — стабильность «Банка Бонда» вошла в пословицу.

Ада все еще перебирала в голове тревожные мысли, когда ее раздумья прервала особа, куда более привлекательная, чем дворецкий Коулман, а именно, Джил Уиллард.

Ада обрадовалось. Они с Джил познакомились в детективном отделе местной библиотеки, подаренной городу сэром Хьюго Бондом. Дружба, возникшая на почве общих литературных пристрастий, быстро окрепла. Теперь Ада знала о Джил все: что та — дочь бедного сквайра, получила,

как пишут в «Кто есть кто», домашнее образование, рано оставила родителей, чтобы не быть им финансовой обузой, и пошла учиться на сиделку, а теперь скромно зарабатывает на жизнь этой профессией.

— Привет, Джил, — сказала она. — Освободилась?

— Нет, просто выскочила на минутку передохнуть. Коулман сказал, ты здесь.

— Как ты ладишь с мисс Бонд?

— Отлично.

— Говорят, она — самодурка.

— Только не со мной. Мы отлично спелись. Водой не разольешь. А ты как здесь оказалась?

— Мистер Майк хотел надиктовать несколько писем.

— В субботу?

— Я не в претензии. Он ужасно милый.

Еще недавно Джил от всей души поддержала бы это высказывание. До последнего времени их с Майком отношения были более чем теплыми, но внезапно наступило охлаждение, и, как следствие, обида. В ее голосе прорезались стальные нотки.

— Нда?

— Заботливый и все такое. Минут десять извинялся за то, что просит меня поработать в субботу.

— Еще бы не извиняться!

— Он думал, может быть, я собираюсь на скачки.

— А ты собиралась?

— Еще не хватало! — строго ответила Ада. — Все равно, согласись, разве не мило с его стороны?

— Просто исключительная доброта. Ада осторожно понизила голос.

— Знаешь, Джил, у мистера Майка что-то неладно.

— Простудился?

— Да нет, я не о том. Какой-то он сам не свой. Я это заметила сразу после смерти сэра Хьюго. Раньше он был веселый и приветливый. Когда я приносила чай, мы всегда болтали.

— О чем?

— Обо всем. О булочках.

— О каких булочках?

— Которые я ему пекла. Говорил, какие они вкусные. Теперь ни словечка не проронит. Все время хмурится, будто что-то его гложет. Должно быть, что-то с банком.

— Что ему беспокоиться о банке? Это все равно что беспокоиться о

«Стандарт Ойл».

— Ты не думаешь, что там могут быть какие-то неприятности?

— Конечно, нет. С какой стати?

— Но что-то его мучает.

— Совесть, наверное.

Впервые до Ады начало доходить, что подруга не разделяет ее восторженного отношения к начальнику.

— Тебе не нравится мистер Майк? — удивилась она.

— Не очень, — ответила Джил. Тут вошел Коулман и сказал, что мисс Бонд просит мисс Уиллард подняться к ней.

— Что-то стряслось?

— Мисс Бонд просила передать, что не может решить кроссворд.

— Да, и впрямь беда, — согласилась Джил. — Ладно, иду. Она вышла и, преодолев два лестничных пролета, оказалась в комнате окнами на парк, где мисс Бонд томилась со сломанной ногой — результат неудачной автомобильной поездки.

2

Страдалица возлежала в обществе таксы и двух кошек. Это была властного вида старая дама; вероятно, лет сорок назад она блистала красотой, но уже тогда внушала почтительный трепет. Все окружающие ее боялись, но Джил ей с самого начала понравилась, так что они и впрямь чудесно ладили. Сейчас в ее голосе звучала лишь самая слабая нотка укоризны.

— Вот и вы, наконец.

Джил ласково похлопала ее по руке.

— Я бежала со всех ног, капрал. Слышала, у вас заминка с кроссвордом? Может, я чего подскажу?

— Не надо. Я решила его бросить. Слишком сложный. Вот, двенадцать по горизонтали, «крупная река в Южной Америке», восемь букв. И все остальное в таком же духе. Самое удивительное, что в следующем номере напечатают список победителей, и все они будут из Лидса, Хаддерфидда и других подобных мест.

— Там народ более мозговитый.

— Я решила не тратить время. Жизнь так коротка. Еще раз попробовала читать книжку, которую вы вчера принесли мне из библиотеки.

— Ну как, хорошая? Я из-за названия взяла.

— Смотря что называть хорошим. Это про молодого человека по имени Торквил, который все не может решить, идти ли ему к психоаналитику. То соберется, то снова передумает.

— Чем не интрига?

— Не нужна мне интрига. Мне нужен честный любовный роман, чтобы губы дрожали, глаза горели и грудь вздымалась. Только нынче таких не пишут. Кстати, о любви. Как продвигаются ваши дела с юным Майком?

Джил не помнила, как ее сокровенные сердечные тайны стали достоянием пациентки. Видимо, мисс Бонд была из тех проницательных старух, от которых ничто не скроешь. В один прекрасный день она неожиданно выказала полную осведомленность и с тех пор имела обыкновение задавать бестактные вопросы.

— Никак, — коротко ответила Джил. Мисс Бонд подняла брови.

— Милые бранятся?

— Для этого мы слишком редко видимся.

— Он вас избегает?

— Изо всех сил.

— А при встрече смущается и нервничает?

— Думаю, можно сказать так.

— Тогда мне все ясно. Он собирается с духом, чтобы сделать предложение. Мужчины всегда так себя ведут перед решительным шагом. Боятся отказа. С Хьюго в молодости постоянно такое было. Просто узлом завязывался. А поскольку ему всегда отказывали, он мог бы не мучиться, а посвятить это время полезному чтению. Майк надеется, что, если долго ходить и трястись от страха, вы не выдержите и сделаете первый шаг.

— Предложу ему руку и сердце?

— Почему бы нет?

— А если он потупится и промямлит: «Ах, очень, очень жаль, но это невозможно. Давайте останемся добрыми-предобрыми друзьями»? Что мне тогда делать? Покраснеть и уехать в Африку?

— Думаете, он так ответит?

— Судя по его поведению, да.

— Вам кажется, его чувства остыли?

— Впечатление такое.

— Вот болван! Чего ему надо? Внешность? Красивее вас он не найдет. Характер? Он отлично знает, что девушка, которая способна столько времени выносить меня, обладает всеми качествами идеальной жены.

— Кроме одного.

— Это еще какое?

— Деньги, — горько ответила Джил. — Думаю, он наконец осознал, что если не поостережется, то взвалит себе на шею нищую жену, хотя мог бы жениться на богатой.

Мисс Бонд возмутилась.

— Майк не такой.

— Вы уверены?

— Да. Чего-чего, а корысти в нем нет. Если он странно себя ведет, значит, что-то неладно с банком.

— Ада тоже так считает.

— Какая Ада?

— Ада Кутс, его секретарша.

— А, видела. Приятная девушка. Значит, она права.

— Нет. Вы обе ошибаетесь. Права я.

— Ничего подобного.

— Да.

— О, дьявол! Видела я упрямых дурех, но такую — в первый раз. Идите, принесите мне виски с содовой.

— А доктор одобрит?

— Он не узнает, — ответила мисс Бонд.

3

Майк, успешно спровадив дам из женского комитета, вернулся в комнату и взглянул на часы.

— На сегодня все, Ада, — сказал он. — Я и так вас слишком задержал. Спасибо за терпение. Я отвезу вас домой.

— Ой, мистер Майк, спасибо, не надо.

— Мне не трудно.

— Да нет, не стоит. Тут всего миля.

— Две.

— Хорошо, две. Погода чудесная. Я с удовольствием пройдусь пешком.

— Вы уверены? Не забывайте, сегодня бега. Публика может быть самая разная, в том числе нехорошая.

Ада резко выпрямилась. Ее гордость была уязвлена.

— Спасибо, мистер Майк, я могу сама за себя постоять, — ответила она уверенным тоном девушки, которой дважды приходилось усмирять

подгулявших сограждан с помощью зонтика, да так успешно, что те еще долго пытались прийти в себя. При малом росте она отнюдь не страдала хрупкостью телосложения и, вооруженная своим Эскалибуром, могла дать отпор любому врагу, что в латах, что без. Ее крепкая рука была вполне способна преподать достойный урок.

Соответственно она без всякого страха вступила в город. Погода и впрямь стояла чудесная, двухмильная прогулка взбодрила Аду Она уже собиралась свернуть в проулок к своему дому, когда взгляд ее внезапно привлекло зрелище, которое, по счастью, не часто увидишь в Веллингфорде даже в дни скачек. Дородный господин, осанкой напоминающий римского императора, вытащил бумажник, намереваясь, вероятно, полюбоваться содержимым, и тут верткий тип вынырнул ниоткуда, как свойственно вертким типам по всему миру, выхватил у господина бумажник и со всех ног припустил в сторону Ады.

Если не считать двух стычек с подгулявшими согражданами, Ада вела безбурную жизнь, и сейчас не опыт, но только женское чутье помогло ей сориентироваться. С решимостью, достойной Жанны д'Арк, она выставила вперед верный зонтик. Верткий тип, получив подножку, исполнил несколько танцевальных па, и бумажник вылетел из его руки. Тип, не останавливаясь, продолжил стремительное движение вперед, а римский император торопливо подошел, нагнулся и прижал свое сокровище к груди.

Таким драматическим образом судьба свела Аду Кутс и Горация Эпплби, чьи пути в противном случае могли бы не пересечься. Судьбе свойственны неожиданные выкрутасы.

4

Гораций стоял ошеломленно, по-прежнему сжимая раздутый, как при водянке, бумажник (заезды в два тридцать и три действительно принесли удачу). Мысль, что, если б не Ада, он мог бы утратить все это богатство, наполняла душу благодарной теплотой. Успешная деятельность на протяжении многих лет сделала его человеком состоятельным, однако он предпочитал не кичиться достатком, жил в скромном домике неподалеку от Лондона и, как многие богатые люди, к деньгам относился бережливо. Утрата бумажника поразила бы его в самое сердце.

Он принялся благодарить спасительницу. Слова лились нескончаемым потоком, а особа, которой предназначались эти хвалы, краснела и ножкой

чертила на мостовой арабески.

Как мы уже сказали, Гораций был бережлив. Однако он чувствовал, что не жаль раскошелиться, дабы отблагодарить эту замечательную девушку за доблестное противостояние силам тьмы. Даже если ее предпочтения склоняются в сторону шампанского, признательность требует не мелочиться.

— А сейчас, мэм, если вы никуда не спешите, думаю, мы могли бы где-нибудь посидеть, чтобы успокоиться после пережитого волнения. Позволите вас угостить?

Лишь огромным усилием воли Ада не ответила: «Блеск!». Слово уже готово было сорваться у нее с языка, когда она осознала его неуместность и заменила на более изящное: «О, спасибо, буду очень рада!».

— Замечательно, — сказал Гораций, — замечательно. Тут за углом бар, — добавил он, и Ада содрогнулась от столь недолжного предложения. Не только мать, но и обе тетки учили ее никогда не заходить в бары. Что там творится, она не ведала, но воображению смутно рисовалось что-то вроде тех оргий, которым Вавилон обязан своей дурной репутацией. Она предложила взамен чайную, которых на Хай-стрит целых четыре, и Гораций с облегчением принял поправку. В чайных шампанское не подают.

Через пятнадцать минут в «Медном Чайнике», за желтым столиком, расписанном синими колибри, окончательно разомлев от приятной беседы, чая и вполне сносных булочек (хотя и не таких вкусных, как Адины домашние), Гораций задал вопрос, который не давал ему покоя с самого приезда.

— Скажите мне, мисс Кутс, — спросил он, — почему все в этом городе носит имя Бонда? Бондовская библиотека, бондовская больница, бондовское то, бондовское се. Я почти ожидал, что букмекер представится бондовским жучком. Кто этот Бонд, о котором я все время слышу?

Ответ последовал немедленно, но не сильно прояснил дело.

— О, это банк. Но он умер.

— Простите?

— Сэр Хьюго Бонд. Он скончался примерно месяц назад. Гораций ответил, что все мы там будем, и Ада согласилась, что в этом высказывании есть определенный резон.

— Но почему вы назвали его банком? — спросил Гораций, по-прежнему недоумевая.

— Он им владел. Пока был жив, разумеется.

— Разумеется, — поддержал Гораций, чувствуя, что это логично.

— Теперь им владеет племянник. Мистер Майк. Я — его секретарша. Сэр Хьюго строил все эти библиотеки и больницы на свои деньги. Очень был щедрый человек. Если город в чем-то нуждался, надо было только попросить сэра Хьюго.

— Замечательный человек. Наверное, очень богатый.

— Ну да. «Банк Бонда» гребет деньги лопатой. Сэр Хьюго ведь не только библиотеки строил, но и Мэллоу-холл купил. Тут есть деревушка, Мэллоу, в двух милях от города, и там усадьба. Раньше она принадлежала судье, сэру, не помню как зовут, Армитейджу. Не знаю, слышали ли вы про него.

Гораций слышал. Всего восемнадцать месяцев назад сэр Роджер Армитейдж приговорил его друга по имени Рыжий Моффет к пяти годам тюремного заключения.

— Да, — сказал он, — фамилия звучит знакомо.

— Я как раз сегодня там была, писала письма для сэра Майка. Это надо видеть! Роскошное место.

— Большое?

— Огромное. Акры сада, мили парка. Сэр Хьюго был такой. Сорил деньгами направо-налево.

Гораций завороженно слушал, боясь пропустить хоть слово. Они с ребятами специализировались именно на усадьбах сельских богачей, а в таком деле половина успеха — внедрить в дом своего представителя. Обычно Гораций устраивался дворецким, чтобы проложить дорожку Ферди и остальным. Как правило, это не составляло труда. Внешность и манеры образцового дворецкого действовали безотказно; домовладельцы сразу соглашались взять его на работу, и только что не расстилали перед ним красный ковер.

Дородство и лысина милы сердцу сельского домовладельца. Разумеется, дворецкие бывают всех форм и расцветок; иные хозяева вынуждены довольствоваться долговязым и кудрявым, но они всегда чувствуют некоторую ущербность и втайне мечтают, что агентство пришлет им кого-нибудь поплотнее фигурой и пожиже шевелюрой. Гораций Эпплби идеально отвечал этим требованиям. Лорд Уонтаг («брильянты Уонтага»), сэр Руперт Финч («жемчуга Финча») и другие считали, что обрели сокровище. Разумеется, в действительности все было наоборот. Сокровище обретали Гораций и его присные.

— А внутри! — продолжала Ада.

— Шик?

— Не то слово.

— По описанию похоже на Нортон-корт.

— А что это?

— Поместье сэра Руперта Финча в Шропшире. Я там служил дворецким.

Ада взволнованно вскрикнула:

— Так вы дворецкий?

— Да, от случая к случаю. Вообще-то у меня есть средства, но я иногда нанимаюсь на службу, больше из любви к искусству. Надеюсь, у вас нет предубеждения против этой профессии?

— Отнюдь. Мой отец служил дворецким, пока не скопил денег и не ушел на покой.

— Надо же! Он служил в Мэллоу-холле?

— Нет, в другом месте.

— А там кто дворецкий? Может быть, я его знаю. Мы составляем довольно тесную гильдию.

— Кажется, мистер Майк называет его Коулманом. Гораций покачал головой.

— Нет, такого не знаю. А кто еще работает у мистера Бонда? Наверное, у него большой штат прислуги?

— Нет, совсем маленький для такого большого дома. Только мистер Коулман, кухарка, камеристка и Айви.

— Кто такая Айви?

— Горничная. Больше никого.

— Довольно скромно. Не как у сэра Руперта Финча. Но расскажите о себе, мисс Кутс. Вам нравится работа секретаря?

— Очень.

— И что за человек ваш мистер Майк?

— Ой, он — душка. Если вы часто бываете на бегах, то наверняка его видели. Он известный жокей-любитель. Участвует в Национальном Кубке.

— Вот как?

— Один раз даже пришел третьим.

— Удивительно! Опасные скачки — Национальный Кубок. Странно, что его жена не возражает.

— Он не женат.

Гораций огорчился. Он надеялся, что у мистера Майка есть обожаемая супруга, которую тот задаривает украшениями — такими, какие обычно хранят в верхней комнате, вполне доступной для Ферди Мухи. В его деятельном мозгу уже зрела мысль устроиться к мистеру Майку дворецким. Лорд Уонтаг и сэр Рупер Финч осыпали жен драгоценностями

— привычка, которую Гораций всячески одобрял. Дом, где нет бриллиантов и жемчугов, не представлял для него ни малейшего интереса.

И вдруг, как часто случалось с этим даровитым человеком, сердце озарив желанным светом, на ум уловка дерзкая пришла.[38] Да, Мэллоу-холл не отвечает необходимым требованиям. Но ведь есть еще банк, который гребет деньги лопатой! Прежде ему не приходило в голову расширить свою деятельность на банки, но все когда-то бывает в первый раз, и теперь он видел, какие богатые возможности сулит эта идея. В Веллингфорде он пробыл всего день, но знал, что в таких сонных городках полиция обычно пребывает в приятной дреме, не подозревая о готовящемся преступлении. Наверняка в банке даже ночного сторожа нет!

Из мечтаний, становящихся с каждой минутой все более радужными, его вывел возглас спутницы.

— Ой, мне пора! — воскликнула она. — Я еще должна приготовить ужин на троих!

Гораций моргнул раз-другой и вновь превратился из финансового воротилы в обаятельного собеседника.

— Ужин? Неужели секретарша должна еще и готовить? Ада музыкально хихикнула.

— Ой, какой вы глупый! Не для мистера Майка. Я пригласила двух подружек.

— Утомительное завершение рабочего дня.

— Для меня — ничуть. Я люблю стряпать. Наверное, потому что хорошо умею.

Гораций встрепенулся. Готовка была одной из любимых его тем. Разговор вновь оживился, зазвучали названия экзотических блюд.

Аду осенила внезапная мысль.

— Ой! А может, вы к нам зайдете? Или вам надо возвращаться в Лондон?

— Я не спешу, — сказал Гораций. — Могу сесть на последний поезд. Спасибо огромное, мисс Кутс. С радостью приму ваше любезное приглашение.

Глава III

1

Айви, горничная, кормила на кухне кошек, которые всегда обедали в этот час, когда с черного хода зазвонил колокольчик. Она пошла открывать и увидела перед собой, как выразился бы поэт Теннисон, мужа величавейшей осанки.[39] Тот обратился к ней отеческим тоном — так говорило бы выдержанное бургундское, если бы обрело голос.

— Добрый вечер, — сказал он.

— Добрый вечер, сэр.

— А как вас зовут, милочка?

Айви ответила, что ее зовут Айви. Посетитель одобрительно кивнул.

— Какое красивое имя! Мистер Коулман дома?

— В буфетной, сэр.

— Сделайте одолжение, проводите меня к нему. Коулман возлежал в кресле, читая детективный роман.

— К вам джентльмен, мистер Коулман, — сказала Айви и вернулась к кошкам. Джентльмен спросил, может ли он переговорить с мистером Коулманом по очень спешному делу, и, чтобы сразу создать доверительную атмосферу, предложил сигару весьма отменного качества. Гораций был бережлив, но на табаке не экономил.

— Моя фамилия Эпплби, — представился он. — Вы, вероятно, спрашиваете себя, в чем причина этого неожиданного визита. Если совсем коротко, мистер Коулман, я предложу вам способ улучшить свое материальное положение.

Юстас Коулман сигару взял, но всем своим видом выказал, что это не накладывает на него никаких обязательств. Человек он был осторожный, а первые слова прозвучали подозрительно похоже на речь страхового агента. Вскоре, предполагал он, визитер вытащит из внутреннего кармана брошюрку и начнет рассказывать о мудрой системе накопления, при которой всю сумму страховки (включая проценты) получит член фонда, переживший остальных. Он сдержанно сказал: «А!», и Гораций продолжал:

— Но прежде я должен сообщить дурные известия о вашем отце.

— Мой отец умер десять лет назад.

— У вас неверные сведения, — поправил Гораций. — Он не умер, но

тяжело болен, и я приехал вас подменить, чтобы вы могли поспешить к болящему. Вероятно, вы думаете про себя, что Коулман незаменим, но я буду стараться изо всех сил. Позвольте сказать, что я служил дворецким в лучших домах. Сейчас временно на покое.

Коулман слегка встревожился. У него зародились сомнения в душевном здоровье собеседника. Посетитель выглядел вполне нормальным, но детективный роман учил не доверять первому впечатлению. Безумец, совершивший четыре убийства и замышляющий пятое, описывался там как человек с внешностью скромного университетского профессора. Коулман задрожал и уронил пепел с сигары, но тут, на его счастье, Гораций поспешил с объяснением.

— Мне необходимо закрепиться в Мэллоу-холле, мистер Коулман. Я намерен развернуть наступательную кампанию. Поскольку это выражение несколько расплывчато, выражусь яснее: я собираюсь ухаживать. Я влюблен, мистер Коулман.

— Что-что?

— И единственная надежда привести дело к счастливой развязке — обосноваться в доме, где работает моя обожаемая, чтобы ежедневно ее видеть и, по возможности, внушить ответное чувство. Вряд ли необходимо объяснять, что предмет моих воздыханий — Айви, — продолжал Гораций, надеясь, что правильно запомнил имя.

Мистер Коулман успокоился. Стало ясно, что гость — не сумасшедший убийца. Счастливо овдовев после нескольких бурных лет брака, он сам не имел ни малейшего желания ухаживать за Айви, поскольку считал женитьбу игрой в наперстки и не рассчитывал со второй попытки сорвать куш. Однако ясность взгляда он не утратил и понимал, что Айви вполне способна увлечь мужчину ладной фигуркой и смазливым личиком в обрамлении густых белокурых волос. Еще он знал, что Айви встречается с сержантом веллингфордской полиции, о чем и сказал, считая своим долгом предупредить о возможных преградах. Гораций ответил, что знает о сопернике, но не намерен воспринимать его всерьез. Сержант — тьфу, деревенский увалень.

— Думаю, что без труда сумею ее отбить, — сказал он, — но для этого мне надо быть на месте. Отсюда маленькая уловка, которую я выдумал.

— И вы хотите, чтобы я заявил об уходе.

— Вот именно.

— Я должен предупредить за месяц.

— Но не когда ваш отец лежит на смертном одре. Уверен, в этом случае мистер Бонд разрешит вам уехать незамедлительно.

— Возможно.

— Всенепременно. И потом, вы же не увольняетесь. Ему придется промучиться без вас лишь некоторое время — скажем, несколько недель.

Мистер Коулман выпустил облако дыма. Глаза его сузились. При обсуждении серьезной сделки всегда наступает такой момент.

— И что, — спросил он, — я получу взамен? Гораций ждал этого вопроса.

— Десять фунтов? — предложил он.

Коулман улыбнулся как человек, услышавший забавную шутку.

— Двадцать?

Снова улыбка.

Чувствуя, что его бережливая душа завязывается морским узлом, Гораций сказал:

— Пятьдесят?

Казалось бы, такая щедрость должна была произвести на Коулмана впечатление, но тот лишь скривился.

— Так я и поверил.

— Во что?

— В то, что у вас есть пятьдесят фунтов.

— Думаете, нет?

— Уверен.

— Вот как? — оскорбился Гораций. — Так позвольте сказать, что сегодня я выиграл на бегах сто фунтов и все они при мне.

— На том и сойдемся, — сказал Коулман с довольным видом человека, нашедшего взаимоприемлемое решение. — Сто будет в самый раз.

Слишком поздно Гораций понял, что собеседник хитростью выманил у него неосторожное признание. Безумием было посвящать Коулмана в тайну своего богатства. Короче, он поддался соблазну, от которого столько предостерегал ребят, — соблазну похваляться деньгами.

Разумеется, он мог изменить планы и вернуться домой ни с чем, однако рассказ Ады воспламенил его до такой степени, что отступить было невозможно. Кроме того, это значило бы подвести ребят. Разумеется, они не посвящены в новый проект и не разочаруются, однако на его совести тяжким грузом будет лежать мысль, что он по скупости лишил их возможных доходов. Разумеется, больно расстаться со ста фунтами, но деньги будут потрачены не зря, если в итоге ему не стыдно будет смотреть ребятам в лицо.

Он вздохнул. Другая сторона ожидала решения, и тянуть не имело

смысла. Гораций вытащил искомую сумму, и Коулман спрятал деньги в задний карман брюк.

— Посидите тут, пока я ему скажу, — произнес он.

— Как вы объясните, что я оказался здесь с вестями о вашем отце?

— Не подумал.

— Всегда обо всем думайте. Лучше сказать, что я — ваш двоюродный брат.

— Или родной?

— Двоюродный. Для родных мы недостаточно схожи.

Гораций всегда был внимателен к мелочам. И впрямь, Юстас Коулман не дотягивал до его высоких стандартов, будучи щуплым и без единой залысины.

Через несколько минут Коулман вернулся и сообщил, что человеколюбивый хозяин не только не возражает против смены мажордома, но и выражает всяческое сочувствие.

— Разумеется, он хочет вас увидеть.

— Естественно, — сказал Гораций. Он и сам не согласился бы на другой вариант. Все приличия должны быть соблюдены.

Гораций и Майк произвели друг на друга приятное впечатление, особенно Гораций на Майка. Если управляющего банком и тяготили какие-то заботы, они не помешали ему с ходу распознать идеального дворецкого.

— Кажется, Коулман не сказал, как вас зовут.

— Эпплби, сэр.

— Вы — его двоюродный брат?

— Да, сэр.

— Спасибо, что вызвались помочь. Сочувствую вашему дядюшке.

— Печальная история, сэр.

— Я так понимаю, он совсем плох?

— Его состояние вызывает худшие опасения.

— Хорошо, что вы оказались свободны. Можете приехать сразу?

— Как только заберу веши, сэр. Они у меня дома, в одном из лондонских предместий. И рекомендации.

— Да ладно.

— Я предпочел бы, сэр, чтобы вы их посмотрели. — Гораций по праву гордился своими рекомендациями. — Я привезу их с собой. Последний раз я служил у сэра Руперта и леди Финч в Шропшире. Сэр Руперт был так добр, что отозвался о моих услугах в самых восторженных выражениях.

— Отлично. Финч, говорите? В Шропшире?

— Нортон-корт, сэр. Недалеко от Бриднорта.

— Это там была крупная кража?

— Да, сэр, и как раз во время моего пребывания. Полиция считает, что действовал вор-форточник.

— Так, наверное, и есть.

— Я уверен, сэр. Этим негодяям ничего не стоит вскарабкаться по внешней стене здания. Отрадно сознавать, что все драгоценности были застрахованы. В таком случае, я забираю веши и вернусь завтра.

Гораций вышел из кабинета очень довольный. Мысль об утраченных ста фунтах по-прежнему жалила, как змея, но он был человек практичный и понимал, что, не вкладывая, не заработаешь. Просто не хотелось бы вкладывать так много, и мысли его на пути через холл были мстительны. Горация порадовала бы весть, что Юстас Коулман, спеша положить в банк сто фунтов, поскользнулся на банановой кожуре и вывихнул ногу

Он как раз собирался свернуть в буфетную, свою новую штаб-квартиру, когда изумленный голос окликнул его сзади.

— Эпплби! — сказал голос.

2

Гораций несколько испугался. Его душевное равновесие отнюдь не восстановилось, когда, развернувшись, он узнал в говорящей мисс Уиллард, которая работала в Нортон-корте сиделкой, когда он состоял там в ранге дворецкого. Менее всего он нуждался в знакомцах из недавнего прошлого.

Однако суровое ремесло приучило Горация носить личину. Ничуть не выказав внутреннего смятения, он сказал:

— Доброе утро, мисс.

— Никак не думала вас здесь встретить! Вы ведь меня помните?

— Разумеется, мисс. Вы были в Нортон-корте, ухаживали за вдовствующей леди Финч.

— Сейчас я ухаживаю за теткой мистера Бонда. Как вас занесло в Мэллоу-холл?

— Я замещаю дворецкого, мистера Коулмана.

— Странно. Не слышала, что он уходит.

— Неожиданный поворот событий. Его спешно вызвали домой.

— А вы случайно проходили мимо и предложили свои услуги?

— Не совсем так, мисс. — Гораций снисходительно улыбнулся. — Я — двоюродный брат мистера Коулмана. Меня попросили известить его о

тяжелой болезни отца. Чтобы он смог поспешить к недужному, я вызвался заменить его в качестве дворецкого.

Ах, если бы Гораций мог вернуть эти слова! Слишком поздно он вспомнил, что и к сэру Руперту поступил на место дворецкого, спешно вызванного к больному отцу. Мисс Уиллард, особа проницательная, вполне могла прийти к определенным умозаключениям.

Гораций не ошибся. В отличие от сэра Руперта и леди Финч, для которых он всегда был женой Цезаря, Джил частенько задумывалась, не связан ли этот внешне безупречный человек с пропажей драгоценностей. Странно, думала она, что вор точно знал, где искать знаменитые жемчуга. То ли он обладал сверхъестественным чутьем, то ли в доме имелся сообщник — например, дворецкий. Она не высказывала своих соображений, ибо от сиделок не ждут детективных расследований, но и отделаться от них не могла.

Теперь ее подозрения обрели новую жизнь. Подобно Юстасу Коулману и Аде Кутс, Джил любила детективы, и обширное чтение принесло плоды. О повадках преступного мира она знала практически все. Гораций, прежде лишь один из подозреваемых, окончательно занял место персонажа, отлично известного любому читателю детективов как «наводчик». Преуспев в Нортон-корте, он теперь намеревается осуществить свои гнусные планы в Мэллоу-холле.

— Ясно, — беспечно отвечала она, потому что тоже умела носить личину. — Что ж, надеюсь, вам здесь понравится.

— Я в этом уверен, мисс. Мистер Бонд — крайне любезный молодой человек, и, разумеется, я знаю свою работу досконально.

Джил не сомневалась, что это так, если под словом «работа» они разумеют одно и то же. Едва выждав, пока он уйдет, она вихрем устремилась в кабинет. Разумеется, Майк не заслужил, чтобы его предупреждали о нависшей над домом опасности, и Джил, по доброте сердца, решила презреть обиду. Она влетела в кабинет, преисполненная самого искреннего рвения.

Майк сидел над бумагами. Он поднял усталый, отрешенный взгляд.

— Да? — сказал он.

Стакан холодной воды в лицо и то не произвел бы столь сильного действия. Джил вспыхнула от праведного негодования. «Да?» сказал он тоном, подразумевающим, что самое ее общество ему утомительно. И это человек, который две недели назад, не прерви их, сделал бы ей предложение! Тут Джил не испытывала ни малейших сомнений. В ухажерах, как выразился бы Гораций, у нее недостатка не было;

нескольким уже пришлось отказать, и всякий раз перед решительным объяснением у молодого человека внезапно садился голос, в точности как тогда у Майка. В изображении больного ларингитом Майк даже превзошел остальных.

Больше всего Джил хотелось разразиться гневной тирадой (на что девушка в такой ситуации безусловно имеет полное право), однако она решила, что лучше повести себя с женским достоинством, и сказала:

— Не могли бы вы уделить мне минутку?

— Да?

Оскорбительное слово, прозвучавшее во второй раз, решило исход дела. Джил поняла, что Майк заслужил свою участь. Если однажды вечером Гораций Эпплби и его сподручные вынесут все содержимое Мэллоу-холла — что ж, поделом. Будет урок: впредь не говори «Да?» девушкам, которые желают тебе помочь. В приступе злости она сама охотно помогла бы собрать и упаковать ценности.

— Ничего, пустяки, — сказала она.

Глава IV

1

Дом Горация Эпплби (21, Кроксли-род, Вэлли Филдс, что под Лондоном), был мил и уютен, хотя его хозяин и мечтал со временем перебраться на Французскую Ривьеру. Увы, с этим шагом приходилось повременить — человек в столь деликатном положении вынужден соблюдать осторожность. Неизбежно возникнет вопрос: откуда у него столько денег, и Горацию ответить было бы непросто. Поэтому вот уже несколько лет он жил в этом славном предместье, в доме под несколько пугающим названием «Упокоение».

Жизнь в лондонском предместье, при всей своей скромности, не лишена преимуществ. Такой дом не требует большого штата прислуги. Гораций обходился без дворецкого, судомойки, старшей и младшей горничных: с уборкой и готовкой вполне справлялся Ферди Муха. Готовил он хуже, чем взбирался по стенам, но в одном ему не было равных: он великолепно жарил яичницу.

Превосходная глазунья с ветчиной стояла перед Горацием наутро после визита в Мэллоу-холл, однако тот не уделял ей должного внимания. Он думал об Аде Кутс.

Гораций Эпплби не был дамским угодником. В юности он пережил несколько мимолетных увлечений, но с годами остепенился и полностью посвятил себя бизнесу. Собственно, он относился к противоположному полу примерно как Юстас Коулман, в чьей жизни, после неудачного опыта семейной жизни, женщины не играли практически никакой роли.

Ада тем не менее произвела на Горация неизгладимое впечатление, хотя он и сознавал, что внешность новой знакомой не лишена недостатков. Ее личико, хоть и приятное, не погнало бы в дальний путь тысячи судов,[40] коренастая же фигура вполне подошла бы игроку в регби. Однако Гораций вспоминал о ней с сентиментальной теплотой. С лица не воду пить, думал он. Куда важнее женские добродетели, которые так трудно сыскать. Ими Ада Кутс была наделена в достатке, и особенно умением готовить.

Она не преувеличивала, говоря о своих кулинарных талантах. Вчерашний ужин стал для Горация откровением. Такой стряпни не подавали даже в доме сэра Руперта Финча, чей француз-повар гремел на

весь Шропшир. Простая пища — мясо с почками в тесте, два овощных гарнира и домашний пудинг — но каждый кусочек таял во рту. Вчера, украдкой расстегивая нижнюю жилетную пуговицу, Гораций прекрасно сознавал, что переживает нечто необычайное.

От прогулки по аллее воспоминаний его оторвал Ферди Муха. Вчерашний ужин у Ады заставил Горация припоздниться, а его служитель укладывался спать рано, так что возможность побеседовать представилась им только сейчас.

Ферди был щуплый, сморщенный, с постоянно озабоченным лицом человека, которому частенько приходится удерживаться на высоте сорока футов исключительно силой природного дарования. Жизнь домушника состоит не из одних радостей. Горация он приветствовал с почтением и любовью, достойными этого великого ума.

— Доброе утро, шеф.

— Доброе утро, Ферди.

— Хорошо съездили?

— Прекрасно, спасибо. Чем вы занимались в мое отсутствие?

— Мы с Костоломом пошли в кино.

— Что-нибудь интересное?

— Очень. Про шпионов.

Гораций нахмурился. Он не разделял любви Ферди к шпионским фильмам, считая шпионаж вульгарным занятием.

— Вам понравилось? Что ж, у каждого свои вкусы. Кстати, позвоните, пожалуйста, Костолому и сообщите, что я хотел бы его видеть. Скажите, что это спешно.

Ферди вышел и через минуту вернулся с известием, что Костолом едет.

— Хорошо, — сказал Гораций, чувствуя, что на Костолома всегда можно положиться. — Ну, Ферди, что новенького?

Ферди откликнулся сразу:

— Про Рыжего Моффета читали?

Ферди имел в виду довольно известного специалиста по сейфам, который некоторое время подвизался у Горация, а затем основал свое собственное дело. На беду, его застигли с паяльной лампой в руке и отправили в Дартмур.

— Нет, а что?

— Махнул из тюряги.

— Да неужели!

— Вчера вечером. Славная оплеуха старику Армитейджу. Гораций

согласился, что для сэра Роджера Армитейджа, судьи, приговорившего Рыжего Моффета к пяти годам тюремного заключения, побег осужденного должен стать тяжелым ударом. Любому судье обидно сознавать, что его труд пропал понапрасну. Впрочем, нет худа без добра, на что он и не преминул указать.

— Отрадно думать, Ферди, что нынешнее тюремное начальство утратило всякую бдительность, и можно покинуть места лишения свободы, как только сочтешь нужным. Современный заключенный — не более чем постоялец. Как говорится, сегодня здесь, завтра там. Можно не горевать, когда твой друг угодил в кутузку. Просто говоришь себе словами песни: «Он вернется, когда в полях забелеют маргаритки». Думаю, Ферди, в этих обстоятельствах вы можете поджарить мне еще яичницу.

Покончив со второй порцией, Гораций закурил утреннюю сигару и вновь погрузился в воспоминания о рассыпчатом тесте и превосходно отваренном картофеле в дивной густой подливке. Тут вернулся Ферди и привел с собой Льюэллина Эванса.

2

Тот приветствовал Горация обычной кроткой улыбкой. Он был, как подсказывает имя, валлиец по рождению и в речи сохранил свойственную этому народу напевность. Слова «Доброе утро, шеф» прозвучали, как первые ноты музыкального шлягера.

— Ферди сказал, вы хотите срочно меня видеть, шеф.

— Да, Костолом, и это моя последняя возможность, поскольку этим утром я отбываю в сельскую местность, Ферди, запишите адрес, куда пересылать почту. Мэллоу-холл, Мэллоу. Это деревушка в Вустершире.

— Там какой-то отель? — спросил Костолом.

— Большая усадьба. Я в ней теперь дворецким.

Смысл фразы не ускользнул от слушателей. Оба заметно встрепенулись.

— Ба, шеф! Работа?

— И большая.

— Как в Нортон-корте?

— На этот раз нет. В самом доме ничего интересного. Холостяцкое хозяйство — ни женщин, ни драгоценностей.

— Так зачем нам туда?

— Мне нужно закрепиться на месте. Моя цель — местный банк.

— Будем его чистить?

— Да. Вижу, вы огорчены, Ферди. Что-то случилось?

— Ничего, шеф, просто, если это банк, я вам не понадоблюсь.

— Еще как понадобитесь! Вы залезете в чердачное окно и впустите нас внутрь.

— Тогда отлично, — сказал Ферди, светлея. — Нельзя обчистить банк, пока не попадешь внутрь. А у банков есть чердачные окна?

— У этого — есть. Заведение старинное. Полагаю, сто лет назад хозяин жил на втором этаже. Что-то и вы, Костолом, кажется, не в восторге. Какие у вас возражения?

— Только одно. В деревне банк, должно быть, не ахти.

— Успокойтесь, Костолом. Ваша беда в том, что вы — лондонец. Сельский банк представляется вам чем-то вроде ломбарда. Я навел справки и уверяю: работа вполне достойна вашего уровня. Мне сказали, банк гребет деньги лопатой, как, впрочем, любой уважающий себя сельский банк. Думаю, у «Банка Бонда», как он называется, вкладчики по всему Вустерширу, Глостерширу, да и Шропширу тоже. Возможно, мой бывший хозяин, сэр Руперт Финч, держит там свои сбережения. И, разумеется, банк расположен не в деревушке Мэллоу, а в городке Веллингфорд, в двух милях от нее. Надеюсь, я развеял ваши сомнения? Все препоны убраны?

Слово «препоны» было для Костолома новым, как, впрочем, и многие другие слова, которые произносил Гораций, но главную суть он уловил и сказал, что больше скрипеть не будет. Костолом по-детски верил в своего вождя. Если шеф поставил на работе печать «Одобрено», то и размышлять не о чем.

— А когда мы вам понадобимся?

— Я вас извещу. В таких делах спешка противопоказана. Однако будьте готовы ехать в Веллингфорд по первому моему зову. А пока угощайтесь сигарой. Вам же, Ферди, пора заняться обязанностями по дому.

— Хорошо, шеф.

Ферди собрал остатки завтрака и удалился, но через минуту вернулся с виноватым видом.

— Простите, шеф, забыл сказать. Вчера, пока вас не было, снова заходил Чарли.

Гораций заметно вздрогнул.

— Чарли?

— Да. Чего ему нужно, не сказал, просто спросил вас, а когда я ответил, что вы уехали, не поверил. Весь дом обошел, вас искал, а не найдя, сказал, что зайдет еще.

— Зайдет еще, — вдумчиво повторил Гораций.

Лишь через несколько минут он вновь обрел душевное равновесие, вспомнив, что уезжает в Вустершир, где Чарли вряд ли его разыщет. Он как раз наставлял Ферди при встрече с Чарли ни в коем случае не упоминать Мэллоу-холл, когда Ферди сказал, что его просят к телефону.

3

Для людей деловых время — деньги, поэтому их телефонные разговоры обычно бывают краткими, и Гораций в этот раз не стал отступать от правил. Сказав «Алло» и выслушав несколько крайне неприятных слов, он нервно повесил трубку, не видя причин продолжать беседу. Когда он вернулся и рухнул в кресло, лицо его выражало величайший душевный дискомфорт, а в голосе отсутствовала обычная звучность.

— Звонил Чарли.

Так Костолом и думал. Капельки пота на лбу господина и повелителя были достаточно красноречивы.

— Говорит, если я не отдам то, что ему якобы причитается, он отстрелит мне голову.

Здесь Костолом смог вставить слова утешения:

— Не станет он этого делать, сэр. Здесь не Чикаго. Он знает, что в Англии порядки другие. Охота ему рисковать пожизненным за мокрое дело. Продырявит вам руку или там ногу.

Гораций не успокоился. Он не хотел, чтобы ему дырявили руку или там ногу, о чем и сказал Костолому. Костолом согласился, что мысль резонная, и предложил другой вариант.

— А чего бы ни отдать ему деньги?

Глаза Горация, до сих пор просто выпиравшие из орбит, вспыхнули огнем.

— Нет! Это дело принципа! — вскричал он, и Костолом понял, что уговоры бессмысленны. Если шеф пошел на принцип, его не переубедить.

— Ну ладно, в этой деревне он вас не найдет.

Гораций признал, что тоже черпает утешение в этой мысли. Однако на пути к счастливой развязке всегда возникают преграды.

— Как я туда попаду? Чарли сказал, что будет поджидать на улице.

— Не выходите на улицу.

Горацию подумалось, что из всех тупоголовых кретинов, которыми в

избытке населен Лондон, Костолом в наибольшей степени обделен серым веществом. Ему показалось, что даже умственно отсталому кролику природа подарила больше мозгов. С трудом сохраняя спокойствие, он сказал:

— Если я не выйду на улицу, то как попаду в Мэллоу? Костолом признал, что это хороший вопрос. Довольно долго он сидел в глубоком раздумье.

— Знаю! — воскликнул он наконец.

— Что именно? — спросил Гораций, явственно показывая, что любое знание со стороны подчиненного будет для него неожиданностью.

— Придумал, — сказал Костолом. — Выйдете в сад, сиганете через изгородь в соседний и так до автобусной остановки. Чарли до такого не додумается. Он будет ждать у парадного входа. А я привезу вам чемоданы на вокзал.

Горация захлестнула волна раскаяния и стыда. Еще минуту назад он ставил этого человека ниже умственно отсталого кролика и лишь сейчас осознал всю глубину своего заблуждения. В решении сложных задач ни одному умственно отсталому кролику за ним не угнаться. Даже кролик с исключительно высоким уровнем интеллекта вынужден был бы признать, что встретил достойного соперника.

— Костолом, — вскричал он, расплываясь в улыбке, — вы нашли выход! Сейчас же пойду укладывать вещи.

4

Стратегия, предложенная Костоломом, сработала безотказно, однако натяжкой будет сказать, что ее осуществление доставило Горацию много приятных минут. Выйти в сад не составило труда, чего не скажешь о скачках через изгороди. Человеку солидной комплекции даже через одну изгородь трудно сигануть, не повредив лодыжку, и к концу путешествия ноги Горация пребывали в самой плачевном состоянии. Более того, в одном из садов он имел несчастье повстречать враждебного пса.

Однако в конце концов он выбрался на дорогу, сел в автобус и попал на вокзал к двенадцати двадцати, когда отходил экспресс до Веллингфорда. Костолом, как было обещано, ждал его с чемоданами, и не только встретил, но и усадил в поезд. С тем приятным чувством, которое приходит после пережитой смертельной опасности, Гораций устроился на угловом сиденье. В купе был только один пассажир — молодой человек с

жидкими светлыми волосами и такими же усиками, создававшими впечатление, будто он ел мед и забыл вытереть верхнюю губу. Попутчик искоса взглянул на Горация и снова углубился в газету. Поезд тронулся, и на некоторое время в купе установилась тишина, столь ценимая британскими путешественниками.

Однако Гораций всегда был общительным собеседником, особенно в то утро: мысль, что Чарли ходит под дверью «Упокоения» в Вэлли Филдс, шепча про себя: «Он верно не придет»,[41] как Мариана на уединенной мызе, наполняла душу блаженством и любовью ко всему человечеству. Хотя единственный представитель человечества в купе не выказывал особого дружелюбия, Гораций без колебаний вступил в разговор.

— Хороший денек, — сказал он, воспользовавшись тем, что попутчик отложил газету и закурил.

Молодой человек повернулся, и Гораций с изумлением увидел, что глаза у него умные. Было видно, что спутник исключительно высокого мнения о себе, и, несмотря на розовое лицо и усики, не без оснований. Он напомнил Горацию одного из прежних ребят, который при обманчивой внешности пустого красавца взбирался по стенам не многим хуже Ферди Мухи.

— А?

— Я сказал, хороший денек.

— О?

Начало не слишком обнадеживало, но Гораций не сдался.

— Далеко едете?

На миг показалось, что молодой человек возмутится такой назойливостью и ответит ледяным взглядом, однако он нехотя процедил: «В Веллингфорд», и Гораций, восхитившись совпадением, сообщил, что направляется туда же.

— О?

— Живописный городок. Я был там вчера на скачках.

— О?

Гораций счел, что содержательную беседу, вероятно, лучше отложить на потом.

— Не позволите взять вашу газету, сэр?

— Конечно.

— Спасибо. Я забыл купить на вокзале.

В утренней газете оказалось много интересного, и в купе снова надолго воцарилась тишина. Однако Гораций не мог молчать вечно.

— Вижу, этого типа так и не поймали.

— Какого типа?

— Некоего Моффета. Он сбежал из тюрьмы. Я особенно заинтересовался этой историей, поскольку лично присутствовал на процессе.

— Я тоже.

— Так вы адвокат?

— Скотланд-Ярд.

Гораций нервно вздрогнул. Он никогда не сидел так близко к сотруднику Скотланд-Ярда, и сейчас не испытывал никакого восторга. Ничего путного, чувствовал он, такое сомнительное соседство не принесет. Гораций хрипло выдавил: «Да что вы?!». Молодой человек принял его нервический тик и хриплый тон за дань восхищения и, не будучи избалован столь лестными знаками внимания (поскольку был всего лишь мелкой шестеренкой в огромном механизме Скотланд-Ярда) сделался необычайно разговорчив.

— Да, я пошел в Скотланд-Ярд сразу после Оксфорда. Туда начали брать университетских выпускников с научным складом ума. И вовремя. Скотланд-Ярд закоснел. Нельзя ловить сегодняшних преступников вчерашними методами. Нужна свежая кровь, свежие мысли.

Гораций, слегка оправившись от первого потрясения, согласился, что сегодняшние преступники очень умны.

— Интересная, наверное, жизнь.

— Да. Только очень многое раздражает.

— Что именно?

— Приходится постоянно иметь дело с сельскими блюстителями порядка. Вот ведь олухи!

— Олухи, говорите?

— Всегда считают, что смогут разобраться сами, и за нами посылают, когда уже поздно.

— Поэтому вы и едете в Веллингфорд? За вами послали?

— Нет, я в отпуске. Я говорю про дело в Нортон-корте.

И вновь Гораций содрогнулся всем своим внушительным телом. Он сглотнул, прежде чем переспросить:

— В Нортон-корте?

— Это в Шропшире. Усадьба сэра Руперта Финча. Там недавно было крупное ограбление.

— Кажется, я читал в газетах.

— Нас позвали только через неделю. Безнадежно. Что можно сделать по остывшим следам?

— Вы там были?

— Вместе с коллегой. И пришел к выводу, что за ограблением стоял дворецкий. Видно невооруженным глазом.

Гораций был потрясен.

— Какая проницательность! Вы его арестовали?

— Он скрылся. Подал в отставку и растворился в воздухе.

— Какая жалость! Вы и впрямь считаете, что он украл драгоценности?

— Я этого не говорил. Я сказал, что он стоял за кражей.

— Боюсь, что не совсем вас понимаю.

Молодой человек покровительственно улыбнулся. Наивность Горация его тронула.

— Мне, но не этому дурачью, которое зовет себя местной полицией, было ясно, что в доме работал, как мы говорим, наводчик — сообщник воров, который рассказал им, где искать драгоценности. Все указывает на дворецкого. Если бы я его увидел, то сразу вывел бы на чистую воду.

— Взяли бы за жабры и раскололи? Так это называется, да?

— В Америке, кажется, да. Мы задерживаем подозреваемых для дознания. Однако это бы не понадобилось. Я узнаю мошенников с первого взгляда. Шестое чувство.

— Как интересно, — сказал Гораций.

Вопреки обыкновению, он замолчал, и до конца пути разговор больше не возобновлялся. Его деятельный ум анализировал ситуацию. Как появление в Веллингфорде столичного детектива может повлиять на его планы? Гораций пришел к выводу, что никак. Даже человек, обладающий шестым чувством, не заподозрит, что дворецкий в усадьбе планирует ограбить банк в ближайшем городке. Иное дело Нортон-корт, где обстоятельства требовали его личного присутствия.

Совершенно успокоенный, Гораций погрузился в мысли об Аде Кутс и ее превосходной кухне.

Глава V

1

Решительно тряхнув головой, мисс Бонд объявила, что в жизни не слышала ничего глупее. Пусть Джил и думать забудет про эту ерунду.

— Я не смогу без вас обойтись, — сказала она.

— Конечно, сможете, — отвечала Джил. — Я уеду всего на одну ночь, и с вами будет Айви. Она говорит, что, прежде чем поступить сюда, постоянно ухаживала за тетками, сестрами и бабушками. Уверена, она вам понравится. Приятный мягкий голос и куча историй про передряги, в которые вечно попадают ее родственники. Попросите, пусть расскажет, как ее брата чуть не до смерти искусал ангорский кролик.

Она только что попросила мисс Бонд (которая, по обыкновению, возлежала в обществе таксы и двух кошек) отпустить ее домой на похороны дяди Вилли.

— Не понимаю, зачем вам это надо, — сказала мисс Бонд. — Вы что, очень любили дядю?

— Девочкой — просто обожала. Всякий раз, выпросив у папы пять фунтов, он дарил мне шестипенсовик. Позже у меня возникли сомнения. Он был из тех, кто живет смекалкой, но что-то им все время мешает как следует развернуться.

— Пройдоха?

— Я слышала, отец его так называл.

— Знаю этот тип. Сорок лет назад я чуть не вышла за одного такого. Все шло к свадьбе, но тут он сбежал в Австралию. Ладно, езжайте.

— Спасибо, дорогая мисс Б. Я знала, что могу рассчитывать на вашу доброту. Разгладить вам подушку?

— Нет.

— Смешать прохладительное питье?

— Нет.

— Вывести песика побегать?

— Куда ему бегать, такому жирному. Только что съел половину моего завтрака.

— Надо же ему подкреплять силы.

— Порой мне кажется, что это солитёр под личиной таксы. Когда вы

едете?

— После обеда. Вернусь утренним поездом.

— Смотрите, не опоздайте на него. Странно, — задумчиво произнесла мисс Бонд, — что вы заговорили о похоронах. Перед вашим приходом я читала колонку некрологов в «Дейли Телеграф» и узнала, что умер Реджи Вулс. От сердечного приступа. В возрасте семидесяти лет.

— Ой, сочувствую. Вы его знали?

— Очень близко. Одно время казалось, что наша дружба перейдет в нечто большее.

— Это он сбежал в Австралию?

— Нет, то был Берти Понсфорд-Йетс. За Реджи я сорок лет назад чуть не вышла замуж.

— Такое впечатление, что сорок лет назад вы чуть не вышли замуж практически за всех.

— Да, как посчитать, их набегает порядочно.

— А почему вы не вышли за мистера Вулса?

— Он струхнул, как многие другие. Я их распугивала.

— Уже тогда были с характером?

— Сейчас я вижу, в чем была моя ошибка: язык без костей. Я так и не усвоила главный урок: если хочешь удержать молодого человека, не критикуй его. Даже из лучших побуждений. Однажды я чистосердечно высказалась о том, как Реджи играет в бридж. Оглядываясь на тот день, я думаю, что тогда у него и закрались первые сомнения. Я сказала всего-то: «Реджи, понимаю, что ты учишься бриджу с сегодняшнего утра, но мне интересно, с какого часа», а он почему-то обиделся. С тех пор его как подменили. Стал какой-то пугливый. Видимо, понял, что жена, которая будет высказывать такие замечания каждый вечер, — не очень большой подарок. Через два месяца он обручился с самой глупой девушкой Вустершира, а это что-то да значит. Кстати, вы говорили, что Майк к вам переменился. Наверное, вы его критиковали.

— Нет.

— Точно?

— Ни словечком.

— Тогда мы с вашей Кутс правы. Он беспокоится из-за банка.

— Думайте, что хотите, — сказала Джил. — И спасибо, что отпустили меня.

Она спустилась в холл и увидела нового дворецкого за работой — тот метелочкой из перьев обметал старинное кресло.

— Доброе утро, Эпплби, — холодно сказала Джил.

— Доброе утро, мисс, — отвечал Гораций с той старомодной учтивостью, за которую его так справедливо ценили.

2

Гораций жил в Мэллоу-холле уже пять дней. Как и предсказывала Джил, ему тут нравилось. Нет ничего лучше холостяцкого жилья, говорил он себе. Владетельные дамы, даже самые лучшие, способны проесть дворецкому плешь, хотя в его случае это выражение можно было применить только фигурально. Например, леди Финч, женщина, достойная всяческого восхищения, имела один изъян. Она увлекалась переселением душ и настойчиво снабжала Горация соответствующей литературой, которую тот вынужден был читать, вместо того чтобы шлифовать планы по извлечению жемчугов. В Мэллоу-холле ему ничем подобным не докучали.

От раздумий его отвлек хозяин.

— Ой, Эпплби, — сказал Майк.

— Сэр? — отозвался Гораций.

— Сегодня я угощаю ленчем мистера Ричардса — он едет на север и заглянет к нам по дороге. Передайте миссис Девис, пусть расстарается.

Гораций изобразил почтительное изумление.

— Разве вас не поставили в известность, сэр?

— О чем?

— Сегодня миссис Девис подвернула ногу. Споткнулась о Томаса. Это один из наших котов, сэр. Она не сможет готовить еще несколько дней.

Майк застыл. Убеждение последних недель, что рок нарочно его преследует, сейчас еще окрепло. Он возлагал на завтрашний ленч большие надежды, поскольку хотел просить мистера Ричардса из конторы «Ричарде, Прайс и Грегори» об одолжении, и рассчитывал, что кулинарные чары миссис Девис создадут у того нужный настрой. Дядя Хьюго всегда говорил: «Хочешь человека о чем-нибудь попросить — накорми его хорошим ленчем». Майк не сомневался, что миссис Девис, если расстарается, сможет привести мистера Ричардса в благостное расположение духа. Она досталась ему по наследству от сэра Хьюго, который, как уже говорилось, выбирал все самое лучшее, и его кухарка, безусловно, отвечала названным требованиям.

И вот она, вместо того чтобы готовить банкет, который войдет в легенду или, по крайней мере, растопит сердце мистера Ричардса, ходит по

дому и спотыкается о кошек. Такое может приключиться лишь с человеком, которого судьба намерена доконать.

— Эпплби, — сказал Майк тоном ребенка, в отчаянии прибегающего к мудрому отцу, — что мне, черт возьми, делать?

— Отменить визит?

— Невозможно. Я не знаю, где мистер Ричарде. Он едет на машине.

— И впрямь большое затруднение, сэр.

— Как насчет Айви?

— Сэр?

— Сможет ли она заменить миссис Девис?

Гораций задумался. Выражение его лица не обнадеживало. Он питал к Айви отеческую приязнь, но по отдельным замечаниям миссис Девис смог заключить, что готовит та не лучше Ферди Мухи.

— Позвольте осведомиться: джентльмен, которого вы ожидаете, привык к самой изысканной кухне?

— Боюсь, что да.

— Тогда, к сожалению, я вынужден ответить на ваш вопрос отрицательно. Миссис Девис и впрямь преподает Айви уроки кулинарного мастерства, но, увы, дальше азов та пока не продвинулась.

— О, Господи!

— Понимаю вашу озабоченность, сэр. Однако, если позволите высказать предложение…

На осунувшемся лице Майка мелькнул проблеск надежды.

— У вас есть идея?

— Да, сэр. Позвольте сказать, что мисс Кутс вполне способна заменить миссис Девис.

Разум Майка настолько ослабел под натиском бед, что в первый миг имя показалось ему пустым звуком.

— Мисс Кутс?

— Ваша секретарша, сэр.

— Ада?!

— Именно, сэр. Я по личному опыту могу засвидетельствовать, что она прекрасно готовит. Мы познакомились в тот день, когда вы приняли меня на службу, и скажу, не преувеличивая: обед у нее стал для меня откровением. Мисс Кутс ограничилась столь непритязательными блюдами, как мясо с почками в тесте и домашний пудинг, но я читал между строк. Она — прирожденная кулинарка. Самый взыскательный гурман — а из ваших слов я заключаю, что джентльмен, которого вы ожидаете, относится к этой категории, — найдет готовку мисс Кутс достойной всяческих

похвал.

Майк растерянно пробормотал, что всегда любил Адины булочки.

— Просто проба пера, сэр. Убежден, что она способна на более высокий полет, — сказал Гораций, и Майк испустил вздох облегчения. Тучи не рассеялись, но впервые сквозь них проглянул солнечный лучик.

3

Джил, как и обещала, вернулась на следующий день. Она приехала сразу после обеда и едва успела смыть дорожную пыль, как позвонила Ада с просьбой о встрече. В полпятого Джил сидела в «Медном Чайнике», вдыхая запахи чая, кофе, булочек и посетителей. Через десять минут появилась Ада.

С первого взгляда Джил поняла, что подруга чем-то взбудоражена. Это не стало неожиданностью: по телефону та говорила с не свойственной ей ажитацией и загадочно намекнула, что при встрече сообщит потрясную новость. Не могу, сказала она, звоню из банка, и любопытные кумушки обоего пола уже навострили уши.

Однако и сейчас Аду словно что-то сдерживало. Она краснела. Хихикала. В том, как она откусывала пирожное с розовой глазурью, явно сквозила робость. Наконец она раскрыла душу — разумеется, шепотом, потому что свои кумушки есть не только в банке, и одна из них сидела за соседним столиком.

— Гораций сделал мне предложение, — сказала Ада, и Джил спросила: «Что?» — поскольку в шепоте не разобрала ни одного слова. Тут кумушка из-за соседнего столика встала и вышла. Ада повторила свою новость чуть громче.

Джил страшно обрадовалась. Она частенько думала, что Ада создана для семейной жизни, и горевала, что прекрасные принцы на белом коне объезжают Веллингфорд стороной.

— Ой, Ада, как здорово! И, конечно, ты от него без ума.

— Да.

— Это тот, с которым ты познакомилась в день скачек?

— Он самый. Говорит, что влюбился с первого взгляда.

— Самая правильная любовь. И ты будешь миссис Кто? Или леди Что? Или герцогиня Каковская? Ты не называла его фамилию.

— Разве?

— Если и называла, то я забыла.

— Гораций Эпплби, — сказала Ада, и улыбка сошла с лица Джил.

— Это ведь не… не… не дворецкий?

Ада напряглась. В словах подруги ей почудился обидный снобизм.

— Дворецкие ничем не хуже других людей.

— Разумеется.

— Мой папа служил дворецким.

— Знаю. Ты говорила.

— А если ты хочешь сказать, что Гораций слишком старый…

— Не в этом дело.

— Или слишком толстый…

— Да нет же!

— Или слишком лысый…

— Нет, нет!

— Тогда зачем ты говоришь ерунду?

— Я не говорю ерунду. А если и говорю, то просто от растерянности. Я никак этого не ждала.

— Я сама не ждала.

— Когда это случилось?

— Вчера. После ленча.

— Вы вместе ели ленч?

— Да. В Мэллоу-холле. После того, как откушали мистер Майк и его гость.

— Как тебя занесло в Мэллоу-холл?

— Это все Гораций.

— Что все?

— Устроил, что я там оказалась. Кухарка споткнулась о кошку и подвернула ногу. Теперь она лежит, а мистер Майк ждал к ленчу очень важного гостя. Какого-то большого воротилу, как объяснил мне Гораций со слов мистера Майка. Он едет на север, а мистер Майк уговорил его заглянуть на ленч. Хотел особенно хорошо накормить, и тут эта история с кухаркой. Мистер Майк был в отчаянии. И тут Гораций сказал, что я отлично готовлю, а мистер Майк обрадовался и пригласил меня подменить кухарку. И знаешь, ленч мне действительно удался. А когда мы доедали остатки, Гораций внезапно подался вперед и сказал: «Ада, я вас люблю. Выйдете за меня замуж?». Я чуть жареной картошкой не подавилась.

Она засмеялась забавному воспоминанию, однако Джил было не до смеха. В чайных атмосфера всегда несколько тяжеловатая, а сейчас как будто самый воздух давил на плечи. Голосом, который должен был явно показать подруге, что не все на свете одобряют ее выбор, Джил выдавила:

— Ты выйдешь за него?

Ада от удивления широко раскрыла глаза.

— Конечно! Что за вопрос!

— Ты ему это сказала?

— Не совсем.

— Что значит «не совсем»?

— Ну, я решила для приличия сказать, что мне нужно подумать. Но я позволила себя поцеловать, — сказала она, расцветая от воспоминания о нежной сцене.

Обычно Джил за словом в карман не лезла, но сейчас, едва ли ни первый раз в жизни, не нашлась, что сказать. Ада, судя по всему, разглядела в Горации Эпплби нечто, ускользнувшее от взгляда Джил, и, коли так, не жестоко ли будет ее разочаровать? Джил по собственному опыту знала, как больно разувериться в любимом человеке. Как ни слабо верилось, что кто-то может полюбить Горация Эпплби, Аде, по всей видимости, удался этот подвиг. Правда о его истинной сущности сразит ее наповал.

С другой стороны, можно ли допустить, чтобы подруга связала себя с человеком, которого могут прямо из-под венца забрать в Брикстон, Пентонвиль или другое место лишения свободы? Джил решила, что нет. Лучше бедной девушке разочароваться сейчас, нежели потом, в начале счастливой семейной жизни. Однако слова по-прежнему не шли, и Джил предприняла обходной маневр.

— Он говорил тебе, зачем заходил в Мэллоу-холл? Чтобы повидаться с Коулманом?

Ада мотнула головой.

— Нет, он спросил у меня, кто там дворецкий, вдруг это его знакомый, и я сказала, что мистер Майкл обращается к нему «Коулман», и Гораций ответил, нет, впервые слышу. Думаю, он просто хотел посмотреть усадьбу, я так восторженно ее расписывала. Тут выяснилось, что Коулман уезжает, и Гораций ухватился за это место, потому что хотел быть рядом со мной. Сказал, удивительное везенье, что место освободилось как раз в тот день. Сказал, что ему вообще везет. Вот посмотрите, сказал он, как мы с вами познакомились. Сказал, это самое большое везенье в его жизни. Он все время говорит приятные вещи.

Глаза ее горели, голос так и заливался. Джил на мгновение дрогнула. Однако тягостное дело надо было довести до конца.

— Ада, — сказала она, — ты выдержишь потрясение? После этого слова полились сами собой, и хотя каждое ранило Джил душу, она сказала

все без утайки. Она обратила внимание на странное противоречие в словах Горация, который сказал Аде, что не знает Коулмана, а Джил — что они двоюродные братья. Она отметила необычное совпадение, что и в Мэллоу-холле, и в Нортон-корте Гораций заменил дворецкого, срочно вызванного к больному отцу. Знаменательно, сказала она, что вскоре после его появления в Нортон-корте воры похитили знаменитые жемчуга, точно зная, где их искать. Закончила она тем, что Ада — девушка сообразительная и сама сможет сделать выводы.

Судя по лицу, Ада выводы сделала. Она ничего не говорила, только все сильнее бледнела с каждым словом Джил. Дослушав до конца, она встала.

— Я пойду, — сказала Ада, и Джил осталась одна, чувствуя себя особо бессердечной убийцей.

4

Если бы внимательный наблюдатель вошел на следующее утро в буфетную, от него бы не ускользнуло, что Гораций Эпплби пребывает отнюдь не в лучшем расположении духа. С тех самых пор, как он забрал утреннюю почту и прочел письмо, адресованное ему округлым девичьим почерком, на яркий цвет решимости природной легла бледная немощность заботы,[42] и весь он поник, как под тяжелым ударом Судьбы.

Более того, ударом совершенно непредвиденным. Конечно, Ада сказала, что должна обдумать его предложение, но Гораций без малейших сомнений отнес эти слова на счет похвальной девичьей скромности. Что она может ответить ему отказом, не приходило Горацию в голову. Девушки, которые намерены ответить отказом, не млеют, выслушивая нежности. Ада вела себя так, будто считает идею совместной жизни удачной и достойной всяческого развития. Как музыкально она хихикнула, когда он заключил ее в объятия и поцеловал — только сумасшедший букмекер принял бы ставку против счастливого исхода в соотношении один к двум. Скорее уж два или даже три к одному.

И тут такое.

Она не объяснила причин, не привела резонов, просто сообщила (правда, другими словами), что свадебные колокола не зазвонят, и Горацию, если он собирался сшить к свадьбе новые штаны, стоит пойти к портному и отменить заказ.

Вскоре первое недоумение уступило место обиде. Некоторые

литераторы, особенно философ Шопенгауэр, крайне нелестно отзывались о противоположном поле, но никто из них больше Горация не возмущался изъянами женской натуры. Если бы Шопенгауэр вошел сейчас в буфетную, они бы полностью сошлись во мнениях.

Однако вместо Шопенгауэра в буфетную вошла горничная Айви и сообщила, что к мистеру Эпплби джентльмен. Тот, как ни мало стремился сейчас к общению, вынужден был ответить, что примет посетителя, и через минуту появился сморщенный человечек, с лицом озабоченным, как будто сейчас ему предстоит взбираться по стене дома.

Гораций застыл от неожиданности.

— Ферди! — вскричал он. — Какого черта вы здесь?

— Мы все здесь, шеф, все наши ребята. Решили быть на месте, вдруг вам срочно понадобимся.

Эти слова произвели на Горация самое благотворное действие. Пусть женщины ветрены и непостоянны, у мужчины всегда остается его работа.

— Разумеется, — согласился он. — Кстати, я как раз собирался вам звонить — сказать, чтобы приготовились. Где вы?

— В одном из городских пабов. «Голова Короля» называется.

— Кто там кроме тебя?

— Смити и Фрэнк. Костолом приезжает завтра.

— Фрэнк? Кто такой Фрэнк?

— Приятель Смити.

— Никогда о нем не слышал.

— Он недавно в Англии.

Гораций вздрогнул. Явное смущение в голосе Ферди внушало опаску.

— Янки?

— Ну, в общем да, шеф, — виновато ответил Ферди. — Только он не такой, как Чарли. Знает, что нельзя носить с собой пушку.

— Думаете, надежный человек?

— Смити за него ручается.

— Что ж, Смити я доверяю. И все же предпочел бы, чтобы все американцы вернулись восвояси.

— Подумайте, сколько денег они увезут тогда из страны.

— Верно.

— Плохо для торгового дефицита.

— Да. Ладно, тогда, наверное, ничего.

— Вы уже все продумали, шеф?

— Да, все готово. Банк видели?

— Вчера ходили смотреть.

— Он не составит для вас затруднения?
— Я могу забраться туда хоть со сломанной рукой.
— Инструменты готовы?
— Все, что нужно.
— Тогда, как только вы удалитесь, я возьму хозяйское ружье и выстрелю в окно.
Ферди наморщил лоб. Он знал, что хозяин все делает, как надо, но последние слова поставили его в тупик. Он не видел за ними стратегической перспективы и робко выразил свое сомнение:
— И что это нам даст, шеф? Гораций снисходительно улыбнулся.
— Представьте Ферди: я сообщаю в полицию, что кто-то выстрелил по окнам самого значительного дома в округе. Хотите знать, что будет дальше? Я вам скажу. Полицейские проведут осмотр на месте и заверят хозяина, что будут тщательно следить за развитием событий. Когда же это повторится…
— А это повторится, шеф?
— Разумеется. Первый выстрел будет только для затравки. На следующий раз все полицейские города встанут в дозор — думаю, на целую ночь. По совпадению, в ту же самую ночь мы и возьмем банк.
— А легавые будут здесь.
— Вот именно.
— Ух ты, — сказал Ферди. Примерно то же испытывал доктор Ватсон, когда Шерлок Холмс объяснял ему свои методы. Он понял, как глупо было сомневаться в действиях этого блистательного ума.
— Лопни моя селезенка, — добавил он.
— Одобряете план?
— Как сказал бы Смити: «Узнаю Эпплби».
— Ребята от меня другого не ждут.
— Верно, шеф. Все знают, какой вы головастый. Великий человек, навроде Чарлза Писа.[43]
Гораций не смог сдержать самодовольной усмешки.
— О, это природный дар. Или он есть, или его нет. А сейчас, Ферди, — сказал Гораций, вставая на звук колокольчика, — я вынужден вас оставить. Мистер Бонд зовет меня в кабинет.

5

Майк вышел из кабинета, как раз когда показался Гораций. В этой

самый миг Джил, спускаясь по лестнице, увидела его и застыла на месте. Как всегда при виде Майка, сердце ее временно остановилось.

— Ой, Эпплби, — сказал Майк. — Сегодня утром я жду двух банковских попечителей. Когда они придут, проводите их в мой кабинет.

— Как я определю, что это именно они, сэр? — вкрадчиво осведомился Гораций, и Майк досадливо хохотнул, как человек, который только что сморозил глупость.

— Да, надо сказать, как их зовут, верно? Один — генерал Федерстон, другой — мистер Мортлейк.

— Генерал Федерстон и мистер Мортлейк. Очень хорошо, сэр.

— Я должен вернуться до их прихода, но, если не успею, скажите, что я уехал в банк за бумагами и прошу подождать в кабинете.

— Очень хорошо, сэр.

— И достаньте бутылку шампанского. Немного рановато, но им, наверное, понадобится. — Майк глухо рассмеялся и вышел через парадную дверь. Как только она захлопнулась, Джил пришла в голову внезапная мысль.

Предположение Ады, будто перемена в Майке вызвана деловыми неприятностями, поначалу не показалось Джил убедительным, но поддержка мисс Бонд, особы безусловно проницательной, добавила ему вес. Что мужчины под гнетом деловых забот становятся раздражительны, Джил знала с тех пор, как вообще стала что-то замечать. Антони Уиллард, ее отец, любил вкладывать деньги в экзотические деловые начинания вроде золотых рудников, и неприятности, которые за этим следовали, всякий раз подхлестывали его природный темперамент. Он ложился спать веселый и бодрый, но, как только утренняя почта приносила печальные известия, тень его дурного настроения ложилась на весь дом. Отец смотрел на Джил стеклянными глазами, словно не узнавая свою вчерашнюю любимицу, и, если обращался к ней, то лишь с раздраженной просьбой шуметь поменьше.

Не так ли — исключая просьбу не шуметь — ведет себя Майк? Отец смотрел на нее стеклянными глазами, Майк смотрит стеклянными глазами. Отец почти с ней не разговаривал, Майк почти не разговаривает. Разумеется, Ада и мисс Бонд правы! Какие-то ужасные деловые неприятности похитили всегда приветливого Майка Бонда и вместо него подкинули в Мэллоу-холл мрачного буку.

Слова «я жду банковских попечителей» сказали ей все. Просто поболтать и выпить пару коктейлей попечители заходят в пять вечера, а никак не в столь ранний час. Утренний визит означает серьезные

неприятности.

И последние слова Майка насчет шампанского. «Им понадобится», — сказал он с глухим смехом. Что это может предвещать, как ни развязку, от которой мурашки пойдут по коже? Огненные письмена, представшие на пиру Валтасару,[44] и то не были столь зловещи.

Джил охватило неудержимое желание узнать, что произойдет, и, по счастью, устроить это было несложно. Мы уже упоминали, что в кабинете покойного Хьюго Бонда стоял огромный буфет. Джил частенько разговаривала в этой комнате с Майком, и буфет не укрылся от ее внимания. Она чувствовала, что он стоит тут, словно по заказу.

Через две минуты после того, как парадная дверь захлопнулась и Гораций вернулся в буфетную, она уже сидела в шкафу, идеально приспособленном для подслушивания, и жалела, что там нет сиденья поудобнее, чем кипа журнальных подшивок.

Через десять минут, которые показались ей вечностью, в коридоре послышались шаги, дверь отворилась, и Гораций ввел посетителей.

6

Джил никогда не видела генерала сэра Фредерика Федерстона и его коллегу Огастеса Мортлейка, но знала их по рассказам мисс Бонд, которая живописала обоих весьма нелестными красками. По ее словам (она любила старомодные выражения), выходило, что генерал — напыщенный балабол. Интеллектуальный уровень Гасси Мортлейка мисс Бонд оценивала еще ниже — он определялся как балбес. Термин «пустозвоны» она относила к обоим и отказывалась понимать, почему брат Хьюго назначил их банковскими попечителями. Не желая бахвалиться, но с полной уверенностью в своих силах, мисс Бонд уверяла Джил, что сделала бы попечителей получше из замазки и пары кусков угля.

Беседа двух джентльменов сполна подтвердила мнение мисс Бонд. Генерал заговорил первым. Это был один из тех сухопарых седоусых отставников, которых так много в верхних эшелонах британской армии. Ему было к семидесяти, его коллеге Гасси Мортлейку, тоже высокому, но, в отличие от генерала, тучному — к сорока.

— Почему вы в бриджах для верховой езды, Огастес?

— Катался верхом.

— А, — сказал генерал, довольный, что вопрос решился так просто. — Я в молодости много ездил верхом. Конечно, не как Бонд, в Национальном

Кубке не участвовал, но один раз выиграл стиплчез.

— Я часто гадал, почему он так называется.

— Надо ж было как-то назвать.

— Наверное.

Наступившее задумчивое молчание нарушил Гораций — он вошел осторожной походкой, чтобы не пролить шампанское на подносе. Поставив бутылку на стол, Гораций удалился, и оба попечителя сразу встрепенулись. Как и сказал Майк, час был еще ранний, но для искрометного вина любой час впору. Более того, генерал увидел в бутылке доброе знамение.

— Шампанское! Видно, молодой Бонд хочет сообщить какую-ту радостную новость.

— Да, шипучкой запивают только приятные известия. Генерал осмотрел этикетку и остался доволен.

— «Вдова Клико» пятьдесят первого года. Лучше и быть не может. Любимое шампанское старого Хьюго.

— У него все было самое лучшее.

— Знаете, чего я никогда не понимал, — сказал генерал, — это как пили шампанское из дамских туфелек.

— А что, пили?

— В старые времена — сплошь и рядом.

— Мда, мне бы не хотелось.

— Мне бы тоже.

— А они все-таки пили.

— Да, у каждого свой вкус.

— Вы правы.

— Сколько людей, столько мнений.

— Верно. Очень точно подмечено.

Возможно, хоть и маловероятно, что разговор достиг бы новых глубин, но тут снова вошел Гораций.

— Простите, джентльмены, но я подумал, возможно, вы захотите, чтобы я откупорил бутылку.

Это он и сделал, причем мастерски, после чего вышел. Гасси проводил его взглядом.

— Он тут недавно, да?

— Всего несколько дней, Майк мне говорил. Коулману пришлось срочно уехать.

— Вроде свое дело знает.

— Да, очень толковый малый.

— Хорошие дворецкие в наше время редкость.

— Днем с огнем не сыщешь.

— Хотя кому сейчас по средствам держать дворецкого! Только таким богатеям, как Майк. У меня вот приходящая домработница.

— И у меня. По воскресеньям она не ходит.

— И что, супруга заставляет вас мыть посуду?

— Только вытирать. Мытье она мне не доверяет.

— Тяжелая у нас жизнь, генерал.

— Да уж, нелегкая.

— Не знаю, как бы я сводил концы с концами, если бы не жалованье попечителя. Вот почему я не могу спокойно смотреть на эту бутылку. Месяцев шесть шампанского не нюхал. Может, начнем?

— Не дожидаясь Майка?

— А что? Если он велел принести бутылку, значит, хотел, чтобы мы ее выпили.

— Вы совершенно правы, Огастес. Хьюго не стал бы томить нас ожиданием. Эх, какой человек ушел!

— Да, нам всегда будет его не хватать. Как сказал кто-то: «Он человек был, человек во всем. Ему подобных нам уже не встретить».[45] Так что, начнем… А, Майк. Мы тут гадаем, что вас задержало.

— Простите, что запоздал. Пришлось заехать в банк, взять некоторые бумаги. Разве Эпплби вам не сказал?

— Ах да, теперь припоминаю. Мы только что обсуждали, что он, видимо, очень толковый малый.

— Как открывал шампанское! — добавил Гасси. — Прямо мастер!

— Уже открыл? — сказал Майк. — Так что же вы не пьете? А, вижу, пьете.

— Решили обмыть сразу, — сказал генерал. — Я всегда говорю: собрался праздновать — не тяни. Ну, Майк, выкладывайте свои хорошие новости.

— Не знаю, можно ли назвать их хорошими, Гасси. Чтобы не тратить лишних слов, сразу перейду к главному и скажу, что со дня на день в банке будет ревизия. Она обнаружит недостачу примерно на сто тысяч фунтов, — сказал Майк, и Джил свалилась с кипы журналов. Трое мужчин в комнате должны были явственно различить грохот.

Глава VI

1

Они ничего не заметили: грохот утонул в тех звуках, которые разом издали Гасси и генерал. Что-то подобное можно было бы услышать, если бы два увесистых пешехода одновременно наступили на двух связанных хвостами котов. Мгновение оба сидели, в немом ужасе вытаращив глаза, потом разом рефлек-торно потянулись к бутылке. Гасси, более молодой и проворный, ухватил ее первым, налил себе бокал, выпил и обрел дар речи.

— Это шутка?

Майк помотал головой.

— Увы, нет. Наверное, я мог бы сообщить новость более мягко, но таковы факты.

Генерал, который пыхтел, как автомобиль, взбирающийся на слишком крутой подъем, совладал наконец с голосовыми связками.

— Этого не может быть! «Банк Бонда» всегда был надежен, как Английский банк.

— До недавнего времени, — поправил Майк.

Генерал пригвоздил его взглядом, который так часто нагонял страх на провинившихся адъютантов. Природа подарила ему исключительно кустистые брови; когда они сходились, сильные люди трепетали. Сейчас он свел их, устремив на Майка испепеляющий взгляд.

— Майк! Вы хотите сказать, что мухлевали с деньгами банка?

— Да, увы.

— Господи.

— Я оказался в трудной ситуации. Единственное, что оставалось — рискнуть. Основательно подумавши, я так и сделал. К сожалению, итог неутешителен: мы все в очень тяжелом положении.

— Мы? Не понимаю вас, — сказал генерал. — Мы с Огастесом не участвовали в ваших подлых делишках.

— Конечно, — вступил Гасси. — Я немедленно подаю в отставку.

— Я тоже, — добавил генерал.

— Мы не собираемся ни в чем участвовать.

— Ни в коем разе.

— Если вы заварили кашу, мы не имеет к этому ни малейшего

касательства.

— Вот именно.

Майк предполагал, что разговор получится тягостным, и его ожидания полностью сбылись. Он не испытывал приязни к попечителям, назначенным покойным дядюшкой, но сейчас вполне им сочувствовал.

— Боюсь, — сказал он, — что сейчас поздно уходить в отставку.

— Поздно?!

— В качестве попечителей вы должны были наблюдать за банковскими активами. Вам это было скучно, и вы завели опасную привычку подписывать бумаги, не читая.

Наступила тишина. Попечители мучительно сознавали всю правдивость услышанного. Оба всегда думали только о вознаграждении, а не о тех обязанностях, за которые оно причиталось.

— Так что теперь вы оба глубоко втянуты в то, что назвали моими подлыми делишками.

Снова наступила долгая тишина. Гасси заговорил первым.

— Бонд, — сказал он, — вы — бессовестный негодяй.

— Никогда бы не подумал, — подхватил генерал. — Мы вам верили, верили безраздельно.

— А вы все время вели двойную игру, — сказал Гасси.

— Старый Хьюго перевернулся бы в могиле, — добавил генерал.

Майк криво улыбнулся. Они приближались к сути дела.

— Сомневаюсь, — сказал он. — Не думаю, что дядя сильно бы удивился. Понимаете, всю эту кашу заварил он. Я лишь унаследовал череду подлогов.

— Что?!

— Я выразился вполне ясно.

У генерала начались перебои с дыханием, так что задавать вопрос пришлось Гасси.

— Вы хотите нас убедить, что старый Хьюго был мошенником?

— Высокого полета. Как вы помните, он все делал с размахом. Когда я вступил в права наследства, то обнаружил, что дела банка, мягко говоря, запутаны. Видимо, дядя Хьюго на протяжении многих лет запускал руку в кассу.

Лучшие друзья не назвали бы Гасси интеллектуалом, однако порой не нужен интеллект, чтобы осознать очевидное.

— Так вот на какие деньги он строил больницы и библиотеки!

— Да.

— Чтоб мне провалиться!

— Боюсь, нам всем скоро захочется провалиться. Дядя об этом позаботился.

Генерал преодолел дыхательные затруднения и заговорил — правда, не обычным решительным тоном, а глухо и сбивчиво:

— Старик Хьюго! Поверить не могу! Самый популярный человек в стране! Мы возвели его на пьедестал! До хрипоты распевали на банкетах: «Наш друг — отличный малый». На похоронах все плакали. Вот о ком бы никогда не подумал… Зачем он это делал?

— Думаю, что могу объяснить, зачем, — сказал Майк. — Ради того, что назвал Гасси. Больницы, библиотеки. Популярность вскружила ему голову. Все на него молились, и он хотел сохранить эту любовь, а чтобы ее сохранить, надо было по-прежнему осыпать Веллингфорд своими щедротами. Думаю, начинал он честно, со своих собственных денег, а когда они кончились, надо было либо отказаться от роли ангела-хранителя, либо залезать в чужие. Обычная история. У меня был однокашник, которого все обожали, — в школьной лавчонке он проявлял чудеса щедрости. «Чего тебе купить, Джонс? — спрашивал он. — А тебе, Смит? Робинсон, хочешь еще сандвич с джемом?» Денег словно вовсе не считал. Только некоторое время спустя выяснилось, что он вот уже несколько недель лазает у одноклассников по карманам. Вероятно, он тоже начинал с собственных денег, а когда они кончились, не смог расстаться с образом всеобщего любимца.

— Вот скотина!

— Ничего подобного, Гасси. Вполне славный малый. Мы все его любили, даже после того, как узнали правду. Сейчас он в парламенте.

— Неудивительно!

— Да, и так же, думаю, рассуждал дядя Хьюго. Он грабил одних, чтобы облагодетельствовать других. Благодеяния достались Веллингфорду, роль ограбленных — вам.

Оба слушателя дернулись, как будто обоих разом прихватил ревматизм. Первым раздался хриплый голос генерала.

— Нам?!

— У вас обоих счета в доверительном управлении.

— Не хотите же вы сказать, что Хьюго обокрал нас… своих компаньонов… друзей… своих ближайших товарищей?

— Часть документов, которые вы не удосужились прочитать, относились к вашим деньгам. Подписав их, вы автоматически перешли в разряд ограбленных.

— Чудовищно! Невероятно!

— В страшном сне не привидится! — сказал Гасси. — Попадал я в переделки, но в такие — не случалось. Значит, когда вы принимали банк, в нем была недостача?

— Да.

— И вы не сказали ни слова!

— Как я мог? После похорон? Весь город в трауре, все говорят, что таких уже не будет… какая щедрая душа… какой отзывчивый филантроп. И что, я должен был встать и сказать: «Ошибаетесь, ребята. Человек, которого вы так превозносите, был обманщик и плут»? Немыслимо. А потом, когда управляешь банком, не будешь кричать на каждом углу, что в нем двести тысяч фунтов недостача.

— *Двести* тысяч?

— Такова была сумма, когда умер дядя Хьюго. В результате моих рискованных операций она снизилась до ста тысяч, но не все прошло гладко, и теперь мы в том неприятном положении, которое я обрисовал.

Генерал стиснул руками голову.

— Крах! — вскричал он. — Полный крах!

— Разумеется, есть простой способ погасить недостачу, — сказал Майк. — Моя страховка.

Гасси встрепенулся.

— Вы действительно застрахованы на столько?

— На эту самую сумму. Дядя Хьюго сделал первый взнос и обещал выплачивать последующие. Думаю, он сдержал слово. Он всегда был щедр. На чужие деньги, но щедр.

Генерал с шумом выдохнул.

— Господи, какое облегчение!

— Не вижу, что тут хорошего, — сказал Гасси. — Могут пройти годы, прежде чем Майк сыграет в ящик.

— Если только не… Гасси заметно просветлел.

— Кажется, я вижу, куда вы клоните, генерал. Вы хотите сказать…

— Вот именно.

— Если он…

— В точности это самое.

— А он согласится?

— Конечно. В Европе это обычное дело. Человек попадает в переплет — скажем, передернул в картишки, и его на этом поймали. Без шума, без скандала, кто-нибудь из нас приходит и оставляет ему заряженный револьвер. Он понимает намек и…

— Вы предлагаете…

— Да. И всем так спокойнее.

— Себе же лучше, вы хотите сказать.

— В точку.

Майк понял, что пора вмешаться. Жаль было разочаровывать собеседников, но иного выхода не оставалось.

— Прежде чем мы продолжим, вынужден сказать, что моя жизнь застрахована на пять тысяч фунтов.

Он ожидал, что этот факт разочарует слушателей, и не ошибся. Челюсть у Гасси повисла, как усталая лилия, у генерала возобновились перебои с дыханием.

— Но вы сказали, что застрахованы на…

— Мелкое недоразумение. Я говорил не о страховании жизни. Дядя Хьюго купил мне несколько иной полис. Я получу деньги, если кто-то причинит мне телесные повреждения с целью убийства, так это называется юридически.

— Не валяйте дурака.

— Я и не валяю. Дядя Хьюго сделал это на случай, если какой-нибудь обиженный вкладчик решит меня укокошить после того, как он сам, дядя то есть, отправится на небеса или куда там он собирался. Тогда я не понял, о чем он говорит. Теперь понимаю.

— От этого не страхуют.

— Я тоже так думал, но, как выяснилось, в «Ллойде» страхуют от всего. Дядя Хьюго привел мне пяток примеров: владельцы кинотеатра застраховали зрителей на случай смерти от страха на премьере фильма ужасов; магазин в Сиднее — на случай падения советского спутника, парижский парфюмер — на случай утраты обоняния, и еще несколько. Так что если кто-то нанесет мне телесные повреждения с целью убийства, я получу деньги.

Гасси задумчиво теребил подбородок.

— Это мысль, — сказал он. Генерал внезапно очнулся.

— Глупость несусветная, — возмущенно пробасил он. — За такое можно получить десять лет. А когда выйдете, никто не захочет с вами знаться.

Майк по-прежнему пытался помочь.

— Не обязательно делать это самим. Можете скинуться и нанять безработного убийцу. Наверняка кто-нибудь из них не откажется от честного заработка.

— Тьфу!

— Что вы сказали, генерал?

— Я сказал «тьфу», мистер Бонд.

— Что ж, боюсь, больше мне предложить нечего, — сказал Майк. — А теперь, когда мы все обсудили, я вас провожу. Думаю, вам обоим не помешает прогулка на свежем воздухе.

2

Джил вылезла из шкафа. Как известно, женщины могут отбросить частности и сосредоточиться на главном. Вот и Джил сейчас была исполнена ликования. Так вот что омрачало их отношения! Не перемена в сердце Майка — он всего лишь переживал, что разорен, как будто на такие пустяки стоит обращать внимание. Когда Майк, распрощавшись с двумя самыми несчастными попечителями в истории банковского дела, вернулся в кабинет, она, без предварительных неофициальных переговоров, бросилась ему на шею с криком: «О, Майк, Майк, Майк!» — и прижалась так, словно они вдвоем пережили кораблекрушение и благополучно выбрались на необитаемый остров.

Первое чувство Майка — что о чем-то подобном он мечтал с начала знакомства — длилось всего миг. Совесть шептала, что именно этого он мучительно избегал последние недели. Разумеется, он был на седьмом небе, но как раз туда таким неудачникам вход строжайше заказан.

— Нет! — сказал он. — Нам нельзя.

— Майк!

— Нет!

— Но, Майк!

— Нет!

Джил рассмеялась счастливым смехом.

— Ты будешь и дальше притворяться, будто не любишь меня? Помнишь то утро, когда мы были здесь, и пришел Коулман сказать, что к тебе посетитель?

— Я не забыл.

— Не станешь же ты отрицать, что, если бы не приперся болван-дворецкий, ты бы сделал мне предложение?

— Не стану.

— Так может, ты боишься, что я — как это говорят? — не разделяю твоих чувств? Думаю, такие сомнения должны бы давно рассеяться. Однако на всякий случай внесу полную ясность. Майк, хочешь ли ты, чтобы я стала твоей женой? И не смей потупиться, покраснеть и сказать,

что лучше нам остаться добрыми-предобрыми друзьями, потому что добрых-предобрых друзей из нас как раз не получится. И не говори, будто мы не можем пожениться, потому что твой банк вот-вот рухнет! Какое нам до этого дело?

Майк вздрогнул едва ли не энергичнее своих недавних собеседников, которые при упоминании этой темы вздрогнули с исключительной силой.

— Ты знаешь?

— Конечно. Я сидела в шкафу и объясню тебе, почему. Потому что хотела узнать, из-за чего ты ходишь чернее тучи и ведешь себя так, будто мы дальние знакомые, а тебе хотелось бы еще увеличить дистанцию. Почему ты мне не сказал? Не поверю, будто ты думал, что я от тебя отвернусь. Я люблю тебя, а не твои деньги. Ну и что, если у тебя нет ни пенни? Как-нибудь проживем.

Лицо Майка свела судорога.

— Джил, — с усилием проговорил он, — сядь, пожалуйста. Я должен кое-что тебе объяснить. Суть не в том, что у меня нет ни пенни. Все гораздо хуже.

— Что такое?

— Не знаю, как сказать помягче. Через несколько месяцев я почти наверняка буду в тюрьме.

— Майк! — завопила Джил. — Не может быть!

— Не вижу другого исхода. Ты слышала, что я сказал этим двоим. О том, как пытался вытащить банк из ямы. Одни мои операции были успешными, другие провалились. Вот за провалы и сажают в тюрьму. Я рисковал, а банкирам не позволено играть в азартные игры на деньги вкладчиков. Если игра успешна, она сходит с рук. Если нет, то зовется мошенничеством. Я уже слышу, как прокурор спрашивает: «Должны ли мы понимать, мистер Бонд, что вы использовали вверенные вам средства для биржевых спекуляций?». И что я смогу ответить? «Да, сэр, верно, сэр, но, честное слово, сэр, я делал это из лучших побуждений». Присяжные даже в комнату для совещаний выходить не будут. Видит Бог, как мне больно это говорить, но ты не можешь выйти за человека, который вот-вот окажется за решеткой.

— Могу!

— Нет, милая, я тебе не позволю.

Целую минуту Джил молчала. Потом проговорила сдавлено:

— Так надежды нет?

— Я не вижу. Вчера сюда заезжал крупный финансист, я надеялся одолжить нужную сумму, но ничего не вышло. Если какой-нибудь добрый

взломщик не возьмет на себя труд обчистить банк до ревизии, мне конец.

Джил опешила.

— Не понимаю. Как это поможет?

— Это бы разрешило все затруднения. Если кто-то проник в банк и вынес крупную сумму денег, как ревизоры узнают, сколько там было? Они полностью растеряются, наверное, даже бросят аудит и пойдут торговать сеном и соломой. Однако за последние сто сорок лет ничего подобного не случалось, так что надежда слабая. Я просто размечтался. Ладно, мне, наверное, пора возвращаться на соляные копи, — сказал он, вставая, — хотя прока от этого теперь чуть. Увидимся, когда вернусь, Джил, милая, и постарайся не очень огорчаться. Наверняка есть какие-то пути, до которых я еще не додумался. Надо просто рыть землю носом и не складывать лапки. Главное, что ты меня любишь, все остальное ерунда. Как я могу называть себя неудачником, если это знаю?

Оставшись одна, Джил уставилась на портрет сэра Хьюго, словно задаваясь вопросом, который поставил в тупик генерала Федерстона… Зачем он это сделал? Она слышала, как отъехала машина Майка, но не тронулась с места. Просидев так довольно долго, Джил встала, подошла к телефону, набрала номер банка и попросила Аду.

— Ада? Это Джил. Сможешь вырваться? Ада замялась.

— Ну, не знаю. Мистер Майк только что пришел, и мы разбираем почту.

— А потом?

— Постараюсь на несколько минут сбежать.

— Так сбегай, и встретимся в «Медном Чайнике». Я тебя жду.

3

«Медный Чайник», как уже говорилось в этом повествовании, не создан для тайных переговоров — это популярное место обычно забито до отказа, а столики стоят до того близко, что любое сказанное вслух слово немедленно становится достоянием гласности. Многие самые занятные веллингфордские скандалы начинались с того, что кто-то неосторожно повысил голос за кофе с пирожными.

Однако в этот час дня посетителей было совсем немного, и Джил смогла рассказать Аде историю с банком, не опасаясь, что их подслушают. По ходу дела ей пришла в голову мысль, что последнее время она постоянно сидит в «Медном Чайнике» и расстраивает подругу. Она ждала,

что та примет услышанное близко к сердцу, и не ошиблась. Лицо у Ады было скорее флегматичное, чем выразительное, но вскоре на нем отразились изумление, отчаяние, ужас и множество других чувств. Единственное, чего на нем не было, так это сомнения. В отличие от Гасси, ей и на миг не пришло в голову, что история с недостачей в банке — шутка. Она безропотно выслушала убийственные новости, а, когда Джил закончила, воскликнула чисто по-женски: «Я ж тебе говорила!»

— У меня несколько недель было нехорошее чувство, — продолжила Ада. — Я видела, что мистер Майк чем-то встревожен. Иначе он по-прежнему хвалил бы мои булочки! Ох уж этот сэр Хьюго! Швыряться деньгами на больницы и библиотеки, зная, что он роет яму мистеру Майку, банку и всем нам. Самое обидное, что теперь ничего не поделаешь.

— Тут ты ошибаешься, — сказала Джил. — Мы можем помочь.

— Чем?

Секунду Джил молчала. Не то чтобы она затруднялась с ответом, просто не знала, способна ли Ада сразу после одного потрясения выдержать второе. Может быть, стоит повременить, пока нервная система подруги освоится с услышанным, а не вываливать все сразу.

Потом Джил рассудила, что Ада девушка крепкая, менее всего склонная ломаться под бременем обстоятельств, и решила продолжить.

— Скажи, Ада, что бывает, когда Майку надо что-нибудь из большого сейфа? Он велит тебе это принести?

— Или идет сам.

— Так ты знаешь комбинацию?

— Конечно.

— Тогда все в порядке. Можно приступать.

— К чему?

— Мы с тобой ограбим банк.

К несчастью, Джил сказала это, когда Ада поднимала чашку. Та вздрогнула, пролила кофе на стол, и прошло некоторое время, прежде чем разговор возобновился. Когда справедливо возмущенная официантка сменила скатерть и, выслушав последние извинения, удалилась с ледяным видом, Ада спросила:

— Что ты сказала?

Лицо у нее было ошарашенное, и Джил поняла, что первое, быть может, чересчур резкое заявление, необходимо дополнить.

— Ты, конечно, думаешь, что я рехнулась, — сказала она, — но сейчас я все объясню, и ты поймешь, что другого выхода нет. Дело в том, что мы с Майком хотим пожениться.

— Неужели?!

— Да.

— Ты же уверяла, будто он тебе не нравится.

— Просто оговорилась.

— И вы правда поженитесь?

— Да. Точнее, нет. Понимаешь, он сказал, что банк лопнул, и его посадят в тюрьму, потому что объявят виноватым, и мы не можем пожениться, поскольку это нечестно по отношению ко мне.

Ада выхватила ключевое слово.

— В тюрьму?! Посадят в тюрьму?!

— Он говорит, что да, если кто-нибудь не ограбит банк. Все очень просто. Если мы откроем сейф, вытащим много денег и где-нибудь их спрячем, ревизоры не смогут сказать, сколько там было изначально. Они не заметят недостачу, и все будет прекрасно, потому что Майк, конечно, ее покроет — он страшно умный, ему надо только дать время. Так ты мне поможешь? Я без тебя не справлюсь и знаю, что ты ради Майка пойдешь на все.

Она исчерпала слова и откинулась на стуле, умоляюще глядя на Аду. В подруге происходила перемена, при виде которой Джил затрепетала от радости: лицо Ады приняло то выражение суровой решимости, с каким она однажды отбилась зонтиком от двух хмельных сограждан, а после тем же орудием остановила верткого типа, покушавшегося на бумажник Горация Эпплби. Вероятно, с таким лицом Жанна д'Арк отдавала своим воинам приказ к наступлению.

— Когда начнем? — спросила Ада.

Глава VII

1

Утро подошло к тому часу, когда даже в маленьких городках вроде Веллингфорда люди берутся за дела. Почти все чем-нибудь да занимались, пусть даже пили кофе с булочками в чайной или дожидались, когда откроются пабы. Мисс Бонд показывала свою ногу врачу. Гораций чистил серебро. Айви достала шитье, до которого у нее прежде все не доходили руки. Ферди Муха ушел на вокзал встречать Костолома Эванса. Смити и Фрэнк резались в картишки. Майк и Ада трудились в банке. А в невзрачном кабинете невзрачного домика с табличкой «Полиция» на двери суперинтендант Джессоп играл в шахматы со своим шурином Клодом Поттером, сержантом Скотланд-Ярда, приехавшим к нему в отпуск.

Суперинтендант Джессоп горячо любил жену, с которой много лет прожил в мире и согласии. Единственное, чего он не разделял — ее привязанности к брату Клоду, и с тайным огорчением выслушал весть о том, что вышеупомянутый Клод приедет к ним в отпуск. Манера шурина себя держать, высокомерная и покровительственная, раздражала его и выбивала из колеи. В присутствии родственника суперинтендант переставал быть заметным человеком в округе и становился, по снисходительному выражению все того же Клода, сельским блюстителем порядка.

Порой он чувствовал, что мог бы это стерпеть, будь Клод тем пустым фанфароном, каким выглядел. Тогда его можно было бы просто не брать в расчет. Однако суперинтендант не мог отказать шурину в уме. Клод был первым учеником в школе, блистал в Оксфорде, а если до сих пор не продвинулся в Скотланд-Ярде, то лишь потому, что чины там идут не быстро. Не было сомнений, что его ждет блестящая карьера. При всей своей неприязни суперинтендант вынужден был признать, что слушать его интересно. За шахматами Клод рассказывал про Скотланд-Ярд. Суперинтендант завистливо вздохнул.

— Вы нашли себе дело по душе, Клод. Все время чем-то заняты. А у нас тут тишь да гладь. Никогда ничего не происходит.

Клод хохотнул.

— Я бы поостерегся так говорить.

— Почему?

— Мат, — сказал Клод.

Суперинтендант скорбно взглянул на доску, убеждаясь, что так оно и есть.

— Где мне с вами тягаться, Клод!

— Просто надо работать мозгами.

— Да, наверное. Так почему бы вы поостереглись так говорить?

Клод погладил усики.

— *Я* когда-нибудь рассказывал вам про человека по фамилии Йост?

— Нет, не припомню. Кто это?

— Чикагский гангстер и специалист по взлому сейфов. Нам телеграфировали из Нью-Йорка, что он здесь. Мы задержали его по поводу ограбления в окрестностях Уимблдона, но ничего не нашли, и вынуждены были отпустить. Он в Веллингфорде.

— Не может быть!

— Видел его вчера в кинотеатре. Сидел передо мной.

— Но что ему здесь понадобилось?

— Именно этот вопрос я задал себе. Потом вспомнил ваши слова об успехах здешнего банка и понял — он затевает ограбление.

Суперинтендант ахнул. Веллингфордец по рождению, он сызмальства глубоко чтил «Банк Бонда». При мысли, что какой-то злоумышленник, пусть даже из Чикаго, печально известного своей беспринципностью, способен на такое святотатство, он временно утратил дар речи.

— Вряд ли американец слышал про ваш банк, но кто-то ему, наверное, сказал, вот он и решил попытать счастья, — продолжал Клод. — Так что напрасно вы рассчитываете на спокойную жизнь.

— Вы точно видели именно его?

— Точно.

— Вы могли ошибиться.

— Я не ошибаюсь.

Лицо суперинтенданта приняло еще более озабоченное выражение.

— Его не должны были пускать в страну.

— Не было причин для отказа. Его документы в полном порядке.

— Так депортировали бы!

— Депортируют, если он будет плохо себя вести. А пока будьте начеку, и поосторожней, если с ним встретитесь — известно, что он носит при себе огнестрельное оружие. Ну ладно, я пошел.

— Может, еще партию?

— Какой смысл? Все равно я выиграю. И потом, мне пора на

утреннюю прогулку. Нужно сделать девушкам приятное, — ответил сержант, поглаживая усики.

Он вышел легкой походкой, преисполненный сознанием своих обязательств перед женским населением Веллингфорда, а суперинтендант остался в глубокой задумчивости. Он размышлял, как сильно шурин действует ему на нервы, и жалел, что не проявил большую твердость, когда жене пришла фантазия пригласить того в гости.

Из раздумий его вывел телефонный звонок.

— Кто там? — грубо спросил суперинтендант, не отличавшийся вежливостью в телефонных беседах. — А, здравствуйте, мистер Эпплби, — добавил он, услышав голос уважаемого знакомца. — Что?!. Кто-то выстрелил вам в окно?.. Господи… Вы, небось, перепугались. А я только сейчас говорил, что в Веллингфорде никогда ничего не происходит. Немедленно выезжаю, мистер Эпплби.

2

Когда прибыл суперинтендант, Гораций успокаивал Айви. Бедная девушка до сих пор видела перестрелки только по телевизору, и даже там их боялась, поэтому бурно отреагировала на выстрелы в окно дома, где служит горничной. Гораций оставил ее поправлять самочувствие с помощью рюмочки бренди, и с приличествующим трагическим видом повел суперинтенданта в зал.

— Спасибо, что приехали незамедлительно, мистер Джессоп, — сказал он. — Вот это окно.

— Ба! И правда разбито! — воскликнул суперинтендант, обозревая ущерб. — Вы случаем не разглядели этого фрукта?

— Как ни странно, разглядел. Я как раз проходил через зал и, само собой, сразу выскочил наружу.

— Без оружия?

— Иногда приходится рисковать.

— Ну и ну!

— Я успел увидеть его мельком. Высокий рыжий детина. Лица я, разумеется, видеть не мог, потому что он убегал, тем не менее мне хватило увиденного, чтобы составить гипотезу. Вы читаете газеты, мистер Джессоп?

— Да, «Миррор».

— Тогда вы, наверное, знаете о побеге заключенного Моффета из

Дартмура.

— Да, читал.

— Я убежден, что стрелявший был этот самый Моффет. Мне случилось быть на процессе, и я приметил его рост и рыжий цвет волос. Думаю, мистер Джессоп, это он.

На этом месте суперинтендант Джессоп, подобно Ферди Мухе, открыл рот. Ход его мыслей, медлительный, как у Ферди, не поспевал за столь быстрым полетом ума.

— Но Дартмур — в Девоншире. Чего бы Моффета понесло в Вустершир?

— Очевидно, он пробрался сюда с определенными намерениями. Эти намерения озадачили бы меня, не будь я на процессе. Вы, вероятно, знаете, что покойный сэр Хьюго Бонд приобрел эту усадьбу у сэра Роджера Армитейджа?

— Да, слышал.

— Однако вы, возможно, не в курсе, что сэр Роджер — судья? И что именно он председательствовал на процессе Рыжего Моффета и приговорил того к пяти годам тюрьмы? Оглашение приговора сопровождалось неприглядной сценой. Осужденного силком волокли из зала, а тот выкрикивал угрозы в адрес судьи и клялся страшно отомстить, как только выйдет на свободу. Вот теперь он и стреляет сэру Роджеру в окна — показывает, что вышел на его след. Как видите, все сходится, мистер Джессоп.

— Но ведь сэр Роджер больше здесь не живет!

— Этот человек только что сбежал из Дартмура. Откуда ему знать?

Последние сомнения развеялись. Суперинтендант восхищенно смотрел на Горация, чувствуя, что умозаключения такого масштаба были бы достойны его шурина Клода.

— Думаю, мистер Эпплби, вы правы.

— Я в этом убежден. И полагаю, что вам следует направить своих людей — всех, коли потребуется — на охрану Мэллоу-холла. Разумеется, если такое повторится. Естественно, вы не можете дежурить тут каждую ночь. Однако, если будут еще выстрелы… Возможно, преступник хотел просто напустить страху и теперь покинет окрестности, но я лично в этом сомневаюсь. Думаю, он настроен более решительно. Как он буйствовал в суде! И если только он не узнает, что сэр Роджер съехал из Мэллоу-холла, что весьма маловероятно, мы еще о нем услышим. Вы согласны?

— Да. Еще выстрел, и мы немедленно выставим оцепление.

— Спасибо, мистер Джессоп. Я знал, что на вас можно положиться. Я

поставлю в известность мистера Бонда, а пока зайдемте ко мне в буфетную и откупорим бутылочку портвейна.

3

Угостив суперинтенданта изрядной порцией портвейна из запасов покойного сэра Хьюго, Гораций вернулся к себе в наилучшем состоянии духа. Пошатнувшаяся было вера в собственную звезду полностью восстановилась. Он был суеверен — отказ Ады не только нанес удар по самолюбию, но и оставил неприятное чувство, что удача от него отвернулась. Гораций невольно припомнил, что подобное случалось с Наполеоном, Джеком Демпси[46] и другими, которые хорошо начинали, а после входили в полосу невезения. Его самоуверенность была поколеблена. Он уже почти решил отойти от дел сразу, как завершит операцию с «Банком Бонда», поскольку будет достаточно богат, чтобы никогда больше не работать. Однако легкость, с которой суперинтендант заглотил историю про Моффета и сэра Роджера, убедила Горация, что глупо уходить на пике формы.

Таковы были мысли Горация Эпплби, когда тот, проводив посетителя, сидел в буфетной, и настолько они укрепили его дух, что, когда зазвонил телефон, он уже готов был услышать голос Ады, берущей назад свои жестокие слова.

Однако услышал он не Аду, а Ферди Муху, и человек, настроенный менее оптимистично, немедленно распознал бы нотку беспокойства в приветственном: «Шеф?». Гораций, впрочем, ничего не заподозрил.

— А, Ферди, — сказал он. — Костолом приехал?

— Приехал, шеф.

— Замечательно.

— Не так уж замечательно, шеф.

— Что вы хотите этим сказать, Ферди?

— Знаете, что стряслось с Костоломом?

Только сейчас Гораций встревожился. Костолом был краеугольным камнем, на котором строился план кампании. С дрожью в голосе он проговорил:

— Снова под машину попал?

Он не забыл, как Костолом столкнулся на Фулхем-род со спортивным автомобилем. Автомобиль пострадал сильнее, но и ценный сотрудник банды был доставлен в больницу для ремонта и на целую неделю вышел из

строя.

Тут Ферди смог его успокоить:

— Нет, шеф, не под машину.

— Так что с ним?

— Подал в отставку.

— Что?!

— Да, шеф. Подал в отставку. Завязал. Ударился в религию.

Гораций ахнул. Удар был столь же тяжелый, сколь и неожиданный. Как всякий руководитель, он порою сталкивался с трудностями в коллективе, но еще никто из его подопечных не ударялся в религию.

— Это случилось вчера, он мне рассказал, — продолжал Ферди. — Зашел на молитвенное бдение. Самое смешное, что он просто хотел спрятаться от дождя. Часа в четыре была гроза, ливень, и как раз подвернулся молитвенный дом. Боюсь, шеф, все пропало. Говорит, покажи мне сейф с драгоценностями короны, пальцем не притронусь, хоть бы епископ Кентерберийский умолял меня на коленях.

Гораций все еще не обрел дар речи. Ну вот, полагайся на этих валлийцев, горько думал он. На миг выпустишь их из виду, а они уже — бац! — и обрели спасение. Ни чувства долга, ни благодарности, одна эгоистичная забота о собственных удовольствиях. Только когда Ферди второй раз произнес: «Вы здесь, шеф?» — Гораций сумел выговорить сдавленным голосом: «Где он?».

— В баре, пиво пьет. Я звоню из гостиницы.

— Скажите, чтобы сейчас же был у меня. Пусть возьмет такси.

Дожидаясь отступника, Гораций в праведном негодовании мерил шагами буфетную. Наконец появился Костолом, с виду еще более раздавшийся в плечах, и произнес свое мелодичное приветствие.

Оно отнюдь не умиротворило бывшего начальника. Существовало два Горация: один нашептывал нежные слова на ушко любимой, весь — сладость и свет, другой же — каменное лицо, голос сержанта на плацу, взор, как у Марса, властная гроза[47] — предстал сейчас перед провинившимся Эвансом.

— Что за чушь, Костолом? — резко и отнюдь не мелодично вопросил он. Таким голосом мог бы заговорить ветхозаветный пророк, обличая грехи народа израильского. Человек послабее духом дрогнул бы, но Костолом, очевидно, вооружился доблестью так крепко, что все угрозы проносились мимо него, как легкий ветер.[48] Его спокойствие осталось неколебимым.

— Чушь, шеф?

— Ферди сказал, ты ударился в религию.

— Верно, шеф, — сказал Костолом и заголосил «Аллилуйя» так, что вазочка с нарциссами едва не рухнула со стола. Глаза его в экстазе закатились к потолку. — Да, я узрел свет и… того… этого… мир. Я был заблудшей овцой, но услышал голос пастыря и вернулся в эту… ну… овчарню, и как же все жутко обрадовались. Их главный сказал, на небесах больше радости об одном грешнике кающемся, чем о девяносто девяти, вроде он сказал, которым нечего каяться, а потом мы пили чай с плюшками, и я почувствовал себя просветленным, да, шеф, прямо-таки почувствовал. Аллилуйя, — присовокупил он, считая, видимо, это своего рода музыкальной заставкой.

— Костолом! — рявкнул Гораций, и вазочка на столе вновь закачалась.

— Шеф?

— Кончай нести ахинею, Бога ради!

Дрожь прошла по массивному телу Костолома, как тень по склону горы.

— Божба! — осуждающе произнес он, потеребив губу. — Вам надо следить за своим языком, шеф. Не поминай всуе, сказал их главный. Не то, что входит в уста, оскверняет человека, сказал он, но то, что исходит из уст.

Тоскливое чувство, что все впустую, посетило Горация, но, как хороший полководец, он умел быстро изменить тактику. Было видно, что суровостью этого фанатика не проймешь. Может быть, убеждение подействует лучше. Он заговорил с дрожью в голосе:

— Я потрясен, Костолом, потрясен и расстроен. Вот уж о ком не думал. Если бы мне сказали, что Льюэллин Эванс нас подведет, я бы смеялся, смеялся до колик.

Менее удачный подход трудно было бы сыскать. Костолом словно ждал этого слова:

— Смеялись бы, шеф? Вы сказали «смеялись»? Вы бы смеялись от всей души, если бы, как я, узрели свет и сбросили бремя грехов. Вы бы веселились, как дитя. Я смеюсь без умолку, вспоминая, что все мои греховные деяния позади.

Тоскливое чувство усилилось. Не такие слова рассчитываешь услышать от своей правой руки. Вы не слишком ошибетесь, назвав их роковыми. Однако Гораций не сдавался.

— Костолом, ты спятил. При твоих дарованиях нельзя оставлять карьеру. Вспомни притчу о талантах. И вспомни, что писали газеты после

Нортон-корта: «Сейф явно вскрыл настоящий мастер своего дела». Не о каждом так напишут. Тех, кто вскрывает сейфы, обычно и не упоминают. И подумай о ребятах.

— О ребятах?

— Они на тебя полагаются. Верят в тебя. Рассчитывают на твою помощь. Им нужны деньги.

— Плата за грех. Лучше совсем без денег.

— Я увеличу твою долю, — сказал Гораций, но Костолом только помотал головой.

— Я этого ждал, шеф, — ответил он. — Главный выступавший сказал, что меня будут соблазнять, но он верит в меня и знает, что я устою. Отыди от меня, сатана, и забери с собой свою лишнюю долю. Не узри я света, я бы сказал, куда вам засунуть эти деньги.

В самом начале разговора лысина Горация порозовела. Теперь она стала пунцовой. Встреть он сейчас их главного, за последствия трудно было бы отвечать. Суеверная сторона его натуры снова взяла верх, и он думал, что опасно игнорировать такое упорное невезение. Сперва Ада, теперь Костолом. Судьба словно советовала ему поостеречься.

— Я затем и пришел, — продолжал Костолом, запуская могучую лапищу в карман и вытаскивая толстую пачку банкнот, — чтобы вернуть злосчастные деньги. Все я вернуть не могу, потому что потратил, но вот, что осталось.

С этими словами он выложил деньги на стол и вышел, оставив Горация пересматривать вопрос о собственном невезении. Удача все же не совсем ему изменила. Пересчитывая упавшие с неба деньги, он решил, что они вполне восполняют утрату Ады и уход Костолома. В пачке были сотни фунтов, а Гораций, при всей своей состоятельности, никогда не отказывался от нескольких лишних сотен.

Он как раз пересчитывал злосчастные деньги Костолома, когда открылась дверь, и вошла Айви.

— К вам еще джентльмен, — сказала она, и вошел Чарли Йост.

Глава VIII

1

За дни, прошедшие с тех пор, как он вынужден был отказать своему виноградарю в динарии, который сей виноградарь столь явственно считал заслуженным, Гораций не раз задумывался, что будет, когда Чарли Йост застанет его наедине. В прошлую встречу рядом был Костолом, чье присутствие действовало умиротворяюще на самого взвинченного посетителя. Как Ада Кутс никого не боялась в обществе верного зонтика, так и Гораций готов был бестрепетно встретить любого врага, покуда рядом оставался Костолом.

Теперь он понял, что будет делать. Он обмякнет всем телом, как кролик перед удавом, и будет стоять, уронив челюсть, в ожидании худшего. По мере того как Чарли приближался, Гораций мучительно сознавал, что не создан для таких переделок. Он был человек мирный, выезжавший за счет умственного превосходства, и чувствовал, что исход этой схватки решит не ум.

Мысль, что где-то под сшитым на заказ костюмом у Чарли прячется пистолет, из-за которого и начались все неприятности, могла бы привести в замешательство и человека более храброго, ибо Гораций подозревал, что на этом пистолете имеется множество насечек по числу жертв, а вскорости прибавится еще одна.

Невозможно описать его облегчение, когда посетитель начал разговор с бодрого: «Привет!». Дружелюбный тон наводил на мысль, что старые обиды забыты и прощены. Кое-как совладав с голосовыми связками, Гораций отвечал: «Здравствуйте, Чарли», стараясь, чтобы прозвучало как можно более радушно. Получилось сдавленней, чем он предполагал, но Чарли, по-видимому, остался доволен, поскольку продолжил тем же приятельским тоном:

— Небось ломаете голову, как я вас выследил? Встретил американского знакомого по имени Фрэнк, и тот сболтнул, что вы здесь. Неплохо устроились.

Гораций согласился, что Мэллоу-холл имеет много достоинств.

— Нет ничего лучше старых английский усадеб, — произнес Чарли, впадая в лирический настрой. — Парки, сады, террасы, туда-сюда.

Вспоминаются былые времена, рыцари в доспехах, все такое. Я видел одно кинцо с Фредом Астером и помню, прямо-таки умилился. Чей это дом?

— Мистера Майка Бонда. Его дядя, покойный сэр Хьюго Бонд, приобрел усадьбу у сэра Роджера Армитейджа, чья семья обитала здесь несколько столетий. Сэр Роджер — судья.

— Судья? Денег, небось, куры не клюют.

— Полагаю, сэр Роджер располагает значительным состоянием.

— Небось на взятках заработал. Кстати о деньгах, — с неожиданной сердечностью подхватил Чарли Йост. — Вижу, вы их уже приготовили. Вот это я называю сервис.

На глазах у потрясенного Горация он подскочил к столу и сгреб в карман пачку банкнот. Гораций сделал, что мог.

— Вы не можете их взять, Чарли, — сказал он. — Это деньги Костолома.

— Были, — отвечал Чарли Йост.

Наступило молчание. Не приходилось ожидать, что после этой сцены беседа пройдет в благожелательной атмосфере. Внимательный наблюдатель различил бы, по крайней мере со стороны Горация, некоторую натянутость, как если бы он, подобно поэту Вордсворту при виде самого скромного цветка, думал думу, что слишком для слез глубока.[49] Вместо того чтобы утешаться мыслью, что Чарли со своими методами убеждения так или иначе вытянул бы из него деньги, и пусть уж это будут деньги Костолома, он — увы! мог думать лишь о том, с каким удовольствием огрел бы Чарли графином по голове. Это явно выходило за рамки реальной политики — как бы он потом избавился от трупа? Поэтому Гораций просто сел и нахмурился, предоставив собеседнику улыбаться за двоих.

По счастью, с этим затруднений не было. Успех поднял Чарли настроение. У него камень упал с души. Он предвидел тягостный деловой разговор, может быть, даже вульгарную перебранку, а вместо этого беседа прошла в светском русле — два старых приятеля собрались поболтать за рюмочкой чего там есть в графине.

— Что это? — спросил он. Гораций мрачно ответил, что портвейн, и Чарли, никогда прежде не пробовавший портвейна, поспешил восполнить пробел в образовании. Он придвинул графин, отхлебнул большой глоток и, довольный результатом, отхлебнул второй.

— Славно, — сказал он. — Что-то легонькое, да?

Горация передернуло. Кощунственные слова, прозвучавшие сразу после утраты денег, переполнили чашу его терпения. Он натянуто отвечал,

что содержание алкоголя в портвейне весьма значительно.

— Ну, такое содержание алкоголя мы и любим, — веско произнес Чарли. Он еще раз приложился к графину, и Гораций отвел глаза. До эпизода с пистолетом он не питал к Чарли приязни, а глядя, как тот хлещет драгоценный напиток, который положено смаковать по глоточку, окончательно укрепился в своем нерасположении.

— Да, — продолжал Чарли. — Содержание алкоголя в самый раз. Что доктор прописал. Как вы сказали, портвейн?

— Портвейн.

— Думаете, в Чикаго такой есть?

— Вероятно, какую-то разновидность портвейна в Чикаго приобрести можно.

— Надо будет купить. А вы в Америке бывали?

— Нет.

— А зря, — сказал Чарли. — Обязательно съездите. Вот это страна, так страна. Благодатная. Я ничего не имею против Англии, а все-таки здесь не то. Знаете, чего мне не хватает? Наших фараонов. Ваши им в подметки не годятся. Слишком вежливые. Меня допрашивали в Скотланд-Ярде — разве это та хватка? Разве сравнишь с тем чувством опасности, которое испытываешь у нас, когда тебя приводят в комнату для допросов и сажают напротив лампы? Можно подумать, здесь боятся тебя обидеть. Да, сэр, вам обязательно надо побывать в Штатах. Вы бы там развернулись. И Ферди. Про Костолома не знаю. У него котелок слишком плохо варит. Кстати, вы сказали, что деньги — Костолома? Что-то я не понял.

— Он был здесь перед вашим приходом и оставил их на столе.

После портвейна со значительным содержанием алкоголя мозг Чарли работал не лучшим образом. Объяснение показалось ему недостаточным.

— Костолом?

— Да.

— Оставил на столе?

— Да.

— Забыл, что ли?

— Нет, отдал мне.

— Отдал?!

— Да.

— Он, верно, спятил.

— Да, — горько отвечал Гораций. — Он назвал их платой за грех и решил от них избавиться. Костолом ударился в религию.

— Шутите!

— Нет. Он попал на молитвенное бдение и обратился, болван этакий.

Тактичнее со стороны Чарли Йоста было бы не рассмеяться, видя, как опечален бывший начальник, однако содержимое графина привело его в то состояние духа, когда практически все вокруг кажется уморительным. Мысль об уверовавшем Костоломе показалась ему смешнее любого комедийного шоу, и он загоготал, как студийная аудитория.

— Думаете, это смешно? — с кислой миной произнес Гораций. — Мне так не кажется. Он разбил все мои планы.

Чарли все еще вполголоса хихикал, протирая запотевшие очки (он дохохотался до слез), но при последних словах резко встрепенулся.

— Какие планы? Есть работа?

— Да.

— И вам нужен Костолом?

— Да.

— Что-нибудь насчет сейфов?

— Да.

— Так чего бы вам не взять меня в дело? Я свободен, а с сейфами справляюсь почище Костолома.

Гораций вздрогнул. Предложение прозвучало крайне неожиданно, и, как всякую новую мысль, его надо было переварить. В начале разговора ему бы в голову не пришла мысль возобновить отношения с человеком, который не только отобрал у него крупную сумму денег, но еще и хлещет бесценный портвейн покойного сэра Хьюго, как какой-нибудь американский бурбон. Он говорил с Чарли, даже угощал его портвейном, пусть и не по собственной воле, но не собирался снова включать его в число своих ребят. В том, что касалось Чарли, он надеялся, что впредь их дороги не пересекутся.

Однако дезертирство Костолома все изменило. Бывают минуты, когда надо отбросить личную неприязнь. Гораций сознавал, что для операции «Банк Бонда» нужен не приятный и обаятельный взломщик, а первоклассный специалист, в этом же смысле Чарли не вызывал никаких нареканий. Гораций честно признавал, что, будь у него Чарли, он никогда не поручил бы эту работу Костолому. Поэтому он не долго колебался и на вопрос Чарли: «Ну как?» — ответил, что находит предложение вполне приемлемым. Сказано это было без теплоты, но Чарли так нагрузился портвейном, что не заметил.

— Что ж, идет, — сказал Чарли. — И на этот раз, — строго добавил он, — чтобы без фокусов, — с каковыми словами и удалился.

С песней на устах Чарли вышел в сад Мэллоу-холла и сразу же увидел

Костолома, склоненного над розовым кустом. По пути сюда они разминулись, поскольку любитель цветов отошел к беседкам полюбоваться на душистый горошек. Костолом жил в Брикстоне, где не так много цветников, и сад покойного сэра Хьюго его очаровал. Он совершенно слился с Природой и не осознавал, что рядом кто-то есть, пока Чарли дружески не хлопнул его по мощному заду. Эванс в изумлении выпрямился.

— Ой, Чарли! Как ты здесь очутился?

— Босса навещал.

— Я тоже. Только что от него.

— Он говорил.

— Пришлось его огорчить.

— Знаю. Ты ударился в религию?

— Да, Чарли. Я обратился и спасен. Как говорится, головешка из огня.

— Хорошо тебе. А вот боссу — нет. Говорит, ты его бросил и не пойдешь брать банк.

— Я поступил, как требовала моя совесть, и ликую при мысли, что разрушил его греховные замыслы.

— А вот и нет, приятель. Я тебя заменю.

— Что?

— Да. Уже договорились. Мы снова друзья-приятели, и я У него в штате.

Широкое лицо Костолома приняло озабоченное выражение.

— Зря ты, Чарли. Загляни в себя и спроси свое сердце, правильно ли ты поступаешь.

— Спросил, и оно меня всецело одобрило. Озабоченность Костолома усилилась.

— Ох достанется тебе на Страшном Суде, Чарли.

— Кто так сказал?

— Главный на молитвенном бдении, где я просветлился. Он сказал, если бы я не бросил старое, была бы мне крышка. Сказал, я вовремя покаялся. Еще одно или два дела, и пиши пропало. Ты бывал в пекарне, Чарли?

— Вроде не случалось.

— Пойди и погляди в тамошние печи, какой там огонь. А то ли еще ждет тебя, если не бросишь грабить банки! Где ты остановился, Чарли?

— В «Синем льве».

— Я зайду к тебе сегодня вечером, помолясь.

— Заглядывай, как надумаешь, — дружески отвечал Чарли.

С веселым: «Увидимся!» он двинулся прочь и вскоре уже выходил через ворота на дорогу. Пройдя по ней — не очень твердой походкой, но в самом лучшем расположении духа — примерно милю, он увидел, как из домика, полускрытого деревьями, медленным удрученным шагом вышел человек в бриджах для верховой езды.

2

Выйдя от Майка, Гасси Мортлейк отправился вместе с генералом Федерстоном к сему последнему, дабы обсудить ситуацию, а теперь направлялся домой, где собирался еще раз обдумать сложившиеся затруднения над виски с содовой. Обычно он не пил по утрам, хотя, как мы видели, не отказывался от возможности пропустить бокальчик шампанского. Однако человеку, у которого под ногами только что разорвалась бомба, простительно отступить от размеренных привычек. Гасси стремился к виски с содовой, как лань стремится к потокам вод.[50]

День был ясен и безмятежен, чего не скажешь о жертве финансовых махинаций покойного сэра Хьюго. Выходя на дорогу, он недобрым словом поминал усопшего и горько сожалел о пятидесяти шиллингах, которые понапрасну выбросил тому на венок. Не чувствовал он особого расположения и к генералу Федерстону: тот еще раз презрительно отмел предложение Майка нанять бандита, который выстрелил бы в него с намерением убить. На взгляд Гасси, это был бы идеальный ход, конец всем их затруднениям.

Разумеется, оставался вопрос, где найти бандита, и Гасси сознавал, что придется поломать голову. То ли дело Соединенные Штаты Америки, где подобные представители фауны водятся в изобилии. Там, если тебе нужен бандит, достаточно дать объявление в газету или полистать телефонный справочник, но здесь, в Англии, такая процедура весьма хлопотна. Тем не менее Гасси был убежден, что небольшие разыскания непременно увенчаются успехом, и настолько утвердился в этой мысли, что в тот миг, когда Чарли Йост приставил ему к животу пистолет со словами: «Стоять, это ограбление», первым делом подумал: вот он, тот головорез, которого мы собирались разыскивать по всей стране. Как говорится, на ловца и зверь бежит.

Экстравагантная мысль ограбить Гасси пришла Чарли под воздействием портвейна, выпитого в буфетной. Просто для смеха, решил он, не рассчитывая на значительную выручку. По молодости в начале

карьеры он частенько грабил прохожих ради заработка, однако те дни давно миновали. Переместившись в более высокие сферы и занявшись сейфами, он давно забросил это занятие, недостойное солидного человека. Однако портвейн пробудил в нем ностальгию по юношеским безумствам. Итак, как уже описано, он приставил пистолет к животу Гасси, и дальше произошла заминка. Гасси видел много гангстерских фильмов и знал, что положено делать в таких случаях, поэтому поднял руки вверх, а Чарли, слегка одумавшись, уже спрашивал себя, не слишком ли далеко зашел и не раскается ли в поступке, на который толкнула его ностальгия. В этот момент из-за угла выехал на велосипеде Герберт Брюстер, сержант веллингфордской полиции.

Ранее упоминалось, что между сержантом и Айви, горничной в Мэллоу-холле, существовало нечто больше простой Дружбы. Они встречались уже несколько месяцев, и сержант завел привычку, проезжая мимо Мэллоу-холла, заглядывать к Айви на кухню — выпить чашечку кофе и поболтать. Сейчас он как раз ехал от нее, когда на дороге ему предстал маленький человек в больших очках и другой, повыше, в бриджах для верховой езды, которого сержант узнал. Это был мистер Мортлейк, с которым они вместе играли в городской крикетной команде. Мистер Мортлейк стоял, держа руки вверх.

Подобно Гасси, сержант Брюстер часто ходил в кино и без объяснений понял, что происходит. Как ни трудно вообразить такое в сердце мирного Вустершира, он стал свидетелем вооруженного ограбления. Человек сердобольный пожалел бы преступника, поверившего, будто у Гасси Мортлейка могут быть деньги. Однако единственной мыслью сержанта было: вот он, счастливый случай задержать преступника и продвинуться по службе. Глаза его загорелись, он приналег на педали, и Чарли Йост, увидев приближающегося полицейского, понял, что его сомнения в разумности предпринятых действий были вполне оправданы.

Полисмены — люди скорее дела, чем слова, и многие в сходных ситуациях, не зная, с чего начать разговор, ограничились бы официальным окриком: «Эге!», однако сержант Брюстер не испытывал подобных затруднений. Суровым голосом, от которого у Чарли Йоста все внутри похолодело, он спросил:

— Что тут происходит? — и добавил: — Попали в беду, мистер Мортлейк?

Чарли застыл, со страхом ожидая ответа.

Страх этот был вполне оправдан. Гораций, делая ему выговор, внятно объяснил, как неблагосклонно английские законы смотрят на пистолеты, и

сейчас Чарли с мучительной четкостью вспомнил его слова. Насколько Чарли понял, в Англии можно совершать практически любые преступления, лишь бы при тебе не было огнестрельного оружия, но если у тебя обнаружат хотя бы один ствол, то расплата наступит задолго до Страшного суда. Чарли, который без пистолета всегда чувствовал себя голым, в свое время пропустил эти мудрые слова мимо ушей, но сейчас его чувства были совсем иными. Он сжался под обличающим взглядом сержанта Брюстера. Гадалка как-то сказала, что ему следует опасаться брюнета. Шевелюра сержанта Брюстера вполне подходила под это описание, и Чарли понял, что роковой час наступил.

Гасси опустил руки.

— А, привет, Герберт, — сказал он. — В беду? Нет, спасибо, все замечательно. Этот джентльмен попросил у меня спички.

— Вы держали руки вверх.

— Просто разминался. Затекли что-то.

— Это не ограбление?

— Помилуй Бог, конечно нет! Какая нелепость!

— Эге, — отвечал сержант голосом, тусклым от огорчения. Разумеется, именно с этого он и должен был начать, хоть и совершенно другим тоном. Ничто так не расстраивает сержантов, как крушение надежд в тот самый миг, когда все, казалось, так хорошо складывается. Он мрачно влез на велосипед и понуро поехал прочь. Если случалось в истории британской полиции сержанту пить горькую чашу разочарования и катить на велосипеде в безутешной тоске, то это был сержант Брюстер.

Однако частенько случается, что когда один человек — назовем его А — пребывает в горе и мрачно размышляет о несбывшемся, другой — назовем его Б — чувствует себя преотлично. Чарли Йосту казалось, что солнце сияет исключительно ярко, а пернатые певцы заливаются с мелодичностью, необычной даже для Вустершира, где птицы, как правило, в голосе. Еще он осознавал, что обязан всем этим чрезвычайной любезности Огастеса Мортлейка. Чарли с изумлением таращился на своего спасителя. Ему и в голову не приходило, что какой-нибудь человек в бриджах для верховой езды способен на подобную доброту.

— Жутко благородно с вашей стороны, — сказал он, обретая наконец дар речи.

Гасси только отмахнулся.

— Пустяки. Не стоит благодарности.

— Если бы я мог чем-то вам отплатить…

— Можете.

За очками Чарли блеснула самая трогательная признательность. Голос его задрожал.

— Только скажите, и я сделаю!

— Все не просто. Должен предупредить, что в две минуты этого не объяснишь.

— Располагайте моим временем!

— Так, значит, вот… — начал Гасси.

3

Майк сидел в своем кабинете в банке и диктовал Аде Кутс, когда доложили, что к нему Огастес Мортлейк.

Даже в самых благоприятных обстоятельствах Майк не слишком стремился к обществу Гасси, а после недавней беседы и вовсе утратил вкус к его компании. Единственное, что в нем можно было найти хорошего, — это то, что он — не генерал Федерстон. Однако управляющий банком не может скрыться от посетителей, и через минуту вошел Гасси в сопровождении щуплого человечка. Очки в роговой оправе, да и весь вид незнакомца наводили на мысль о безработном клерке, пришедшем просить места. Майку показалось, что щуплый человечек погружен в какие-то размышления.

Так оно и было. По пути к кабинету Чарли Йост заметил большой сейф и несколько приуныл. Он сразу понял, что с этим сейфом придется изрядно попотеть, и даже засомневался, справится ли с этой работой. Однако истинный профессионал не позволяет сомнениям надолго себя одолеть. Чарли вспомнил прежние многочисленные победы, отбросил неуверенность и даже сумел выдавить улыбку.

— Это мистер Йост, Майк.

— Очень приятно, — произнес Майк, в последний миг удержав сорвавшееся было с языка: «Мистер Кто?».

— Мистер Бонд, Чарли.

— Рад познакомиться, мистер Бонд. Отличный денек.

— Замечательный.

— Мы пришли к вам, — сказал Гасси, — по важному делу.

— Да?

— По важному *личному* делу.

— А? Вас не затруднит, Ада?

— Конечно, мистер Майк.

Ада вышла, и Чарли задал вопрос:

— Здесь жучков нет?

— Чего-чего?

— Чарли имеет в виду микрофоны, — пояснил Гасси. — Потому что в противном случае нам лучше придержать язык и перенести разговор в подвал или куда-нибудь еще.

— А! Микрофонов нет, — отвечал Майк, гадая, мерещится ему или Гасси еще более поглупел. — Я довольно занят, — заметил он, и Гасси сказал: — О да, конечно, конечно.

— Простите, что мы так к вам ворвались, — продолжал он, — но когда вы нас выслушаете, то поймете, что мы пришли не просто отнять у вас время. Вспомните наш утренний разговор. Я рассказал о нем мистеру Йосту. Нет, я не про начало разговора, — поспешил успокоить Гасси, заметив тревогу на лице Майка, — а то, что вы сказали в самом конце. Помните? Речь шла о том, что вам нужно много денег и быстро. Вы упомянули, что застрахованы на крупную сумму от увечья, полученного при покушении на вашу жизнь. Если кто-то покусится на вашу жизнь и вы получите телесное повреждение, то вы — кум королю. Не забыли?

Майк ответил, что не забыл.

— Если помните, — продолжал Гасси, — генералу идея не понравилась, но военные, особенно старые отставники, страдают некоторой косностью. Мне мысль показалась очень удачной. Мгновенное решение всех наших — то есть ваших — затруднений. Однако оставалась одна загвоздка — как найти исполнителя. Люди, готовые покуситься на чужую жизнь, на дороге не валяются. По счастью, мне встретился мистер Йост, который успешно занимается этим много лет. Он говорит, что будет счастлив продырявить вас в любое удобное для вас время и не возьмет за свои услуги ни цента. Благодарите свою звезду, Майк, — заключил Гасси.

Со смешанным чувством Майк перевел взгляд на щедрого благодетеля. Во-первых, он изумился. Судя по виду, Чарли не мог бы покуситься даже на жизнь комара, и Майку нелегко было переварить услышанное.

Во-вторых, он испытывал то, что Гораций назвал бы резонными опасениями. Сколько бы ни выигрывал человек оттого, что его продырявят, перспективу трудно назвать заманчивой. Даже то, что идея была его собственной, не добавляло ей привлекательности.

— Продырявить меня? — повторил он. — Где?

— Ну, предпочтительнее всего у вас дома, — ответил Чарли, внезапно обретая голос. — Понимаете, надо, чтобы выглядело правдоподобно, а то,

когда пытаешься сорвать со страховой компании хороший куш, они обычно начинают задавать вопросы. Например, вы приходите с перевязанной рукой и говорите: «Гляньте-ка! Один тип только что пальнул в меня на улице!» Они спрашивают: «А кто он?» Вы отвечаете: «Убейте, не знаю». «Ваш враг?» — спрашивают они. «Говорю вам, что видел его первый раз в жизни, — отвечаете вы. — Я шел, никого не трогал, а он выхватил пушку и начал палить в белый свет, как в копеечку». «Тогда откуда вы знаете, что он покушался на вашу жизнь? — говорят они. — Может, это просто случайность. Рука у него дрогнула». Единственный, кто может пальнуть именно в вас, это грабитель. Потому что, если грабителя застукали, он в девяти случаях из десяти начнет палить. Вот как мне это видится. Мы обговариваем дату. Я забираюсь к вам в дом, вы меня ловите, я стреляю. Все довольны. Самое обычное дело. Комар носа не подточит.

— Ясно. Правда, спрашивая «где», я, собственно, хотел узнать, в какую часть тела.

— А, понял. Да в какую угодно, — отвечал Чарли с веселостью, которая показалась Майку несколько неуместной. — Ногу, руку, плечо — что вам больше нравится. Ваше дело назвать, мое дело — продырявить.

Гасси, внимательно наблюдавшему за Майком, показалось, что тот проявляет недостаточно энтузиазма. Ему подумалось, что надо было яснее растолковать, как важны для общего благополучия услуги отзывчивого мистера Йоста. Объяснить это в присутствии Чарли было затруднительно, и он попросил нового знакомца выйти.

— Жутко извиняюсь, но мне надо сказать несколько слов мистеру Бонду с глазу на глаз.

— Да, конечно, — благодушно ответил Чарли. — Рад был познакомиться, мистер Бонд. Если понадоблюсь, найдете меня в «Синем льве».

— Конечно, понадобитесь, — сказал Гасси.

Он не сомневался, что его красноречие возымеет действие. Едва дверь закрылась, он устремил на управляющего банком взгляд, полный строгой укоризны.

— Что за муха вас укусила? — спросил он. Майк вышел из задумчивости.

— Муха?

— Да, муха. Когда я привел мистера Йоста и объяснил, как он вытащит вас из переделки, я ждал, что вы если не запрыгаете от счастья, то, по крайней мере, оцените, какая удача свалилась вам на голову. Не каждый бандит возьмется за такую работу совершенно бесплатно. Вы

могли хотя бы поблагодарить его за щедрое предложение. А вы просто сидели и смотрели на него, как не знаю на что.

— Ну, любоваться особенно нечем.

— Не в этом дело. Согласен, ему никогда не победить на конкурсе мужской красоты, но, Господи, когда человек должен вас продырявить, неужто ему обязательно быть эталоном внешности? Вы должны задать себе один вопрос: меткий ли он стрелок?

— И что, меткий?

— Разумеется. Это видный чикагский гангстер, по людям стреляет всю жизнь, и я настоятельно рекомендую вам безраздельно ему довериться. Вы только выиграете, и больно не будет, если вас это тревожит. Не страшнее сильной простуды.

— Кто вам сказал?

— Все говорят. Вы наверняка читали про людей, в которых стреляли. Они вообще ничего не чувствуют, и только через полчасика замечают: «Батюшки, да во мне дырка! И откуда бы это?» Чарли говорит, его дырявили чаще, чем талон на социальную помощь, и хоть бы хны. И вообще, Майк, хватит выдумывать глупые отговорки. Постарайтесь понять, что это единственный способ выпутаться. Доверьтесь Чарли Йосту, и банк не лопнет, я, вы и генерал не попадем за решетку, и все будет отлично. В противном случае мы будем хлебать баланду, уж не знаю, что это такое, и шить мешки для почты. Не глупите, Майк. Вы упускаете случай, который больше не повторится.

Гасси не зря верил в силу своего красноречия. Преувеличением будет сказать, что Майк расцвел, однако он больше не пытался возражать.

— Ладно, — сказал он.

— Вы согласны сотрудничать с Чарли?

— Кажется, ничего больше не остается.

— Верно. Идемте.

— Куда?

— В «Синего льва», — отвечал Гасси.

Глава IX

1

Ночь окутывала Веллингфорд с той обстоятельностью, с какой она обычно окутывает подобные городки. Магазины закрылись, улицы вымерли, оба кинотеатра были давно заперты. Только в «Банке Бонда» жизнь не прекращалась. Разумеется, он тоже закрылся несколько часов назад, но, в отличие от магазинов и кинотеатров, не опустел. Ада и Джил стояли посреди главного помещения в кромешной тьме, какая наступает в банках, когда час поздний и весь свет выключен. Джил, хоть и не видела Аду, черпала уверенность в присутствии подруги, ибо, вдобавок к естественному трепету, с которым любая девушка берется за первое в жизни ограбление, ощущала близость множества призраков. Они не оскорбляли слух ужасным воем, как те, что метались по улицам накануне гибели Цезаря,[51] но чувствовалось, что они здесь и настроены враждебно — духи былых Бондов, Бонды времен Регентства в узких панталонах и крахмальных шейных платках, викторианские Бонды в цилиндрах и с пышными усами, возмущенные вторжением в их доселе неприкосновенное обиталище. Джил подумалось, что среди них есть и дух покойного сэра Хьюго — ему бы как раз хватило на это наглости, — но, если бы не он, вторжение не потребовалось бы. Она сжала кулаки и набрала в грудь воздуха.

— В глухой ночи без берегов, когда последний свет потух, благодарю любых богов за мой несокрушимый дух,[52] — сказала она, и Ада спросила: «Что?».

— Просто подбадриваю себя. Научилась в детстве у дяди Вилли. Он всегда цитировал эти строчки, чтобы поддержать себя в опасности, а уж он-то этих опасностей навидался. Он был в семье паршивой овцой, постоянно балансировал на грани разорения, и, когда он сваливался нам на голову, папа, как леди из Шалотта, чувствовал, что скоро свершится проклятье[53] — придется дать в долг по меньшей мере пять фунтов, а с фунтами у нас всегда было не густо.

— Кто такая леди из Шалотта? — спросила Ада.

— Ой, это долгая история. Как-нибудь в другой раз. По тому, как я болтаю без умолку, — добавила Джил, — ты, наверное, уже догадалось,

что я напугана до полусмерти. А ты?

— Я — нисколечко, — отвечала невозмутимая Ада. — Это ты просто от темноты. Сейчас свет включу.

— А не опасно?

— Все равно рано или поздно придется, — резонно заметила Ада, — иначе как мы увидим сейф? Да и ставни закрыты. Вот.

Зажегся свет, и Джил сразу полегчало. Она редко надолго поддавалась девичьим страхам.

— Хорошо, — сказала она, — но одно меня по-прежнему беспокоит. Мы рассчитываем, что все поверят, будто банк ограбили профессионалы. А вот поверят ли?

— А почему нет?

— Как они открыли сейф? Не просто же отперли?

— Просто отперли. Нашли комбинацию.

— Как?

— Она у мистера Майка в записной книжке. Книжку он держит вот в этом маленьком сейфе. Вечно забывает, вот я и сказала, чтобы он записывал. Они просто поискали как следует и нашли. Мы оставим сейф открытым, когда будем уходить.

— Ясно. Да, вполне правдоподобно. Все равно жалко, что мы — бедные слабые женщины и не можем воспользоваться настоящим воровским инструментом, чтобы вышло поубедительней. С другой стороны, оно и к лучшему, не то пришлось бы изрядно помучиться. Думаю, это оборотная сторона воровской жизни — тяжелый физический труд. Что такое?

— Ничего.

— Ты вздохнула.

— Я нечаянно.

— Но все равно вздохнула.

— Ну, если ты действительно хочешь знать, я подумала про Горация.

— Я так и решила.

— Мне порой так горько думать, что он этим занимается.

— Вообще-то нет. Мистер Эпплби не принимает участия в практической стороне операций. Он — мозговой центр. Сидит, как паук в паутине, и плетет свои замыслы. Сомневаюсь, что он когда-нибудь держал в руках фомку или отмычку.

— И все равно это в конечном счете одно и то же. О, Господи!

— Выше нос, старина!

— Не могу.

— Ты правда его любишь?

— Да.

— Ой, Ада, как грустно. Я думала, ты выбросила его из головы.

— Нет, никогда!

И снова Джил онемела от такого чуда, что кто-то может полюбить Горация Эпплби. Она пожалела, что открыла Аде глаза на его истинную сущность. Лучше б уж та вышла за него замуж, и будь, что будет. В конце концов, многие беспринципные люди оказывались замечательными мужьями. Она тоже вздохнула.

— Нам обеим не повезло, Ада. Ты не можешь выйти за Горация, потому что не одобряешь его профессию, а я не могу выйти за единственного, которого люблю, потому что ему грозит тюрьма. И самое обидное, что я — однолюбка. Если я не смогу выйти за Майка, то останусь старой девой и буду разводить кошек.

— Мистера Майка правда могут посадить в тюрьму?

— Он сказал, что да, и, думаю, ему виднее. Ужасно обидно. Он не хотел заведовать банком, мечтал эмигрировать в Америку, или в Канаду, или куда еще, и работать на свежем воздухе, но сэр Хьюго убедил его, что надо поддержать семейную традицию. Знаешь, Ада, чем больше я думаю о сэре Хьюго, тем труднее мне согласиться с тем, что о мертвых можно говорить только хорошее. Если Майк попадет в тюрьму, то исключительно по его милости. Ладно, мне должно быть стыдно за такой пессимизм. Майк не угодит в тюрьму, мы его спасем, и лучше приступить к этому сейчас же, не тратя времени на разговоры. Комбинацию надо смотреть в записной книжке или ты ее помнишь?

— Помню.

— Тогда вперед, и позволь заметить мимоходом, что пусть страшны тяготы борьбы, пусть муки ждут меня в тиши — я властелин своей судьбы, я капитан моей души.

Через несколько минут они стояли в огромном сейфе, которым банк, как и недостачей, был обязан покойному сэру Хьюго. Джил изумленно вскрикнула.

— Ну и ну! А еще говорят, что банку не хватает денег! Их здесь тьма-тьмущая. Мы и половину не сможем засунуть в этот чемоданчик.

Ада возилась с пачками купюр. Она критично осмотрела чемодан.

— Да, маловат.

— Надо было брать пароходный кофр. Тут Аду осенило.

— Знаю! — сказала она. — Подвал!

— Где это?

— Вниз по лестнице.

— И что в нем?

— Холщовые мешки. Я принесу.

— Давай я, а ты пока упаковывай. У тебя лучше получится.

— Мешки в дальнем углу.

— Найду, — пообещала Джил.

Она вышла, радуясь, что выбралась из душного сейфа, и была уже на лестнице, когда сверху донесся звон разбиваемого стекла. Джил застыла от ужаса. Он сразу догадалась, что в «Банк Бонда» залезла конкурирующая шайка грабителей, и первым делом подумала, что они не должны увидеть помещение ярко освещенным. Она метнулась к выключателю, затем в полной темноте ощупью добралась до лестницы и как раз успела укрыться в относительной безопасности подвала, когда со второго этажа, держа в руке факел, спустился Ферди Муха.

Смити и его американский дружок Фрэнк ждали на улице. Когда дверь открылась, Смити, всегда отличавшийся безукоризненными манерами, красноречиво поздравил Ферди с успехом. Он сам, сказал Смити, не взобрался бы в окно второго этажа даже на спор. Ферди отвечал приличествующими словами, и в главном помещении банка, куда вошли трое грабителей, воцарилась приятная атмосфера взаимного уважения.

Как и в случае Чарли Йоста, ничто во внешности Смити не выдавало, что этот человек привык жить за рамками закона. Длинное кроткое лицо, обвислые усы и честные глаза, прятавшиеся, как и у Чарли, за очками в роговой оправе, наводили на мысль о работяге-садовнике, который живет в пригороде, разводит кроликов, а по воскресеньям обходит церковь с подносом для пожертвований. Единственный раз, когда ему пришлось предстать перед судом, судья был так потрясен респектабельным видом обвиняемого, что зачитал приговор к полутора годам тюрьмы почти виноватым тоном, как будто боялся нарушить благопристойность.

Фрэнк, со своей безвкусной манерой одеваться и лицом второразрядного киногероя, больше походил на классического преступника. Он любил яркую одежду, туфли с заостренными носами и носил гвардейский галстук, хотя и не принадлежал к личной охране Ее Величества. Он был гораздо моложе Смити и потому не обладал его невозмутимостью. Джил в подвале как раз на что-то наткнулась, и он подпрыгнул, как лосось в сезон икрометания.

— Что это?

Смити хранил величавое спокойствие.

— О чем ты, Фрэнки?

— Я что-то слышал.

— Ерунда, здесь никого нет. Ты просто немного нервничаешь, приятель. Ясное дело, в чужой стране. Я бы в Америке тоже нервничал.

— Это все парики, — отвечал Фрэнк, вытирая лоб. — Я давеча заглянул в Олд Бейли, и они там все в париках.

— Не понравилось?

— У меня от них мурашки по коже.

— Странно. Меня судили в Олд Бейли, и я, помнится, еще подумал, как живописно они выглядят.

— Я уже думаю, не завязать ли. Смити неодобрительно покачал головой.

— Не советую. Бросаешь работу, и что дальше? Начинаешь пить, опускаешься, теряешь самоуважение. Нет, держись своего ремесла, мой мальчик, и не сдавайся.

— А если войдут фараоны?

— Мы обольем их молчаливым презрением, — весело ответил Смити. — Только не будет никаких фараонов. Шеф отправил их всех в Мэллоу-холл. На шефа всегда можно положиться. У него все проходит без сучка, без задоринки.

Фрэнк не согласился.

— Скажешь тоже! А почему этот ваш Костолом слинял?

— Такого даже шеф предусмотреть не мог. И мы найдем кого-нибудь на замену.

— Кто это говорит?

— Я. И Ферди скажет, если ты его спросишь. Верно, Ферди? — произнес Смити, оборачиваясь. — Эй, погоди, что ты такое делаешь?

Ферди склонился над маленьким сейфом, в котором Майк хранил документы. В руке он держал банку и наносил содержимое на кончики пальцев. Вид у него был сосредоточенный.

— Думаю, что сумею, — сказал он. — Да, думаю, что сумею.

— Что сумеешь?

— Открыть сейф на ощупь. Как Джимми Валентайн. Он сумел, а я чем хуже?

Фрэнк только фыркнул. Смити в своей мягкой манере попытался урезонить товарища.

— Это же литература, Ферди. Не стану спорить, может быть, кто-нибудь и впрямь на такое способен, но тут нужен особый дар, как для поэзии. Сверхчуткие пальцы, чтобы уловить движение механизма.

— Может, у меня как раз такие. И я изучал замки. Чего я про них не

знаю, того и знать не стоит.

— А чего ты про них знаешь, того и подавно знать не стоит, — кисло заметил Фрэнк.

— О чем спор? — осведомился ехидный голос.

Ферди повторил прыжок лосося, и даже флегматичный Смити вздрогнул. Рядом стоял Гораций. Вся его дородная фигура излучала достоинство и надежность.

Смити очнулся первым.

— Я не слышал, как вы вошли.

— Я старался войти неслышно, мой дорогой Смити. Что Ферди делает с сейфом?

— Пытается открыть его при помощи пальцев.

— И уже открыл, — сказал Ферди, распахивая дверцу. — Я же сказал, что смогу.

Если он собирался произвести сенсацию, то не просчитался. Смити сказал: «Ну, здорово!», и даже Фрэнк не поскупился на похвалу.

— Ба! — сказал он. — С таким талантом ты далеко пойдешь.

— Да, — произнес Смити, — мы должны беречь тебя, мой мальчик. Надо будет заняться твоим кашлем.

— Вы и впрямь обнаруживаете неожиданные таланты, Ферди, — сказал Гораций. — Мы знали, что вы прекрасно взбираетесь по отвесным стенам, но это уже новая ступень.

— Подумал, надо иметь что-то про запас, шеф, на то время, когда уже не смогу взбираться по стенам.

— Разумеется. Всегда стоит подстраховаться. А что там внутри?

— Все больше записные книжки.

— А нас интересует наличность. Полагаю, ваши чуткие пальцы не смогут так же успешно совладать с большим сейфом?

— Боюсь, что так, шеф. Этот — старый. Чувствуешь, как Щелкает механизм. Тот, большой — экстра-класс.

— Тогда придется ждать Чарли.

— Кого?

— Чарли Йоста, Смити. Ферди, без сомнения, проинформировал вас о прискорбном поведении Костолома. Чарли его сменит.

— Я думал, вы с ним не разговариваете.

— Да, между нами было некоторое охлаждение, но мы сумели прийти к согласию. А, вот, наверное, и он, — сказал Гораций. Его чуткое ухо различило шаги.

Однако вошел не Чарли, а Костолом Эванс.

2

Главное помещение банка было просторным, чтобы при необходимости вместить много клиентов, ожидающих очереди услышать, что в данных обстоятельствах превышение кредита невозможно, однако Костолом, казалось, заполнил его от стены до стены.

Он вошел, мурлыча псалом и ничем не выказывая, что ожидает неласковой встречи — возможно, оттого, что людей его комплекции все обычно принимают ласково. Лицо его, впрочем, было сурово — он явно горевал, что старые друзья затеяли предприятие, которое сулит им неприятности в будущей жизни. Они еще пожалеют, когда сыграют в ящик и предстанут перед Страшным Судом, говорил он себе. Утешало то, что они еще недалеко продвинулись в своем греховном начинании, а значит, им не поздно покаяться.

Гораций, со своей стороны, хоть и удивился, но не огорчился явлению блудного взломщика. Он решил, что Костолом одумался и пришел проситься обратно в лоно коллектива. Предводитель банды не отличался мстительностью, однако обида была еще свежа, и он с удовольствием сказал бы Костолому, что раскаяние запоздало и в его услугах больше не нуждаются. Только когда тот заговорил, стало ясно, как превратно Гораций истолковал его мотивы.

— Если вы, сыны Велиаловы, ждете Чарли, — сказал Костолом, не обращая внимания на приветствия, — то вы его не дождетесь. Он не придет.

До сих пор беседа велась вполголоса, и даже Гораций умерил свой звучный бас, однако при словах «не придет» все разом отбросили осторожность. Смити, Ферди и Фрэнк хором сказали: «Что?!»

Костолом, по-видимому, остался доволен произведенной сенсацией и развил высказанную мысль.

— Не придет, и не думайте, — сказал он. — Я его переломил. Пришлось попотеть, конечно. Он был как глухой аспид, который упирается всеми четырьмя ногами и никого не желает слушать.[54] Только когда я сказал, что снесу ему башку, если он близко подойдет к банку, Чарли увидел свет и пообещал воздержаться от греха. Перетрухнул, — добавил Костолом, немного снижая стиль.

Услышанное сильнее всего проняло Фрэнка. С лицом, как у Джорджа Рафта,[55] он процедил сквозь зубы, что зря Чарли не всадил в Костолома обойму, и что сам он, Фрэнк, так бы и поступил. Костолом ответил, что

такое предложение выдвигалось.

— Пришлось объяснить, как это неразумно. Чарли не дурак, и знает, что бывает в Англии, когда начинаешь палить по людям. Это только в Чикаго запросто, а у нас за такое по головке не гладят. Он понял, какая дурость — схлопотать петлю за минутное удовольствие меня укокошить.

Гораций стоял, безмолвный и недвижный, как будто, подобно Лотовой жене, обратился в соляной столп. Удар сразил его наповал. Он учил в школе слова Бернса о том, что рок одинаково обманывает мышей и людей, но настолько привык к череде успехов, что не ждал подвохов от судьбы. Он был Эпплби, шеф, человек, который всегда прав.

Верно, Ада отвергла его предложение. Что-то тут определенно пошло наперекосяк. Впрочем, это не показатель. Известно, что даровитым людям часто не везет в любви. Взять хоть Наполеона… Шекспира, доктора Криппена…[56] И вот теперь провал, несмываемое пятно на профессиональной репутации.

Гораций принял неудачу стоически, как пристало сильному человеку. В лишениях, он, как и дядюшка Вилли, о котором недавно вспоминала Джил, остался в крови, но несогбен. Только порозовевшая лысина выдавала бурю переживаний. Несмотря на ощущение, будто внутри его взбивают венчиком для яиц, он продолжал недрогнувшим голосом:

— В таком случае, ребята, думаю, операция откладывается.

— Вы будете спать спокойнее, — одобрительно кивнул Костолом. — Что ж, доброй всем ночи.

— Шеф!

Этот возглас издал Ферди, который подошел к большому сейфу в надежде, что тот поддастся его чутким пальцам. Гораций скорбно повернул голову.

— Да, Ферди?

— Сейф открыт!

— Открыт?

— Да, и…

Он осекся, вглядываясь во тьму. Гораций ожил, как засохший цветок, который полили водой.

— В таком случае, мы можем обойтись без Чарли, Костолом, — сказал он.

Эванс не стал тратить время на ответ. С резвостью, неожиданной в человеке его габаритов, он пересек комнату, отодвинул Ферди и одним движением могучей лапищи захлопнул сейф.

— Это уберет искушение с вашего пути, — самодовольно произнес он

и со словами: «Еще раз доброй ночи» вышел, оставив по себе гробовое молчание. Его нарушил Ферди.

— Что я собирался сказать, шеф, — произнес он, — там в сейфе девушка.

3

За долгие годы совместной работы Гораций очень привязался к Ферди. Он любил его по-человечески и ценил за высокий профессионализм. В припадке щедрости он не раз говорил, что без Ферди вся организация бы развалилась.

Однако шуток в такое время, когда все планы рухнули, он спускать не собирался. Лысина стала почти малиновой, в голосе прорезалась сталь.

— Сейчас не время шутить, Ферди.

— Я и не шучу, шеф. Я ее видел. Лежала головой на чемодане.

— Зачем девушке лежать в сейфе головой на чемодане?

— А, — сказал Ферди, — я тоже об этом подумал. Странно мне показалось.

Странным это показалось и Смити, который изрек, что нынешние девушки вытворяют невесть чего. Впрочем, он тут же предположил более правдоподобную гипотезу, что Ферди нализался до чертиков и ему мерещится. Последний с жаром отмел обвинение.

— Вовсе я не нализался! Ничего мне не мерещится! Она там, говорю вам, лежит головой на чемодане.

Гораций поневоле заколебался. Он знал, что Ферди человек трезвомыслящий и не страдает галлюцинациями. Приходилось поверить, что, вопреки всякому вероятию, в его словах что-то есть. Однако сомнения оставались.

— Ферди, банк закрывается в три, и все служащие расходятся в пять. Если девушка лежит там с пяти часов, значит, она мертва. За какое время кончается воздух в герметичном сейфе?

— Дверь была приоткрыта, шеф, и воздух туда шел. Костолом только сейчас ее захлопнул. А на чемодане она лежала, потому что лишилась чувств, когда дверь захлопнулась. Думаю, она здесь работает, за чем-то вернулась, а, услышав нас, испугалась и спряталась в сейф. Все сходится.

У Фрэнка нашлось возражение.

— Сходится, скажешь тоже! А как она попала в сейф?

— Открыла его, разумеется.

— Откуда она знала комбинацию?

Под таким нажимом Ферди пришлось задуматься, однако он быстро нашелся.

— Наверное, она секретарша босса или что-нибудь в таком роде, — сказал он, и ледяная рука стиснула сердце Горация. Желая по возможности избавить ребят от лишней работы, он осторожно заговорил с Адой про комбинацию к сейфу. Разговор остался безрезультатным, однако Ада сказала, что комбинацию знают только мистер Майк и она сама. Основательное помещение банка поплыло у Горация перед глазами, как будто его затрясла исполинская рука. Он схватил Ферди за локоть.

— Как она выглядела?

Ферди снова пришлось задуматься. Составление словесных портретов не входило в число его талантов.

— Ну, я видел ее всего полсекунды, шеф, но вроде низенькая и полненькая. Лицо круглое.

Горацию этого было довольно.

— Где телефон?

— Здесь, шеф? А что?

— Я позвоню мистеру Бонду и спрошу комбинацию.

Сказать, что эти слова повергли всех в ужас, значит не сказать ничего. Ферди ахнул. Фрэнк издал тот звук, который слышится, когда кто-то полощет больное горло. Даже Смити, вопреки обычной невозмутимости, уронил челюсть, как будто обходил церковь с подносом для пожертвований и кто-то из прихожан положил туда пенни. Однако таков был авторитет Горация, что ни один из трех не сделал попытки его остановить. Даже Костолом не был бы столь огражден от физического насилия.

— Веллингфорд, восемьсот тридцать четыре, — сказал Гораций. — Мистер Бонд. Добрый вечер. Это Эпплби.

Глава X

1

Майк был почтительным племянником, и после злополучной аварии старался чаще заглядывать к тете Изабелле, чтобы хоть как-то ее подбодрить. Ему, как жокею-любителю, не раз случалось лежать со сломанной ногой, и он знал, как это тоскливо.

Сегодня он с беспокойством увидел, что его обычно невозмутимая тетка чем-то взволнованна. Она приветствовала племянника возгласом, который, по тембру, могла бы издать одна из двух кошек, деливших с ней ложе.

— Где ты пропадал, негодник? Я несколько часов не могу тебя дозваться.

— Правда? Извини. Я обедал с викарием. Не смог отвертеться. Он хотел поплакаться мне в жилетку насчет церковного органа, которому, судя по всему, нужны инъекции витаминов, подкормка птичьим пометом и все прочее, но ничего такого, как я отметил, чего бы не исцелил один хороший деревенский концерт. А что случилось? Нога снова болит?

Мисс Бонд фыркнула так, что обе кошки разом брызнули с кровати, и даже такса в легком изумлении приоткрыла один глаз.

— К чертям ногу! Что там у тебя с банком?

Майк сглотнул. Он не ожидал, что тетка затронет эту тему.

— Я не собирался тебе говорить.

— Очень мило с твоей стороны! Думал, мне будет неинтересно?

— Боялся, что это станет для тебя потрясением.

— Еще бы! Я чуть из кожи не выпрыгнула!

— Но как ты узнала?

— Этот пустобрех генерал Федерстон позвонил мне и рассказал.

— Вот болван!

— Сказал, мне следует знать, что банк скоро лопнет к чертям собачьим, а тебе, ему и Гасси Мортлейку светит кутузка. Я по первости не поверила. Как такое может быть с «Банком Бонда»?

— Под руководством дяди Хьюго — запросто. Генерал сказал тебе, что дядя Хьюго тратил деньги вкладчиков на благотворительность?

— Да, он не преминул это сообщить.

— Он вообще ничего не должен был говорить. Только расстроил тебя, и совершенно понапрасну.

На этот раз мисс Бонд фыркнула так сильно, что такса открыла оба глаза.

— Ты сказал «понапрасну» или я ослышалась?

— Сказал. Успокойся, тетя Иззи. Беспокоиться не из-за чего. Не могу объяснить в подробностях, но я придумал, как добыть деньги, чтобы покрыть недостачу.

— Придумал?

— Да, мэм.

— И как?

— Это моя маленькая тайна.

— И ты мне не скажешь?

— Не скажу.

— Что-то тут нечисто.

— Есть отчасти. Но это сработает.

— Так мне теперь не спать ночь и гадать, что же ты все-таки задумал?

— Да. Можешь скоротать ее за кроссвордом.

— И это называется племянник! Ладно, так все действительно устроится?

— Да.

— Это официальное заявление?

— Официальней не бывает.

— Тогда, может быть, я все-таки сумею заснуть, — сказала мисс Бонд, — хотя все равно ты поросенок. Знаешь, Майк, я должна была предвидеть что-то подобное. Я всегда думала, что Хьюго слишком легко швыряет деньги направо-налево. При нынешней дороговизне невозможно осыпать город библиотеками и больницами. Даже Ротшильдам это было бы не по карману. Только Хьюго ничего и слышать не хотел. Он был из тех, кто говорит женщинам не забивать свои хорошенькие головки лишними сложностями — все равно не поймут. То же самое он сказал бы мне, вздумай я его предупреждать, хотя моя головка давно уже не хорошенькая. Сколько тебе недостает?

— Сто тысяч плюс-минус несколько фунтов.

— И ты правда можешь столько раздобыть? По-моему, это очень много.

— Могу.

— Ну, дай тебе Бог! Кто это в такой час ночи? — спросила мисс Бонд, потому что зазвонил телефон. — Если генерал, то передай от меня, что по

нему плачет дом для буйнопомешанных.

Майк подошел к телефону, немного послушал, потом бросил трубку и вернулся, смеясь.

— Ну-ну, — сказал он. — Кто бы мог подумать?

— Генерал?

— Нет, Эпплби. Пьян в стельку.

— Кто такой Эпплби?

— Новый дворецкий. Ты не знаешь, что у нас новый дворецкий?

— Никто мне ничего не рассказывает. Что сталось с Коулманом?

— Ему пришлось уехать. Его сменил Эпплби.

— Почему ты решил, что он пьян?

— Он сказал, что грабит банк.

— Грабит банк?!

— Именно. «Я в банке, сэр, граблю его», сказал он, и не спрашивай меня, как эта мысль взбрела ему в голову. Удивительно, что выпивка делает с людьми. Я читал где-то про одного дворецкого, который с пьяных глаз вошел посреди ночи к хозяйке в спальню и принялся ставить ей на одеяло тарелки, рюмки и все такое. Думал, что накрывает стол.

— В моей юности один знакомый вернулся после встречи Нового года, принял совок для угля за бешеного пса и попытался пристрелить его из кочерги. Некий Фиш. Он не был дворецким.

— Не можем же мы все быть дворецкими. Однако должен признать, что я удивлен. Эпплби выглядел сверхреспектабельным. И рекомендации отличные. До меня он служил у сэра Руперта Финча в Нортон-корте, что в Шропшире. Я сам Финча не знаю, но слышал о нем. Он не возьмет человека на работу, если тот не будет квинтэссенцией дворецкого. О, Господи, снова он, — сказал Майк и пошел к телефону, намереваясь на этот раз пресечь разговор в зародыше. — Эпплби! — взревел он громовым голосом.

2

Временно оглохнув на правое ухо, Гораций переложил трубку к левому. Даже трясясь от ужаса и отчаяния, он понимал, что должен принудить себя к спокойствию. Это был случай, когда необходимо тщательно подбирать слова, дабы достичь той убедительности, о которой столько пишут театральные критики. Он всегда находил Майка вполне разумным молодым джентльменом, а вполне разумные молодые

джентльмены редко сразу верят утверждению своего дворецкого, что тот грабит банк. Рука, державшая трубку, дрожала, но голос был по-всегдашнему ровен.

— Простите, что вынужден снова побеспокоить вас, мистер Бонд, — сказал Гораций, — но дело в высшей степени срочное.

(«Что он говорит? — спросила мисс Бонд. — Просто несет околесицу?»

«Что-то насчет срочного дела. И голос вроде не пьяный».)

— Возникла очень серьезная ситуация, которая требует вашего немедленного вмешательства. Должен еще раз заверить, что мы с моими коллегами в банке, грабим его…

(«Что он там мелет? — спросила мисс Бонд. — Не томи меня, Майк, скажи».

«По-прежнему уверяет, будто грабит банк».

«Звучит малоправдоподобно. Грабят ли дворецкие банки? Наверное, ты ошибся, и он все-таки подшофе. Икает?»

«Нет».

«Впрочем, это еще ничего не доказывает. Можно быть пьяным и не икать. С Хьюго такое часто случалось».)

— …и вынужден с прискорбием сообщить, что ваша секретарша мисс Кутс оказалась заперта в большем из двух сейфов. Если ее безотлагательно не извлечь, она задохнется.

— Что?! — вскричал Майк, подпрыгивая. — Что вы сказали?

(*«Что* он сказал?»

«Говорит, Ада Кутс заперта в большом сейфе». «Эта милая девочка? Господи!»)

— В этих обстоятельствах я вынужден просить, чтобы вы любезно сообщили мне комбинацию. С каждой секундой опасность возрастает. Еще несколько секунд, и воздух закончится… Простите, сэр… Я не вполне расслышал. Приедете сейчас же? Боюсь, вы не сможете поспеть вовремя. Мне необходимо знать комбинацию… Сэр!.. Вы меня убили… Вспоминайте, мистер Бонд, вспоминайте. Речь идет о жизни и смерти… О!

Побледневшее лицо Горация внезапно осветилось. Он положил трубку.

— Мистер Бонд говорит, что не может вспомнить комбинацию, но она в красной записной книжке в маленьком сейфе, который, по счастью, поддался вашим чутким пальцам, Ферди. Да, вот она. Да, и комбинация в ней, записана восхитительно четким почерком. Смити!

— Да, шеф?

— Вы обычно берете на вылазки фляжку. Она при вас?

— Да, шеф.

— Отлично. Бедной девушке потребуется укрепляющее. Что там? Бренди?

— Виски.

— Превосходно. Отнесите фляжку в кабинет мистера Бонда. Я буду там через минуту.

Ада лежала, в точности, как описал Ферди, головой на чемодане, который они с Джил так старательно набили банкнотами. Гораций бережно поднял ее на руки и понес, как вышколенный дворецкий несет послеобеденные напитки. Могло показаться, что он предпочел бы нести ее на подносе.

Этого Ферди не выдержал. Уже во время телефонного разговора он выказывал явные признаки беспокойства — елозил блестящими ботинками, теребил гвардейский галстук, смотрел на аппарат, как будто хотел вырвать у Горация трубку, — но всякий раз съеживался под его взглядом. Только теперь долго сдерживаемые чувства обрели выход.

— Эй! — крикнул он, и Гораций остановился.

— Вас что-то смущает, Фрэнк?

— Еще как! Что вы собираетесь делать с этой дамой?

— Вернуть ее в чувства.

— Чтобы она нас увидела и смогла потом опознать? Вы рехнулись? Тип, которому вы звонили, уже наверняка брякнул в полицию. Через две минуты здесь будут фараоны.

— Они все в Мэллоу-холле, ловят беглых преступников. Я об этом позаботился.

— А я позабочусь о том, чтобы смотать отсюда, не поцеловав вас на прощание. Бывайте!

— Разумеется, Фрэнк, если вы торопитесь, я не смею вас задерживать, — спокойно заметил Гораций. — Однако, если хотите послушать моего совета, сбоку от сейфа есть дверь в подвал, которой я рекомендую воспользоваться. На улице кто-то может быть. Маловероятно в такой час, но не исключено. Право, Смити, — произнес он, когда Смити вышел из кабинета, а Фрэнк загрохотал по ступенькам, — должен сказать, я несколько удивлен, что вы привели нам такого слабонервного субъекта. Ему следовало избрать для себя другой род деятельности.

Он вошел в кабинет и бесконечно бережно опустил Аду в удобное кресло для посетителей. Глаза ее были закрыты, дыхание затруднено. На столе лежала фляжка Смити, и Гораций к ней потянулся.

Снаружи Ферди беспокойно переминался с ноги на ногу.

— Может и нам, Смити?

— Что и нам?

— Сматывать удочки. Похоже, Фрэнк правильно сообразил.

Во внешности Смити особенно примечательны были уши. Они оттопыривались, как ручки греческой вазы. Сейчас он выглядел так, будто не верит им.

— Ферди, я потрясен! Бросить шефа?

— Но фараоны! Они будут здесь с минуты на минуту!

— Не будут, потому что сейчас они в Мэллоу-холле. И даже если они нагрянут несметными полчищами, я не брошу шефа в трудную…

Возможно, даже вероятно, что он хотел добавить «минуту», но тут из подвала донеслись звуки возни и появился Фрэнк, таща за локоть Джил.

— Это возмутительно! — с негодованием произнес он. — Вот еще одна! Дамы! Суются повсюду, никакого житья от них нет!

Из кабинета вышел Гораций.

Глава XI

1

Подвал банка не был тем уютным уголком, где можно понежиться, лениво перебирая в голове разные приятные мысли. Здесь пахло в равных долях плесенью, старыми документами и мышами, а привидений было даже больше, чем в главном помещении. У Джил по спине уже не раз пробегал холодок, а ее душевное спокойствие отнюдь не укрепляли доносящиеся сверху звуки.

Она слышала приглушенные голоса, но не разбирала слов, однако уже оттого, что они раздаются там, где голосам раздаваться не положено, у самой решительной девушки по спине бы побежали мурашки. Не помогала даже панацея дяди Вилли. Хотя в подвале действительно была глухая тьма без берегов, а последний свет потух, Джил не обольщалась по поводу несокрушимости своего духа. Даже в обычных обстоятельствах это был робкий и чувствительный дух, скорее как у слабонервного кролика. Как только раздался звон бьющегося стекла, она поняла, что их любительскую попытку ограбить банк нарушили профессионалы, явившиеся сюда с той же целью, и теперь в ужасе гадала, что будет, когда они обнаружат Аду. Как грабители поступают с девушками, которых находят в сейфах? В любом случае как-нибудь нехорошо.

И вдруг словно один из призраков, быть может, сам покойный сэр Хьюго в приступе запоздалого раскаяния, шепнул ей, что можно сгладить обстановку, если выйти через подвальную дверь на улицу и вызвать полицию. Джил сама изумилась, что не подумала об этом раньше, и ощупью двинулась туда, где, как ей казалось, была дверь. В этот самый миг Фрэнк, сбегая по ступеням, налетел на нее, заорал от неожиданности и, схватив Джил за локоть, вытолкал наверх, как уже описывалось.

Заморгав от света, Джил в первые мгновения поняла только, что ее окружают несколько мужчин, возможно, бандитской внешности, но совершенно неразличимые. Постепенно глаза привыкли, и она увидела Горация.

Без всякого удивления — после всего, что Джил знала о его прошлом, можно было не сомневаться, что за любой преступной акцией в Веллингфорде стоит именно он, — однако, как ни странно, с облегчением.

Джил чувствовала, что на его благородство можно положиться. Он выглядел в ее глазах человеком, которому воспитание не позволит поднять руку на женщину, а именно в таком человеке она сейчас больше всего нуждалась.

Тем не менее, когда Джил обратилась к Горацию, в ее голосе сквозила холодность. Можно испытать облегчение при виде прожженного преступника, но нет надобности держаться с ним запанибрата.

— Добрый вечер, Эпплби.

— Добрый вечер, мисс.

— Так я не ошиблась в своем предположении, что за делом в Нортон-корте стояли вы?

— Напрасно было бы отрицать.

— А это ваши сообщники?

— Я предпочитаю называть их коллегами.

— Вы меня не представите?

— Конечно. Простите великодушно, что не сделал этого раньше. Во-первых… под какой фамилией вы фигурируете, Фрэнк? Ах да, вспомнил. Мистер Фонтескью.

— Очень приятно. Не соблаговолите ли отпустить мою руку, мистер Фонтескью?

— Отпустите руку мисс Уиллард, Фрэнк. В грубом обращении нет никакой надобности.

Фрэнку казалось, что надобность очень даже есть.

— Разве мы не свяжем ее и не заткнем ей рот кляпом?

— Следующий в списке, — продолжал Гораций, пропуская вопрос мимо ушей, — Смити.

— Очень приятно, мистер Смити.

— Взаимно, мисс Уиллард. Прекрасная погода.

— И Ферди, человек-муха.

— Так вот как вы залезли в окно! Добрый вечер, Ферди.

— Добрый вечер, мисс.

— А где Ада?

— Отдыхает в кабине мистера Бонда.

— Так вы ее видели. Интересно, хватило ли вам духа взглянуть ей в глаза.

— Такая возможность представилась не сразу, — величественно ответил Гораций. — Она нечаянно оказалась заперта в сейфе.

— Что?!

— Да, мисс.

— Дверь не была закрыта!

— Она захлопнулась. Джил опешила.

— Не понимаю, как вы ее вытащили. Вы же не знали комбинацию!

— Я позвонил мистеру Бонду, и он любезно ее сообщил.

— Позвонили мистеру Бонду?!

— Ничего другого не оставалось. Нельзя было допустить, чтобы бедная девушка задохнулась.

— Почему?

Вопрос задала не Джил. Он исходил от Фрэнка, который стоял на лестнице, готовый дать стрекача. Отказ Горация связать незваную даму и заткнуть ей рот кляпом утвердил его решимость как можно быстрее расстаться с организацией Эпплби. Фрэнк был приверженцем традиций, и такое отступление от профессионального кодекса чести ужаснуло и возмутило его. Это, думал Фрэнк, не работа, а безобразие.

Он задержался лишь для того, чтобы бросить напоследок обидные слова.

— А Смити заливал мне, будто вы — гений! — И Фрэнк с негодующим видом устремился вниз по лестнице, окончательно утратив веру в людей.

Смити снял очки и секунду в молчании протирал стекла.

— Простите, сэр, мне не следовало обольщаться, будто Фрэнк подходит для этой работы. Я думал, у него есть чувство локтя.

— Все в порядке, Смити. Вы не могли знать заранее.

— Знаете, я думаю, его подкосили парики. Он только что рассказывал. Был в Олд Бейли, увидел судей в париках и сдрейфил. И все равно он не должен был бросать вас вот так.

— Не важно. Его ничто здесь не удерживало. Вам с Ферди тоже разумнее удалиться.

— Мы точно вам больше не нужны?

— Точно. Банкет окончен.

— Тогда мы откланиваемся, — с облегчением произнес Смити. — Доброй ночи, мисс Уиллард.

— Доброй ночи, — рассеянно ответила Джил. Она думала не о Ферди и Смити, а смотрела на Горация так, будто с глаз ее наконец упала пелена.

— Мистер Эпплби, — сказала она. — Должна перед вами извиниться. Я заблуждалась на ваш счет.

— Да, мисс? Когда?

— Когда убедила Аду не выходить за вас замуж. Гораций вздрогнул, и краска медленно залила его лицо.

Глаза вспыхнули недобрым светом, и на мгновение показалось: сейчас он забудет, что воспитание не позволяет ему поднять руку на женщину. В своей полной приключений жизни Джил впервые оказалась настолько близка к тому, чтобы мужчина поднял на нее руку.

— Видите ли, мне не понравилась мысль, что она выйдет замуж за человека, которого могут в разгар медового месяца упечь на пять лет. Сами согласитесь, это неприятно. Я посоветовала ей немедленно разорвать знакомство. Сказала, что вы ее недостойны. Откуда мне было знать, что вы — Сидни Картон[57] и шевалье Байяр[58] в одном лице. Теперь я ваша самая восторженная поклонница.

Гораций вздохнул.

— Приятно слышать, — сказал он, — но, боюсь, что перемена в ваших взглядах несколько запоздала.

Джил не собиралась разделять этот пораженческий настрой.

— Ничуть. Сейчас я к ней пойду, и все недоразумения мигом устранятся. Я скажу, что для спасения ее жизни вы позвонили мистеру Бонду и спросили комбинацию, понимая, на что себя обрекаете, и ее мнение о вас разительно переменится. Она скажет, что в жизни не слышала ничего чудесней, и что это урок нам всем: не торопиться с вердиктом и не судить людей только за их отношение к чужому добру, пусть даже несколько неординарное. Кстати, делу помогло бы, если бы я могла добавить, что эта сторона вашей жизни — в прошлом. Можно?

— Конечно, мисс. Еще до сегодняшней ночи я подумывал, как говорится, уйти с ринга непобежденным, и теперь уверен, что это время настало. Я спел свою лебединую песню.

— Тогда ждите меня назад с хорошими известиями, — сказала Джил.

2

О чувствах Горация к Аде можно судить по тому, что, оставшись один, он не ринулся к сейфу, не схватил набитый деньгами чемоданчик и не устремился прочь с максимально возможной скоростью. Сидни Картон и шевалье Байяр могли бы так поступить, но, к чести Горация, подобная мысль даже не пришла ему в голову. Он стоял недвижим, жалея, что дверь в кабинет Майка такая толстая, и сквозь нее не доносится ни звука.

Он думал об Аде. Как нам известно, именно готовка впервые обратила его мысли в сторону флердоранжа и свадебного пирога, однако восхищение ее кулинарным искусством было лишь той искрой, от которой

занялось пламя. С тех пор он настолько оценил другие ее достоинства, что сейчас был влюблен сильней, чем на заре юности, когда, двенадцати лет от роду, сходил с ума по девочке, изображавшей Золушку в пантомиме. Он был толст, лыс и немолод, а толстый, лысый немолодой человек не разбрасывается своим сердцем, и если уж отдает его, то навсегда. Он ясно сознавал, что без Ады его жизнь будет пустой.

Когда он примерно в двадцатый раз пришел к этому выводу, дверь открылась, и вышла Ада, а за ней Джил. Одного взгляда на Джил было довольно, чтобы понять — все тревоги напрасны. Она самодовольно улыбалась, как адвокат, чье красноречие вынудило присяжных вынести вердикт «Не виновен». Последние сомнения рассеялись, когда Ада сделала несколько шагов, подняла заплаканные глаза и бросилась к нему на шею с возгласом: «О, Гораций!», убедившим бы самых закоренелых скептиков.

Джил смотрела на них благожелательно. Она чувствовала, что слов от нее больше не требуется, да и не успела бы их сказать, поскольку на лестнице снова загремели шаги и вбежали Ферди со Смити.

Даже самый невнимательный наблюдатель отметил бы, что они чем-то взволнованы. Смити не замедлил объяснить причину своей ажитации.

— Шеф, — сказал он, без преамбулы переходя к тому, что адвокат назвал бы сутью, — здесь фараоны.

3

Именно в критические минуты такие люди, как Гораций, разворачиваются в полную силу. Опасность подстегивает их мыслительный процесс. На пятнадцать секунд он опешил, как всякий работающий грабитель, при последних словах, но слабость прошла, и он снова стал собой, гениальным тактиком, способным принимать решения на ходу.

— Слушайте, вы все, — произнес он на строгой начальственной ноте, — и не заставляйте меня повторять, на это нет времени. Если будете держаться спокойно и выполнять мои указания, все пройдет гладко. Смити!

— Шеф?

— Садитесь за этот стол!

— Сел.

— Ферди!

— Шеф?

— Садитесь вот за тот стол. Ада!

— Да, милый?

— Принеси пару гроссбухов и дай им ручки. А вы с мисс Уиллард берите блокноты и садитесь вот сюда.

— Ясно, солнышко. Чтобы казалось, будто мы проводим аудит.

— Верно, — ответил Гораций, радуясь, что Провидение послало ему невесту, которая не только готовит, как Эскофье,[59] но еще и соображает на лету. — Вы, Ферди и Смити, будете читать цифры, — сказал он, и тут в дверь позвонили. — Иду, иду! Кто там?

— Полиция.

— Минуточку. — Гораций открыл входную дверь. — О, добрый вечер, мистер Джессоп, — проговорил он, выражая изумление и радость от нежданной встречи с добрым знакомцем каждой нотой своего звучного голоса.

В банк суперинтендант Джессоп отправился по совету своего шурина Клода. Совет был преподнесен в невыносимо покровительственной манере, которая всегда его раздражала, однако саму мысль он был вынужден признать здравой. Узнав, что практически всех веллингфордских полицейских отрядили стеречь Мэллоу-холл, Клод недвусмысленно выказал презрение. Мой разлюбезный, ах, мой разлюбезный, сказал он, и выразил изумление, что суперинтендант не различил за стрельбой в Мэллоу-холле руку Чарли Йоста. Ясно, как день: Чарли поручил сообщнику палить по окнам Мэллоу-холла, зная, что хозяин первым делом вызовет полицию, после чего берег расчистится и можно будет не спеша ограбить банк. Если отправиться туда немедленно, возможно, удастся взять его с поличным. Не забывайте, присовокупил Клод, что он вооружен. Мне пойти с вами? Мой разлюбезный, не забывайте, что я тут на отдыхе.

Поэтому суперинтендант отправился осматривать банк в одиночку. Его неотвязно преследовала мысль о вооруженном преступнике, поэтому он с большим облегчением увидел в дверях безобидного дворецкого. Правда, присутствие дворецкого показалось ему странным, но, по счастью, Гораций тут же прояснил ситуацию.

— Входите, мистер Джессоп, — сказал он. — Мы здесь немножко заняты. Скоро ревизия, и мистер Бонд хочет, чтобы все было готово. Запарка такая, что приходится работать ночью. Даже я вынужден был зайти по поводу хозяйственных счетов. Ничего, если мы продолжим?

— Мой разлюбезный, ах, мой разлюбезный, — воскликнул суперинтендант, попирая закон об авторском праве. — Вижу, у вас пополнение.

— Да, кое-кого из старичков пришлось заменить, мистер Джессоп. Годы берут свое. Все мы не молодеем.

— Я никогда не видел, чтобы счетоводы работали в перчатках.

— Мистер Бонд хочет, чтобы бухгалтерские книги были идеально чисты.

Смити прочистил горло и обратился к Джил скрипучим голосом профессионального бухгалтера.

— Мисс Джонс?

— Сэр?

— Запишите следующие цифры. Семь, четыре, три, шесть, запятая два, девять. Пятьдесят, триста сорок один запятая семь, девять.

— Помедленней, мистер Каллахан.

— Восемь, пять, два, шесть запятая семь, четыре. Сложите, пожалуйста.

— Уже сложила. Два миллиона шестьсот тысяч восемьсот семьдесят четыре запятая ноль два.

— Верно.

— Она сложила все это *в уме?* — изумился суперинтендант Джессоп.

— Такая редкая способность, — заверил Гораций. Теперь и у Ферди прорезался голос. Вдохновленный примером Смити, он обратился к Аде:

— Скажите, мисс, включаются ли форвардные расчеты в пробный баланс?

Ада вздрогнула. Вопрос застал ее врасплох. Она думала о Горации, о том, как сильно его любит.

— Меня бы это не удивило, — сказала она, и Ферди ответил: «Хорошо», чувствуя, что Смити его не переплюнуть.

— Ладно, не буду больше мешать занятым людям, — сказал суперинтендант. — Доброй ночи всем. Доброй ночи, мистер Эпплби.

— Доброй ночи, мистер Джессоп.

— Дайте-ка вспомнить, когда у нас следующий платежный день? — спросил Ферди.

— Пожалуйста, не говорите таких слов, не то я заплачу от смеха, — сказала Джил. — Вы удовлетворены нашим выступлением, мистер Эпплби?

— Вы были великолепны, мисс Уиллард, а наши два счетовода вполне убедительны. До свидания, Смити, до свидания, Ферди.

— До свидания, шеф.

— А теперь, Ада, думаю, мне надо проводить тебя домой. Ты пережила тяжелый вечер. Мисс Уиллард, вы простите, если мы оставим вас

в одиночестве?

— Обо мне не беспокойтесь, — ответила Джил. — И вряд ли я долго буду в одиночестве.

Она не ошиблась. Гораций и Ада не успели выйти, как подъехала машина, и вошел Майк.

Глава XII

1

Майк, подобно Отелло, был в буре чувств.[60] Он обладал недюжинным умом, однако события этой ночи сбили бы с толку любого мыслителя. Когда молодой человек слышит от дворецкого, что он, дворецкий, грабит банк и его, молодого человека, секретарша заперта в сейфе, а прибыв на место, застает там свою невесту, ему можно простить некоторую растерянность. Он воззрился на Джил, и чувство, что все это происходит во сне, не покидавшее его с телефонного разговора, еще усилилось.

— Что… что… что?.. — спросил он.

— Я здесь делаю? — подхватила Джил. — Граблю банк, милый. Ты сам меня на это толкнул, если помнишь, — продолжала она, не обращая внимания на раздавшееся в ответ слабое блеяние. — Практически поручил мне это сделать. Сказал, твои финансовые затруднения разрешатся, если кто-нибудь ограбит банк, потому что ревизоры совершенно растеряются, разведут руками и подадутся в торговлю сеном, соломой и фуражом. Как видишь, все очень просто.

Под этим высказыванием Майк не подписался бы; он по-прежнему чувствовал, что многое требует объяснений. Одно, впрочем, было совершенно ясно. Эта девушка пошла ради него на чудовищный риск, поэтому Майк заключил ее в объятия и выразил благодарность потоком слов, многие из которых удивили его самого.

Он был изумлен и потрясен, услышав ее смех.

— Ничего смешного, — укоризненно сказал он.

— Я просто вспомнила про аудит.

— Про что?

Джил объяснила про аудит, и Майк согласился, что Гораций проявил изрядные смекалку и выдержку. Впрочем, он еще раз повторил, что горячо не одобряет всю затею.

— Так можно заикой на всю жизнь остаться.

— Это должна была сказать Ада!

Майк с ужасом осознал, что совершенно забыл про Аду. Он примчался сюда в тревоге за свою секретаршу, и начисто упустил ее из виду под

влиянием более насущных забот.

— Где она? — спросил он, глядя на сейф, хотя рассудок подсказывал, что Джил не щебетала бы так беспечно, будь Ада по-прежнему внутри. — Эпплби ее отпер?

— Да, благодаря тому, что ты назвал ему комбинацию. Он только что ушел ее провожать. Они собираются пожениться.

Майк приложил руку ко лбу и удивился, что у него не жар.

— Собираются пожениться? — глухо повторил он.

— Да.

— Эпплби и Ада?

— Они самые.

— Ты уверена, что не перепутала имена?

— Не понимаю, чему ты так удивляешься. Разумеется, Ада его любит. Он спас ей жизнь с большим риском для себя — откуда он мог знать, что ты не выдашь его полиции? Ты ведь не выдал?

— Разумеется, нет. Так он правда грабил банк?

— Да, тут он тебя не обманул. Он и двое его милейших товарищей, Смити и Ферди, появились после того, как мы с Адой набили чемоданчик деньгами. Тебе трудно поверить, что он этим занимается.

— Есть отчасти. Несколько неожиданно для дворецкого.

— Он необычный дворецкий. Почему ты помрачнел?

— Думаю об Аде. Мне как-то не по душе мысль, что она выйдет за человека, который грабит банки.

— Ну, ты женишься на девушке, которая грабит банки. Он любит Аду, Ада любит его, а любовь движет миром, так что о чем тут тревожиться?

— Если отбросить то, что он мошенник, тебе не кажется, что он для нее староват?

— Кажется. Этот вопрос возник, когда он сделал ей предложение. Однако Ада так не думает. Кроме того, она решительно отрицает, что он слишком лысый и толстый. У Ады все будет тип-топ. И у нас с тобой все будет тип-топ. И вообще, как кто-то сказал, все будет тип-топ в этом тип-топейшем из миров.

— Да, мысль утешительная, но мне было бы приятней, если бы Эпплби не прихватил те деньги, которые вы с Адой упаковали в чемодан. Я собирался со временем вернуть их вкладчикам. Он ведь забрал их?

— Разумеется, нет. Мистер Эпплби считает, что теперь, когда он собрался жениться, ему следует бросить старые привычки.

— Так ты хочешь сказать, что чемодан здесь?

— В сейфе, где мы его и оставили.

— Тогда хватаем его и едем домой, а там где-нибудь спрячем.

— Превосходная мысль, — одобрительно произнес Гораций. — Именно это я намеревался посоветовать.

Он стоял на лестнице в подвал, по которой поднялся своей обычной бесшумной походкой, и Майк подпрыгнул, как ягненок по весне. Он был не расположен слышать внезапные голоса из-за спины, и слова Горация подействовали на его взвинченную систему, как взрыв бомбы. Разговор пришлось поддержать Джил.

— А, мистер Эпплби, — сказала она. — Вы благополучно проводили Аду?

— Да, мисс.

— Я рассказала Майку про вас и про Аду. Когда он выйдет из транса, вызванного вашим внезапным появлением, то поздравит вас. Верно, Майк?

— А?

— Ты хочешь поздравить мистера Эпплби, верно?

— Ах. Да. Да, конечно. Мои поздравления, Эпплби.

— Спасибо, сэр.

— Таких девушек, как Ада, поискать. Думаю, вы будете очень счастливы.

— Уверен, что так, сэр.

— Если сумеете не угодить в тюрьму.

— Да, разумеется, сэр. Это sine qua non.[61] Однако мне казалось, я слышал, как мисс Уиллард говорила о моем уходе от дел.

— Она права?

— Совершенно, сэр. Пора остепениться. Моя прежняя деятельность плохо совместима с семейной жизнью. Однако возвращаясь к вопросу о том, чтобы передислоцировать чемодан в Мэллоу-холл и отыскать ему подходящее укрытие, я рекомендовал бы не мешкать. Лучше всего поручить это мисс Уиллард, а мы с вами останемся, чтобы сообщить в полицию об ограблении. Вероятно, самый разумный ход — позвонить суперинтенданту домой. Отнести чемодан в машину?

— Нет, — отвечал Майк, возможно, с чрезмерной поспешностью. — Я справлюсь.

2

После того как суперинтендант ушел, чтобы осмотреть банк, Клод Поттер поднялся в спальню и начал готовиться ко сну. Он всегда делал это

неторопливо, поэтому все еще любовно созерцал себя в зеркало, чем неизменно занимался каждый вечер, когда дверь распахнулась, и ворвался его свояк, распираемый чувствами, которых хватило бы на двух свояков. Широкое лицо суперинтенданта было искажено, вытаращенные глаза сильнее обычного вылезли из орбит.

— Клод! — с трудом выговорил он. — Банк ограбили!

Клод безусловно удивился, но тут же вспомнил, что предсказывал это, и нашел в себе силы не порадовать родственника своим изумлением.

— Как я и ожидал.

— Но я не понимаю!

— Проще простого, мой разлюбезный. Я объяснил вам, как это будет.

— Я заходил туда, и все было в порядке. Они проводили аудит.

— Кто «они»?

— Два счетовода, две девушки и дворецкий мистера Бонда.

— Что там делал дворецкий?

— Что-то по поводу хозяйственных счетов.

— Ночью?

— Он объяснил. Со дня на день ожидается ревизия, и у них запарка.

— Откуда вы знаете, что это были не жулики?

— Одна из девушек — секретарша мистера Бонда, а дворецкого я знаю.

— Значит, грабители прятались в подвале. Что ж, идем.

— Вы со мной?

— Разумеется. Ни за что не упущу такую возможность. Суперинтендант мысленно издал вздох облегчения. Он не любил Клода, но глубоко уважал его за ум, и понимал, что человек с таким опытом способен оказать неоценимую помощь в расследовании. Сам он несколько растерялся. В его долгой практике самым тяжелым случаем был несанкционированный перегон свиней, если не считать скачек с их обычной квотой пьяниц и дебоширов.

Майк и Гораций ждали на месте преступления. Майк, подобно суперинтенданту, нервничал, Гораций был по обыкновению спокоен и радушен. Майк рассчитывал предоставить объяснения талантливому союзнику, однако, как владелец ограбленного банка, он должен был произнести несколько вступительных слов, что и сделал со всем возможным хладнокровием.

— Очень любезно с вашей стороны прийти так быстро, мистер Джессоп и мистер… — сказал он, гадая, кто такой Клод. Надо думать, кто-то из полиции, хотя с виду больше похож на танцора из варьете.

— Мой шурин сержант Поттер.

— Из Скотланд-Ярда, — добавил Гораций, и нервозность Майка возросла на пятьдесят процентов. Он, как всякий рядовой гражданин, относился к этому учреждению с пиететом.

— Несколько дней назад я имел удовольствие ехать с мистером Поттером в одном купе, — продолжал Гораций. — Мистер Поттер рассказывал про Скотланд-Ярд, и я слушал, как зачарованный.

Майк тоже слушал, как зачарованный, радуясь, что Гораций, подобно главному выступающему Костолома Эванса, кажется, взял бремя разговора на себя.

— Мистеру Бонду повезло, что здесь оказался специалист из Скотланд-Ярда, — с чувством продолжал Гораций. — Мистер Поттер упомянул в поезде, что он здесь на отдыхе, но я убежден, что он не преминет оказать мистеру Бонду всяческую помощь. Впрочем, боюсь, ему потребуется все умение, чтобы распутать это загадочное дело.

— Загадку я вижу только одну, — сказал Клод, — что ограбление произошло при вас, — и Майку, который от нечистой совести сделался особенно чуток к оттенкам речи, в этих словах послышался холодок.

У Горация, возможно, сложилось такое же впечатление, однако он продолжал невозмутимо:

— Меня здесь не было, мистер Поттер. Мы с несколькими банковскими служащими работали сверхурочно в ожидании ревизии. По завершении работы я вышел проводить мою невесту. Она состоит при мистере Бонде в должности секретаря и помогала с аудитом. Проводив ее, я к собственной досаде заметил, что забыл отчет о хозяйственных расходах, и вернулся его забрать. Разумеется, уходя, я запер дверь, и был крайне изумлен, когда, вернувшись, нашел сейфы открытыми и понял, что произошло ограбление.

— Как, по-вашему, грабители проникли в здание? — спросил суперинтендант.

— Очень хороший вопрос, мистер Джессоп. Меня он тоже поначалу поставил в тупик. Однако с тех пор я обнаружил, что окно второго этажа разбито. Очевидно, действовал, если я не путаю слово, вор-форточник. Насколько я понимаю, такие люди могут вскарабкаться по стене любого здания. Он проник внутрь через разбитое окно и впустил сообщников.

— Мой шурин считает, что, пока вы проводили аудит, они прятались в подвале.

— Весьма вероятно.

— Вы ничего не слышали?

Гораций снисходительно улыбнулся. Не очень хороший вопрос, казалось, подумал он.

— Надо полагать, они приложили усилия, чтобы не обнаружить свое присутствие.

— Верно.

Клод заговорил. Его голос по-прежнему был холоден:

— Что вы сделали, когда вернулись назад?

— Незамедлительно позвонил мистеру Бонду, который спешно прибыл сюда на автомобиле и сразу позвонил в полицию.

— Сколько вы отсутствовали?

— Около двадцати минут.

— И по возвращении обнаружили, что сейфы вскрыты?

— Оба стояли, как вы их сейчас видите.

— Без применения насильственных методов?

— Да.

— Следовательно, грабители знали комбинацию.

— Вероятно.

— Откуда?

Майк уже достаточно оправился, чтобы присоединиться к разговору. Преувеличением будет сказать, что он успокоился, ибо внутри у него по-прежнему трепетали крылышками множество бабочек. Однако он сумел прояснить вопрос, который затронул Клод. Отрадно заметить, что сделал он это, не погрешая против истины.

— Боюсь, это моя вина. Я так часто забывал комбинацию, что секретарша велела записывать ее в записную книжку, которую я, уходя, запираю в маленький сейф. Наверное, у грабителя были стамески или что-то в таком роде, и даже если он забыл их дома, кто-нибудь вроде Джимми Валентайна мог сделать это на ощупь.

Суперинтендант встрепенулся.

— Кто такой Джимми Валентайн? Думаете, один из шайки?

Клод устало вздохнул.

— Мой разлюбезный, ах, мой разлюбезный. Джимми Валентайн — герой рассказа покойного О. Генри. Мне трудно представить, чтобы он мог материализоваться здесь сегодня ночью. Подозреваемого придется искать в другом месте. Возможно, вы позволите нам осмотреть помещение, мистер Бонд?

— Да, — любезно отвечал Майк. — Вы, наверное, не хотите, чтобы мы путались у вас под ногами. К сожалению, не могу предложить вам по рюмочке, я здесь ничего не держу. Впрочем, вы бы все равно не стали пить

при исполнении, верно? В детективах всегда так говорят. Тогда мы вас оставим. Идемте, Эпплби.

— Эпплби! — вскричал Клод.

Он замер, глядя на закрывшуюся за ними дверь. Суперинтендант сочувственно прищелкнул языком.

— Бедный мистер Бонд! Надо же было такому случиться, как раз когда у банка неприятности, — сказал он, и Клод развернулся, словно в сиденье франтоватых брюк воткнули что-то острое.

— Что-что? Что вы сказали? У банка плохи дела?

— Так я слышал.

— Откуда?

— Ну, все началось с того, что Айви подслушивала под дверью. Конечно, очень дурно с ее стороны, но ничего не попишешь, девичье любопытство.

— Кто такая Айви?

— Горничная в Мэллоу-холле. Она встречается с одним из моих людей и рассказала ему про неприятности у мистера Бонда, а тот рассказал кому-то еще — под строжайшим секретом, разумеется, — и так это стало, как говорится, достоянием гласности. Мистер Бонд угощал ленчем одного из крупных финансистов — ну, из тех, про которых пишут в газетах, и Айви им прислуживала, а когда подала кофе, стала подслушивать под дверью, и мистер Бонд спросил финансиста, не одолжит ли тот ему сто тысяч фунтов, а финансист ответил, что у него столько нет. Дал ему от ворот поворот, по словам Айви. А тут ограбление. Вот что я называю человеческой трагедией.

Клод рассмеялся неприятным смехом.

— Вот что я называю человеческим мошенничеством.

— Не понимаю вас, Клод.

— Вы хотите сказать, что не разглядели за этим маленькой игры? Я думал, даже сельский блюститель порядка… Однако надо сделать вам скидку, — уже терпимей добавил Клод. — Мне следовало помнить, что вы не знаете про Эпплби.

— А что с мистером Эпплби?

— Я забыл это имя, пока его не упомянули. Он был дворецким в Нортон-корте, когда там похитили драгоценности, и я всегда знал, что ограбление организовал он. А здесь он помог Бонду обчистить банк. Шустрый малый.

Суперинтендант ошарашенно уставился на шурина.

— Мистеру Бонду! Обчистить банк! Вы шутите, Клод.

— Не делайте изумленные глаза, мой разлюбезный. Такое происходит не впервые. Владелец сельского банка понимает, что у него обнаружат недостачу, и решает разыграть ограбление — кто тогда скажет, сколько денег было изначально? «Конечно, в банке недостача! — говорит он на вопрос ревизоров. — А как иначе, если грабители ходят в сейф, как к себе домой?» Именно такая мысль пришла бы в голову человеку вроде Эпплби, и он присоветовал ее Бонду. Значит, когда вы пришли, они проводили аудит? Как вы вошли в здание?

— Позвонил и сказал: «Полиция».

— То есть дали им время схватить гроссбухи и ручки. Разумеется, вы ничего не заподозрили. Ах уж мне эти сельские блюстители порядка!

— Но одна из девушек была секретарша мистера Бонда.

— Первая, кого они должны были взять в сообщники. Разумеется, она получит свою долю. Эпплби об этом позаботится.

На это суперинтендант не нашел, что сказать, а если б и нашел, все равно не смог бы произнести. Человек с более сильным характером попытался бы спорить, но суперинтенданта доводы Клода убедили, и мир его рухнул. Мистер Бонд, носитель августейшей фамилии Бонд, опустился до жалкого мошенничества! А мистер Эпплби, которого он так уважал, оказался волком в шкуре дворецкого! Тут у любого суперинтенданта откажут голосовые связки.

Он стоял, чувствуя, что осушил горькую чашу до дна, однако, по мере того как Клод продолжал, стало ясно, что в ней осталась еще капля-другая.

— Где этот Мэллоу-холл, где живет мистер Бонд? — спросил Клод, и суперинтендант, хоть и в тумане, сумел выдавить:

— В Мэллоу. Это деревня неподалеку.

— Значит, там сейчас и спрятаны денежки. Завтра первым делом возьмите ордер на обыск и отправляйтесь туда.

С тех давних пор, когда на веллингфордских скачках, его, тогда еще молодого констебля, ударил под дых мускулистый карманник, которого он вознамерился задержать, суперинтендант не испытывал неприятного чувства, будто конец света наступил внезапно и без предупреждения. В отличие от дяди Вилли он вскрикнул и содрогнулся:

— Нет, не могу! Мэллоу-холл! Нет!

— Сможете, — твердо произнес Клод. — Я пойду с вами и поддержу вас морально.

Глава XIII

1

На следующее утро в десять часов Майк был уже в кабинете, ждал, когда Гораций принесет кофе, в котором управляющий «Банком Бонда» отчаянно нуждался. При сэре Хьюго завтраки в Мэллоу-холле проходили весьма торжественно, за столом в обеденном зале собирались Майк, сэр Хьюго, мисс Бонд и гости усадьбы, однако смерть исхитила дядюшку, сломанная нога — тетушку, и теперь Майк завтракал в кабинете.

Майк чувствовал себя скверно. Он плохо спал, а недолгий сон тревожили кошмары. Его веки, как у Моны Лизы, были несколько тяжеловаты, и он предпочел бы откинуться в кресле и лежать, пока не принесут живительный кофе. Однако прежде надо было выполнить первоочередную задачу — позвонить Гасси Мортлейку, чтобы тот срочно связался с мистером Йостом и отменил прежнюю договоренность.

Майк желал внести полную ясность. Хотя обстоятельства вынудили его согласиться на предложение Гасси, чтобы Чарли Йост продырявил ему ногу, руку и или плечо — ваше дело назвать, мое дело продырявить, — Майку никогда не улыбалась эта перспектива. Обещание Гасси, что будет не страшнее простуды, оставляла определенные сомнения, как и уверения самого Чарли, будто его дырявили чаще, чем талон на социальную помощь, и хоть бы хны. С заметно полегчавшим сердцем Майк встал и пошел через комнату к столу, на котором стоял аппарат.

Телефон зазвонил в ту самую секунду, когда Майк подошел, и через мгновение в трубке уже звучал взволнованный голос.

— Алло, алло… можно попросить мистера Бонда?.. Алло… Это вы, Майк? Это Гасси.

Представляться не было надобности. Из всех знакомых Майка один Гасси имел привычку блеять, как заблудившаяся в тумане овца.

— Добрый день, Гасси, — сказал Майк. — Я собирался вам звонить. Что там у вас?

Вопрос, очевидно, подействовал на последнего из Мортлейков самым неблагоприятным образом. Некоторое время он только мекал, как овца, подавившаяся травинкой, но постепенно обрел голос.

— Что у меня?! Я расскажу, что у меня, черт возьми! Помните Йоста?

Вопрос мог бы показаться излишним. Чарли Йост был не из тех, кого легко забыть, однако Гасси имел собственную манеру вести разговор. Майк сказал, что да, он помнит Йоста.

— Что с ним?

— Подвел нас. Ушел в кусты. И это после того, как пообещал продырявить вас совершенно бесплатно! Позвонил сейчас и сказал, что все отменяется. А ведь он обещал! Обещал твердо! Поневоле утратишь веру в людей. Какого черта вы так пыхтите?

Майк так пыхтел, потому что новость взбодрила его не хуже кофе. Пыхтение было на самом деле хвалой Небесам. Он опасался, что Чарли Йост не примет его отказ. Есть люди, настолько обязательные, что, взявшись за работу, неукоснительно доводят ее до конца. День, чувствовал Майк, начался хорошо.

— Отчего он передумал? — спросил Майк.

— Насколько я понял, его переубедил товарищ по имени Костолом.

— Здесь необходимо примечание. С какой стати этот Костолом решил вмешаться?

— Он ударился в религию.

— Поздравляю его. Надеюсь, он станет епископом. Однако я все равно не понимаю.

Речь Гасси снова на некоторое время утратила связность, и лишь минуты через две он смог внести разъяснения.

— Йост неосторожно сболтнул что-то, чем вызвал подозрения Костолома, и Костолом стал наседать. Пришлось Йосту рассказать о нашей договоренности. Тогда Костолом сказал, что так не пойдет и дырявить вас — грех.

Теперь, когда Майк убедился, что его руке, ноге или плечу ничего не грозит, его интерес стал чисто академическим, однако из любопытства он все же продолжил расспросы.

— И Йост кротко согласился?

— Не знаю, насколько кротко, но согласился.

— Почему?

— Что, почему?

— Чем Костолом его так загипнотизировал? По моим представлениям, Йост должен был вытащить старый уравнитель и продырявить Костолома, как талон на социальную помощь. Разве не так поступают бандиты, когда на них пробуют давить?

— Как я понял, этот Костолом — гора мускулов под восемь футов ростом. Он пообещал отлупить Йоста, если тот не послушается.

— Не понимаю, как рост может быть помехой. В крупного человека легче попасть.

— Да, но кто-то объяснил Йосту, что бывает в Англии за такие дела, и тот испугался.

Забавно было держать Гасси в напряжении, однако Майк чувствовал, что пришло время проявить доброту и рассеять его тревогу.

— Ясно, — сказал он. — Жаль, конечно. Ладно, Гасси, у меня есть для вас одна забавная история. Вчера ночью…

Из трубки донесся яростный вопль.

— Господи, неужели вы не понимаете, что я на грани нервного срыва? Не хватало мне только выслушивать ваши анекдоты! Я отправляюсь к Йосту, может быть, еще сумею его умолить…

— Но, Гасси…

Майк не договорил — на другом конце провода трубку с грохотом бросили на рычаги. Оскорбленный, как всякий человек, которого так бесцеремонно прервали, он вернулся в кресло. Тут дверь открылась, и Майк обернулся, думая, что явился Гораций с завтраком.

Однако вошел не Гораций. Вошла Джил.

2

Хоть она была не на подносе, Майк ничуть не огорчился. Никогда она не выглядела такой веселой, жизнерадостной, цветущей и прекрасной. Султан старой школы, никогда не упускающий возможность пополнить гарем, без колебаний велел бы визирю записать ее телефончик, и очень огорчился бы, если бы дело не выгорело. Казалось, она только что из салона красоты, а совесть ее абсолютно чиста. Майк был восхищен и потрясен.

— Поразительные существа женщины, — сказал он, — ничто их не берет. Я тут чувствую себя так, будто мою душу отжали в стиральной машине, и выгляжу, как труп, который несколько дней пролежал в пруду…

— Ты выглядишь прекрасно. Скорее, как греческий бог.

— …а ты могла бы пойти на конкурс «Мисс Мира», и все судьи в один голос завопили бы: «Первое место!» И это после всего, что было вчера ночью!

— Пустяки. Мне даже понравилось. А что было после моего ухода?

Она опустилась ему на колени, и на какое-то время мысли Майка отвлеклись от заданного вопроса. Джил пришлось его повторить.

— А, это? — сказал Майк. — Так, рутинный осмотр.
— Кто пришел?
— Суперинтендант Джессоп.
— Я его видела. Он — душка.
— И его шурин. Из Скотланд-Ярда. Джил вздрогнула.
— Плохо. На людей из Скотланд-Ярда я не рассчитывала.
— Я тоже. Впрочем, все прошло гладко. Не буду отрицать, что я поседел за одну ночь, но нашу историю они проглотили.
— Даже инспектор Лестрейд?
— Да, он остался вполне удовлетворен.
— Наверное, ты говорил очень убедительно.
— Говорил Эпплби. Я очень его зауважал. Если буду грабить еще банк, то непременно с ним. Он придает уверенность.
— Так все хорошо?
— Пока да. Разумеется, если хоть что-нибудь выплывет, придется мне мотать срок.
— И мне. Но это пустяки, раз мы будем вместе.
— Боюсь, вместе мы не будем. Тюрьмы, в отличие от школ, никто объединять не собирается.
— Ладно, зато как чудесно будет, когда мы оба выйдем. Впрочем, ничто не всплывет. Ты завтракал?
— Еще нет.
— Так вот почему ты киснешь и мелешь вздор про тюрьму. Подкрепишься и станешь другим человеком. Только не подумай, будто я хочу, чтобы ты стал другим. Меня ты и такой устраиваешь.
— А ты завтракала?
— Нет, но мне и не нужно. Меня поддерживает любовь. Я думаю о тебе, мой повелитель, и яичница с ветчиной для меня — ничто.
— Давай перекусим вместе.
— Извини, я уже приглашена. Завтракаю с твоей тетушкой. Обещала прийти к ней сразу от тебя, дабы она могла высказать, что о тебе думает. Она вне себя, и я ее не виню. Ты сказал, что дворецкий грабит банк и Аду захлопнули в сейфе, а потом умчался, и больше она тебя не видела. Естественно, она ждала, что ты вернешься и дашь ей полный отчет.
— Я заходил, когда вернулся, но она уже спала, и я не стал ее будить. Она была очень красноречива?
— Очень. Называла тебя разными словами, некоторые из которых я слышала в первый раз.
— У нее обширный словарь.

— И она употребила его весь. Мне пришлось проявить твердость. «Капрал, — сказала я, распрямляя плечи, — вы говорите о человеке, которого я люблю», и она ответила: «Знаю, бедная замороченная глупышка, но что толку любить его, если он вас не любит?», а я сказала: «Он меня любит, и мы поженимся, если не угодим за решетку». А потом я рассказала ей все: про тебя и про меня, и про нас с Адой в банке, и как появились мистер Эпплби и его друзья, и почему Ада оказалась в сейфе. Она заметно успокоилась и сказала, что я храбрая девочка.

— Верно сказала, — с нежностью произнес Майк. — Да, тут она безусловно права. Скажи, что буду у нее, как только обрету способность передвигаться. Сейчас я не в силах подняться по лестнице.

Он снова сел в кресло и закрыл глаза, чтобы через мгновение снова их открыть, поскольку в комнату вплыли бодрящие запахи кофе и копченой селедки, а следом появился Гораций с полным подносом.

3

— Доброе утро, сэр, — сказал Гораций.

Большой глоток кофе расположил Майка к разговору. Им есть что обсудить, чувствовал Майк. Короткий путь домой прошел вчера в молчании: Майк был как в тумане, Гораций — погружен в свои мысли.

— Доброе утро, — сказал Майк. — Как спали, Эпплби?

— Хорошо, спасибо, сэр.

— Чего не скажешь обо мне. Ну и ночка была, правда?

— Да, сэр. Очень утомительная для нервной системы.

— Даже для вашей? Разве вам такое не в привычку?

— Вообще-то нет, сэр. Я обычно был скорее организатором, чем исполнителем, и редко играл активную роль.

— Мозговой центр?

— Именно так, сэр. Думаю, меня можно назвать скромным вариантом профессора Мориарти.

— Хорошо, что наш суперинтендант — не Шерлок Холмс.

— Подобные умы редко встречаются в провинции. Более значительную угрозу представляет его шурин. Мне он показался проницательным.

— Да, хотя по виду не скажешь. И все-таки вы считаете, что мы проскочили?

— У меня нет причин в этом сомневаться.

— Надеюсь, вы правы. И позвольте заметить, что очень мило с вашей стороны не докучать мне расспросами. Ведь наверняка ночные события возбудили ваше любопытство?

— Ничуть, сэр.

— Вы не спрашиваете себя, что там делали девушки?

— Нет, сэр. Моя невеста объяснила мне обстоятельства, пока я провожал ее домой. Как я понял, в банке возникла временная нехватка средств, и они с мисс Уиллард надеялись, изъяв некую сумму, ввести в замешательство ревизоров и выгадать передышку. По моему разумению, весьма мудрая мысль. Кстати, я слышал, что вас можно поздравить. Ада сказала, что вы, как и я, намерены вступить в брак.

— Если все будет хорошо.

— Я в этом убежден. Вижу лишь одно слабое место — то, что сейф был открыт с помощью комбинации, а не взорван.

— Почему, кстати?

— Исполнитель, на которого была возложена эта задача, не смог прибыть. По счастью, как выяснилось, поскольку взрыв, без сомнения, убил бы мою Аду. До сих пор содрогаюсь при этой мысли.

— Еще бы. Ад Кутс не столько, чтобы взрывать их динамитом.

— Да, сэр. Однако, если позволите, я предпочел бы не обсуждать этот аспект вчерашних событий. У меня ноги подкашиваются, как вспомню. Странно, что чудесное избавление подействовало на меня сильнее, чем на нее.

— Ада такая. Ее трудно выбить из колеи.

— Удивительная девушка. Завидую этой ее способности. Однако, когда я думаю, как легко вы могли не дать мне комбинацию…

— Еще бы! Я думал, вы пьяны.

— Вполне объяснимо. Нечасто дворецкий сообщает джентльмену, что грабит банк.

— Наверное, такое случается не чаще раз-двух в год. И, коли уж мы затронули тему дворецких, полагаю, женившись, вы меня оставите?

— Да, сэр. Я хотел бы, хоть и с сожалением, заблаговременно известить об уходе.

— Ады я тоже лишусь?

— Боюсь, что да. Мы планируем поселиться на Французской Ривьере. В юные годы я входил в банду Дюплесси, которая орудовала на Лазурном берегу, и сохранил самые нежные воспоминания о синих небесах и величественных горах. Я присмотрел замечательный дом неподалеку от Канн, который мы обчистили много лет назад.

— Когда вы еще были исполнителем?

— Да, и одним из лучших. Сейчас трудно поверить, но в ту пору я взбирался по стенам не хуже Ферди.

— Кого?

— Одного из моих бывших коллег, известного как человек-муха.

Майк кашлянул. Предстояло затронуть деликатный вопрос.

— Не сочтите за бестактность, Эпплби, но можно задать вам личный вопрос?

— Конечно, сэр.

— «Бывший» в вашей прошлой фразе — ключевое слово?

— О, сэр, можете не беспокоиться. Я безусловно отхожу от дел. Я обещал моей будущей дражайшей супруге, да и в любом случае нехватка грамотных специалистов по сейфам делает мою работу чересчур трудоемкой. Вы не поверите, какие разочарования мне пришлось пережить. Принести еще кофе, сэр?

— Нет, спасибо.

— Могу еще чем-нибудь быть полезен?

— Ну, разве что позвоните суперинтенданту и спросите, как продвигается расследование.

— Я не счел бы это благоразумным.

— Наверное, вы правы. Тогда все. Спасибо, Эпплби.

— Спасибо, сэр.

Через двадцать минут Майк, все еще страшась грядущего испытания, но уже несколько подкрепленный селедкой и кофе, отправился к тетушке Изабелле.

4

Когда он вошел в комнату, ему подумалось, что в искусстве умиротворения разбушевавшихся тетушек Джил нет равных. Под ее благотворным влиянием огнедышащий вулкан приутих настолько, что племянник мог взирать на грозную тетку почти без трепета. Если не считать, что она обозвала его мокрицей и присовокупила замечание по поводу мерзкой рожи, мисс Бонд ничем не проявила обычного темперамента. Сейчас даже дитя, при достаточной отваге, могло бы играть с ней.

— Джил говорит, ты якобы заходил ко мне вчера, — сказала она. — Держу пари, что это не так.

— Я заходил. Ты спала.

— Учитывая, что я за всю ночь не сомкнула глаз… Ладно, проехали. Что она говорит, будто вы решили пожениться?

— Брак согласован и состоится вскорости, при условии, конечно, что меня не упекут за решетку. В противном случае церемонию придется отложить на несколько лет.

— Ну…

— Не говори этого!

— Чего?

— Мне вспомнился старый мюзикл. Молодой человек знакомит мать с невестой, а мать смотрит на девушку и восклицает: «Бедный Джон! Бедный Джон!». Ты собиралась сказать: «Бедная Джил!»

— Ничего подобного. Я собиралась тебя поздравить. Такие девушки встречаются раз на тысячу.

— Я бы сказал, еще реже.

— Хоть я и не одобряю ее вчерашнюю выходку. Что тут, разбойничье гнездо? Мой брат грабит банк, моя сиделка грабит банк, мой дворецкий грабит банк, мой племянник грабит банк, его секретарша грабит банк…

— И ты бы грабила банк, если бы не лежала со сломанной ногой.

— Может быть, ты прав. Мы все мошенники, и ничего тут не поделаешь.

На лице Майка отразилось сомнение, как будто тетка в своих последних словах хватила лишку.

— Надеюсь, что так.

— В каком смысле?

— Я вспомнил шурина нашего суперинтенданта. Боюсь, как бы он чего не сделал.

— Что ты несешь? Какой шурин?

— Из Скотланд-Ярда. Гостит у Джессопа и заявился вместе с ним вчера ночью.

— Не может быть!

— Может, и мне показалось, что он не вполне поверил нашим объяснениям, хоть я и не сказал этого Джил, чтобы ее не тревожить.

— Ладно, меня ты встревожил. Что ему не понравилось?

— Дело в комбинации к сейфу. Я сказал, что всегда забываю ее и, по совету Ады, стал записывать в книжку. Самое смешное, что это правда. Грабители нашли ее — тут в нашей истории слабое место — и открыли сейф.

— На мой слух — очень правдоподобно.

— Не уверен, что на его тоже. Он промолчал, но у меня создалось впечатление, что он не вполне поверил. Мне не понравился его прищур. Он из этих, из новых — выпускников Кембриджа, Оксфорда или Хэпдонского полицейского колледжа, — а они известны своей башковитостью.

Мисс Бонд сердито фыркнула.

— Гори они синим огнем со своей башковитостью! Ничего не бойся. Этот обормот не заподозрит, что ты ограбил собственный банк.

— Заподозрил бы, если бы взял меня с поличным.

— Что невозможно.

— Наверное.

— Ну, разумеется!

— Ты меня очень успокоила, тетя Иззи. Значит, просто выбросим его из головы?

— Начисто. Нечего его боятся. Он успокоится на том, что работали профессионалы. А почему бы нет? Банки грабят сплошь и рядом. Странно, что «Банк Бонда» еще не обчистили.

— А не было чего-то такого в восемнадцатом веке?

— Вроде было, но в следующие сто лет — ни разу.

— Это потому, что рядом не оказалось Эпплби.

Мисс Бонд вспомнила, что давно хотела спросить про Горация. Из всех актеров ночной драмы он вызывал у нее самое жгучее любопытство.

— Расскажи мне про него. Абсолютно в твоем духе взять дворецким жулика. Ты и в детстве ничего не соображал. Явно криминальная физиономия, полагаю?

— Ничего подобного. Сама респектабельность. Надень на него гетры и шляпу с загнутыми полями — сойдет за епископа.

— Ну ты скажешь!

— Правда. Большинство епископов ему в подметки не годятся. Тебе надо на него посмотреть.

— Где он?

— В буфетной, надо думать.

— Наверное, ворует ложки.

— Он не украдет ложку, даже если родная бабушка будет просить его на смертном одре. Он переродился. Уходит от дел и женится на Аде Кутс. Будут жить безупречной жизнью на Ривьере. Он присмотрел дом недалеко от Канн. Из сентиментальных соображений, потому что ограбил его в юности, когда входил в шайку Дюплесси.

— Как сердцу те детские сцены милы.[62]

— В таком духе, хотя сомневаюсь, что он был тогда ребенком.

Говорит, что взбирался на стены домов.

Мисс Бонд минуту лежала в задумчивом молчании.

— Женится на этой милой девочке?

— И считает, что должен быть ее достоин.

— Очистился любовью хорошей женщины?

— В точку.

И снова мисс Бонд погрузилась в задумчивость. Возможно, она размышляла об идиллической жизни, которая ждет Эпплби, мистера и миссис, но вероятнее, нет, потому что заговорила о более приземленных вещах.

— Чемодан с деньгами. Где он?

— В шкафу, в кабинете. А что?

— На твоем месте я бы его перепрятала.

— Перепрятала?

— И поживей. Ты говоришь, этот Эпплби переродился. Все может быть, но вдруг он задумается и поймет, что не так уж очистился любовью хорошей женщины? Все бывает.

Майк вынужден был признать, что такое возможно. Многие люди, увидевшие свет, склонны его выключать, когда в них проснется ветхий Адам.

— Я понимаю, о чем ты.

— Иди и принеси его сюда. У меня он будет в безопасности.

Майк согласился, что совет здравый. Даже если Гораций, поддавшись алчности, решит взяться за старое, он не посмеет войти в святая святых мисс Бонд.

— Ты всегда права, тетя Иззи, — сказал он. — Сейчас же принесу. Он весит примерно тонну, и я наверняка надорвусь, пока буду втаскивать его по лестнице, но что с того? Если я умру в конвульсиях, всего лишь одной могилой станет больше среди холмов.

Чемодан, вынутый из шкафа, оказался весом и впрямь в тонну. Майк поставил его возле стола и без радости предвкушал, как они вместе будут преодолевать лестницу, когда сзади открылась дверь и раздался звучный голос Эпплби.

— Суперинтендант Джессоп и сержант Поттер, сэр, — сказал Гораций.

Глава XIV

В поведении двух служителей закона, когда те переступили порог кабинета, наблюдалась такая разница, что даже самый невнимательный взгляд не преминул бы ее отметить. Суперинтендант вошел первым с неловким видом кошки на раскаленных кирпичах или школьника, вызванного к директору. Для веллингфордца было почти святотатством вторгнуться в Мэллоу-холл с целью обыска. Феодальный дух в Англии сегодня уже не тот, но в тихих городках вроде Веллингфорда он еще сохраняется, особенно если его поддерживала такая сильная личность, как покойный сэр Хьюго. Суперинтенданту казалось, что портрет сэра Хьюго смотрит на него с гневным осуждением. Он полез за носовым платком и украдкой промокнул лоб.

Клод, в противоположность вспотевшему свояку, держался сверх обыкновения нагло. Он видел себя безраздельным хозяином ситуации, в отличие от Скотланд-Ярда, где ему приходилось почтительно оставаться в тени. До сих пор в подобных случаях его свободу самовыражения ограничивал инспектор, считавший, что сержанты должны молчать, пока к ним не обратятся.

— Доброе утро, — сказал он резким, властным голосом, с самого начала беря руководство операцией на себя. Суперинтендант, радуясь, что говорить будет человек, более к этому способный, поспешил отступить назад и занял позицию у Клода за спиной, где постарался стать маленьким и незаметным — трудная задача для человека его комплекции. Когда весишь пятьдесят стоунов, нелегко притвориться, будто тебя нет.

Майк вел себя скорее как суперинтендант, чем как его шурин. Спокойствие ему изменило. Если бы поэт Бернс вошел сейчас в кабинет и сравнил его с полевой мышью, чье гнездо разрушил своим плугом, Майк вынужден был бы подписаться под каждым словом.

— Доброе утро, — отвечал он, дивясь своему словообилию. Появление гостей произвело на него то же действие, какое в пору юношеских занятий боксом производил удар в солнечное сплетение. В любое другое время они застали бы его спокойным и вальяжным, но сейчас, когда чемодан стоял на виду, словно приглашая задать вопрос, беспечность начисто улетучилась. Оставалось надеяться, что он не слишком реалистично изображает гангстера в кинофильме, застигнутого сотрудниками ФБР.

Гораций, чья обычная невозмутимость слегка пошатнулась при виде чемодана, уже овладел собой и направился к двери, когда его маневр пресек повелительный окрик: «Стоять!». Обернувшись, он сказал:

— Простите, сэр, вы мне? Клод ответил, что ему.

— Вы желаете, чтобы я остался? Клод подтвердил, что желает.

— Очень хорошо, сэр, — сказал Гораций, и Клод перенес свое внимание на Майка.

— Я хотел бы, — сказал он, с каждым слогом беря все более официальный тон и чувствуя себя в отсутствие инспектора, как спущенный с поводка пес, — еще раз вспомнить события прошлой ночи. Не возражаете?

Если это было все, что он хочет, Майк не возражал. Покуда разговор не сворачивает в сторону чемоданов, он готов был вспоминать события прошлой ночи, сколько гостю заблагорассудится.

— Ничуть, — ответил он, надеясь, что это прозвучало достаточно искренне. — Давайте, сержант, давайте.

— Спасибо. — Клод повернулся к Горацию, который, как любой хороший дворецкий в подобных обстоятельствах, принял вид изделия, вышедшего из рук таксидермиста. — Вы сказали, что, выйдя из банка, вернулись.

— Да, сэр.

— И обнаружили, что сейфы открыты.

— Да, сэр.

— При помощи комбинации.

— Да, сэр.

— И оставлены открытыми.

— Да, сэр.

— Кто-то был очень небрежен.

— Да, сэр.

— Но к вашей выгоде.

— Не понимаю вас, сэр.

— Вы смогли обчистить банк без помощи мистера Йоста. Не требуется большой проницательности, — продолжал Клод, — чтобы проследить ваш с мистером Йостом план: вы отвлекаете полицию, он приходит и не спеша грабит банк. Однако вам подумалось, что Йост может улизнуть с денежками, и вы пошли в банк за ним присмотреть. Почему-то он не прибыл, а вы обнаружили комбинацию и поняли, что сможете обойтись без него. Просто, мой разлюбезный, совсем просто.

Гораций был ошеломлен. Дворецкий, что бы ему ни сказали, редко

поднимает брови больше чем на четверть дюйма, но Гораций поднял их на целые полдюйма. Можно было бы сказать, что у него перехватило дух, если бы он не заговорил:

— Вы шутите, мистер Поттер?

— Я не шучу, мистер Эпплби.

— Тогда, — с ледяным достоинством произнес Гораций, — я вынужден буду Принять Меры.

Многие, раздавленные его величавой манерой, дрогнули бы, но Клод только рассмеялся своим немелодичным смехом. Жизнь в Скотланд-Ярде очерствляет сердца.

— Великолепно, Эпплби! Сама оскорбленная невинность.

— Английские суды понимают, что главное достояние дворецкого — репутация. От нее зависит его способность зарабатывать на жизнь. Вы — при свидетелях — обвинили меня в преступлении, и я не могу этого так оставить. Вы будете иметь дело с моими поверенными.

И тут зазвонил телефон.

Внезапный звук, когда, казалось, вся Природа, замерши, внимает только что приведенным словам, парализовал Майка, и к аппарату шагнул Гораций. Далеко он, впрочем, не ушел, поскольку властное: «Стоять!» снова остановило его на полушаге.

— Я буду принимать все звонки, — сказал Клод, хватая трубку. — Алло? Кто говорит? Мистер Кто? Да, он здесь. Мистер Бонд, вас мистер Мортлейк, — сообщил он, удовлетворенный, что с этой стороны подвоха не ожидается. От свояка он слышал, что мистер Мортлейк — способный крикетист и состоит в каком-то родстве с начальником полиции графства. Очевидно, такой человек не может быть замешан ни в чем криминальном.

— Алло, Гасси, — сказал Майк голосом, в котором лишь самое нечуткое ухо заподозрило бы нотку приветливости.

Менее всего ему хотелось сейчас болтать с Огастесом Мортлейком.

— Кто это был? — спросил Гасси.

— Кто?

— Тип, с которым я говорил. Это ведь не дворецкий?

— Нет.

— Вот и мне так показалось. Голос другой, и не сказал мне: «сэр».

— Один человек. Зашел по одному делу.

— Какому?

— Что?

— По какому делу?

— Так, по одному.

— Ясно. Хотя это не важно.

— Да.

— Я позвонил, Майк, потому что у меня для вас радостная новость. Вам повезло. Помните Йоста?

— Слушайте, Гасси, у меня разговор.

— С этим типом?

— С каким типом?

— С которым я разговаривал.

— Да, да, да! В чем дело, Гасси? Чего вам надо?

— Я пытаюсь объяснить, а вы все время перебиваете. Сможете быть дома сегодня в двенадцать ровно?

— Уже почти двенадцать.

— Ну да. Так сможете?

— Да, я никуда не собираюсь. А что?

— Ровно в двенадцать некий Фрэнк Фонтескью зайдет вас продырявить.

— Что?!

— Да. Он друг Йоста, и Йост сплавил ему работу. Исключительно мило со стороны этого Фортескью было согласиться, а со стороны Йоста — привлечь его к этому делу. Так я и сказал, а он ответил, что весь извелся. Сказал, не привык подводить людей и жутко рад, что сумел-таки все уладить. Разумеется, вам придется отблагодарить Фортескью небольшой суммой, не может же он делать это за бесплатно, как Йост, в конце концов, он вам ни сват, ни брат, но все это можно будет утрясти позже. Да, чуть не забыл. Фортескью позвонит с черного крыльца, а не с парадного. Оказывается, Йост был в Мэллоу-холле, хотя как он туда попал, ума не приложу, разве что в тот день, когда всех пускают за два шиллинга или за сколько, но, в общем, он присоветовал Фонтескью заднее крыльцо. Кусты и все такое. Ему, разумеется, нужны какие-то зеленые насаждения, чтобы в них скрыться. И не бойтесь, что Фортескью промажет. Йост говорит, он классный стрелок. Ладно, это все, — заключил Гасси. — Не забудьте. Черное крыльцо. В двенадцать ровно. Пока.

Если Майк вообще о чем-нибудь думал, возвращаясь от телефона, то лишь об одном: как бы ни развивались события, он всеми силами постарается не приближаться к заднему крыльцу. Еще он кипел негодованием на Чарли Йоста. Вот нудный формалист! Почему нельзя было оставить все, как есть? Такие вот чарли йосты отравляют окружающим жизнь, из-за них у безобидных благонамеренных людей возникает чувство, будто мышцы в ногах заменили дешевыми ватными

протезами. Он кое-как доковылял до кресла, а Клод возобновил беседу с Горацием:

— Вы говорили про поверенных, Эпплби.

— Я сказал, вы будете иметь дело с ними. Они проинструктируют адвоката, и первым его вопросом к вам в суде будет: как я заполучил комбинацию к сейфу?

— На это я отвечу, что вы получили ее от своего сообщника Бонда. Неужто я, по-вашему, так прост, что не различил здесь преступный сговор? Мой разлюбезный, ах, мой разлюбезный! — сказал Клод, и Майк подпрыгнул, как семечко бешеного огурца. Вновь он испытал то неприятное чувство, будто ему с силой двинули под дых. Глаза заволокла пелена, в центре которой сержант Клод Поттер двигался скачкообразно, как персонажи старых немых картин.

Гораций хранил невозмутимость.

— Защитник спросит: зачем мистеру Бонду грабить собственный банк?

— А я отвечу, потому что он был на грани краха и надеялся списать недостачу на грабителей.

— Мистер Поттер, ваше воображение меня изумляет.

— И меня! — вскричал Майк, внезапно обретая голос. — Из всех бредовых выдумок! Из всех диких обвинений! Из всех позорных…

— Клеветнических, сэр.

— Спасибо, Эпплби. Из всех клеветнических…

— Измышлений, сэр.

— Еще раз спасибо, Эпплби. Из всех клеветнических измышлений, которые я когда-либо слышал, это — бьет все рекорды. Кто ваши поверенные, Эпплби?

— Боджер, Боджер, Боджер…

— Хорошо.

— И Боджер.

— Еще лучше, — добавил Майк, чувствуя, что четыре Боджера — сила. — И что, толковые?

— Очень, сэр.

— Тогда очень скоро вы получите от Боджера, Боджера, Боджера и Боджера не одно послание, а два, мистер Поттер.

— Буду счастлив, — отвечал Клод. — А пока я намерен отыскать в этом доме похищенные деньги. Ордер при вас?

— Угу, — отвечал суперинтендант, внося свой первый и последний вклад в разговор.

— Тогда давайте…

Фраза осталась незаконченной. Глаза Клода зажглись внезапным огнем, как у тетушки Изабеллы, когда той случалось отгадать слово в кроссворде. Он поднял руку, как будто собирался погладить свои гадкие усики, но в действительности указал пальцем на пол.

— *Что в этом чемодане?* — вопросил он. — Откройте чемодан! — добавил он голосом, таким громким и звонким, что даже Гораций немного подпрыгнул, а горничная Айви, только что появившаяся в дверях, вынуждена была еще раз повторить свое сообщение. Ее первая попытка привлечь внимание хозяина утонула в словах Клода.

— Там у черного крыльца джентльмен, спрашивает вас, мистер Бонд, — сказала она.

Клод вздрогнул, или, как сформулировал бы словарь синонимов, совершил резкое непроизвольное движение. Он подозрительно относился к людям, которые звонят этому мошеннику Бонду по телефону, но стократ подозрительнее — к тем, кто спрашивает его с заднего крыльца. Его решительные глаза зажглись еще большей решительностью. Он чувствовал, что дело пошло, и хотя не завопил: «Ату!», но недвусмысленно выразил это своим поведением.

— *Я* поговорю с этим джентльменом, — коротко сказал он. — Будьте любезны оставаться на месте, мистер Бонд.

Майк вскочил. Ему не за что было любить Клода Поттера, которого он никогда не пригласил бы погостить в Мэллоу-холле или прогуляться на досуге по окрестностям, но он был человек.

— Нет! — вскричал Майк. — Сделайте одолжение, не надо!

Клод издал короткий, резкий, немелодичный смешок.

— Боюсь, что в своем официальном качестве я не могу делать людям одолжения, мистер Бонд.

Когда дверь за ним закрылась, Гораций кашлянул.

— Джентльмен, который нас только что покинул, действительно приходится вам шурином, мистер Джессоп?

— Угу.

— Мои соболезнования.

— И мои, — добавил Майк.

— Он показался мне резковат, — продолжал Гораций, — и не так спокоен, как Вер-де-Веров знатный род.[63] Он запланировал длительное пребывание?

— Две недели.

Майк покачал головой.

— Сомневаюсь, что он пробудет здесь так долго, — сказал он, и при этих словах издалека донесся приглушенный расстоянием выстрел. У суперинтенданта вырвался взволнованный возглас. Он метнулся к выходу, насколько возможно метнуться человеку его комплекции. Гораций степенной походкой направился ему вслед.

Майк, закрыв глаза, осел в кресло. В углу высокие напольные часы начали бить двенадцать.

Глава XV

Гораций вернулся через десять минут и один.

— Простите, сэр, что замешкался и не сразу сообщил вам о происшедшем, — сказал он, — но у Айви случилась истерика, и пришлось плеснуть ей в лицо воды. Это заняло время.

— Побоку Айви.

— Да, сэр, она, как вы справедливо заметили, второстепенный сюжет. Впрочем, могу добавить, что она вполне успокоена, хоть и мокрая. Боюсь, сэр, что мы некоторое время будем лишены радости лицезреть сержанта Поттера.

— Он жив?

— Да, сэр, но получил тяжелое телесное ранение, которое ограничит его общественную деятельность примерно на неделю. Суперинтендант повез его в больницу на машине. Мы воспользовались моей рубашкой, чтобы остановить кровь.

— Много было?

— Сэр?

— Крови.

— Да уж, сэр. Если воспользоваться выражением Великолепного Башвиля[64] из пьесы мистера Бернарда Шоу, он был весь червлень.

— Где его ранили?

— У заднего крыльца, сэр.

— Я имел в виду, куда?

— А, простите, сэр, я неверно вас понял. В мясистую часть правого предплечья. Болезненно, конечно, но не опасно.

— Не страшнее сильной простуды.

— Сэр?

— Ничего. Взглянем правде в глаза: сержант Поттер из тех, кто напрашивается на что-то подобное.

— Всецело согласен, сэр. Не помню, чтобы встречал человека, к которому испытывал бы столь отчетливую неприязнь. Хотя мне говорили, что такая манера вообще свойственна Скотланд-Ярду. Думаю, это происходит от общения с преступниками самого низкого разбора. Желаете капельку бренди, сэр?

— Нет, спасибо.

— Очень укрепляет нервную систему.

— Моя нервная система в порядке. Хотя не была, когда он заинтересовался чемоданом.

— Не отрицаю, весьма нелегкий для ответа вопрос в данных обстоятельствах. Поневоле чувствую, что приход Айви был провиденциальным. Чувствуешь, что нас, если можно так выразиться, *оберегали.*

— Без ангелов-хранителей здесь дело не обошлось.

— Да, сэр. Однако я должен признаться, сэр, что несколько озадачен появлением загадочного стрелка. Чем сержант Поттер вызвал его неудовольствие? Откуда он знал, что сержант Поттер здесь? И почему, если его целью был сержант Поттер, он спросил вас?

Майк замялся. У каждого человека есть свои маленькие секреты, которые он предпочел бы оставить при себе. С другой стороны, события прошлой ночи и нынешнего утра оставили у него впечатление, что тут случай особый. Их с Горацием связали неувядающие воспоминания, как двух боевых товарищей, твердо стоявших плечом к плечу. Он решил рассказать все.

— Это я могу объяснить. Его целью был не сержант Поттер, а я.

— Вы, сэр?

— Да. История долгая, попробую рассказать вкратце. Я застрахован у Ллойда на крупную сумму от телесного повреждения, нанесенного с целью убийства, и этот человек должен был в меня выстрелить, не с целью убийства, разумеется, но чтобы так выглядело. Договаривались через моего знакомого, поэтому он ни разу меня не видел и выстрелил в того, кого счел мной. Это был единственный способ добыть деньги.

Гораций покачал головой — не потому, что осуждал подобные методы, но потому, что не верил в их действенность.

— Ничего бы не вышло, сэр.

— Думаете?

— Эти страховщики всегда выкрутятся. Списали бы на несчастный случай.

— Скорее всего, вы правы. Так или иначе, я снова в затруднительном положении. Если вернуть чемодан, банку конец. Если нет, меня посадят в тюрьму. Поттер распространит свои подозрения, будет расследование, и правда всплывет.

— И впрямь дилемма, сэр.

— Да уж. Невольно пожалеешь, что этот субъект не взял левее и не прострелил Поттеру голову.

— Печальней слов не выведет перо, чем эти: «так могло бы статься».

Однако у меня есть предложение, сэр, которое, полагаю…

Он не договорил, потому что открылась дверь, и вошла Айви, почти обсохшая, но еще не та веселая беспечная Айви, которая пленила сердце сержанта Герберта Брюстера.

— Ой, мистер Эпплби, — сказала она. — Два джентльмена.

— Эта фраза безусловно нуждается в глаголе, милочка. Что эти два джентльмена?

— Ждут вас, мистер Эпплби. Я проводила их в буфетную. Мистер Смита и мистер Ферди.

— Конечно, — сказал Гораций, светлея. — Мои бывшие коллеги, сэр. Я попросил их зайти. Если вы извините меня на минуту.

Не успел он выйти, как появилась Джил.

— Сообщение тебе, мой прекрасный принц, — сказала Джил. — Твоя близкая родственница желает знать, что с тобой. Поправка. На самом деле она сказала: «Пойдите узнайте, куда запропастился этот недоумок». По-видимому, ты должен был принести чемодан, но минуты ползут, а чемодана все нет. В чем заминка?

— У меня были посетители. Суперинтендант Джессоп и его шурин, сержант Поттер из Скотланд-Ярда. Боюсь, дела не совсем хороши.

Джил потемнела лицом. Она раздвинула было губы, чтобы прибегнуть к панацее дядюшки Вилли, но сказала, слабым голосом, следующее:

— Говори. Я выдержу.

Нелегко было Майку рассказать все, но он справился. Когда он закончил, Джил заговорила еще более слабым голосом.

— Ой, Майк, — сказала она, — значит, мы снова там, откуда начали?

— Да.

Долгое горестное молчание нарушил Гораций, вошедший в сопровождении Смити и Ферди.

Майк взглянул на них неприязненно. Он собирался заключить Джил в объятия и по возможности утешить, а тут эта помеха. Он не ожидал, что Гораций вернется, тем более с друзьями.

Кроме того, ему неприятен был самодовольно-бодрый вид Горация. Так, думалось ему, выглядит человек, говорящий себе, что пусть у некоторых глухая ночь без берегов и последний свет потух, сам он устроился как нельзя лучше. Гораций, казалось, предвкушает идиллическую жизнь в холмах неподалеку от Канн и плевать хотел на мрачные перспективы Майка Бонда. Не так положено вести себя боевым товарищам, твердо стоявшим плечом к плечу. Если бы сейчас Майка попросили вкратце охарактеризовать Горация Эпплби, он назвал бы его

жирным бесчувственным индюком.

Гораций, не ведая об этом безмолвном осуждении, представил новоприбывших:

— Позвольте представить, сэр, мистера Монтгомери Смита и мистера Фердинанда Рипли. Мисс Уиллард с ними уже знакома.

— Добрый день, мисс, — учтиво произнес Смити. — Надеюсь, вчерашняя ночь не имела для вас никаких дурных последствий?

— К сожалению, имела.

— Печально слышать, мисс.

— Я несколько подавлена.

— Ах-ах.

— Эпплби, — сказал Майк, ерзая в кресле, как будто его кусают муравьи. — Не хочу показаться негостеприимным, но не могли бы вы на короткое время оставить нас с мисс Уиллард наедине? Нам много что надо обсудить.

— Вполне понимаю, сэр, — сказал Гораций, жестом останавливая Ферди, который собрался было открыть рот, — но если вы потерпите нас еще минутку, то увидите, что это не пустой светский визит. Мы хотим сделать вам деловое предложение, мистер Бонд. Мистер Смит и мистер Рипли избрали меня своим представителем. Можно мне говорить от вашего имени, Смити?

— Да, конечно, шеф.

— А от вашего, Ферди?

— Еще как!

— Тогда я могу продолжать. Если припомните, сэр, когда Айви вошла сообщить о прибытии этих двух джентльменов, я говорил о предложении касательно той неприятной ситуации, в которой вы оказались. «Банк Бонда» стеснен в средствах, и мы с друзьями считаем, что это недопустимо. Посему мы предлагаем внести сумму, которая покроет нехватку и вновь укрепит финансовое положение банка.

Майку снился чудесный сон, как будто он сидит в кабинете и горько размышляет о невозможности добыть денег и не попасть в тюрьму, и тут, как это бывает во сне, входит Гораций Эпплби и предлагает все уладить. Сон был невероятно четок, и в следующий головокружительный миг Майк понял, почему: все это происходило в реальности.

Первым делом его пробила дрожь, словно по креслу, в котором он сидел, пропустили ток. Невидимый оркестр заиграл тихую музыку, воздух наполнился благоуханием прорастающих сквозь пол фиалок и роз.

Это длилось несколько мгновений, потом Майк вспомнил размер того,

что Гораций назвал «стесненностью в средствах». Оркестр смолк, фиалки и розы увяли на стебельках.

— Эпплби, — сказал он, — не знаю, как вас и благодарить.

— Не стоит благодарности, сэр.

— …и вас, джентльмены. Однако, когда вы услышите, о какой сумме идет речь…

— Быть может, вы будете так любезны нас просветить, сэр.

— Примерно сто тысяч фунтов.

— Это не составит затруднений.

— Не составит?!

— Примерно такую сумму я и предполагал. Помните, как я это вам говорил, Смити?

— Помню, шеф.

У Майка по-прежнему плыло перед глазами. Он хрипло проговорил:

— Но сто тысяч фунтов!

— Вполне нам по силам, сэр. Смити?

— Даю двадцать пять тысяч.

— Ферди?

— И я.

Гораций взирал на обоих финансистов со счастливой улыбкой, как гувернантка, чьи питомцы успешно ответили на вопрос о главных реках Англии или об овчине, пеньке и свечном сале, которые некоторые страны почему-то так любят экспортировать.

— Смити и Ферди всегда полагались на мои советы касательно вложения средств, и я смог заверить их, что в «Банке Бонда» капиталы и проценты будут в наибольшей безопасности. Вы спрашиваете себя: «А как же оставшиеся пятьдесят тысяч фунтов?». Я буду счастлив их внести. Много лет, сэр, мы действовали весьма успешно и жили экономно. Мне удалось сколотить скромный капиталец, и, полагаю, Смити и Ферди — два самых обеспеченных грабителя в Англии.

— Благодаря вам, шеф, — сказал Смити, и Гораций еще немного расцвел.

— Смити — мой горячий поклонник. Как говорят французы, больше роялист, чем сам король. Значит, сэр, мы можем считать, что сделка улажена. Когда вы сочтете удобным, можно будет составить нужные бумаги, пока же будем считать это джентльменским соглашением. Теперь, думаю, все, сэр.

— Не совсем, — сказала Джил. — Осталось сказать, мистер Эпплби, что вы — ангел во плоти.

— Спасибо, мисс.

— И вы, мистер Смит.

— Спасибо, мисс.

— И вы, мистер Рипли.

— Всегда рад служить, мисс.

— Подписываюсь двумя руками, — сказал Майк, — но при одном условии.

— Сэр?

— Вот оно. Я не могу допустить, чтобы вы постоянно говорили мне «сэр». Господи, Эпплби, вы понимаете, что для меня сделали? Вы спасли мне жизнь. Могу ли я слышать «сэр» из уст… как мне вас назвать?

— Душечки-зайчика? — предположила Джил.

— В точку. Но душечки-зайчика, которому я должен целовать подол платья.

Гораций заметно растрогался. Впервые за тридцать лет щеки его порозовели.

— Мой разлюбезный, ах, мой разлюбезный, — сказал он.

Рассказы

БОЛЬШАЯ ИГРА

Летний день клонился к закату. Длинные тени каштанов уже ложились на террасу гольф-клуба, а пчелы, задержавшиеся к этому часу на цветочных клумбах, походили на усталых бизнесменов, готовых, наконец, отложить работу и отправиться в ресторан, а после в театр. Старейшина клуба приподнялся в своем любимом кресле, посмотрел на часы и зевнул.

В ту же минуту из-за холма, со стороны восемнадцатой лунки, донеслись пронзительные крики — видимо, подошел к концу какой-то затянувшийся матч. Шум голосов приблизился, и на холме показалась небольшая компания. Возглавляли ее двое, оба невысокие и коренастые. Первый выглядел довольным, второй — расстроенным. Их сопровождали друзья и болельщики, один из которых, улыбающийся молодой человек, зашел на террасу, где сидел старейшина.

— К чему такой крик? — поинтересовался тот. Юноша опустился в кресло и закурил.

— Перкинс и Бростер, — ответил он, — шли вровень после семнадцатой лунки и решили поднять ставки до пятидесяти фунтов. Оба добрались до грина в семь ударов, и Перкинсу всего-то нужно было попасть с полуметра, чтобы свести матч к ничьей. Он промахнулся. Эти двое играют по-крупному.

— Занятно, — произнес старейшина, — большие ставки обычно делают те, на чью игру невозможно смотреть без содрогания. Чем выше мастерство игрока, тем меньше он ставит на кон. Только самым никчемным гольфистам свойственно подогревать интерес к игре большими деньгами. Однако я не назвал бы пятьдесят фунтов такой уж серьезной суммой для Перкинса и Бростера, ведь оба они достаточно хорошо обеспечены. Вот если вам угодно послушать… Челюсть молодого человека слегка отвисла.

— Ой, надо же, я и не думал, что уже так поздно, — залепетал он, — мне нужно…

— …о действительно крупной ставке…

— Я обещал…

— …я с удовольствием расскажу, — закончил старейшина.

— Погодите, — угрюмо сказал юноша, — это не о том, как двое влюбляются в одну девушку и играют матч, чтобы решить, кому она достанется? Если так, то…

— Ставка, о которой я говорю, — ответил старейшина, — гораздо больше и значительнее, чем любовь женщины. Итак?

— Ладно, — сдался его собеседник, — давайте уж.

— Как известно, не в деньгах счастье, — начал старейшина. — Пример тому — Бредбери Фишер, герой моей истории. У него, одного из самых известных нуворишей Америки, было две печали: застрявший на двадцати четырех гандикап и неодобрительное отношение жены к реликвиям гольфа из его коллекции. Однажды, увидев, как он любуется брюками, в которых Френсис Уйме победил Вардона и Рея в исторической переигровке[65] на открытом национальном чемпионате, жена спросила, не лучше ли коллекционировать что-нибудь стоящее, вроде старых мастеров или прижизненных изданий.

Подумать только, «стоящее»! Бредбери простил ее, потому что любил, но обиду забыть не смог.

Как и многие из тех, кто пристрастился к гольфу в зрелом возрасте, понапрасну растратив молодость на коммерческие устремления, Бредбери Фишер был предан игре всей душой. Хоть он изредка и наведывался на Уолл-Стрит, чтобы отнять миллион-другой у мелких инвесторов, главное место в его жизни занимали гольф и коллекция. Он начал собирать ее, как только увлекся гольфом, и очень ею дорожил. Воспоминания о том, что жена не позволила ему приобрести запонку Д. Г. Тейлора[66] за какие-то несколько сотен фунтов, камнем лежали у него на душе.

Эта неприятность постигла Бредбери в Лондоне. Сейчас он возвращался в Нью-Йорк, а жена еще ненадолго осталась в Англии. Всю дорогу Бредбери был угрюм и печален, а во время корабельного концерта, куда его занесла нелегкая, даже сказал стюарду, что если у самозваной певицы, только что исполнившей «Мой домик на Диком Западе», хватит наглости выйти на бис, пусть она свернет себе шею на какой-нибудь высокой ноте.

Таково было настроение Бредбери Фишера, когда он пересекал океан, таким оно осталось и по возвращении домой в Голденвиль, что на Лонг-Айленде. Задумчиво сидел он с послеобеденной сигарой в версальской гостиной, когда вошел Близзард, английский дворецкий, и сообщил, что мистер Глэдстон Ботт желает переговорить с ним по телефону.

— Ботт? Пусть проваливает, — ответил Бредбери.

— Очень хорошо, сэр.

— Нет, лучше я сам с ним разберусь, — Бредбери подошел к аппарату. «Алло», — резко бросил он в трубку.

Не нравился ему этот Ботт. Бывают люди, которым словно судьбой начертано всю жизнь оставаться соперниками. Так было с Бредбери Фишером и Д. Глэдстоном Боттом. Они родились в одном городишке с разницей в несколько дней, почти одновременно переехали в Нью-Йорк и с тех пор шли ноздря в ноздрю. Фишер на два дня раньше Ботта заработал первый миллион, зато первому разводу Ботта газетчики уделили на пару абзацев больше внимания, чем разводу Фишера.

В знаменитой тюрьме Синг-Синг, где каждый из них провел несколько счастливых лет молодости, они на равных сражались за блага, которые предлагало это заведение. Фишер застолбил за собой место кетчера в бейсбольной команде, а Ботт обскакал Фишера, когда хору понадобился тенор. Ботта выбрали для участия в состязании ораторов Синг-Синг и Оберна,[67] зато Фишеру в последний момент удалось попасть в команду кроссвордистов, в то время как Ботт остался в запасе.

Одновременно они начали играть в гольф, и их гандикапы всегда были одинаковы. Неудивительно, что Фишер и Ботт недолюбливали друг друга.

— Привет, — ответил Глэдстон Ботт. — Вернулся? Послушай, Фишер. Есть у меня одна интересная вещица. Думаю, подойдет для твоей коллекции.

Бредбери Фишер смягчился. Ботт был ему неприятен, однако это еще не повод отказываться от сделки. Ботт, конечно, ни в чем не разбирается, но вдруг ему посчастливилось наткнуться на что-нибудь ценное. Бредбери с облегчением подумал, что жена сейчас за три тысячи миль от дома, и ее всевидящее око не следит за каждым его шагом.

— Я только что вернулся с юга, — продолжил Ботт, — привез детскую клюшку Бобби Джонса.[68] Именно ею он первый раз в жизни играл на чемпионате Атланты, штат Джорджия, среди детей, у которых прорезались еще не все зубы.

Бредбери ахнул. До него доходили слухи о существовании такого сокровища, но он им не верил.

— А это точно? — спросил он. — Ты уверен, что она подлинная?

— У меня письменные ручательства мистера Джонса, миссис Джонс и няни.

— Сколько, Ботт, старина? — запинаясь, произнес Бредбери. — Сколько ты хочешь за клюшку, Глэдстон, дружище? Я дам сто тысяч долларов.

— Ха!
— Пятьсот тысяч.
— Ха-ха!
— Миллион.
— Ха-ха-ха!
— Два миллиона.
— Ха-ха-ха-ха!

Бредбери Фишера словно поджаривали на сковороде. Лицо исказила гримаса. В душе с быстротой молнии сменялись ярость, отчаяние, ненависть, злость, боль, досада и возмущение. Однако, когда он снова заговорил, голос был вкрадчивым и любезным.

— Глэдди, старичок, — сказал он, — мы столько лет с тобой дружим.
— Нет, не дружим, — ответил Глэдстон Ботт.
— Дружим-дружим.
— Ничего подобного.
— Пусть так, а что скажешь на два миллиона пятьсот?
— Держи карман. Послушай, тебе и впрямь так нужна эта клюшка?
— Нужна, Ботти, старикашечка, очень нужна.
— Так вот. Меняю ее на Близзарда.
— На Близзарда? — с дрожью в голосе переспросил Фишер.
— На Близзарда.

Пожалуй, до сих пор из повествования о двух миллионерах можно было заключить, что никто из них ни в чем не превосходил соперника. Однако это не так. Вообще говоря, чем бы ни похвастался один, у другого всегда находилось что-нибудь равноценное. Лишь в одном преимущество Бредбери Фишера не вызывало сомнений — у него был лучший на всем Лонг-Айленде английский дворецкий.

Близзард был бесподобен. К сожалению, в наши дни английские дворецкие все меньше и меньше соответствуют овеянному легендами образу, созданному их предшественниками. Современный дворецкий так и норовит оказаться стройным молодым человеком в прекрасной физической форме, которого легко принять за члена семьи. Близзард же принадлежал к старой доброй школе; прежде чем попасть к Фишерам, он пятнадцать лет прослужил у графа и, судя по виду, за эти годы и дня не прожил без пинты портвейна. Портвейн, выпученные глаза и три подбородка — в этом был весь Близзард. У него были ноги колесом, а при ходьбе нижняя часть жилета выступала, словно авангард в королевском параде.

Сознание, что Ботт страстно желает заполучить Близзарда, давно

согревало Бредбери душу. Однако никогда раньше Ботт не выражал свои чувства открыто.

— На Близзарда? — прошептал Фишер.

— На Близзарда, — твердо ответил Ботт. — У жены на следующей неделе день рождения, и я как раз подбираю подарок.

Бредбери Фишер содрогнулся, ноги стали, как ватные. На лбу выступили капельки пота. Слишком уж велико было искушение.

— Может, возьмешь три миллиона… или четыре… или что-нибудь вроде того?

— Нет. Мне нужен Близзард. Бредбери вытер платком взмокший лоб.

— Так тому и быть, — еле слышно сказал он.

Тем же вечером прибыла детская клюшка Джонса. Несколько часов Бредбери Фишер любовался ею с чистой радостью коллекционера, которому удалось заполучить настоящее сокровище, потом мало-помалу начал понимать, что натворил.

Он задумался о жене и о том, что она скажет, когда все узнает. Близзард был гордостью и отрадой миссис Фишер. Ей, подобно поэту, не доводилось лелеять лани нежной,[69] но случись такое, она не привязалась бы к этой самой лани больше, чем к Близзарду. Даже сейчас мысли ее нет-нет да и возвращались к оставленному дома любимцу. Вот и сегодня Бредбери обнаружил, что в его отсутствие пришли три телеграммы.

Первая вопрошала:

> Как Близзард? Жду ответа.

Вторая:

> Как радикулит Близзарда? Жду ответа.

Третья:

> Икота Близзарда. Как она? Попробуй «Тонизирующий бальзам доктора Мерфи». Все рекомендуют. Три раза день после еды. Принимать неделю. Сообщи результат.

Не нужно быть ясновидящим, чтобы понять: если, возвратившись домой, она узнает, что Бредбери обменял Близзарда на детскую клюшку для гольфа, развода не избежать. Любой суд присяжных в Америке единогласно примет решение в ее пользу. Первая жена получила развод по

гораздо более пустяковому поводу. Да и вторая, и третья, и четвертая. А ведь эту жену Бредбери любил. Было в его жизни время, когда, потеряв жену, он относился к этому философски, зная, что мгновенно найдет другую. Однако с возрастом появляются постоянные привычки, и Бредбери уже не мыслил себя без нынешней спутницы жизни.

Итак, что делать? Что же, черт возьми, делать-то?

Положение было безвыходным. Ничто, кроме Близзарда, не удовлетворит алчность завистливого Ботта. Но и о том, чтобы расстаться с клюшкой, подержав ее в руках, и речи быть не могло.

Всю ночь он беспокойно ворочался в кровати (эпохи Людовика XV), и вот, уже под утро, у него созрел грандиозный план.

На следующий день Бредбери отправился в гольф-клуб, где ему сообщили, что Ботт играет со своим знакомым, тоже миллионером. Ждать пришлось недолго, Ботт скоро появился.

— Эй, — сказал Глэдстон Ботт, как всегда не поздоровавшись, — когда, наконец, я увижу своего дворецкого?

— В самое ближайшее время, — ответил Бредбери.

— Я ждал его вчера.

— Скоро получишь.

— Чем его кормить? — поинтересовался Ботт.

— Да тем же, что ешь сам. Когда жарко, добавляй серу в портвейн. Расскажи лучше, как сыграл?

— Проиграл. Чертовски не везло.

Глаза Бредбери Фишера засверкали. Пробил его час.

— Не везло? — сказал он. — Как это «не везло»? Везение тут ни при чем. Ты вечно жалуешься на удачу. Может, ты просто плохо играешь?

— Что?!

— Ты никогда не сможешь играть в гольф, если не освоишь азы. Вспомни, как ты бьешь по мячу.

— Ну и как же я бью по мячу?

— А так, неправильно. При правильном замахе клюшка отводится назад, а вес тела плавно переносится на правую пятку и подушечки пальцев левой ноги. Однако как ни работай над техникой — все равно ничего не выйдет, если не перестанешь вертеть головой во время удара, потому что нужно смотреть на мяч.

— Эй!

— Очевидно, что при замахе нельзя делать резких движений, так как это приводит к потере равновесия. Ты должен понять, что совершенно необходимо…

— Эй! — прервал его Глэдстон Ботт.

Он был потрясен до глубины души. Ботт мог часами выслушивать подобные рассуждения от профессионалов или знакомых игроков с нулевым гандикапом. Гандикап Бредбери Фишера равнялся двадцати четырем, и Ботт свято верил, что может разделать Фишера под орех в любое время дня и ночи.

— С чего ты взял, — с жаром спросил он, — что можешь учить меня гольфу?

Бредбери Фишер усмехнулся про себя. Все шло в точности по его коварному плану.

— Друг мой, — ответил он, — я просто хотел помочь.

— Каков нахал! Да я разнесу тебя в пух и прах, только дай.

— Легко сказать.

— *Я* тебя дважды обыграл за неделю до твоего отъезда в Англию.

— Конечно. Кто же станет играть в полную силу, когда на кону лишь несколько тысяч долларов. Ты не посмеешь сыграть со мной на что-нибудь стоящее.

— Когда угодно и на что угодно.

— Прекрасно. Сыграем на Близзарда?

— А ты что поставишь?

— Все равно. Пара железных дорог подойдет?

— Лучше три.

— Договорились.

— Как насчет следующей пятницы?

— Отлично, — ответил Бредбери Фишер.

Ему казалось, что неприятности позади. Как и все гольфисты с гандикапом двадцать четыре, он нисколько не сомневался, что легко одолеет любого игрока своего уровня. А уж от Глэдстона Ботта он не оставит и мокрого места — стоит лишь заманить его на поле.

Однако когда наступило утро судьбоносного матча, Бредбери Фишер неожиданно почувствовал себя не в своей тарелке. Слабаком он никогда не был. Его хладнокровие в ответственные минуты давно стало легендой на Уолл-Стрит. Во время известных событий, когда Б. и Г., объединившись, напали на В. и Д., и Фишеру, чтобы не упустить из рук Л. и М., пришлось скупать акции С. и Т., он и бровью не повел. А вот сейчас, за завтраком, пытаясь подцепить вилкой кусок бекона, он дважды промахнулся мимо тарелки, а на третий раз чуть не проткнул себе щеку. Один вид Близзарда — такого спокойного, такого уверенного, во всех отношениях

превосходнейшего дворецкого, — окончательно лишил Бредбери присутствия духа.

— Я сегодня сам не свой, Близзард, — сказал он, натужно улыбнувшись.

— Да, сэр. Вы действительно выглядите обеспокоенным.

— Точно. Играю сегодня в гольф. Очень важный матч.

— В самом деле, сэр?

— Надо взять себя в руки, Близзард.

— Да, сэр. Если позволите, осмелюсь дать совет: во время игры постарайтесь ровно держать голову и смотреть прямо на мяч.

— Обязательно, Близзард, обязательно, — ответил Бредбери Фишер, расчувствовавшись. — Спасибо за совет, Близзард.

— Не за что, сэр.

— Как радикулит, Близзард?

— Немного лучше. Благодарю вас, сэр.

— А икота?

— В последнее время отмечается небольшое, быть может, временное, облегчение, сэр.

— Хорошо, — сказал Бредбери Фишер.

Твердым шагом он вышел из комнаты и направился в библиотеку — немного почитать Джеймса Брейда,[70] а именно, замечательную главу об игре в ветреную погоду. Утро выдалось ясным и солнечным, но лучше быть готовым к неожиданностям. Затем с чувством выполненного долга Бредбери Фишер велел подать машину и отправился в клуб.

Глэдстон Ботт с двумя кэдди уже дожидался его. Соперники обменялись приветствиями, бросили жребий, и Ботт, которому выпала честь начинать игру, отправился выполнять первый удар.

Среди гольфистов с гандикапом двадцать четыре существует великое множество разновидностей, не все из которых до конца изучены наукой, однако в самом широком смысле выделяются два типа — безрассудные и осторожные. Первые бесстрашно стараются сыграть любую лунку одним, но блестящим ударом. Другие раз за разом предпочитают довольствоваться скромной девяткой. Глэдстон Ботт был из когорты осторожных. Он потоптался на месте, будто курица на заднем дворе, а потом несильным ударом послал мяч на семьдесят метров точно вдоль фервея. Затем настал черед Бредбери Фишера.

Вообще-то Бредбери Фишер всегда предпочитал рискованную манеру игры. Как правило, при замахе он отрывал от земли левую ногу, сильно

отклонялся назад, перенося вес на правую, затем резко подавался вперед и яростно рассекал воздух клюшкой в надежде попасть по мячу. Временами такая техника приводила к успеху, хотя ее очевидным недостатком была некоторая ненадежность. Во всем клубе только Бредбери Фишеру да местному чемпиону когда-либо удавалось попасть на грин второго поля одним ударом. С другой стороны, только Бредбери Фишер сумел однажды послать мяч со стартовой отметки одиннадцатого поля прямиком к шестнадцатой лунке.

Однако в этот день из-за чрезвычайной важности матча в нем произошли чудесные перемены. Твердо стоя на обеих ногах, он колдовал над мячом, будто боялся его сломать. Замах Бредбери походил на замах Глэдстона Ботта, и мяч тоже пролетел семьдесят метров по красивой аккуратной дуге. Ботт ответил ударом метров на восемьдесят. Бредбери не отставал. Так, медленно прокладывая путь через поле, они добрались до грина, где Бредбери, ловко орудуя паттером, поразил цель третьим ударом, и счет остался ничейным.

Вторая лунка была точной копией первой, а третья и четвертая — второй. Однако на грине пятого поля ветер удачи переменился. Чтобы выиграть лунку, Глэдстону Ботту нужно было попасть метров с шести. Как и во всех предыдущих розыгрышах, его удар был направлен куда угодно, только не к лунке. Мяч подпрыгнул на неприметном бугорке, ушел на пару метров влево, снова наткнулся на бугорок, отклонился вправо, затем отскочил от сучка и опять покатился влево, а вскоре затрепетал в лунке.

— Один вверх, — объявил Ботт. — Ну и хитрые тут поля попадаются. Такой рельеф, что смотри в оба.

На шестой лунке Ботт готовился выполнить удар с границы грина, как вдруг где-то неподалеку пронзительно заревел осел. Ботт вздрогнул от неожиданности и непроизвольным движением руки, державшей клюшку, послал мяч точно в цель.

— Отлично, — сказал Глэдстон Ботт.

Седьмая лунка была короткой, но путь к ней стерегли две большие ловушки, между которыми пролегала узкая полоска дерна. Удару Глэдстона Ботта не хватило силы, но мяч, прокатившись через раф, прошел по самому краю оврага, затем повернул в сторону грина, набрал скорость, удачно скатившись с какого-то взгорка, и мгновением позже упал в лунку.

— Уф, чуть не промахнулся, — вздохнул Глэдстон Ботт с облегчением.

В глазах Брэдбери Фишера все плыло и плясало. Ничего подобного он не ожидал. Если так пойдет дальше, то, чего доброго, лунки, словно стая

голодных собак, сами начнут охотиться за мячами Ботта по всему полю.

— Три вверх, — подвел итог Глэдстон Ботт.

Бредбери Фишер стиснул зубы и попробовал успокоиться. Положение стало критическим. Он понял, что совершил ошибку, сделав ставку на расчетливую игру. Он не был рожден расчетливым гольфистом, и ему не пристало вести себя словно ожившая иллюстрация из книги Вардона. При замахе он отводил клюшку как можно дальше назад, стараясь вести головку параллельно земле. Он прижимал правый локоть к боку, прежде чем плавным движением поднять клюшку, головка которой описывала правильную дугу. Он вовремя поворачивал корпус, отслеживал переворот кистей и движения бедер.

Какая чепуха! Может, все это и хорошо, но не для него. В гольфе Бредбери всегда считал себя отчаянным рубакой, готовым очертя голову броситься вперед и смести все на своем пути. И только сметая все на своем пути так, как никогда еще не сметал, мог он надеяться на восстановление утраченных позиций.

Успех отнюдь не вскружил голову Глэдстону Ботту. Его драйв на восьмом поле был по-прежнему короток и точен. Однако теперь Бредбери Фишер и не думал никому подражать. На семи предыдущих лунках он подавлял инстинкты, но уж теперь вложил в удар всю накопившуюся за время воздержания страсть.

Секунду-другую он неподвижно стоял на одной ноге, будто аист, затем что-то со свистом рассекло воздух, и раздался щелчок. Мяч устремился прямо по курсу, перелетел через все ловушки, ударился о землю и остановился в двадцати метрах от грина.

Бредбери зловеще улыбнулся и расправил плечи. Глэдстону Ботту понадобится никак не меньше семи ударов. Сам же Бредбери в худшем случае уложится в пять.

— Два вниз, — сказал он несколько минут спустя, и Глэдстон Ботт угрюмо кивнул в знак согласия.

Бредбери Фишеру нечасто удавалось остаться на фервее Два раза подряд, однако день выдался необычный. После Драйва на девятом поле мяч пролетел двести сорок метров, и не просто так, а в верном направлении.

— Один вниз, — объявил Бредбери Фишер, и Ботт кивнул еще более угрюмо.

Что может обескуражить больше постоянного проигрыша в длине драйва? А уж если драйв соперника длиннее твоего на сто семьдесят метров, да еще и два раза кряду, поневоле призадумаешься. Глэдстон Ботт

тоже был не железный. С тяжелым сердцем наблюдал он, как Фишер готовится к первому удару на десятом поле. Когда же мяч, пущенный, как из пращи, снова полетел прямо, Ботт почувствовал слабость. В первый раз он потерял присутствие духа и срезал удар. Мяч закатился в высокую траву, и после трех бесплодных попыток выбить его ниბликом, Ботт сдался, и в матче снова наступило равновесие.

На одиннадцатой Бредбери Фишер тоже сорвал удар. Мяч, хотя и пошел прямо, остановился всего в полуметре от ти. С огромным трудом Бредбери уложился в восемь ударов и сохранил ничью.

Двенадцатая лунка снова была короткой. Окрыленный успехом Бредбери не смог совладать с беспечностью и ударил слишком сильно. Мяч перелетел грин метров на шестьдесят, и противник вновь оказался впереди.

Тринадцатую и четырнадцатую лунки они прошли вровень, но пятнадцатую красивым длинным ударом выиграл Бредбери, — и счет опять сравнялся.

Готовясь к удару на шестнадцатой лунке, Бредбери Фишер воображал, что теперь все в его власти. На тринадцатой и четырнадцатой у Бредбери дрогнула рука, но на пятнадцатой его драйв вновь вернулся во всем великолепии. Бредбери ничуть не сомневался, что так оно и продолжится. Он отчетливо помнил великолепный последний удар, и теперь приготовился в точности повторить его. Самое важное — поглубже вдохнуть во время замаха и задержать дыхание до соприкосновения клюшки с мячом. Кроме того, глаза можно закрывать только после того, как опустится клюшка. Свои секреты есть у всех великих гольфистов — в этом состоял секрет Бредбери Фишера.

Повторив про себя эти правила, Бредбери Фишер приготовился нанести по мячу удар, какому позавидовал бы сам Эдвард Блэквелл[71] в расцвете сил. Он вдохнул и, набрав полные легкие воздуха, откинулся назад на своей мощной правой ноге. Затем стиснул зубы и вложил в удар всю душу.

Когда Бредбери открыл глаза, его взгляду представилась страшная картина. То ли он слишком рано зажмурился, то ли выдохнул слишком резко, но мяч, который должен был лететь точно на юг, со страшной скоростью направлялся на юго-юго-восток к самому неприглядному рафу из тех, что когда-либо попадались Бредбери Фишеру. А уж рафов он в своей жизни повидал немало.

Оставив Глэдстона Ботта изображать восьмидесятилетнего калеку, катающего орехи зубочисткой, Бредбери Фишер в сопровождении кэдди отправился в джунгли на поиски мяча.

Надежда не вполне оставила его. Несмотря на неверное направление, удар был вовсе не так уж плох, ведь мяч приземлился недалеко от грина. При удачном раскладе на грин можно будет попасть одним ударом. И только когда Бредбери добрался до места, его сердце екнуло. Мяч лежал глубоко в траве. Над ним — заросли густого кустарника, за ним — камень, за камнем — дерево — и никакой возможности как следует замахнуться. Бредбери горько улыбнулся. По иронии судьбы всего в нескольких метрах справа находился прекрасный островок гладкого дерна, откуда он с удовольствием выполнил бы второй удар.

Бредбери кинул печальный взгляд в сторону Ботта. Однако того не было видно за кустами. И тут ему в голову пришла шальная мысль. «А что, если?..», — подумал он.

Недаром Бредбери Фишер тридцать лет провел на Уолл-Стрит.

В этот миг он вспомнил, что не один. Рядом стоял кэдди.

Бредбери пригляделся к своему помощнику, на которого до этой минуты не обращал внимания. Кустистые брови, усы, как у моржа, немолод, лет за сорок. Чутье подсказывало Бредбери, что кэдди — свой человек. Он немного походил на Спайка Хаггинса, вора-медвежатника, с которым Бредбери сидел в Синг-Синг. Ему подумалось, что кэдди умеет держать язык за зубами, и на него можно положиться. Будь кэдди каким-нибудь болтливым мальчишкой, риск был бы слишком велик.

— Кэдди, — окликнул Бредбери Фишер.

— Да, сэр? — отозвался кэдди.

— Платят-то здесь, небось, мало?

— Верно, сэр.

— Хочешь пятьдесят долларов?

— Я предпочел бы сотню, сэр.

— Да, конечно, сотню.

Бредбери вытащил из кармана пачку банкнот и выбрал сто долларов. Затем, наклонившись, поднял мяч и поместил его на благословенный островок. Кэдди понимающе склонил голову.

— Неужели ты выбрался оттуда одним ударом? — воскликнул Глэдстон Ботт несколькими мгновениями позже. — Одним?!

— Очень удачный удар получился.

— А не шесть очень удачных ударов?

— Мяч хорошо упал, прямо на открытое место.

— Ну-ну! — покачал головой Глэдстон Ботт.
— Что ж, у меня всего четыре удара.
— Один вниз, — буркнул Глэдстон Ботт.
— Осталось две лунки, — бодро сказал Бредбери.
Бредбери Фишер с легким сердцем приготовился к первому удару на семнадцатом поле. Матч практически выигран, думал он. Секрет гольфа — в том, чтобы преодолевать препятствия без лишних ударов. Оказалось, что главное в этом деле — найти благоразумного, придерживающегося самых широких взглядов кэдди. Бредбери ничуть не расстроился, когда мяч после его удара ушел в густую траву, но для виду выругался.
— Ах, чтоб тебя!
— Не переживай, — сказал Глэдстон Ботт, — наверняка кто-нибудь обронил там резиновый коврик, и мяч, конечно же, угодил прямо на него.
В словах Ботта послышались язвительные нотки, и это не понравилось Бредбери. С другой стороны, Глэдстон Ботт ему вообще не нравился, и что с того? Он отправился к мячу и обнаружил его под кустом.
— Кэдди, — окликнул Бредбери Фишер.
— Сэр? — отозвался кэдди.
— Сотня?
— Сто пятьдесят, сэр.
— Сто пятьдесят, — согласился Бредбери Фишер. Глэдстон Ботт еще возился на фервее, а Бредбери уже выбрался на грин.
— Сколько? — спросил Ботт, добравшись, наконец, до грина.
— Пока два, а у тебя!
— Бью седьмой.
— Так. Допустим, ты уложишься в два удара, что маловероятно, тогда у меня в запасе шесть, чтобы выиграть лунку и матч.
Минуту спустя Бредбери Фишер достал свой мяч из лунки. Он нежился на солнце, и душа его пела от счастья. Все вокруг сверкало новыми красками. Никогда еще птичьи трели не звучали так чудесно. Деревья и поля исполнились очарования, какого он прежде не встречал. Даже Глэдстон Ботт выглядел почти сносно.
— Отличный матч, — довольно сказал Бредбери, — выигранный в честной борьбе. Поначалу я даже думал, что ты победишь. Но, сам понимаешь, класс есть класс.
— Прошу принять отчет, — сказал вдруг кэдди с моржовыми усами.
— Приступайте, — коротко бросил Ботт.
Побледнев, Бредбери Фишер уставился на кэдди. Солнце перестало сиять, птицы смолкли. На деревья стало противно смотреть, а уж на

Глэдстона Ботта и подавно. Сердце Бредбери сжалось от ужаса.

— Отчет? Какой отчет? Что значит — отчет?

— Ты же не думаешь, что я стану играть с тобой важный матч, не наняв детективов? Этот джентльмен — из агентства «Скорая помощь». Так, что там у нас? — обратился Ботт к кэдди.

Первым делом кэдди снял кустистые брови и легким движением руки избавился от моржовых усов.

— Двенадцатого числа сего месяца, — начал он монотонным певучим голосом, — действуя в соответствии с полученными инструкциями, я отправился в гольф-клуб Голденвиля, чтобы установить наблюдение за объектом по имени Фишер. Во время операции мной был использован маскировочный комплект номер три…

— Ясно, ясно, — нетерпеливо перебил Ботт. — Все это не важно. Перейдем к тому, что случилось на шестнадцатой лунке.

Профессиональная гордость кэдди явно была задета, но он почтительно склонил голову.

— При розыгрыше шестнадцатой лунки объект передвинул мяч, как можно было судить по его действиям и скрытной манере, на более благоприятную позицию.

— Ага! — сказал Глэдстон Ботт.

— При розыгрыше семнадцатой лунки объект поднял мяч и рукой бросил его на грин.

— Это ложь! Грязная, наглая ложь! — выкрикнул Бредбери Фишер.

— Предвидя подобную реакцию объекта, я принял соответствующие меры и сделал моментальные снимки при помощи встроенной в часы миниатюрной фотокамеры.

Бредбери Фишер закрыл лицо руками и застонал.

— Мой матч, — с мстительным восторгом сказал Ботт. — Попрошу доставить дворецкого в мою резиденцию не позже завтрашнего дня. Ах, да, чуть не забыл, ты должен мне три железные дороги.

Близзард с достоинством и теплотой встретил Бредбери в византийской гостиной.

— Надеюсь, матч закончился удачно, сэр? — спросил дворецкий.

Почти невыносимая боль пронзила Бредбери.

— Нет, Близзард, нет. Мне не повезло.

— Очень жаль, сэр, — сочувственно ответил Близзард, — надеюсь, ставка была не очень высока?

— Э-э, весьма высока. Именно об этом нам надо поговорить чуть

погодя.

— Как вам угодно, сэр. Пошлите за мной лакея, когда пожелаете поговорить, — я буду у себя. Да, сэр, вам телеграмма. Пришла совсем недавно.

Бредбери равнодушно взял конверт. Он ожидал новостей от своих лондонских агентов. Перед отъездом он велел им купить Кент и Сассекс. Очевидно, телеграмма сообщала об успешном завершении сделки.

Он вскрыл конверт и отпрянул, словно увидев скорпиона. Телеграмма была от жены.

> Возвращаюсь немедленно. Прибываю «Аквитании» пятницу вечером. Непременно встречай.

Бредбери в оцепенении уставился на телеграмму. Хоть он и был сам не свой от пережитого на семнадцатом поле кошмара его неутомимый мозг не прекращал действовать. По дороге домой он в общих чертах придумал, как справиться с ситуацией. Если предположить, что миссис Фишер пробудет в Англии еще месяц, он мог бы купить газету, поместить на первой странице некролог о Близзарде, отправить вырезку жене, продать дом и переехать в другое место. Таким образом, она никогда и не узнала бы о том, что произошло.

Но если миссис Фишер вернется на следующей неделе, план неосуществим, и разоблачения не избежать.

Он с горечью раздумывал о том, почему она изменила планы, и пришел к выводу, что какое-то женское шестое чувство предупредило ее об опасности, угрожающей Близзарду. С раздражением Бредбери подумал о том, что Провидению совершенно незачем было наделять женщин шестым чувством. С ними и при пяти-то сладу нет.

— Да что же это такое! — простонал он.

— Сэр? — поинтересовался Близзард.

— Нет, ничего, — ответил Бредбери.

— Хорошо, сэр.

Портовая таможня Нью-Йорка — едва ли подходящее место для человека с нечистой совестью и расшатанными нервами. Сквозняки так и свищут. Повсюду слышатся странные звуки. Мрачные таможенники жуют жвачку и скрываются в тени, будто тигры в ожидании обеденного гонга. Неудивительно, что настроение Бредбери Фишера окончательно испортилось еще до того, как пассажиры начали выходить на берег.

Жена сошла с трапа одной из первых. Как она прекрасна, подумал Бредбери, глядя на нее. И, о ужас, как грозна. Ему всегда нравились волевые женщины. У первой жены была сильная воля. Впрочем, у второй, третьей и четвертой тоже. Но теперешняя жена могла дать им сто очков вперед. В ожидании встречи Бредбери Фишер впервые пожалел, что не женился на кроткой мягкой девушке из тех, что безропотно страдают под властью мужа в дамских романах. Сейчас ему вполне подошла бы жена, счастливая уже тем, что законный супруг не таскает ее за волосы по бильярдной, пиная при этом ногами.

Направляясь к ней, он перебирал в уме три фразы, с которых можно было бы начать разговор.

— Дорогая, я должен рассказать тебе…

— Любимая, мне нужно кое в чем признаться…

— Солнышко, ты случайно не помнишь нашего дворецкого, Близзарда. Видишь ли…

Однако первой заговорила жена.

— О, Бредбери, — воскликнула она, бросившись в его объятия, — я совершила ужасную глупость, ты должен простить меня!

Бредбери захлопал глазами. Никогда еще он не видел ее в таком странном настроении. Прижимаясь к нему, она казалась застенчивой, робкой и почти хрупкой, если так можно сказать о женщине весом за семьдесят килограммов.

— Ну, что случилось? — нежно спросил он. — У тебя украли драгоценности?

— Нет-нет.

— Много проиграла в бридж?

— О, нет-нет. Гораздо хуже. Бредбери напрягся.

— Неужели ты пела «Мой домик на Диком Западе» на корабельном концерте? — спросил он, вглядываясь в ее лицо.

— Да нет! Как же тебе сказать? Взгляни, Бредбери! Видишь вон того мужчину?

Бредбери посмотрел в указанном направлении. Под буквой «В» рядом с горой чемоданов стоял высокий тучный человек, исполненный отрешенного достоинства и похожий на полномочного посла. С первого взгляда, даже издали, Бредбери Фишер странным образом почувствовал собственную неполноценность. Внушительные формы, глаза навыкате, каскад подбородков в обрамлении нависающих щек — все это напомнило Бредбери о том, как чувствуешь себя в присутствии сильных мира сего. Такое бывает при встрече с чемпионами по гольфу, метрдотелями

шикарных заведений или дорожной полицией. Он заподозрил неладное.

— Так, — хрипло выговорил он, — и кто это?

— Бредбери, не суди меня слишком строго. Судьба свела нас, искушение было слишком велико…

— О, женщина, — прогрохотал Бредбери, — кто этот человек?

— Его зовут Воспер.

— Что произошло между вами? Когда это началось? И почему? И как? И где?

Миссис Фишер промокнула глаза платочком.

— Все случилось у герцога Бутля, Бредбери. Меня пригласили на уик-энд.

— Там вы и встретились?

— Да.

— Ха! Что дальше?

— Едва я увидала его, меня будто подменили.

— Вот как!

— Ах, как он выглядел. Всю жизнь я мечтала о таком. Я поняла вдруг, что все эти годы мне приходилось довольствоваться вторым сортом.

— Вторым, значит? Вот как? В самом деле? Значит, довольствоваться? — процедил Бредбери Фишер.

— Я ничего не могла поделать, Бредбери. Конечно, я всегда была горой за Близзарда. Но, откровенно говоря, их и сравнить-то нельзя, ей-богу. Видел бы ты, как Воспер стоит за креслом герцога. Словно верховный жрец во время таинственного религиозного обряда. А какой у него голос! Он спрашивает, будешь ты херес или рейнвейн, а голос льется, точно волшебные звуки органа. Я не могла устоять. Я заговорила с ним, и выяснилось, что он не прочь уехать в Америку. Воспер прослужил у герцога восемнадцать лет, и ему до смерти надоело разглядывать герцогский затылок. Вот я…

В глазах у Бредбери Фишера потемнело.

— Этот человек, Воспер… Кто он?

— Да я же говорю тебе, милый. Он был дворецким у герцога, а теперь он наш. О, ты же знаешь, как я импульсивна. Сказать по правде, только на полпути домой, посередине Атлантического океана, я вдруг вспомнила о Близзарде. Как же быть, Бредбери? У меня не хватит духу уволить Близзарда. А что будет, когда он войдет в свою комнату и обнаружит там Воспера? Только подумай, Бредбери!

Бредбери Фишер как раз думал — впервые за неделю не терзаясь душевными муками.

— Евангелина, — мрачно изрек он, — это нелепо.
— Знаю.
— Крайне нелепо.
— Да. Знаю. Но ведь ты что-нибудь придумаешь, правда?
— Может быть. Обещать не буду, но может быть.
Он глубоко задумался.
— Ха! Идея! — воскликнул он. — Возможно, мне удастся всучить Близзарда Глэдстону Ботту.
— А он возьмет?
— Может быть, если правильно подойти к делу. В общем, попытаюсь его уговорить. Вам с Воспером пока лучше побыть в Нью-Йорке, а я поеду домой и начну переговоры. В случае успеха дам знать.
— Ты уж там постарайся.
— Полагаю, мне удастся все устроить. Мы с Глэдстоном старые друзья, и он будет рад помочь мне. Но пусть это послужит тебе уроком, Евангелина.
— О, да.
— Кстати, — сказал Бредбери Фишер, — я сейчас телеграфирую в Лондон, чтобы для моей коллекции приобрели запонку Д. Г. Тейлора.
— Конечно, дорогой. Пожалуйста, покупай все, что захочешь, ладно?
— Да уж, — ответил Бредбери Фишер.

ВОСПЕР ПРИНИМАЕТСЯ ЗА ДЕЛО

Молодой человек в пестрых брюках нетерпеливо расхаживал по террасе гольф-клуба, словно ягуар в клетке. Наконец сел в кресло, откинулся на спинку и возмущенно фыркнул.

— Женщина, — сказал он, — выведет из себя кого угодно. Старейшина клуба, всегда готовый посочувствовать молодежи, вежливо обратился к нему.

— Какую шутку, — спросил он, — сыграл с вами прекрасный пол?

— У меня лучшая в мире жена…

— Охотно верю.

— Но сейчас, — продолжил молодой человек, — я с удовольствием огрел бы ее чем-нибудь тяжелым. Она сама предложила сыграть раунд. Я сказал, что мы должны начать пораньше, потому что теперь рано темнеет. И что же? Она оделась, решила вдруг, что на ней что-то не так сидит, и принялась переодеваться. Потом минут десять пудрила нос. А когда часом позже мне, наконец, удалось вытащить ее к первой лунке, захотела позвонить портнихе и ушла. Да мы и шести лунок не пройдем до темноты! Будь моя воля, все гольф-клубы строго запрещали бы женам играть с мужьями.

Старейшина понимающе кивнул.

— Без такого правила, — согласился он, — тысячелетнее царство[72] придется отложить на неопределенный срок. Вне всяких сомнений, самым тяжким испытанием Иова была жена-гольфистка, хоть это и не подтверждено документально. Мне, кстати, вспомнилась одна история.

— Нет у меня времени на истории.

— Если ваша жена разговаривает с портнихой, времени у вас предостаточно, — ответил мудрец, — я расскажу вам о Бредбери Фишере…

— Это вы уже рассказывали.

— Не думаю.

— Точно. Бредбери Фишер был миллионером, и у него служил английский дворецкий Близзард, который до этого провел пятнадцать лет в графском доме. Другой миллионер хотел заполучить Близзарда, они с Фишером разыграли дворецкого в гольф, и Фишер проиграл. Пока он обдумывал, как объяснить все жене, которая дорожила Близзардом, та вернулась из Англии с другим дворецким, Воспером. Воспер двадцать лет

прослужил у герцога и был еще лучше Близзарда. Все кончилось хорошо.

— Да, сказал старейшина, — факты вы изложили верно. Однако я хочу рассказать, что было дальше и, пожалуй, начну:

— Вот вы говорите, что все хорошо кончилось. Так думал и сам Бредбери Фишер. Как только Воспер появился в доме, Бредбери подумал, что сама судьба решила, наконец, вознаградить его по достоинству. Погода стояла прекрасная. Гандикап, не менявшийся уже несколько лет, начал уменьшаться. Старый друг Руперт Ворпл наконец вышел из Синг-Синг (судя по сроку, с ученой степенью) и приехал в Голденвиль навестить Бредбери.

Безмятежному спокойствию Бредбери мешало лишь одно — жена сообщила, что ее мать, миссис Лора Смит Мейплбери, грозится погостить у них некоторое время.

Тещи никогда не нравились Бредбери. У первой жены, вспоминал он, была совершенно несносная мать. Впрочем, и у второй, и у третьей, и у четвертой. Однако все они и в подметки не годились нынешней теще. Была у нее привычка многозначительно фыркать при виде Бредбери, а это вряд ли способствует дружеским отношениям между мужчиной и женщиной. Будь его воля, Бредбери привязал бы ей на шею камень и бросил в водную преграду на второй лунке. Однако он понимал, что это несбыточные мечты, и благоразумно ограничивался тем, что выпрыгивал в окно всякий раз, когда теща входила в комнату.

Итак, одним прекрасным вечером Бредбери, как ни в чем не бывало, сидел в библиотеке, отделанной в стиле эпохи Людовика XV. В дверь постучали. Вошел Воспер. В эту минуту Бредбери и представить не мог, что размеренное течение его жизни вот-вот будет нарушено.

— Могу я поговорить с вами, сэр?

— Конечно, Воспер, в чем дело?

Бредбери Фишер доброжелательно улыбнулся дворецкому. В который раз, мысленно сравнивая его с Близзардом, он отмечал неоспоримое превосходство Воспера. Близзард пятнадцать лет служил у графа. Спору нет, графы по-своему хороши, но до герцогов им далеко. Дворецкого, который служил у герцога, видно за версту, с ним никогда не сравнится тот, кто прошел школу в менее благородном окружении.

— Это касается мистера Ворпла, сэр.

— Что именно?

— Мистер Ворпл, — важно сказал дворецкий, — должен уехать. Мне не нравится, как он смеется, сэр.

— Что?!

— Слишком громко, сэр. Герцогу бы это не понравилось. Бредбери Фишер при всей своей покладистости был сыном свободного народа. Его предки сражались за независимость, и если Бредбери не изменяла память, даже проливали кровь. Глаза его сверкнули.

— Ну? — воскликнул он. — В самом деле?

— Да, сэр.

— Вот те на!

— Да, сэр.

— Ну, вот что, Билли…

— Мое имя Гилдебранд, сэр.

— К черту имя! Я не позволю какому-то дворецкому распоряжаться в моем доме. Мне такой дворецкий не нужен.

— Очень хорошо, сэр.

Воспер удалился с видом посла, получившего ноту. Тут же откуда-то раздался шум, будто курица пролезала сквозь изгородь, и в комнату ворвалась миссис Фишер.

— Бредбери, — воскликнула она, — ты сошел с ума! Конечно же, мистер Ворпл должен уйти, раз Воспер так считает. Неужели ты не понимаешь, что если мы будем плохо обращаться с Воспером, он покинет нас.

— Ну и пусть. Мне какое дело?

Взгляд миссис Фишер не сулил ничего хорошего.

— Бредбери, — сказала она, — если уйдет Воспер, я умру. А перед смертью получу развод. Ты меня знаешь.

— Но дорогая, — пролепетал Бредбери, — а как же Руперт Ворпл? Старина Руппи! Мы ведь дружим всю жизнь.

— Мне все равно.

— Мы вместе поступили в Синг-Синг!

— Мне все равно.

— Нас вместе приняли в старое доброе тюремное братство Кракка-Бита-Рок![73]

— Мне все равно. Бог дал мне идеального дворецкого, и расставаться с ним я не намерена.

Повисла напряженная пауза.

— Делать нечего, — тяжело вздохнул Бредбери.

В тот же день состоялся разговор с Рупертом Ворплом.

— Не думал я, — грустно сказал Ворпл, — когда мы пели в хоре нашей альма-матер, что все так кончится.

— Да и я не думал, — ответил Бредбери, — но так уж вышло. Ты бы не понравился герцогу, Руппи, понимаешь?

— Прощай, номер 8097564, — глухо сказал Руперт Ворпл.

— Прощай, номер 8097565, — прошептал Бредбери Фишер.

И друзья расстались.

С уходом Руперта Ворпла над безмятежной жизнью Бредбери Фишера сгустились тучи. Как и было обещано, приехала миссис Лора Смит Мейплбери, пофыркала в ответ на приветствие Бредбери и расположилась в доме, словно решила остаться на всю жизнь. И вот, когда чаша страданий, казалось, уже переполнилась, миссис Фишер отвела Бредбери в сторону и сообщила:

— Бредбери, у меня хорошая новость.

— Неужели твоя мама уезжает? — оживился Бредбери.

— Нет, конечно. Говорю же, хорошая новость. Я снова буду играть в гольф.

У Бредбери Фишера подкосились ноги, его четко очерченное лицо приобрело пепельный оттенок.

— Что ты сказала? — выдавил он из себя.

— Я снова буду играть в гольф. Мы сможем каждый день вместе проводить в клубе — правда, мило?

Бредбери содрогнулся. Он уже много лет не играл с женой, но воспоминания, словно старые раны, до сих пор беспокоили его.

— Это Воспер предложил.

— Воспер!

Бредбери охватил порыв ярости. Этот проклятый дворецкий, похоже, собрался разрушить семейное счастье. У Бредбери даже мелькнула мысль отравить Восперу портвейн. Что тут такого? Хороший адвокат повернет дело так, что Бредбери, в худшем случае, отделается небольшим штрафом.

— Воспер говорит, что я мало двигаюсь. Ему не нравится моя одышка.

— Твоя что?

— Моя одышка. Я иногда задыхаюсь.

— Подумаешь, у него тоже одышка.

— Да, но у дворецкого должна быть одышка. А вот у женщины — нет. Воспер говорит, что моя одышка не понравилась бы герцогу.

— Ха! — нервно выдохнул Бредбери Фишер.

— Это так мило с его стороны и показывает, что Воспер, как верный слуга, блюдет наши интересы. Он сказал, что одышка — признак повышенного кровяного давления, и небольшие физические нагрузки

пойдут мне на пользу. Начнем завтра, ладно?

— Как скажешь, — уныло ответил Бредбери, — я, правда, обещал знакомым из клуба, что составлю им компанию, но…

— Тебе больше не нужно играть ни с какими дурацкими знакомыми из клуба. Гораздо романтичнее играть вдвоем — только ты и я.

По нынешним временам, когда в литературе так ценится трагедия, а суровые молодые пессимисты получают признание за этюды в мрачно-серых тонах, мне кажется совершенно необъяснимым, что никому не пришло в голову написать правдивую историю о женщине, играющей в гольф с мужем. Казалось бы, более душераздирающего сюжета не найти, однако до сих пор эта тема ни разу не поднималась. Можно лишь предположить, что даже современные авторы не готовы зайти так далеко.

Я не в силах описать, что чувствовал Бредбери Фишер, наблюдая за приготовлениями жены к первому удару. В эту минуту герой какой-нибудь повести о Среднем Западе показался бы оскорбительно жизнерадостным по сравнению с Бредбери. Любимая жена вела себя так, что сердце разрывалось на части.

Многие женщины любят долго водить клюшкой над мячом, но Бредбери еще не приходилось видеть, чтобы вместо простого замаха кто-нибудь исполнял бы столь впечатляющую серию гимнастических упражнений. Добрую минуту миссис Фишер примерялась к мячу, а Бредбери в это время с ужасом думал, что поле состоит из восемнадцати лунок, а значит, это балетное представление повторится, по меньшей мере, еще семнадцать раз. Наконец, миссис Фишер выполнила удар, и мяч, прокатившись метров пять, остановился в высокой траве.

Миссис Фишер глупо хихикнула, и Бредбери чуть не вскрикнул от досады. «Неуместные смешки на поле для гольфа, — подумал он, — ничего святого».

— Что я не так сделала?

— Боже правый, ты так запрокинула голову во время удара, что чуть не свернула себе шею.

На четвертой лунке несчастный еще больше убедился в том, что даже самая прекрасная женщина может совершенно измениться, стоит ей выйти на поле для гольфа. Миссис Фишер сделала одиннадцатый удар, прошла три метра, на которые переместился мяч, и приготовилась к двенадцатому, когда Бредбери увидел, что на стартовую площадку вышли два гольфиста, оба члены клуба. Смущение и стыд охватили его.

— Постой, дорогая, — сказал он, глядя, как спутница жизни вцепилась

в клюшку мертвой хваткой и вот-вот начнет движение, — нам лучше пропустить вон тех игроков.

— Каких игроков?

— Мы задерживаем пару человек. Я махну им, чтобы они играли.

— Не смей никому махать, — возмутилась миссис Фишер, — вот еще выдумал!

— Но, дорогая…

— Почему мы должны их пропускать? Мы раньше начали.

— Но, солнышко…

— Они не пройдут! — отрезала миссис Фишер. Взмахнув клюшкой, она вырвала из земли большой кусок дерна. Бредбери понуро поплелся за ней.

Когда они, наконец, завершили игру, солнце уже садилось.

— Воспер прав! — воскликнула миссис Фишер, поудобнее устраиваясь в машине. — Я чувствую себя гораздо лучше.

— Правда? — слабым голосом спросил Бредбери. — Правда?

— Завтра обязательно сыграем еще, — ответила жена.

Бредбери Фишер был человек железной воли. Он продержался неделю. На седьмой день миссис Фишер захотелось взять на поле Альфреда, ее любимого эрдельтерьера. Напрасно говорил Бредбери о «Зеленом комитете» и запретах на собак в гольф-клубах. Миссис Фишер назвала «Зеленый комитет» сборищем глупых вредных стариканов и заявила, что не намерена их слушать. При этих ужасных словах Бредбери невольно покосился на летнее небо, которое едва ли могло не поразить молнией подобное святотатство.

Итак, Альфреда взяли с собой, и он тут же принялся лаять, носиться по полю, мешать игрокам и оставлять глубокие следы лап на дерне. Ад наверняка выглядит так же, думал Бредбери, сожалея, что не был праведником.

Однако неизбежная кара, постигающая всех от мала до велика, кто неуважительно относится к «Зеленому комитету», пала и на Альфреда. На седьмой лунке он оказался немного позади миссис Фишер, когда та била по мячу, и получил болезненный удар по правой лапе. Пес с воем бросился прочь, пронесся через шестое поле, вконец расстроив чью-то парную игру, и на полном ходу плюхнулся в водную преграду на второй лунке. Там он и оставался до тех пор, пока Бредбери не залез в воду и не выудил его.

Тут же, тяжело дыша, подбежала взволнованная миссис Фишер.

— Что делать? Бедняжка хромает. Я знаю, Бредбери, ты понесешь его.

Бредбери Фишер издал низкий блеющий звук. Вода оказала на животное ужасное действие. Альфред, даже сухой, отличался довольно сильным запахом. Промокнув, он сразу же оказался в шестерке самых пахучих собак мира. Такой аромат, как говорят в рекламе, врезается в память на всю жизнь.

— Понесу? То есть, к машине?

— Нет, конечно, по полю. Не прерывать же теперь игру. Можешь класть его, когда будет твоя очередь бить.

Какое-то время Бредбери молчал и лишь неопределенно шевелил губами.

— Что ж, — сказал он, дважды сглотнув.

Этой ночью в спальне а-ля Дюбарри Бредбери Фишер не сомкнул глаз до рассвета. Он понимал, что в семейной жизни наступил кризис. Так нельзя, думал Бредбери. Дело даже не в душевных страданиях, которые причинял ему ежедневный гольф с женой. Самое страшное — поведение жены на поле разрушало идеалы, подтачивало любовь и уважение, которые должны быть крепки как сталь.

Хороший муж видит в жене богиню и относится к ней с поклонением, почитая ее как путеводную звезду, озаряющую путь по бурному океану жизни. Жена должна внушать благоговение и священный трепет. Но если она полторы минуты размахивает клюшкой, а потом дергает головой и не попадает по мячу, о каком благоговении может идти речь? Что до миссис Фишер, она не просто затягивала удар и не умела держать голову, она насмехалась над святынями гольфа. Она отказывалась пропускать профессионалов! Не поправляла выбитый дерн!! Смеялась над «Зеленым комитетом»!!!

Солнце уже вовсю ласкало Голденвиль своими золотыми лучами, когда Бредбери, наконец, принял решение. Он больше не станет играть в гольф с женой. Это просто бесчестно по отношению к ним обоим. Если так пойдет дальше, она, чего доброго, выйдет играть в сапогах на шпильках, а то еще остановится попудрить нос, предоставив взбешенным профессионалам дожидаться своей очереди. От любви до ненависти один шаг, случись такое — и былое чувство уже не вернуть. Лучше положить этому конец, пока Бредбери не потерял остатки уважения к жене.

Бредбери как следует все продумал. Нужно сказать, что дела зовут его на Уолл-Стрит, и каждый день ездить в другой гольф-клуб.

— Дорогая, — сказал он за завтраком, — боюсь, нам придется отложить гольф на недельку-другую. Я должен заняться делами и с утра до

ночи буду на бирже.

— Ах, какая досада! — расстроилась миссис Фишер.

— Можешь пока поиграть с кем-нибудь из профессионалов в клубе. Я и сам очень расстроен. Ты ведь знаешь, как мне нравится играть с тобой. Но бизнес есть бизнес.

— Я полагала, что вы отошли от дел, — сказала миссис Лора Смит Мейплбери, фыркнув так, что едва не раскололась чашка.

Бредбери Фишер холодно посмотрел на нее. Тощая, с выцветшими, глубоко посаженными глазами. В который раз с тех пор, как она вошла в его жизнь, Бредбери подумал, что ей просто необходимо врезать по носу.

— Не совсем, — ответил он, — я сейчас занят одной сделкой, подробностей которой раскрыть не могу, так как это повлечет… это может… в общем, это…. Короче говоря, мне нужно идти.

— Да уж, — ответила миссис Мейплбери.

— Что значит «да уж»? — спросил Бредбери.

— То и значит. Да уж.

— Почему «да уж»?

— А что такого? Разве я не могу сказать «да уж», когда захочу?

— Да уж, — ответил Бредбери.

Он поцеловал жену и вышел. На душе было неспокойно. Странное поведение тещи внушало неприятные предчувствия.

Если бы Бредбери слышал разговор, состоявшийся сразу после его ухода, то обеспокоился бы еще больше.

— Подозрительно, — сказала миссис Мейплбери.

— Что подозрительно? — спросила миссис Фишер.

— Его поведение.

— Почему?

— Ты хорошо видела, как он говорил?

— Нет.

— У него подрагивал кончик носа. Мужчине, у которого подрагивает кончик носа, верить нельзя.

— Я уверена, что Бредбери никогда не обманет.

— Я тоже. Но попробовать может.

— Не понимаю, мама. Неужели ты хочешь сказать, что Бредбери не пошел на работу?

— Я уверена в этом.

— Ты думаешь?..

— Думаю.

— Ты предполагаешь?..

— Еще как.
— То есть?..
— Именно.
Миссис Фишер застонала.
— Ох, мама! — воскликнула она. — Страшно подумать, что я с ним сделаю, если он изменяет мне.
— Надеюсь, ты, по меньшей мере, наймешь хорошего адвоката.
— Но мы же легко можем все проверить. Давай позвоним и спросим.
— И услышим, что он на совещании. Уж он-то не забыл там всех предупредить.
— Что же делать?
— Ждать, — ответила миссис Мейплбери, — ждать и смотреть в оба.
Бредбери вернулся домой, когда уже смеркалось. Несмотря на усталость, он был доволен. Бредбери сыграл сорок пять лунок в мужской компании. Он правильно держал голову и при ударе смотрел на мяч, а в раздевалке даже исполнил легкомысленную песенку.
— Надеюсь, Бредбери, — спросила теща, — длинный рабочий день не слишком утомил вас?
— Немного, — ответил Бредбери, — ничего страшного, — сияя, он повернулся к жене.
— Милая, — сказал он, — помнишь, как трудно мне приходилось с желез…
Он осекся. Как всякий хороший муж, Бредбери всегда делился с женой впечатлениями от игры. Частенько после обеда он жаловался ей, что ему никак не давались прямые Удары железной клюшкой. А сейчас Бредбери едва удержался, чтобы не похвастаться, как ловко и точно он сегодня бил железкой.
— Желез?..
— Ээ… аа… да. У меня много вложено в производство железа, стали, мешковины, шерстяных тканей… разных смесей овощных. Какие-то мерзавцы пытались обвалить мои акции. Сегодня я разделался с ними.
— Вот, значит, как, — сказала миссис Мейплбери.
— Именно так, — вызывающе ответил Бредбери.
— Так я и думала.
— Что значит «так и думала»?
— Думала, что разделался. Ведь так?
— Именно так.
— Вот я и говорю. Именно так.
— Да, так.

— Вот-вот, — заключила миссис Мейплбери.

И снова Бредбери почувствовал смутную тревогу. Сам по себе разговор с тещей не давал повода для беспокойства. Более того, посторонний наблюдатель счел бы его живым, остроумным и, в целом, непринужденным. Однако нечто неуловимое в поведении тещи насторожило Бредбери. Он что-то пробурчал и отправился переодеваться к ужину.

— Ха! — бросила миссис Мейплбери ему вслед.

Так обстояли дела в доме Фишеров. Как видите, герой моей истории постоянно обманывал женщину, которую — перед одним из престижнейших алтарей Нью-Йорка — поклялся любить до гроба. Если я не обманываюсь в вас, если вы хороший муж, то наверняка задаетесь вопросом: «А как же совесть Бредбери Фишера?». Раскаяние, говорите вы, должно терзать его душу. Вы полагаете, что угрызения совести пагубно отразились на его игре — может быть, еще не испортили драйв, но уж короткие удары непременно.

Однако вы забываете о том, что совесть Бредбери Фишера прошла длительное испытание на Уолл-Стрит и стала почти ручной. Не раз и не два, еще в ту пору, когда Бредбери вовсю занимался коммерцией, он, не краснея, вытворял с мелкими инвесторами такое, что, пожалуй, даже на пиратском корабле вызвало бы смущенный ропот. Не таков был Бредбери, чтобы испытывать муки совести из-за того, что немного обманывал жену.

Временами он слегка морщился при мысли о том, что будет, когда она обо всем узнает. Если не принимать это в расчет, я нисколько не погрешу против истины, сказав, что Бредбери и в ус не дул.

Кроме того, ему неожиданно стал даваться гольф. Бредбери никогда не жаловался на длину драйва, а тут вдруг у него пошла игра паттером. Через две недели после того, как Бредбери ступил на путь обмана, он, к изумлению публики и своему собственному, впервые в жизни сделал меньше сотни ударов за раунд. Спросите любого гольфиста — после такого в душе не может быть места раскаянию. Совесть может надоедать игроку, который проходит поле за сто десять ударов, но пытаясь достучаться до того, кто укладывается в девяносто девять или девяносто восемь, она попусту тратит время.

Нужно отдать должное Бредбери Фишеру. Он и вправду сожалел, что не может рассказать жене о своем рекорде. Вот было бы здорово взять кочергу, кусок угля и показать, как на последнем поле он ловко отправил мяч прямиком к лунке. Похвастаться успехами было решительно не перед кем, и отчаяние Бредбери лишь усилилось, когда неделю спустя он

чудесным образом уложился в девяносто шесть ударов и получил приглашение участвовать в открытом чемпионате клуба.

— Рассказать? — спрашивал он себя, задумчиво разглядывая жену во время послеобеденного кофе.

— Пожалуй, не стоит, — верх взяла осторожность.

— Бредбери, — прервала его размышления миссис Фишер.

— Что, дорогая?

— Ты сегодня много работал?

— О, да, работал. Очень, очень много.

— Хо! — откликнулась миссис Мейплбери.

— Что вы сказали? — обернулся к ней Бредбери.

— Я сказала «хо»!

— И что значит «хо»?

— Просто «хо». Полагаю, никто не умрет, если я скажу «хо».

— Нет-нет, — ответил Бредбери. — Что вы. Конечно. Прощу вас.

— Спасибо, — сказала миссис Мейплбери, — хо!

— Ты там, на Уолл-Стрит работаешь, не покладая рук? — спросила миссис Фишер.

— Да, еще как.

— Дел, наверное, невпроворот?

— Невпроворот. Очень, очень много дел.

— Значит, ты не будешь возражать, если придется все это бросить?

Бредбери вздрогнул.

— Бросить?

— Да, не ходить больше в офис. Видишь ли, дорогой, — сказала миссис Фишер, — Воспер жалуется.

— На что?

— На твою работу. Говорит, что никогда не служил у коммерсантов, и ему это не по душе. Герцог довольно прохладно относился к коммерции. Так что, дорогой, боюсь, надо бы это прекратить.

Бредбери Фишер уставился перед собой невидящим взглядом, в голове звенело. Удар был неожиданный и оттого ошеломляющий. Бредбери побледнел и судорожно вцепился в кресло. Если путь на Уолл-Стрит ему заказан, то как же улизнуть из дома? А вырваться было просто необходимо, ведь на следующие два дня назначен розыгрыш кубка. Бредбери никак не мог пропустить такое. О, он должен быть там! Его рекорд — девяносто шесть, а у лучшего из соперников — сто один. Впервые у Бредбери появился шанс выиграть кубок, и что бы там поэты ни говорили про любовь, это замечательное чувство не идет ни в какое

сравнение с жаром, охватывающим посредственного гольфиста, который видит себя обладателем кубка.

Словно в забытьи, Бредбери вышел из комнаты и направился в свой кабинет. Ему хотелось побыть одному и хорошенько подумать.

На столе лежала вечерняя газета. Бредбери машинально взял ее в руки и взглянул на первую страницу. Радостный крик сорвался с его уст.

Он вскочил и помчался к жене, сжимая газету в руках.

— Что вы на это скажете? — громогласно спросил Бредбери.

— Мы много чего много о чем можем сказать, — ответила миссис Мейплбери.

— Что там, Бредбери? — поинтересовалась жена.

— Боюсь, мне придется уехать на пару дней. Ужасно неприятно, но так уж вышло. Я непременно должен быть там.

— Где?

— Да, где? — спросила миссис Мейплбери.

— В Синг-Синг. В газете пишут, что завтра и послезавтра состоится торжественное открытие нового стадиона. Соберутся все люди моего круга, так что я тоже должен поехать.

— Должен, да?

— Непременно должен. Будет не по-товарищески, если я не приеду. Назначена игра с Йейлем, а потом праздничный банкет. Не удивлюсь, если меня попросят произнести речь. Да ты не волнуйся, дорогая, — сказал Бредбери, нежно целуя жену, — я вернусь совсем скоро.

Бредбери резко повернулся к миссис Мейплбери.

— Вы что-то сказали? — холодно спросил он.

— Нет, ничего.

— Значит, мне показалось.

— Я просто вдохнула. Если вам жалко для меня воздуха, так и скажите.

— Попрошу вас больше так не делать, — процедил Бредбери.

— В таком случае я задохнусь.

— Вот-вот, — ответил Бредбери Фишер.

Многие миллионеры, подобно Бредбери, посвящали лучшие годы жизни притеснению вдов и сирот и лишь потом открывали для себя гольф. Любой из них позавидовал бы бурной радости, которую испытывал Бредбери два дня спустя. Исполнились все его мечты. Он был на седьмом небе от счастья. Проще говоря, Бредбери вернулся домой, прижимая к груди небольшой жестяной кубок стоимостью в три доллара, выигранный

им в упорной борьбе у тщедушного одноглазого джентльмена, что был его соперником по финальному матчу шестой лиги на открытом чемпионате гольф-клуба «Сквоши Холлоу».

Сияя, Бредбери вошел в дом.

— Тра-ла, — мурлыкал он, — тра-ла-ла.

— Прошу прощения, сэр? — переспросил Воспер, встретивший хозяина дома у двери.

— Что? А, ничего. Просто тра-ла.

— Очень хорошо, сэр.

Бредбери Фишер оглядел Воспера. Пожалуй, впервые он почувствовал, что на самом деле Воспер необыкновенно славный малый. Прошлые обиды позабылись, и Бредбери заулыбался Восперу, как восходящее солнце.

— Воспер, — спросил он, — какое у вас жалованье?

— Сожалею, сэр, — ответил дворецкий, — однако в настоящий момент я не готов предоставить вам точные сведения. Если желаете, я справлюсь в своих записях.

— Не нужно. Сколько бы там ни было, отныне вы получаете вдвое больше.

— Благодарю вас, сэр. Я полагаю, вы передадите мне письменное уведомление на этот счет.

— Хоть двадцать.

— Одного будет достаточно, сэр.

Бредбери галопом промчался мимо дворецкого и устремился к жене. Та была одна.

— Мама легла спать, — пояснила она, — голова заболела.

— Ну и ну, — ответил Бредбери. Все складывалось как нельзя лучше, — до чего приятно вернуться домой.

— Хорошо повеселился?

— Отлично.

— Встретил всех старых приятелей?

— До единого.

— И речь на банкете произнес?

— Я-то? Все закатывались от смеха под столы.

— Большой, наверное, банкет был?

— Не то слово.

— А как прошел матч?

— Лучше не бывает. Наши выиграли. Номеру 432986 перед самым свистком удался результативный проход на сто десять ярдов.

— Правда?

— А это, поверь, не так-то просто, особенно в кандалах.

— Бредбери, — сказала вдруг миссис Фишер, — где ты был все это время?

Сердце Бредбери замерло на мгновение. Жена вдруг стала один-в-один похожа на тещу. Впервые в жизни он поверил, что она действительно приходится дочерью миссис Мейплбери.

— Как где? Я же говорю.

— Бредбери, — сказала миссис Фишер, — скажи мне одно. Ты видел сегодняшние газеты?

— Знаешь, я встретил столько старых друзей и все такое, как-то до газет руки не дошли.

— Тогда ты не знаешь, что торжественное открытие нового стадиона в Синг-Синг отложено из-за эпидемии свинки в тюрьме.

Бредбери напряженно сглотнул.

— Не было никакого банкета, никакого футбола и встречи выпускников. Так где ты был, Бредбери?

Бредбери снова сглотнул.

— А ты ничего не путаешь? — спросил он, придя в себя.

— Нет.

— Может, это где-нибудь в другом месте?

— Нет.

— Синг-Синг? Так и пишут?

— Да. Итак, Бредбери, где ты был целых два дня?

— Я… ну..

Миссис Фишер сухо кашлянула.

— Я спрашиваю из чистого любопытства. Все, конечно же, выяснится на суде.

— На суде?!

— Естественно, я намереваюсь немедленно обратиться к своему адвокату.

Бредбери вздрогнул.

— Не надо!

— А ты как думал?

Дрожь пробрала Бредбери с головы до ног. Он чувствовал себя еще хуже, чем когда его соперник по финалу неожиданно выиграл восемнадцатую лунку, тем самым сравняв счет в матче и добившись переигровки.

— Я все расскажу, — пролепетал он.

— Да?
— Дело вот в чем.
— Так.
— Ээ… вот в чем. То есть, как это.
— Что дальше?
Бредбери стоял, не зная, куда девать руки и стараясь не встречаться с женой глазами.
— Я играл в гольф, — еле слышно произнес он.
— Играл в гольф?
— Да. — Бредбери помолчал. — Не в обиду будет сказано… то есть, любой на моем месте счел бы за честь… но так уж я странно устроен, ангел мой, — просто не мог больше играть с тобой. Конечно, я сам виноват, но так уж вышло. Еще один день, и я начал бы бросаться на людей, а, глядишь, и покусал бы кого. Вот я подумал, и чтобы не обижать тебя, прибег, так сказать, к военной хитрости. Говорил тебе, что хожу на работу, а сам ездил играть в «Сквоши Холлоу».
— И ты был там вчера и сегодня? — воскликнула миссис Фишер.
Несмотря на деликатность ситуации, к Бредбери вернулось бьющее через край возбуждение.
— Я-то? — выкрикнул он. — Клянусь твоей соболиной шубой! Да я кубок выиграл!
— Ты? Кубок?
— Клянусь твоими бриллиантами, выиграл! Смотри, — сказал Бредбери, отломав ножку от антикварного стола, — знаешь, что случилось в полуфинале? — Он вцепился в ножку хватом Вардона.[74] — Значит, я здесь, метрах в пяти от грина. Соперник играет, как черт. Я не отстаю. Скажешь, я думал о ничьей? Как бы не так. Спокойно так подхожу к мячу, легонечко бью, и, хочешь, верь, хочешь, нет, но мяч остановился только в лунке.
Он осекся, поняв, что, пожалуй, отвлекся от главной темы разговора.
— Милая, — с жаром продолжил Бредбери, — не сердись. Может, попробуем еще разок, и все устроится. Дай мне шанс. Сыграем завтра раунд? Возможно, к твоему стилю просто нужно привыкнуть. Мне ведь и маслины не понравились с первого раза. И виски. Икра тоже. Вот если…
Миссис Фишер покачала головой.
— В гольф я больше не играю.
— Но послушай…
Она нежно посмотрела на Бредбери, едва не плача от счастья.
— Я была несправедлива к тебе, Бредбери. Так глупо подозревала

тебя.

— Ну, ничего, ничего, — ответил Бредбери.

— Это все мама. Она ввела меня в заблуждение. Бредбери было, что сказать о теще, однако он предпочел воздержаться.

— Значит, ты простишь мне, что я удирал из дома и играл в гольф?

— Конечно.

— Может, и правда, сыграем завтра?

— Нет, Бредбери, в гольф я больше не играю. Воспер убедил меня бросить.

— Что?!

— Он как-то увидел мою игру, а после подошел и сказал — очень вежливо и почтительно, — что это не должно повториться. В самых изысканных выражениях он объяснил мне, что я устраиваю цирк на поле и этому безобразию нужно положить конец. Так что больше никакого гольфа. Но ничего. Воспер говорит, что мою одышку можно вылечить массажем. Я наняла массажистку, и кажется, мне уже лучше.

— Где Воспер? — хрипло спросил Бредбери.

— Ты ведь не станешь ругать его, Бредбери? Он такой чувствительный.

Но Бредбери уже не было в комнате.

— Вы хотели видеть меня, сэр? — спросил Воспер, войдя в византийскую курительную несколько минут спустя.

— Да, — ответил Бредбери. — Воспер, я человек простой и многого не знаю. Поэтому не обижайтесь, если я что-нибудь не так скажу.

— Ни в коем случае, сэр.

— Воспер, герцог когда-нибудь пожимал вам руку?

— Всего один раз, сэр, зал был не очень хорошо освещен и он принял меня за епископа.

— А ничего, если я вам сейчас пожму руку?

— Безусловно, сэр, если вам угодно.

— Я так благодарен вам, Воспер. Миссис Фишер говорит, что вы посоветовали ей бросить гольф. Воспер, если бы не вы, я мог сойти с ума.

— Весьма приятно слышать, сэр.

— Ваше жалованье утроено.

— Большое спасибо, сэр. Кстати, если позволите… Я хотел бы кое-что сказать вам, сэр.

— Все, что угодно.

— Это касается миссис Мейплбери, сэр.

— Что такое?

— С вашего позволения, сэр, она едва ли понравилась бы герцогу.

Внезапная догадка вспыхнула в мозгу Бредбери.

— То есть?.. — запнулся он.

— На мой взгляд, сэр, миссис Мейплбери должна уехать. Я ни в коем случае не критикую миссис Мейплбери, сэр. Однако она определенно не понравилась бы герцогу.

Бредбери вдохнул полной грудью.

— Воспер, — сказал он, — чем больше я слышу об этом вашем герцоге, тем больше он мне нравится. Вы и впрямь думаете, что он поставил бы крест на миссис Мейплбери?

— Вне всяких сомнений, сэр.

— Потрясающий. Потрясающий человек. Она уедет завтра же, Воспер.

— Большое спасибо, сэр.

— Воспер…

— Сэр?

— Ваше жалованье учетверяется.

— Весьма благодарен, сэр.

— Тра-ла, Воспер!

— Тра-ла, сэр, — ответил дворецкий.

УДАЧЛИВЫЙ СТИФФЕМ

Бар «Трутней» был битком набит. Прошел слух, что Мартышка ставит выпивку, а такой человек всегда может рассчитывать на одобрение собравшихся. Трутни буквально толкались, и воздух дрожал от криков, которые издают сильные мужчины, видя, что их коктейль вот-вот прольется.

Выпив третью порцию, два Трутня отделились от толпы и направились в пустую курилку. Оба были в визитках и в гетрах, с гарденией в петлице, ибо, как почти все, пришли со свадьбы Адольфуса Стиффема и Джеральдины Спеттисбери.

Какое-то время наши Трутни сидели и молчали, поскольку, еще до коктейлей, угощались шампанским, которым новобрачные были обязаны лорду Уивелскому, отцу невесты. Наконец первый Трутень заговорил:

— Пуффи Проссер надулся как флюс.

— Кто?

— Пуффи Проссер.

— Как плюс?

— Флюс. Дело в том, что Мартышка поил нас за его счет. Они поспорили на 100 против 8, что Адольфус не женится на Джеральдине. Как только священник спросил: «Согласен ли ты, А.?» — Мартышка начал собирать деньги.

— И Пуффи надулся?

— Естественно. Он играл наверняка. Тогда казалось, что у Стиффи нет никаких шансов. Посуди сам: кроме сотни-другой, не больше, он получал жалованье от старого Уивелскома, а потом и того лишился. Как-то утром старикан, гуляя по тисовой аллее, застал своего секретаря в те самые мгновения, когда тот целовал его дочь, и дал ему ногой под зад. Рекорд для средних графов, 11 футов 2 дюйма. Потом он оттащил дочь домой, запер в спальне, вручил Стиффи чек вместо предупреждения и сообщил, что если он, то есть Стиффи, будет через десять минут ближе от замка, чем 1 миля, он, то есть Уивелском, спустит на него собак. Ничего странного, что Пуффи был уверен в выигрыше.

— Что же случилось?

— Никто не знает.

— О, нет! — произнес молодой, свежий голос.

Покинув человека, уподобившегося фонтану, в курилку вошел еще

один Трутень.

— Я знаю, — продолжал он. — Мне рассказывал сам Стиффи. Вот уж, поистине, главное — удача! Если бы не она, С. никогда бы не разбогател в Нью-Йорке.

— Он и не разбогател, — возразил Первый Трутень.

— Ты ошибаешься.

— Почему? В Нью-Йорке Стиффи не был. Когда-то он посетил Лё Тукэ[75] и поклялся, что в жизни не ступит на корабль. Насколько мне известно, в Нью-Йорк по суше не попадешь. Следовательно, твоя гипотеза неверна.

— Ничего подобного, — мягко заметил Трутень. — Меньше чем через неделю после прискорбного случая Стиффи отбыл именно в Нью-Йорк. Ради любви и не то сделаешь. Джеральдина позвонила ему в клуб и велела ехать в Америку, чтобы разбогатеть. Он и поехал.

Там, недели через две, он познакомился с очень приятным субъектом. Правда, глаза у того были слишком близко друг к другу, и слова он цедил углом рта, но все же был настолько приличен, что С. пошел с ним туда, где примерно такие же субъекты играли в кости.

Что именно делали они с костями, Стиффи так и не понял. И все же, когда один субъект собрался сделать ход, а другие бились об заклад, что ничего не выпадет, в С. взыграла кровь. Десять долларов, думал он, не такая большая сумма, а вечер провести надо. Словом, он присоединился к пари, и тут же обнаружил, что субъект имеет в виду 10 000.

Адольфус честно сказал мне, что момент был нелегкий. Отступить было поздно, и он ждал, ясно понимая, что спасти его может только удача Стиффемов.

Естественно, она не подкачала. Через полминуты субъект уже расплачивался. Получив 10 000, Стиффи решил снова попытать счастья. Словом, спустя примерно час, он оказался на открытом пространстве с тридцатью тысячами в кармане.

Он был рад, и я его не виню. Теперь он мог явиться к старому Уивелскому на верблюде, груженном золотом и драгоценными камнями. Как тут не обрадоваться!

Наутро он отнес деньги в банк и решил отпраздновать свою удачу.

Должно быть, вам известно, что если Стиффи празднует, он празднует. Где именно он побывал, сказать не могу, он и сам не помнит. По-видимому, он с кем-то связался, поскольку смутно ощущает, что его окружали друзья. Они ходили по разным местам. Четко он помнит только

то, что проснулся в задней комнатушке какого-то кабачка, а были при нем марка за пять центов, два шарика, три пробки и погремушка.

Свидетельства хорошо проведенного вечера его позабавили. Он надул шарики, погремел погремушкой, после чего решил, что лучше взять денег на расходы и отправился в банк.

Представьте себе его чувства, когда он увидел, что банк закрыт. Вот — он, вот — дверь, закрытая, как устрица. Наконец он припомнил, что в Нью-Йорке банки то и дело прогорают.

Постояв немного в полном отчаянии, он потрусил в отель, а там, еще в вестибюле, сел в кресло, чтобы все обдумать.

Сомнений не было. Жениться на дочери Уивелскома он не сможет. Замысел, можно считать, рухнул. Какое-то время Стиффем это оплакивал.

Внезапно его осенила мысль, от которой стало полегче: если нельзя жениться на дочери, он напишет все как есть отцу.

Понимаете, Стиффи долго мечтал выложить графу правду, иначе говоря, сообщить, что он (С.) о нем (У.) думает. Пока оставался хоть какой-то шанс, это было невозможно. Теперь ему терять нечего. Он сунул руку в карман, проверяя, там ли марка. Да, она не исчезла. Тогда он сел к столу и взял перо.

Не знаю, доводилось ли вам читать инвективы, созданные нашим героем. Мне пришлось. Я был с ним, когда он писал четырехстраничный ответ Пуффи, который отказался одолжить ему десятку. Поверьте, истинный шедевр, ни одной скучной строки. Я горд, что могу назвать автора своим другом.

По его словам, на сей раз он превзошел себя. Листок за листком покрывался палящими мыслями. Стиффи не забыл ни манер злосчастного графа, ни лица, ни галстуков, ни брюк, ни нравственных правил, ни манеры есть суп, обсасывая усы, — словом, ничего. Прыщу на кончике носа он посвятил целых шесть строк. Потом, надписав адрес, он наклеил марку (5 центов) и сам опустил письмо в почтовый ящик, стоявший около закутка, где сидит портье или управляющий.

Воспользовавшись случаем, С. решил, что пришло время поделиться своей бедой.

— Э-хм, — сказал он.

— Да, сэр? — откликнулся управляющий.

— Вот что, мой друг, — продолжал Стиффи, — знаете этот номер, ну, с ванной? Я там живу.

— Конечно, знаю, сэр.

— Сколько за него берете?

— Шесть долларов в день.

— Что ж, ничего не выйдет. У меня нет ни гроша. Управляющий не обрадовался.

— Ни гроша, — повторил С. — Банк прогорел.

— Какой именно банк?

— Такой-то. Управляющий удивился.

— Не слышал. Мы сами им пользуемся.

— Вы с женой и детками?

— Нет, наш отель.

— Мне очень жаль, — печально сказал Стиффи, ибо полюбил их от всей души. — Но факт — это факт. Я только что оттуда. Он заперт.

— Вы думали, что он открыт по воскресеньям? — осведомился управляющий.

— По чему?

— По воскресеньям.

— А сегодня воскресенье?

— Да.

— Куда же делась суббота?

— Была и прошла. Неплохой был денек.

Так Стиффи понял, что за тем, за сем проспал целые сутки. Кроме того, он понял, заметно при этом побледнев что написал и отослал правдивое письмо графу.

Да, ничего не поделаешь. Он (Стиффи) написал ему (графу) такое письмо, после которого надеяться не на что, даже если у тебя куча денег и ты их отдашь потенциальному тестю. Сами видите, как все плохо.

Надо было думать побыстрее, к чему он и приступил. Сначала ничего не получалось, потом в мозгу что-то щелкнуло.

— Дорогой друг, — обратился он к управляющему.

— Да, сэр?

— Если послать письмо в Англию, когда оно дойдет?

— Смотря, когда вы его послали.

— Только что бросил в ящик. Управляющий посмотрел расписание пароходов.

— Его возьмет «Сенатор Дж. Фрейлингазен Боттс». Отплывает во вторник.

— Как и я, — заметил Стиффи.

Теперь все было ясно. Он достаточно долго служил у лорда У., чтобы знать, как приходят письма в его замок. Почтальон бросает их в ящик у входа, а Гаскойн, дворецкий, вынимает и кладет в утренней столовой

рядом с приборами, чтобы каждый, явившись к завтраку, прочитал свое.

Ничего не может быть проще, чем нырнуть в кусты под окном и, когда Гаскойн удалится, войти через стеклянную дверь, а там — забрать роковое послание. Для этого нужно приплыть в Англию на том же самом пароходе, что и письмо.

Вот почему те, кто провожал «Сенатора», могли увидеть молодого человека с решительным взглядом, всходившего по трапу. Кое-кто, наверное, и увидел.

Не думаю, что вы хотите слушать отчет о плавании. Суть в том, что С. добрался до места. Он высадился в Ливерпуле, а к вечеру прибыл в Лондон, мало того, успел на последний поезд, направляющийся в Аптон Снодсбери. Именно оттуда удобно ехать в Уивелском-корт, но С. решил переночевать в Вустере и попросил разбудить его ровно в шесть часов утра.

Сами знаете, что бывает в таких случаях. Ваш сон беспокоен. Вы просыпаетесь с зарей. Чуть позже шести Стиффи вышел в путь и не позже семи стоял на знакомом газоне. Почтальоны не приходят до четверти девятого, так что он решил прогуляться.

Я никогда не вставал даже в семь, но если верить Стиффи, гулять в это время приятно. Вы застанете природу во всей ее свежести. Роса — на траве, солнце сияет, в кустах щебечут птички. Для тех, кто это любит — просто рай. Стиффи это любил. По его словам, такие вещи его умиляли. Учтите великое чувство, и т. д., и т. п. Словом, он говорит, что умилялся; а почему же ему не верить?

Роса сверкала, солнце сияло, птицы пели, и С. пришло в голову, что нормальный влюбленный человек может сделать одно — встать под окном возлюбленной и бросать в него камешки. Она выглянет, он пошлет ей воздушный поцелуй, она тоже пошлет, уже ему, и он сообщит взглядом, что она по-прежнему царит в его сердце. Одобрив этот план, С. набрал пригоршню гравия и приступил к делу.

Метать гравий в окна нелегко. Если вы не в форме, вы промахнетесь; что и случилось со Стиффи. Камушки угодили не в окно прекрасной дамы, а немного левее, то есть туда, где обитал Фердинанд Джеймс, шестой граф Уивелскомский.

Вы скажете «спал», но ошибетесь — его томила бессонница, ибо вечером он председательствовал на ежегодном обеде Верных Сынов Вустершира, где, презрев наставления врача, хорошо поел и выпил. Как всегда в таких случаях, он проснулся среди ночи, испытывая странное,

неприятное чувство. Простая муха, ударившаяся о ковер, могла внушить ему, что он статист в фильме по роману «На Западном фронте без перемен».[76]

Когда же о стекло ударилось полфунта камешков, он выскочил из постели, словно через матрас проник штопор. Двумя прыжками достигнув окна, он успел увидеть своего бывшего помощника, нырявшего в кусты.

Теперь следите за моими словами, иначе вам не понять, почему старый Уивелском принял такую точку зрения. Он знал человеческую природу и понимал, что, пролетев 11 футов 2 дюйма, никто не вернется в места своей беды. Мало того, он твердо знал, что Стиффи отплыл в Америку. Наконец, он был не в лучшей форме после вчерашнего банкета. Вот почему через несколько секунд он появился в соседней комнате, выражая всем своим видом полную растерянность.

— Что случилось, папа? — спросила Джеральдина. — Ты как будто призрака увидел!

— Я и увидел.

— Белую Даму Уивелскома?

— Нет, Розового Секретаря. Буквально две минуты назад я услышал странные звуки, выглянул и увидел призрак твоего кретина.

— Кретина? — удивилась дочь с женственным пылом, который ей очень шел. — Почему кретина? Я его люблю.

— Ну, так не люби, — тоже не без пыла сказал отец. — Он на том свете.

— Ты уверен, что это призрак?

— А кто же еще? Что я, призрака не узнаю? Я очень чувствителен. У нас в семье все мистики. Твоя бабушка постоянно видела своих друзей в саванах. За это ее и не любили у нас в графстве. Кроме того, по твоим словам он — в Америке. Дело ясно. На ее диких просторах бедный дурачок сыграл в ящик.

Джеральдина смотрела на него горящими глазами.

— А кто его туда загнал? Ты!

— Э? Что ты имеешь в виду? Я его не посылал.

— Ты был с ним жесток, он и уехал. Наверное, его застрелили гангстеры. Там это просто. Была у него рана на лбу?

— Не знаю, он сразу исчез. Улыбнулся жуткой улыбкой и буквально растворился в воздухе, то есть в кустах. Хватит! Я хочу кофе! Крепкого горячего кофе. Надень халат, пошли вниз.

— Ничего подобного, — холодно возразила дочь. — Кофе! Нет, это подумать! Да мне завтрак в горло не полезет. Останусь здесь, попробую

вызвать призрак Адольфуса.

Стиффи вынул прутики из волос, смахнул с лица насекомых, тихо вылез из кустов и осторожно подполз к стеклянной двери. Взглянув на часы, он определил, что почтальон вот-вот появится. И верно, минуты через две в малую столовую вошел дворецкий, чтобы положить пачку писем у хозяйского прибора. Когда он ушел, Стиффи сменил роль змеи на роль леопарда. В комнате он был через одну и три пятых секунды. Еще через секунду опознал письмо. Забрал бы он его за секунду с четвертью, но тут послышались шаги.

Для отступления времени не было. Дверь приоткрылась. С завидным присутствием духа Стиффи изменил планы и юркнул под стол.

Судя по ногам, возникшим перед его взором, вернулся дворецкий, видимо — с кофе и едой. Стиффи видел нижнюю часть полосатых брюк, а их носят дворецкие.

Тут дверь открылась пошире, впустив пижамные штаны и домашние туфли. Разум подсказывал, что это хозяин. Штаны исчезли, потом появились почти у его носа. Видимо, их обладатель сел в кресло, а Стиффи понял, что разум не ошибся. Позже он признался, что находиться рядом с ногой, лягнувшей тебя в зад, очень неприятно.

В верхних слоях раздались голоса. Начал дворецкий:

— Доброе утро, милорд. Не хотите ли бекона с яйцами? Престарелый пэр задрожал так, что стол дернулся.

— Не шутите, Гаскойн! Есть время говорить о яйцах и время не говорить о яйцах. Сейчас я хотел бы забыть, что они бывают. Принесите мне, и поскорей, очень крепкого кофе с бренди и очень сухим тостом.

Дворецкий неприятно, укоризненно кашлянул.

— Должен ли я понять, что вы, ваша милость, перешли меру?

— Не должен.

— Быть может, вы, ваша милость, пили шампанское?

— Так, капельку.

— Бутылку?

— Возможно, бутылку.

— Или две?

— Да. Возможно, две. Дворецкий снова кашлянул.

— Я свяжусь с доктором Спелвином.

— Не мучайте меня, Гаскойн!

— Он настоятельно запретил вашей милости шампанское.

— Ха!

— Стоит ли напоминать, что от него ваша милость идет пятнами?

Уивелском сердито залаял.

— Сколько можно! — воскликнул он. — Я слышать не хочу о шампанском.

— Прекрасно, милорд. Вот ваш кофе, милорд. Сухой тост У локтя вашей милости.

Они помолчали. Судя по звукам, граф пил кофе. Гипотезу подкрепило то, что заговорил он более твердым голосом:

— Что вы на меня вылупились? Ну, перепил немного. Только трус бежит удовольствий.

— В вашем возрасте, милорд, перепивать опасно.

— Что значит «в вашем возрасте»? Человеку столько лет, сколько он чувствует.

— Прекрасно, милорд.

— Знаете, в чем вы не правы? Вам кажется, что у меня похмелье. Ничего подобного. Я свеж, как огурчик. Посмотрите на мою руку. Каково? Скала!

На пол мягко упала салфетка.

— Вы ослабели, милорд.

— Кто, я?! Я уронил ее нарочно, чтобы показать, как легко я ее подниму. Вот, глядите.

Однако он ее не поднял. Да, он наклонился, тронул ее пальцем и увидел глаза Стиффи. Нависло тягостное молчание. Потом его лицо исчезло и послышался крик:

— Гаскойн!

— Да, милорд?

— Под столом призрак.

— Прекрасно, милорд.

— То есть как, «прекрасно»? Прекрасно! Ха-ха! Сделайте что-нибудь!

— Простите, милорд, но я не совсем понимаю, что делать.

— Скажите: «Брысь!».

— Помилуйте, милорд! Граф явно рассердился.

— Сказано, тут кишат призраки!

— Да, милорд?

— Вы что, не видите?

— Нет, милорд.

— Посмотрите сами. Он меня преследует все утро. Поднимите скатерть, он там.

— Хорошо, милорд, подниму. Но крайне сомнительно, что я увижу

призрака, о котором говорит ваша милость.

Тем не менее он его увидел. Стиффи, при всей своей глупости, способен действовать быстро, а потому прижал к губам палец. Другой рукой он протянул пять фунтов.

Дворецкий взял их и выпрямился.

— Ну что? — спросил граф.

— Там не очень светло, милорд. Посмотрю еще раз.

Стиффи повторил трюк.

— Нет, милорд. Под столом пусто.

— Ни одного призрака?

— Ни единого, милорд.

Старый Уивелском глухо взвыл и, судя по звукам, отодвинул кресло.

— Пойду прогуляюсь, Гаскойн.

— Прекрасно, милорд.

— Вы точно ничего не видели?

— Точно, милорд.

— Там нет покойного Адольфуса?

— Нету, милорд.

Дверь закрылась, и Стиффи вылез из-под стола.

— Доброе утро, — сказал он.

— Доброе утро, сэр.

— Удивил я вас, а?

— Я испытал некоторую растерянность. Мне казалось, сэр, что вы — в Соединенных Штатах.

— Долго рассказывать, но суть в том, что мне надо видеть леди Джеральдину. Она у себя?

— Точно не знаю, сэр, но смею предположить, что миледи еще не спустилась. Сообщить ей о вашем присутствии?

— Нет, спасибо. Сам справлюсь.

Стиффи побежал наверх и вскоре сидел на ее постели, глядя ей в глаза и лаская маленькую ручку. Разговора он мне не пересказывал, но я полагаю, что для начала он быстро объяснил, почему он здесь, а потом они говорили то, что говорят влюбленные после долгой разлуки. Во всяком случае, они не заметили, что дверная ручка повернулась. Стиффи быстро пришел в себя и юркнул в ближайший шкаф. Правда, он встретился взглядом с лордом Уивелскомом и тут же погрузился в летние платья.

Граф несколько задыхался.

— Джеральдина, — сказал он, — меня преследуют духи.

— Вот как?

— Именно так. Когда я вышел к завтраку, под столом сидел призрак этого… замечательного юноши. Он глядел на меня с той идиот… прости, честной улыбкой, которую я хорошо помню.

— Что же ты сделал?

— Попросил Гаскойна взглянуть под стол. Он взглянул, но призрака не увидел.

— Да?

— Да. Вероятно, не увидишь и ты. Но, клянусь тебе именем Вустерширских Уивелскомов, когда я входил, он юркнул в шкаф.

— Какая чепуха!

— Нет, не чепуха.

— В этот шкаф?

— В этот самый.

— Пойду взгляну.

— Осторожней! Он может укусить. Джеральдина приоткрыла дверцу и заглянула внутрь.

— Там ничего нет, — сказала она. Граф снова тихо застонал.

— Я знал, что ты его не увидишь. Он мучает меня. Хорошенькое дело, бегать по усадьбе от какого-то призрака! Пропал мой покой!

Джеральдина положила руку на трепещущее плечо.

— Ну, папа, не огорчайся! Я знаю, что случилось. Это — предупреждение.

— Предупреждение?

— Да. Я о таких вещах читала. Иногда призрак… скажем, А. Или Б.?

— Как тебе удобней.

— Призрак А. или Б. появляется не после, а до смерти, чтобы поразить, скажем так, В. Скажем?

— Да, пожалуйста.

— Понимаешь, он посылает издалека свой облик. Граф поднял голову, которую было охватил руками.

— Ты думаешь, этот кре… прекрасный юноша, в котором я видел сына, еще жив?

— Видимо, да.

— Что же с ним делать? Джеральдина помолчала.

— По-моему, лучше всего послать ему телеграмму, чтобы он немедленно возвращался, поскольку ты согласен на наш брак.

— Лучше всего?

— Да.

— А если сделать немножко хуже?

— Другого выхода нет.

— Значит, или он ходит за мной всю жизнь, или становится моим зятем?

— Вот именно.

Лорд снова посмотрел на шкаф и произнес с немного излишней сердечностью:

— Очень хорошо! Прекрасно! Дивно! В жизни не был так счастлив.

— Вот (заключил Трутень) правда о том, как поженились Стиффи и Джеральдина. Потому мы и были у св. Георгия, на Ганновер-сквер. Теперь вы поймете, почему я считаю, что в этом мире нужны не добродетель, не мудрость, не знатность, а только удача. Иначе и я бы преуспел. Вера в удачу побудила Мартышку биться об заклад с Пуффи. Я уважаю его за это и радуюсь, что он выиграл.

NOBLESSE OBLIGE[77]

Непорочное чело вошедшего в курилку Трутня прорезала морщина. Он задумчиво зашел в угол и обратился к собравшимся там членам клуба.

— Вы часом не знаете, — осведомился он, — что такое с Фредди? Может, он свихнулся?

Другой Трутень спросил, почему он так думает.

— Ну, сидит в баре, пьет коктейль «Вздох ящерки».

— Не вижу ничего странного.

— Да-да, но он сам странный. Понимаешь, в нашей старой школе собирают деньги на новый корт. Я ему сказал, а он ответил, что ему плевать на старые школы, жизни от них нет.

— М-да… — согласился второй Трутень. — Что-то не то.

— Потом он мерзко засмеялся и прибавил, что, если кому интересно, он собирается вступить в Иностранный легион, это пристанище прбклятых, где можно умереть, а умерев — забыть.

— Кто, Виджен? — удивился Трутень-2. — Ну, знаешь! Трутень-3 покачал головой.

— Ни в какой легион он не пойдет, там не дают утром чая. А вообще-то понять его можно. Жизнь его сломала трагедия. Он потерял любимую девушку.

— Мог бы и привыкнуть.

— Это верно. Но он, к тому же, лишился последней десятки, а его дядя, лорд Блистер, уменьшил вдвое дотацию.

— А!.. — сказал непонятливый Трутень.

— Случилось это в Каннах. Старого Блистера загнали туда врачи, и он предложил Фредди с ним поехать. Неплохо, а? Место — лучше некуда, юг Франции, лето, все оплачивает дядя. Однако я посоветовал воздержаться. Я сказал, что за шесть недель на чужеземном курорте можно наделать глупостей и рассердить старика. Фредди приятно покраснел и объяснил, что все понимает, но поехать должен, ибо там *она*.

— Кто именно?

— Забыл. Кажется, Друзилла. Мы с ней не знакомы. Судя по описанию, помесь Талулы Банкхед[78] и женщины-полицейского. Другими словами, вид — красивый, но внутри — всякие идеи, скажем, прогресс. Насколько я понял, она происходит от целой вереницы епископов и архидьяконов, а потому не терпит азартных игр, куренья и коктейлей.

Фредди ей тем и понравился, что он не играет, не курит и не пьет.

— Кто, Фредди?!

— Он ей так сказал. Что ж, не глупо. На ранних стадиях нужно умягчать девицу, иначе пропадешь.

— Это верно, — согласился Трутень.

Так обстояло дело, когда Ф. приехал в Канны. На четвертый или пятый день, гуляя по Croisette,[79] он был беспримерно счастлив. Солнце сияло, море синело, девица обещала выпить с ним чаю в казино и, вдобавок, он знал, что выглядит прекрасно. Он вообще франт, но тут превзошел себя. Идеальные брюки, чистейшая рубашка, дивно-сиреневый пиджак являли неповторимую картину. К ней он добавил галстук, украденный вчера у дяди, — золото, сероватая сирень и алая полоска. Для других это слишком, но его превращало в молодого бога.

Если я скажу вам, что минут через десять к нему подошел француз и предложил 500 франков за роль судьи на конкурсе младенцев, вы поймете, как он был хорош. Хитрые галлы не тратятся на нищих.

Должно быть, вы подумали, что Фредди так и кинулся, поскольку старый скупердяй держит его в строгости. Однако, по случайности, он телеграфировал другу в Лондон и ждал искомой десятки с дневной почтой. Тем самым, он не нуждался в золоте, которое сулил француз, но был польщен и пообещал хотя бы украсить конкурс своим присутствием. Расстались они весьма сердечно.

Почти сразу вслед за этим к нему приблизился тип в потрепанном готовом костюме.

Часы сообщали, что почта прибудет с минуты на минуту, и Фредди держался поближе к «Карлтону» (где, заметим, жили и он с дядей, и девица). Прохаживаясь перед входом, он услышал тот радостный голос, которым старый друг приветствует старого друга:

— О! Привет!

Обернувшись, он увидел упомянутого типа. Тот был тощий и длинный.

— Вот это да! — продолжал тип.

Фредди воззрился на него. Если верить памяти, он его в жизни не видел.

— Привет, — отвечал он, чтобы затянуть время.

— Чудеса! — не унялся тип. — Кого я вижу!

— Э, — сказал Фредди.

— Давненько мы не встречались.

— Да уж, — согласился Фредди, чувствуя, что на лбу выступают капельки пота. Очень глупо встретить знакомого и не знать, кто это.

— Наших не видишь? — поинтересовался тип.

— Да так… скорее нет…

— Все куда-то делись.

— Вот именно.

— Недавно я встретил Смита.

— Да?

— То есть, Т. Т. Смита.

— О, Т. Т.!

— Да. Не Дж. Б. Я слышал, Дж. Б. — в Малайзии. А Т. Т. — в каком-то агентстве. Процветает.

— Это хорошо.

— Ты и сам не бедствуешь, а?

— О, конечно!

— Не удивляюсь. Я еще в школе знал, что ты далеко пойдешь.

Фредди вцепился в слово «школа», как в спасательный круг. Поле заметно уменьшилось, теперь мозги заработают. Он снова взглянул на типа и снова приуныл. Ну, в жизни не видел! Положение усложнилось, ведь тип вот-вот окажется ближайшим из друзей, которому надо бы упасть на шею, предаваясь воспоминаниям о том, как старина Носач принес в часовню белого кролика.

— Да, — продолжал тип, — еще в те годы было ясно, что ты не пропадешь. Как я тобой восхищался! Ты был моим кумиром.

Фредди очень удивился. Он и не подозревал, что был чьим-то кумиром. Да, конечно, в последнем классе его приняли в крикетную команду, но все равно поклоняться ему было не за что.

— Кумиром, — повторил тип. — Можно сказать, божеством.

— Да? — Фредди покраснел. — Подумать только… Сигарету?

— Спасибо. Вообще-то лучше бы тыщу, а то я совсем пропаду. Не все процветают. Ты вот идешь вверх, а кое-кто — и вниз. Да, без тыщи мне крышка.

Фредди говорил мне, что был буквально сражен. Казалось бы, опытный человек, а не догадался, что у него попросят денег. Сперва он хотел что-нибудь проурчать и поскорее исчезнуть, но благородные чувства взяли верх. Можно ли бросать в беде школьного друга, да еще такого, который тебе поклонялся? Нет, нельзя. Там училось шестьсот сорок семь персон. Отвергнет ли он единственного, который считал его кумиром? Исключено. Да, тысяча франков — это сумма, но раздобыть ее придется.

Noblesse oblige.

И тут он вспомнил, что, должно быть, уже пришел перевод. От волнения он о нем забыл.

— Господи! — воскликнул Фредди. — Хорошо, подожди. Давай встретимся в казино, часа через два.

— Спасибо, — пролепетал тип. — Спасибо!

— Не за что, — сказал Фредди.

Со смешанными чувствами вошел он в отель. С одной стороны, есть высокая скорбь в мысли о том, что лишишься последней десятки, предназначенной совсем не для этого. С другой стороны, есть тихая радость в том, чтобы не чувствовать себя эгоистом. К тому же, в глубине сознания маячил тип, говоривший: «О, если бы мы все были такими, как Фредди!» Духовный восторг, думал он, десятки стоит.

Однако ему хотелось, чтобы тип удовольствовался пятеркой. Именно столько он, Фредди, был несколько месяцев должен лондонскому букмекеру, который, судя по недавнему письму, уже терял терпение. До описанных выше событий Ф. собирался умаслить его хотя бы частью долга. Теперь об этом нет и речи. Всю сумму, как есть, надо отдать другу детства, чье имя он не мог припомнить.

Брент? Джернингем? Фосуэй?

Нет, не то.

Бустер? Гоггз? Бутл? Финсбери?

Нет-нет.

Оставив попытки, он подошел к портье. Конверт был тут, а в нем — чек. Превосходный клерк тут же его обналичил, и Фредди брал деньги, когда кто-то вскрикнул: «А!»

Казалось бы, что в этом звуке страшного? Однако Фредди испугался. Он узнал голос. То был никто иной, как букмекер, которому он задолжал пятерку. То-то и плохо летом в Каннах, там очень смешанное общество. Можно встретить Ф. Виджена, кумира школьных друзей, а можно — таких субъектов. Словом, кого угодно, от верхов до низов.

Обернувшись и встретив беспощадный взгляд, Фредди утратил надежду. Но сделал, что мог.

— Привет, мистер Макинтош! — сказал он. — А вот и вы! Так-так-так. Ха-ха.

— Да, — ответил букмекер. — Вот и я.

— Никак не думал вас тут встретить.

— Но встретили, — заверил букмекер.

— Отдохнуть решили? Погреться на солнышке, забыть о делах?

— Не совсем, — букмекер вынул черную книжечку. — Посмотрим-посмотрим… Мистер Виджен… А, вот! Пять фунтов. Поставили на Мармелада, он пришел третьим. Мог и выиграть, но… Такова жизнь. Думаю, это будет четыреста пятьдесят франков с небольшим, но округлим, давайте просто четыреста пятьдесят. Мы люди свои, в конце концов!

— Простите, — сказал Фредди. — Может, как-нибудь в другой раз? Сейчас не могу, нет денег.

— Нету?

— То есть они мне нужны для одного бедного человека.

— Мне тоже.

Словом, Фредди сдался. Взывать к лучшим чувствам он не мог, у букмекера их не было; и протянул ему требуемую сумму.

— Хорошо-хорошо! — сказал он. — Вот, пожалуйста. С моим проклятием.

— Прекрасно, — заметил букмекер.

Фредди остался при пятистах пятидесяти франках, а нужна была тысяча.

Я бы его не осудил, если бы он плюнул на школьного друга. Пятьдесят франков — чай с девицей, пятьсот остается на курортные развлечения. Недурно.

Но он преодолел искушение. Старый поклонник… (как же его? Маттлбери? Джакс? Фергюсон? Брейтуэйт?) просит *тыщу* и тыщу получит.

Где же достать еще пятьсот? Вот в чем вопрос.

Занять у дяди? О, нет! И тут его осенило. Именно столько предлагал ему хитрый француз, если он возьмется судить этих младенцев.

К младенцам он относился своеобразно. Общаться с ними, думал он, можно только в тех случаях, когда рядом есть мать или нянька на всякий пожарный случай. Тогда, если ты с младенцем в родстве, неплохо протянуть ему часы, пусть послушает тиканье. Да, неплохо; но любить этих тварей — помилуйте! Как-то с ними муторно. Взгляд холодный, слюну пускают изо рта… Посмотришь и задумаешься, впрямь ли человек — венец природы?

Теперь вы поймете, что и за пятьсот франков ему было трудно оказаться лицом к лицу с целой оравой. К его чести скажем, что, после короткой борьбы, он стиснул зубы, сжал кулаки и твердо зашагал к пристани, сокрушаясь о том, что судят не прекрасных купальщиц.

Конечно, за это время судью могли найти. Но нет. Француз встретил

Фредди как родного и повел его в павильон, где собрались исключительно грозные матери и необычайно гнусные младенцы. Он произнес по-французски небольшую речь, матери похлопали, дети заорали, а потом стал обходить ряды вместе с судьей. Матери сурово смотрели на них, как бы предупреждая, что если приз посмеют дать другому, будет плохо. Фредди говорил, что это очень утомляло, и я его понимаю.

Однако он держался. Судьей он был впервые, но инстинкт подсказал ему метод опытных судей — презрев младенцев, смотреть на матерей. Этой — столько-то очков за свирепость, той — за склонность к ножам и кинжалам, и т. д., и т. п. Спросите младших священников, как они действуют на этих конкурсах, и каждый скажет, что следует такому методу.

Приза было три, и с первым все стало ясно сразу. Он сам собой достался матери в тяжелом весе, с густыми бровями, которая выглядела так, словно только что вязала у подножия гильотины. Увидев брови, говорил мне Ф., он просто услышал стук голов, падающих в корзинку. Словом, с первой премией сомнений не было.

О второй и третьей пришлось подумать, но все же он вручил их страшным особам, у которых явно было в чулке что-то подозрительное. Выполнив свой долг, он повернулся к галлу, не обращая внимания на ропот побежденных.

Галл не очень хорошо знал английский, и не сразу понял соратника. Когда же понял, Фредди пошатнулся, ибо оказалось, что он должен не получить, а заплатить пятьсот франков.

Как выяснилось, старый каннский обычай велит приглашать в судьи богатых англичан, которые и платят за такую честь.

Увидев Фредди, француз был так поражен его элегантностью и осанкой, что выбрал его и больше не искал.

Что ж, очень лестно, думал Фредди, большой комплимент его вкусу, но надо бы поскорей бежать. Он осторожно поглядывал на ближайший выход. Если бы тот был чуточку ближе, можно было бы рискнуть, но так… Матери кинутся за ним, а бежать с таким эскортом по Каннам ему не хотелось. Быть может, он спасется, быть может — нет. Да, положение опасное.

Тяжело вздохнув, он отдал пять фунтов и направился к выходу. Дух его был так мрачен, что он едва слышал ропот несчастных матерей, называвших его разными именами, намекая на местном наречии, что он подкуплен.

Но хуже всего была мысль, что, если не случится чудо, он огорчит

старого Парслоу, Уотерса, Булстрода, Бингли, Маргатройда или как его там.

Он сказал, чтобы тот пришел к казино, расположенное среди пальм, в конце Croisette, и сам туда направился. Шел он с большим трудом. Желание дать денег старому другу уже превратилось в манию. Он чувствовал, что затронута честь, и трепетал, предвкушая встречу. Сейчас он увидит друга с протянутой рукой, с ожиданием во взгляде — и что же? Ни-че-го.

Фредди беззвучно застонал, живо представляя горький, укоризненный взор и как бы слыша слова: «Нет, это — не Виджен! Мой кумир не пожалел бы такой малости. Да, меняются люди… Таким ли он был, когда мы играли под сенью старых садов?» Думать об этом очень больно.

Но Фредди думал, не обращая внимания на веселую суету. Он мог бы увидеть девиц в купальных костюмах, начинающихся в самом низу спины и кончающихся на два дюйма ниже. Он мог бы бросить в них печеньем, так они были близко; но шел, погруженный в думу.

Дойдя до казино, он все решил. Как ни безумна, как ни тщетна эта идея, он собирался занять денег у дяди. С этой целью проследовал он в комнату, где играли в баккара, зная, что в этот час старый лорд сидит за одним из столиков. Отказывая племяннику в радостях азарта, сам он тем не менее любил перекинуться в картишки.

Действительно, дядя сидел там, склонившись над зеленым сукном. Когда Фредди вошел, лицо его озарял священный отблеск экзальтации. Играл он просто, без затей. Лорд Блистер не принадлежал к героям очерков, выигрывающим за вечер три миллиона. Если ему удавалось обогнать других на шиллинг, он считал, что время потрачено не зря.

Фредди показалось, что момент — удобный. Дядя выиграл фунтов пять, то есть ему привалила удача. Тем самым, у него хорошее настроение.

— Э… дядя… — начал Ф.

— Пошел к черту, — ответил лорд Блистер, совсем не в хорошем настроении. — Банк!

И он забрал еще 60 франков.

— Дядя, послушай…

— В чем дело?

— Ты мне не одолжишь…

— Нет.

— Мне только…

— Все равно не дам.

— Это не для меня.

— Пошел к черту.

Фредди сдался. Естественно, он знал, что так будет, и все же пал духом. Последний шанс не сработал. Больше делать нечего.

Он посмотрел на часы. Старый друг подходит к цели. Вера его столь сильна, что идет он пружинистым шагом. Есть у него тросточка? Фредди забыл. Если есть, он ею помахивает.

А потом они встретятся… он узнает… мечты его рухнут. Какой ужас!

Именно в это мгновение Фредди очнулся, услышав слово «mille», которое и значит «тысяча». То был голос крупье, тянущего свою литанию.

Что ж, тысяча франков — немного для этих денежных мешков, но для всякой мелкоты сорвать такой банк — большое счастье. Вокруг стола толпились люди. Глядя поверх голов, Ф. видел кучку денег, явно улыбавшуюся ему.

Поколебавшись секунду-другую, он увидел всю свою жизнь, словно утопающий. Потом услышал, как крупье хрипло выкрикнул: «Banco».[80] Что-то в этом было знакомое; и точно, это он сорвал банк.

Можете себе представить, как он растерялся. Хорошо, он обыграл какого-то субъекта, а если проиграет? Ему нечего дать, кроме пятидесяти франков и жалких извинений. Интересно, что они делают, когда не можешь расплатиться? Уж точно, что-нибудь жуткое. Гильотина — вряд ли, Чертов остров — тоже сомнительно, но что-нибудь да придумали. Смутно припомнив какой-то фильм, он представил, что стоит в каре, а игроки и распорядители срезают пуговицы с его пиджака.

А может, с брюк? Нет, тут есть женщины. Но и пиджачные — отнюдь не подарок.

Страдал не только он, страдал и дядя. Проиграл именно он и думал, удвоить ставку или махнуть рукой.

Играя в баккара, лорд Блистер верил в небольшие выигрыши и быстрый оборот. Начинал он с мелочи, потом удваивал ставку, скрепя сердце, и на этом заканчивал. Но сейчас он так разыгрался, что рискнул целой тысячей. Такие суммы не теряют. С другой стороны, а вдруг он выиграет? Кто-то в толпе крикнул «Banco!». Если повезет, можно загрести две тысячи вместо одной.

Что же делать? Он стоял на распутье. Наконец, он решился. Крупье метнул карты на стол, толпа отступила, чтобы не мешать, и тут в подавшемся вперед игроке он узнал Фредди.

— Р-р-р! — зарычал он. — Хр-м-пф! Тьфу!

Хотел он сказать, что игра не считается, поскольку в ней участвует сын его сестры, Фредерик Фотерингей Виджен, которого нет и сотой части

денег, которые понадобятся, если он проиграет. Но его не поняли. А в следующий миг крупье придвигал к племяннику все, что поставил дядя.

Собирая выигрыш, он заметил взгляд старикана, после чего выронил фишки на сто франков, на пять франков и на три луидора. Собрав их снова, он выпрямился и услышал голос.

— Добрый день, мистер Виджен, — сказала Друзилла.

— О, а! — сказал Фредди.

Не очень блестящая ремарка, но спасибо и на этом. *Она* глядела на него не лучше, чем дядя, хотя взгляды их различались. У графа он пылал, выражая гнев и ненависть, у девицы — леденел, выражая, в основном, презрение. Кого лучше встретить в темной аллее, Фредди сказать не мог бы.

— Я вижу, вам везет, — сказала *она.*

— О, а, — заметил Фредди.

Он быстро отвел взор и встретился глазами с дядей. Снова отвел, и встретился с *ней.* Позже он говорил мне, что положение напоминало тот случай, когда африканский охотник, спасаясь от змеи, видит тигра.

Девица сморщила нос, словно казино наполнилось особенно вонючим газом.

— Признаюсь, я немного удивлена, — сказала она при этом. — Вы вроде бы не играете.

— О, а.

— Если не путаю, вы сравнили азартные игры со злокачественной опухолью.

— А, о.

Она сердито фыркнула, словно надеялась недавно, что он — не полный мерзавец, а теперь поняла, что ошиблась.

— Боюсь, — сказала она, — я не смогу выпить с вами чаю. Прощайте, мистер Виджен.

— О, а, — ответил Фредди.

Он смотрел ей вслед, зная, что она уходит из его жизни, и о флёрдоранже лучше не думать. Но тут ему пришло в голову, что, несмотря на побивший все рекорды разговор с дядей и утрату любимой девушки, можно радоваться одному: честь Видженов спасена, деньги он даст.

Подойдя к кассиру, он обменял все на одну банкноту, покинул казино и спускался на тротуар, когда увидел школьного друга. Тот просто сиял и переливался.

— Вот и я, — сказал друг.

— А, о, — сказал Фредди.

И с достойным смирением вложил ему в руку деньги.

Тот, несомненно, их взял. Он схватил их, как форель — мушку и быстро сунул в задний карман. Странно было то, что он был буквально поражен. Глаза округлились, челюсть отвисла, он растерянно смотрел на Фредди.

— Нет, я не против, — сказал он. — Я всей душой за. Однако! Целая тысяча. Я, собственно, имел в виду франков пятьдесят.

Тут удивился Фредди.

— Ты же просил *тыщу*.

— Пищу? Я ее и куплю, — радостно ответил школьный друг. — Ничего не ел с завтрака.

Фредди не очень быстро думает, но и он понял, что тут что-то не так.

— Значит, ты просил *пищу!*

— Конечно. Она мне очень нужна, — он наморщил лоб. — Начнем, я думаю, с закуски, — он облизнулся. — Потом — бульону, потом — свежей рыбки и, естественно, бифштекс с жареной картошкой. К нему — салат. Сыр, естественно, кофе, ликер, сигара. Да, можешь не сомневаться, без пищи я не останусь. Ах ты, забыл! Вина бутылочку, чтобы все это обмыть. Сухого, хорошего. Так-так-так… — он похлопал себя по животу. — Видишь живот? Через четверть часа он очень удивится.

Фредди говорил мне, что он рассердился, и я его понимаю. Кто не рассердится в такой ситуации? С полминуты он хотел кинуться на типа, вырвать банкноту и заменить ее пятьюдесятью франками, но добрый старый дух noblesse oblige его удержал. Да, он беден, да, он отвергнут, да, предстоит беседа с дядей, во время которой тот может откусить ему часть ноги, зато он поступил благородно. Он не оставил в беде друга, который им восхищался.

Тот что-то говорил, сперва — о бифштексе, у которого один недостаток, его мало. Лучше все-таки заказать пару отбивных. Потом он перешел к новой теме:

— Повезло мне, что я тебя встретил, Постлвейт!

— Что-что? Какой Постлвейт? Тип удивился.

— То есть как это, «какой»?

— Ну, кто он? Почему ты о нем вспомнил?

— Это же твоя фамилия!

— Моя фамилия Виджен.

— Виджен?

— Да.

— А не Постлвейт?

— Ни в коем случае. Тип засмеялся.

— Ха-ха! Узнаю твое остроумие.

— При чем тут «мое»? Я — не — Постлвейт. В жизни им не был!

— То есть как? Я же тобой восхищался в старом добром Бинглтоне.

— Где?

— В Бинглтоне.

— Я там не был.

— Ты же носишь наш галстук. Фредди покачнулся.

— Эта мерзость — ваш галстук? Я его у дяди стащил. Тип опять засмеялся.

— Ну, дела! Ты вылитый Постлвейт, и галстук у тебя наш. Как тут не обознаться? Да-а… Ничего, все к лучшему, Э? Пока! — и он побыстрей свернул за угол.

Фредди смотрел ему вслед, подсчитывая убытки и прибыль. Друзиллу, или как ее, он утратил. Дядю — рассердил. Десятку — отдал. А главное, никто ему не поклонялся. Прибыль же — пятьдесят франков.

В каннском казино можно купить за эти деньги пять мартини. Фредди их купил.

Потом, утерев губы салфеткой, вышел из бара прямо в печальный закат.

МЕНЕСТРЕЛЬ В МАСКЕ

Из клуба «Трутни» вышел молодой человек и остановился, чтобы закурить сигарету. Перед ним, видимо — из мостовой, неожиданно возник субъект, который, притронувшись к шляпе, заискивающе улыбнулся. Преодолев внутреннюю борьбу, молодой человек сунул руку в карман, дал субъекту денег и пошел домой.

Сцена эта умиляла, радовала сердце, словно картинка в рождественском журнале; однако два Трутня, глядевшие на нее из курилки, не растрогались, а удивились.

— Чтоб мне лопнуть! — сказал первый. — Не увидел бы, не поверил.

— Я тоже, — сказал второй.

— Чему? — спросил третий, появляясь сзади.

Они обернулись, как один Трутень, и заговорили, словно греческий хор:

— Фредди Виджен…

— …проходил вон там…

— … а к нему подошел субъект…

— … и попросил денег….

— … Фредди не отпрыгнул сюда…

— … а дал ему монетку.

Третий Трутень пощелкал языком.

— Какой этот субъект? Жирный? Склизкий?

— Да-да!

— Так я и думал. Я его знаю. Это — Дж. Уотербери, пианист. Фредди, можно сказать, платит ему жалованье. То шиллинг даст, то целых десять.

Два Трутня еще больше удивились.

— У Фредди ничего нет, — сказал старший.

— Верно, он отдает последнее. Но его девиз — noblesse oblige. Понимаете, субъект — в своем праве. Он спас ему жизнь.

— Субъект спас Фредди?

— Нет. Фредди — субъекта.

— Тогда пускай тот и платит.

— А кодексВидженов? — Трутень вздохнул. — Бедный старый Ф.! Смотреть больно, как его мучают после всего, что было.

— Что же было?

— Было то, — серьезно ответил третий Трутень, — что он прошел

сквозь горнило испытаний.

Началось с того (продолжал Трутень), что Фредди страдал от несчастной любви. Он всегда от нее страдает. Диане Прендерби он поклонялся, но она его отвергла. Тем самым, он не искал суетных развлечений и, когда дядя пригласил его в «Ритц», сперва хотел отказаться.

Но как откажешься, если дядя тебя содержит? Его приглашения — приказы. Словом, Фредди пошел в ресторан, засел в холле, печально думая о Диане, и дождался старого хрыча.

— А, Фредерик! — сказал тот, вручив гардеробщику цилиндр и зонтик. — Хорошо, что явился. Нам надо с тобой поговорить. Последнее время я о тебе размышляю.

— Правда? — удивился Фредди.

— Да, — отвечал дядя. — Все не мог понять, почему на нашем гербе такое пятно. Размышлял я о том, как тебя обезвредить. Гадал-гадал и, кажется, нашел выход. Тебе пора жениться. Не пыхти! Зачем ты пыхтишь?

— Я вздыхаю.

— Значит, не вздыхай. Я уж думал, у тебя астма. Итак, если ты женишься и остепенишься, все можно исправить. Я видел не таких… нет-нет, таких же балбесов, которых брак преображал. Наверное, ты думал, с какой стати я веду тебя в дорогой ресторан. Сейчас узнаешь. Сюда придет моя старая знакомая, леди Пинфодц с дочерью. Дочь зовут Дора, на ней ты и женишься. Прекрасная семья, большое приданое, ума хватит на двоих. Так что изволь, если это возможно, произвести хорошее впечатление.

Фредди улыбнулся горькой улыбкой.

— Ах, что мне… — начал он.

— Минуточку! Должен тебя предупредить, она не из нынешних модниц. Помни, что ты не в курилке. Никаких анекдотов, никаких стишков.

— Ах, что… — снова начал Фредди.

— И ничего не пей. У нее очень строгие взгляды. Когда увидишь меню, возьми себя в руки. Смотри на правую колонку, где цены.

— Ах, что мне, — прорвался Фредди, — какое-то меню! Спасибо за добрые намерения, но я не могу на ней жениться.

Лорд Блистер умудренно кивнул.

— Ясно-ясно. Нельзя так поступать с девушкой. Это верно, ты прав, но мир полон страданий. Чтобы сделать омлет, надо разбить яйца. Словом, забудь о нравственной стороне дела. Очаруй ее, или я… Тише! Они идут!

Он встал, поскольку в зал вплывала немолодая дама. Встал и Фредди,

но чуть не упал, ибо за дамой легко плыла девушка. Во внезапном озарении он увидел долгий ряд девиц, завершавшийся Дианой. Никто из них не сравнился бы с новоприбывшей. Как вам известно, Фредди влюбляется с первого взгляда. Случилось это и теперь.

Колени у него дрожали, и он был рад, что можно сесть. Девушке он вроде бы понравился, он всегда нравится поначалу. Когда подали рыбу, они вполне спелись. Она говорила о своих мечтах и идеалах, он вставлял: «О!» или «А-а!..», но спеться они спелись, против факта не попрешь.

Да, спелись, и настолько, что когда подали сыр, Фредди не то чтобы пожал ее руку, но все же склонился под углом 45° и спросил, не пойти ли после кофе в кино. Она охотно согласилась, прибавив, что без четверти три должна быть в Ноттинг-хилле.

— Там наша миссия, — пояснила она.

— О! — вскричал Фредди. — Добрые дела и какао?

— Вот именно. Сегодня — вечер для матерей.

Фредди чуть не подавился камамбером. Ему пришла в голову мысль. Если, подумал он, они будут встречаться только на балах и обедах, она узнает, что у него хороший аппетит и резиновые ноги. Если же они пойдут в миссию, он сможет проявить свои лучшие качества: деликатность, учтивость, рыцарственность. Он окружит ее сонмом тех знаков внимания, от которых девушки говорят про себя: «Однако!»

— Нельзя ли и мне с вами? — спросил он.

— Вам там будет скучно.

— О, нет! Я могу их рассаживать, бедняжек, вообще, шнырять туда-сюда. Поверьте, я умею. Помогал на десятках свадеб.

Она подумала и вскричала:

— Знаю! А петь вы умеете?

— Еще бы!

— И споете?

— Конечно!

— Это очень мило с вашей стороны. Что-нибудь такое, старинное.

— Я исполню, — сказал Фредди, глядя на нее так, что она, возможно, покраснела, — мой коронный номер «Серебро луны сияет, словно свет ее очей».

Как только трапеза кончилась, они ушли. Старый лорд ласково улыбался, радуясь успеху своего замысла.

А в половине четвертого Фредди стоял на сцене перед британским флагом, рядом с викарием. Дора сидела у рояля, а сотни две ноттингхилльских матерей слушали его, словно Бинга Кросби.[81]

Пел он лучше некуда. Мне он рассказывал, что матери просто ели из рук. После первой песни они потребовал вторую, после второй — третью, после третьей кричали «бис!» Он спел и на бис, а они хлопали, пока он не вышел снова и не поклонился. Тут они стали кричать: «Скажите нам что-нибудь!», и он потерял разум. Его понесло и занесло дальше, чем следует.

Говоря конкретно, он пригласил матерей на небольшую пирушку ровно через неделю, в той же миссии.

— Дорогие мамаши, — сказал он, — жду вас всех, до последней. Если у кого есть своя мамаша, приводите и ее. Как говорится, ешь — не хочу. Какао будет литься рекой, булочки — сыпаться манной. Благодарю и ожидаю.

Только дома, еще мигая от сияния, которое он подметил в *ее* глазах, еще слыша крики и аплодисменты, он вспомнил, что у него есть один фунт три шиллинга четыре пенса.

Нельзя угостить кучу матерей на такие деньги, а значит, придется занять приличную сумму. Такая сумма — видимо, фунтов двадцать — была только у дяди.

Он понимал, что дело — нелегкое. Третий граф Блистерский не был обделен мирским богатством, но расставаться с ним не любил. Моль селилась в его бумажнике, плодясь и размножаясь. Но выбирать не приходится. Если вам нужны двадцать фунтов, надо пойти к тому, у кого они есть. И Фредди пошел.

Дяди дома не было. Насколько племянник понял, в Боттлтон-ист проходили дополнительные выборы, и лорд отправился туда, чтобы, председательствуя на митинге, защищать интересы консерваторов. Пришлось подождать. Вернулся он охрипший от контакта с пролетариатом, но в прекрасном настроении. Ему очень понравилось, как вел себя Фредди в ресторане.

— Ты меня удивил, — сказал он. — Продолжай в том же духе. Предложение делай не на свету, может и согласится.

— А ты хочешь, чтобы она согласилась?

— Конечно, хочу.

— Тогда дай мне двадцать фунтов. Лорд Блистер помрачнел.

— Двадцать фунтов? Зачем они тебе?

— Поверь, очень нужно, — ответил Фредди и кратко рассказал про матерей, булочки, какао. Если ничего не выйдет, пояснил он, Дора его не простит, и будет права.

Лорд Блистер слушал, все больше мрачнея. Мысль о разлуке с двадцатью фунтами была для него как острый нож.

— Это обойдется дешевле, — сказал он.

— Нет-нет!

— Гораздо дешевле.

— Посуди сам. Матерей штук двести, не меньше. Они приведут родных и знакомых. Прибавим непрошеных гостей, получится человек четыреста. Кладем шиллинг на каждого…

Лорд Блистер гневно фыркнул.

— Какая чушь! — вскричал он. — Шиллинг! Ну, знаешь! Какао стоит дешево.

— А булочки?

— Тоже дешевые.

— Хорошо, а яйца вкрутую? О них ты подумал?

— Яйца? Господи, что ты затеял, вавилонскую оргию? Ни о каких яйцах не может быть и речи.

— Ладно, вернемся к булочкам. По двенадцати на брата…

— Что ты порешь? По двенадцати! Там соберутся простые английские женщины, а не ленточные глисты. Десять фунтов. И то много.

Больше Фредди не выпросил и ушел от дяди с двумя пятерками в кармане. Чутье твердило, что этого не хватит. Самый минимум — пятнадцать фунтов, думал он по дороге в клуб. Ломая голову над проблемой, он вошел в курилку и увидел, что несколько Трутней собрались вокруг мальчишки в гольфах. Мало сказать «собрались», они на нем висели.

Фредди удивился. Он знал, как взыскательны Трутни, а в мальчишке не было ничего примечательного, разве что уши.

— Что там такое? — спросил он Кошкина Корма, который стоял ближе всех.

— Да Эгберт, кузен Чайника, — отвечал Корм. — Он учится в Харроу. Очень занятный юноша. Видишь рогатку? Он стреляет бразильским орехом. И без промаха. Божий дар! Мог бы загордиться, но нет, успех его не испортил. Простой такой, скромный. Автограф попросишь?

Фредди ему не поверил. Бразильский орех извилист, комковат, стрелять им невозможно. Если бы кто из Итона — ладно, чего не бывает. Но Харроу? Нет. Они на такое не способны.

— Ерунда, — сказал он. Кошкин Корм обиделся.

— Ничего не ерунда. Только что он попал в рассыльного.

— Повезло.

— Давай опять попробуем. Сколько ставишь? Фредди задрожал. Вот оно, решение.

— Пятерку! — воскликнул он.

Конечно, у Кошкина Крома пятерки не было, но он быстро сколотил синдикат. Деньги препоручили бармену, орех пошел за счет клуба. Когда даровитый отрок прилаживал его к рогатке, Кошкин Корм сказал: «Смотри».

— Смотри, — сказал Корм. — Вон машина, в ней толстый тип. Бьюсь об заклад, что этот Эгберт собьет с него шляпу.

— Идет, — согласился Фредди.

Машина остановилась. Тип вылез, сверкая цилиндром. Юный Эгберт выстрелил с несравненной беспечностью. Орех пролетел по воздуху — и Фредди закрыл лицо руками. Шляпа, сбитая в упор, взлетела к небу, а он потерял пятерку.

Но это не все. Примерно через минуту ему сообщили о приходе лорда Блистера. Он направился в малую курилку и застал дядю у камина. Тот растерянно смотрел на цилиндр, который держал в руке.

— Странно, — сказал пэр. — Выхожу из машины, и вдруг что-то летит прямо в мою шляпу. Должно быть, метеорит. Надо написать в «Тайме». Но не в этом дело. Я пришел, чтобы взять у тебя пятьдесят шиллингов.

Фредди и так дрожал, обнаружив, что Эгберт попал в дядю. Теперь он задрожал еще больше. Что же это, честное слово! Не он берет у дяди, а дядя у него. Согласитесь, это противоестественно, словно ты гладишь бархат против ворса.

— Пятьдесят шиллингов? — проблеял он.

— Два фунта десять, — пояснил лорд Блистер, приспосабливаясь к самому низкому уровню интеллекта. — Когда ты ушел, я подумал, что подсчеты неверны и отправился к кухарке. Кто-кто, а она разбирается в ценах на булочки и какао. Судя по ее словам, можно уложиться в семь фунтов десять шиллингов. Вот я и хочу забрать то, что переплатил. Если надо, дам сдачи.

Через пять минут Фредди сидел за письменным словом, пытаясь понять, что у него осталось. Дядя со слов кухарки сообщил, что нужно потратить чуть больше четырех пенсов на голову. Казалось бы, невероятно, но дама, носившая фамилию Бесемер, в таких делах разбиралась. Видимо, дело в том, что четыреста порций дешевле. Когда покупаешь булочки тоннами, тебе делают скидку.

Так. Хорошо. Надо достать пять фунтов. Где же? Дядю просить нельзя, поскольку деньги ты потратил на пари, а спорил — о том, собьет ли его, дядину, шляпу мальчишка с непомерными ушами.

Что делать? Все запуталось, и я не удивляюсь, что Фредди дня два или три не делал ничего.

Правда, в миссию он ходил, постоянно видел Дору. Обращались с ним, как с молодым Санта Клаусом, но прийти в себя он не мог. Разговоры о грядущей пирушке повергали его в ужас. Ноттингхилл собирался отдать должное и булочкам, и какао. Кто же за них заплатит?

Ирония судьбы заключалась в том, что денег хватило бы, если бы он не ринулся в авантюру. Думая о том, что он мог бы спокойно и важно ходить по Ноттинг-хиллу, Фредди испытывал страшные терзания. Он так и сказал мне: «Я испытывал страшные терзания».

И вот, бесплодно перебрав все способы, он увидел выход. Ему стало известно, что в этот самый день в боттлетонском Дворце развлечений состоится любительский концерт, и победитель получит именно пять фунтов. Читая последние слова, он буквально закачался.

Надо заметить, что к этому времени он совсем пал духом, и решил ради долга чести открыться дяде. Конечно, думал он, тот может его растерзать, но так мечтает женить его на Доре, что скорей ограничится бранью и даст искомую сумму.

Как бы то ни было, Ф. полагал, что это — единственный шанс. Он позвонил лорду Б., но ему сообщили, что Великий Вождь снова уехал в Боттлтон. На митинг, уточнил дворецкий, во Дворец развлечений. Фредди с большей охотой попытался бы отобрать у тигра отбивную, но ничего не поделаешь! Выпив для храбрости, он пожевал зернышко гвоздики и отбыл туда же.

Должно быть, вы не были в Боттлтон-ист, в самом лучшем случае — о нем слышали. Место своеобразное, вроде Лайм-хауза, только там меньше загадочных китайцев. Домики — серые, кошек — тьма, а всякий, у кого заведется бумажка или апельсиновая шкурка, бросает ее на мостовую. От всего этого Фредди затосковал и решил еще выпить, но услышал приветственные крики и понял, что приближается к Дворцу.

Только он собрался попросить, чтобы о нем доложили лорду Блистеру, как ему бросилась в глаза афиша, возвещающая о концерте и о вожделенной пятерке. Все мгновенно изменилось. Он понял, что неприятный разговор можно отложить на неопределенное время. Вот они, пять фунтов. Можно сказать, в кармане.

Наверное, вас удивит его благодушная доверчивость. Но вспомните, что совсем недавно он снискал огромный успех у ноттингхилльских матерей. Что Боттлтон-ист для такого человека?

Правда, одна трудность была. Нужен аккомпаниатор, а найти его

нелегко. Как вы помните, в Ноттинг-хилле по клавишам била Дора, но в данном случае ее не попросишь, ибо среди прочего, тут очень важна тайна. По той же причине нельзя пригласить и Трутня. Мир не должен знать, что Фредерик Виджен с успехом поет в Ист-энде.[82]

Он шел и думал, как преодолеть последнюю преграду. Удача не подкачала. В неуютном проулке он увидел объявление, сообщающее, что Дж. Уотербери дает уроки фортепианной игры. Резонно полагая, что такой учитель умеет играть и сам, он постучался в дверь. Загадочный глаз скрупулезно его осмотрел сквозь замочную скважину, после чего дверь открылась, и он оказался лицом к лицу с этим самым субъектом.

Первые минуты ушли на взаимные объяснения. Фредди протянул субъекту визитную карточку. Субъект сказал, что не заставил бы ждать, если бы ему не показалось, что за дверью — Рыжий Мерфи, который из-за легких разногласий грозился его выпотрошить. Фредди объяснил, что он просит аккомпанировать ему на концерте. Субъект отвечал, что просьба эта законна, ибо он, субъект, играет прекрасно, и участие его — половина успеха.

Потом они оговорили условия и решили, в конце концов, что Фредди заплатит субъекту пять шиллингов, а встретятся они у входа за кулисы ровно в восемь.

— Если меня не будет, — сказал субъект, — зайдите в «Зеленого гуся», он прямо за углом,

— Ладно, — сказал Фредди. — Петь я буду «Серебро луны сияет, словно свет ее очей».

— Что ж, дело ваше, — сказал субъект, по-видимому, склонный к философии.

Фредди ушел, вполне довольный. Дж. У. ему не очень понравился. Лучше бы он все-таки мылся и не так дышал джином. Но что найдешь за такую цену? Больше заплатить он не мог, значит — не мог и пригласить тех, кто играет в Квинз-холле.

Завершив предварительные действия, Фредди занялся собственным обликом. Другие, думал он, предстанут перед публикой во всей своей славе, но он — другое дело. Судя по всему, дядя днюет и ночует в Боттлтон-исте. Ни в коем случае нельзя, чтобы он обо всем узнал. Вряд ли он посетит Дворец именно в этот вечер, но все-таки стоит как-то застраховаться.

Поразмыслив немного, Ф. решил скрыть лицо под черным бархатом. Пусть так и объявят: «Менестрель в маске».

Перекусив в клубе (устрицы и пиво), он долго полоскал горло и

выводил «ми-ми-ми», а ровно в восемь пришел на место встречи.

Аккомпаниатор уже был там, буквально благоухая джином. Фредди дал ему деньги, и оба они встали у входа на сцену.

Ждать пришлось плюс-минус четверть часа, и за это время Фредди вознесся духом горб. Местные таланты убеждали его, что первенство обеспечено. Он не знал, кто заменяет жюри — наверное, глас народа, — но не сомневался, что при любой системе первое место за ним.

Таланты делали, что могли, но и близко не подходили к истинному искусству. Перед ним прошло пятеро, ни один из них не привлек бы матерей и на минуту, тем более — не довел бы до экстаза. Тут важны личность и мастерство. Или они у вас есть, или их нет. У талантов их не было, у него они были. Можно сравнить это со скачками, в которых участвуют благородный конь и деревенские клячи.

Итак, он ждал четверть часа, напевая «ми-ми-ми» и все выше возносясь духом. Наконец, талант, похожий на слесаря, закончил песню «Передайте матери моей». Ему похлопали, и местный конферансье поманил Фредди пальцем. Час настал.

Он говорил мне, что ничуть не волновался. Судя по слухам, на этих вечерах нелегко овладеть аудиторией, но она казалась дружелюбной, и он твердо ступил на сцену, поправляя маску.

Первый звонок прозвенел, когда конферансье, толстый тип с набрякшим лицом цвета сливы, спросил, как его объявлять. Заметим, что сперва он, задрожав, отступил шага на два и беззащитно поднял руки.

— Ничего-ничего, — сказал Фредди.

Конферансье вроде бы успокоился. Да, дернулся раз-другой, но — успокоился.

— Ничего, — повторил певец. — Объявите «Менестрель в маске».

— Ух, как я испугался! Кто в маске?

— Менестрель, — четко выговорил Фредди, и направился к пианино, за которым сидел аккомпаниатор.

— Готовы? — спросил он.

Дж. У. поднял голову и перекосился от страха. Потом закрыл глаза и зашевелил губами. Фредди думает, что он молился.

— Придите в себя, — сурово сказал певец. — Наш номер. Дж. У. открыл глаза.

— Ой! — сказал он. — Это вы?

— Конечно я.

— Что вы с физией сделали?

Аудитория тоже хотела это знать. С галерки донесся голос:

— Это кто, Билл?

— Мини Стрель, — повторил конферансье. — В маске.

— А чегой-то «Мини Стрель»?

— Вот это.

Дж. У. снова забормотал.

— Нехорошо, — сказал он, наконец. — Нельзя так, честное слово! Заманили, а потом…

— Цыц! — тихо приказал Фредди. Все это ему не нравилось. В зале царил какой-то нервный дух. Что до его духа, он падал. Два-три ребенка уже плакали.

— Ледиджентельмены! — заорал конферансье. — Потише! Что за крик? Перед вами Мини Стрель в маске. Будьте к нему снисходительны.

— Вот это дело, — одобрил его Дж. У. и встал, чтобы обратиться к залу. — Мини не Мини, а все-таки человек. Ну, пропустил рюмочку!

Голос с галерки посоветовал уйти подальше.

— Так, — мрачно отозвался пианист. — Да-а… Ну, завелись, конца нет!

И он сел за пианино, а Фредди начал петь.

Как только он начал, он понял, что превзошел себя. Устрицы помогли, или пиво, или полоскание, но мелодия лилась, как сироп. От этих звуков он сам становился лучше, выше.

И все-таки что-то было не так. Он заметил это сразу, но не сразу нашел причину, о потом его озарило: певец — еще не всё, пианист тоже должен внести лепту, ну, хотя бы играть то, что поют.

Дж. У. играл что-то другое. Что именно, Фредди понять не мог, но точно не «Серебро».

— …сия-а-а-а-ет… — вывел он и тихо спросил: — Что вы играете?

— Э? — сказал пианист.

— …словно све-е-ет… Играете не то!

— А вы что поете?

— …её-о оче-е-й… Я пою «Серебро луны», кретин.

— Вон что! — удивился Дж. У. — А я думал «Фрак, цилиндр и белый галстук». Хорошо, дорогуша. Сделаем.

Он заиграл, что нужно, и Фредди перестало казаться, что у него заело педаль. Но дело было сделано, зал распустился. Первые ряды еще держались, а на галерке воцарялся хаос. Не царил, нет, но — воцарялся.

Чтобы его перебороть, Фредди напряг все силы. Мастерство и обаяние были так могучи, что голоса стихли. Один младенец замолчал. Правда, другого рвало, но, видимо, от переедания. Фредди вдохновенно пел:

…И на землю посылает
Сноп серебряных лучей,
Чье сиянье уступает
Красоте ее очей.

Именно в этом месте, услышав нежное, дивное, божественное тремоло — о-о-че-е-эй — ноттингхилльские матери пришли в полный экстаз. По его словам, Фредди не сомневался, что здесь будет то же самое; но пианист, после недавней беседы игравший без сучка и задоринки, заметил в первых рядах рыжего верзилу.

То был Мерфи, судя по виду — изготовитель заливных угрей. Как вы помните, он хотел распотрошить Дж. У.

Сейчас он привлек внимание тем, что швырнул яйцо. Правда, он промахнулся, но пианист встал и подошел к

рампе.

— Эт'ты, что ли? — спросил Дж. У., немного наклонясь.

— Ы-р-р, — отвечал верзила.

— Ты, значит? — откликнулся пианист. — Почем сосиски с картошкой?

Фредди говорил мне, что не может понять жителей Ист-энда. Их психика для него — запечатанная книга. Да, интонация у пианиста была чрезвычайно противная, но почему сам текст вызвал бурю эмоций, уразуметь невозможно. Заливщик потерял родство с Божественным началом. По-видимому, у приведенных слов есть тайное значение, ранящее гордость, а потому для него они значат не то, что для нас, но что-то более глубокое. Как бы то ни было, он вскочил, рыча, словно горилла.

Теперь положение дел было таким: заливщик хотел растерзать Дж. У; тот, если верить речи, собирался съесть заливщика с чаем; три младенца ревели, равно как и четвертый, умолкнувший не так давно; сорок или пятьдесят голосов кричали «У-у!»; конферансье вопил: «Тише, вы, ти-и-ише!»; еще одного младенца рвало; Фредди пел второй куплет.

Даже в Квинз-холле все это не могло длиться долго. Во Дворце развлечений Армагеддон наступил через несколько секунд. Боттлтон-ист буквально набит людьми, имеющими дело с картошкой, капустой, помидорами и соответствующими сезону фруктами. Только очень беспечный человек не набивает ими карманы перед концертом.

Овощи замелькали в воздухе и Фредди, изменив искусству, укрылся за пианино. Однако этот хитрый ход дал только временную передышку.

Публика и раньше общалась с певцами, укрывшимися за пианино. Разобравшись за минуту, галерка метнула вяленую рыбку прямо ему в глаз. Как вы помните, почти то же само произошло с королем Гарольдом Саксонским.[83]

Через сорок секунд Фредди, уже за кулисами, счищал с пиджака следы помидора.

Нетрудно предположить, что в его душе боролись разные чувства. Но это не так. Чувство было одно. Можно сказать, что еще никогда он не испытывал такой ненависти. Ему хотелось схватить Дж. У, оторвать ему голову и сунуть ее в его же горло. Конечно, начал заливщик, но хороший аккомпаниатор презрел бы какое-то яйцо и не покинул поста. Словом, резонно или нет, он винил во всем Дж. У. Если бы не тот, думал он, успех превзошел бы реакцию ноттингхилльских матерей.

Дж. У. исчез, но Фредди уже знал его повадки. Отцепив от волос брюссельскую капусту, он направился в кабачок, где и нашел, кого искал. Пианист пил у стойки горький джин.

Прежде чем прыгнуть на добычу, тигр разминается. Во всяком случае, так говорят люди, знающие тигров. Фредди тоже прыгнул не сразу. Сперва он постоял, сжимая кулаки и выискивая наиболее уязвимые точки на теле противника. Уши его алели, он тяжело дышал.

Отсрочка оказалась роковой. Не только Фредди знал повадки пианиста. Дверь распахнулась, впуская рыжего верзилу, который поплевал на пальцы и приступил к действиям.

Слова, сказанные сгоряча, редко выдерживают проверку. В первые же мгновения стало ясно, что Дж. У. не сможет съесть заливщика с чаем. Он переоценил свои силы и являл позорное зрелище. Будто колосья под серпом, он почти сразу упал на пол, посыпанный опилками.

В таких местах, как Боттлтон, не считают до десяти над упавшим противником, а бьют его тут же. Что поделать, местный обычай. Фредди так хорошо его понял, что без колебаний бросился в самое пекло, издав пронзительный крик. Нет, он не любит кабацких потасовок, но больно видеть, как всякие верзилы убивают того, кого хочешь убить ты. Благородный дух не может вынести, чтобы другой делал его дело.

Обида была столь велика, что Ф. добился бы многого, если бы не вмешался вышибала. Честный малый пил пиво в задней комнатке, закусывая хлебом и сыром, но услышал зов долга и пошел на поле битвы, отирая рукой пот.

Вышибалы умны. Заметив сразу, что могучий детина сцепился с изящным, тонким, хлипким типом, он смекнул, что к чему, и схватил

хлипкого. Дотащить его до дверей, словно мешок с углем, и вышвырнуть в пространство — дело поистине плевое, раз начхать.

Так и случилось, что лорд Блистер, возвращавшийся с недавнего митинга, заметил, что его племянник летит, словно падающая звезда. Он велел шоферу остановиться и выглянул наружу.

— Фредерик! — позвал он, не совсем разбираясь в ситуации.

Племянник не отвечал. Собственно, он поднялся и устремился к двери, чтобы завершить прерванный спор. Как вы помните, поначалу он хотел убить пианиста, но теперь мыслил шире, подключив верзилу, вышибалу и всех, кто встанет на пути.

Лорд Блистер вышел из машины ровно в тот миг, когда племянник снова вылетел на улицу.

— Фредерик! — вскричал он. — Что это значит? И схватил племянника за руку.

Каждый мог бы ему сказать, чем он рискует. Есть время хватать племянников за руку и есть время не хватать. Одна рука, естественно, оставалась свободной. Ею Фредди и дал дяде в глаз. Потом, устало отерев лоб, он снова кинулся в «Гуся».

Все эти штуки — амоки, берсерки и тому подобное — плохи тем, что наступает утро. Когда Фредди еще лежал в постели, дядя, ее покинув, явился к нему и потребовал объяснений. Фредди был слишком слаб, чтобы хорошо вывернуться, и все ему рассказал, включая историю с орехом, после чего злосчастный пэр вынес приговор.

Нет, сказал он, жениться Фредди не надо. Бесстыдно, что там — бесчеловечно, навязывать такого кретина приличной девушке, как, собственно, и всякой другой. После этих жестоких слов шел сам приговор: доехать поездом до Блистер Реджис, машиной — до Блистер Тауэре, где и сидеть до дальнейших приказаний. Только так, полагал дядя, можно оградить от зла род человеческий.

Пришлось позвонить Доре и сказать, что пир отменяется.

— О, Господи! — сказала она, но прозорливый Фредди понял, что это — замена словам «А, черт!»

Когда он объяснил, что должен уехать за город, манера ее изменилась, голос повеселел.

— Ну, что же, — сказала она, — мы будем без вас скучать, но счет я вам пошлю.

— Это мысль, — отвечал Фредди. — Одно плохо, я его не оплачу.

— Почему?

— Нет денег.

— Почему?

Фредди поднапрягся и рассказал ей все. При слове «пари» она неприятно вскрикнула. Позже, покричав «Алло, алло!», он повесил трубку. Что-то подсказывало ему, что еще одна любимая девушка ушла из его жизни.

Когда, вполне резонно, он собрался в клуб, чтобы там выпить, и уже был на улице, ему попалось под ноги что-то небольшое и склизкое, короче говоря — Дж. У.

Собрав все силы, чтобы довершить начатое, Ф. с удивлением услышал, что тот горячо его благодарит за спасение жизни.

Когда тебя благодарят за спасение, бить человека нельзя, особенно, если твой девиз — noblesse oblige. Когда тот говорит, что времена тяжелые, и просит вспомоществования, делать нечего, ты сдаешься. Фредди дал шиллинг, но, вернувшись недели через три и прочитав в «Морнинг пост», что сочетаются браком Персиваль Александр, старший сын лорда Хотчкинса, и Дора, единственная дочь покойного сэра Рэмсуорти Пинфолда, он дал больше, поскольку мелких денег у него не было. Вот оно как…

Трутни вдумчиво помолчали.

— Такова жизнь, — сказал, наконец, средний.

— Именно, — сказал старший. — Такова. Младший с ними согласился.

У БИНГО ВСЁ В ПОРЯДКЕ

Когда Трутни зашли в курилку выпить перед ланчем, еще один Трутень, сидевший у письменного стола, встал и подошел к ним:

— Сколько «р» в «безобразие»? — спросил он.

— Два — ответил Трутень-1. — А зачем тебе?

— Пишу в наш комитет, — объяснил первоначальный Трутень. — Сколько можно терпеть это безобра… А, черт! Опять!

Лицо его перекосилось. За дверью, в коридоре, свежий голос запел песню со множеством переливов. Трутень-2 внимательно слушал, как она удаляется к столовой, а потом поинтересовался:

— Кто эта певчая птичка?

— Бинго Литтл, чтоб он лопнул! — ответил всеведущий Трутень. — Поет и поет. Об этом я и пишу. Какое безобразие! Нет чтобы только петь — он по спине хлопает. Вчера подкрался в баре, и ка-ак хлопнет, и еще вопит: «Ага!» Мог и убить. Сколько «н» в «непрестанно»?

— Три, — отвечали Трутни.

— Спасибо.

Пишущий Трутень вернулся к столу, пришедшие — удалились.

— Странно, — сказал Трутень-1. — Очень странно. Почему это он поет?

— Так, радуется жизни.

— Да он недавно женился! На какой-то писательнице.

— Правильно. На Рози М. Бэнкс, создавшей «Мервина Кина», «Фабричную работницу», «Однажды в мае» и другие книги. Очень известная тетя. Загребает — будь здоров!

— Не знал, что женатые люди радуются жизни.

— Большей частью они и не радуются. Но у Бинго — счастливый брак. Прямо голубки!

— А по спине хлопать не стоит.

— Ты не все знаешь. Он хлопает не от злости. Ему удалось спастись от большой беды, от семейной драмы.

— Они же голубки!

— Да. Но и у голубков бывают случаи, когда голубица кидается на партнера. Если бы эта Рози кинулась на Бинго, она бы не утихла к золотой свадьбе. Вообще-то она ничего, приятная, но женщины — это женщины! Словом, Бинго избежал страшной участи, и я понимаю, зачем он поет.

Началось это утром, когда Бинго вернулся в гнездышко, выгуляв собачку, и пытался удержать зонтик на кончике носа, а жена его вышла из своей комнаты, вдумчиво хмурясь.

— А, вот ты где! — сказала она. — Ты бывал в Монте-Карло?

Бинго заморгал; она коснулась больного места. Больше всего на свете ему хотелось поехать именно туда, поскольку у него была абсолютно верная система; но людям женатым в такие места не попасть.

— Нет, — не без грусти ответил он, но тут же ожил. — Смотри! Ставим зонтик… держим…

— Я хочу, — сказала жена, — чтобы ты немедленно туда поехал.

Зонтик упал. Бинго вздрогнул. Мгновение-другое ему казалось, что он видит дивный сон.

— Мне нужно для книги, — объяснила Рози. — Понимаешь, местный колорит.

Бинго ее понял, они часто говорили об этом колорите. Если пишешь роман, без него не обойтись, читатель слишком много знает. Напутаешь что-нибудь — и пожалуйста, гневные письма. «Известно ли Вам, глубокоуважаемая N…?»

— Сама я не могу, — продолжала Рози. — У нас в пятницу званый ужин, в тот вторник — ланч в честь Кэрри Мелроз 5опп, американской романистки. Я вот-вот дойду до сцены, где лорд Питер Шипберн срывает банк. Ты не съездишь, кроличек?

Бинго понял, что ощущал Израиль, когда сверху посыпалась манна.

— Конечно, старушка, конечно! — вскричал он. — Да я… Тут голос его сорвался. Он вспомнил, что у него нет денег.

Две недели назад он поставил последний пенни на лошадь по имени Плясунья, которая добежала до финиша в половине третьего, если мы назовем это бегом.

Бинго грешен тем, что позволяет суеверию победить холодный разум. Он прекрасно знал цену Плясунье, но накануне скачек увидел во сне, как дядя Уилберфорс танцует румбу у входа в Либеральный клуб. Что ж, и проиграл.

Теперь он замялся, но вскоре отошел. Рози, прикинул он, не пошлет его в тяжелый поход без соответствующих ресурсов.

— Еду, еду, еду! — зачастил он. — Завтра и отправлюсь. Сотни фунтов хватит, я думаю, а две — еще лучше, что же до трех…

— Нет-нет, — возразила Рози. — Деньги тебе не понадобятся.

Бинго дернулся, как страус, проглотивший дверную ручку.

— Н-н-не по-на…?

— Разве что фунтик-другой на чаевые. Я все устрою. Дора Сперженв Каннах, она тебе закажет номер в Монте-Карло, а счета отошлет в мой банк.

— Мне казалось, — глухо начал Бинго, — что я должен изучить нравы международных шпионов и дам под вуалью. Это недешево. Шпионы, хо-хо! Да они непрестанно пьют шампанское.

— Ничего, шпионов я представляю, — отвечала Рози. — Мне нужен местный колорит. Как выглядят залы, и тому подобное. Если у тебя будут деньги, ты впадешь в искушение.

— Кто, я?! — возмутился Бинго. — Ну, знаешь! Рози раскаялась.

— Прости, мышоночек. Я не хотела тебя обидеть. Но все-таки без денег лучше.

Теперь вы не удивитесь, что несчастный Бинго еле доел курицу и не прикоснулся к рулету. Однако разум его работал как динамо. Деньги надо раздобыть. Но как? Как, я вас спрашиваю?

Мало кто решится дать ему в долг, положение его знают. Конечно, дяде уже под девяносто, а человек не вечен, но пока там что, денег нет.

Надежда оставалась одна — Пуффи Проссер. Да, он прижимист, но очень богат, что и требуется. Под вечер Бинго заглянул в клуб и узнал, что Пуффи там нету. Боль была настолько сильна, что пришлось подкрепиться. Увидев его, я был поражен сходством с несвежей рыбой, спросил, в чем дело, и он откликнулся:

— Ты не мог бы одолжить мне фунтов двадцать — двадцать пять? Лучше тридцать.

— Не мог бы, — честно сказал я, и он тяжко вздохнул.

— Вот она, жизнь! — развил он тему. — Богатство просто лезет в руки, а начать дело не на что. Слыхал о таком Гарсии?

— Не доводилось.

— Буквально разорил Монте-Карло. А про Дарнборо слышал?

— Нет.

— Меньше восьмидесяти трех тысяч не брал. А про Оуэрса?

— Тоже не слышал.

— Выигрывал двадцать лет подряд. Как на работу ездили, все трое. Но куда их системе до моей! А, черт…

Когда человек в таком отчаянии, его ничем не утешишь. Я несмело предложил заложить какой-нибудь пустячок, предположим — портсигар, но тут же выяснилось, что он не золотой, как мы думали, а едва ли не жестяной. Правда, была у него бриллиантовая брошка, которую он купил в

час успеха и собирался подарить жене в день рождения, а пока, от греха подальше, дал на сохранение ее подруге.

Наутро он уехал, имея при себе, кроме отчаяния, четыре карандаша, записную книжку, обратный билет и фунта три на чаевые.

Не знаю, помните ли вы такую песенку: «Ти-ум, ти-ум, ти-умм / ти-ум, ти-ум, ти-а-а» и так далее, до заключительных слов «Болит моя душа». Теперь ее редко поют, а раньше — сколько угодно. Разгонятся, приостановятся, и как взвоют: «ду-у-ша-а-а!»

Ничего не скажешь, печально, и я бы об этом не вспоминал, если бы упомянутая фраза не подходила так точно к состоянию Бинго. Что-что, а душа у него болела, от чего он страшно бранился, и я его не сужу.

Поворачивая в ране кинжал, он бродил по залам, проверяя систему на бумажках. И чем больше он ее проверял, тем лучше она срабатывала. Не захочешь, выиграешь.

К концу второго дня он вконец извелся. Нет, вы представьте, сколько денег — а он не может подступиться. Гарсия давно бы их загреб, тем более — Дарнборо, не говоря уж об Оуэрсе. А он нищ; и, заметьте, только потому, что у него нет первоначального капитала, да еще такого, который для Пуффи — просто гроши. Да, положеньице.

На третье утро, просматривая газету, он чуть не подавился кофе. Среди прибывших в Ниццу числились принц и принцесса Граунштрак, бывший король Руритании, лорд Перси Поффин, графиня Гоффин, генерал-майор сэр Эверард Слерк и мистер П.Проссер.

Конечно, Проссеры бывают разные, но именно такой сноб, как Пуффи, поселится рядом с принцессами. Словом, Бинго побежал к телефону и позвонил портье.

— Алло? — сказал портье. — Да? Отель «Манифик». Портье у телефона.

— Дит муа, — взмолился Бинго, — эске вуз авэ дан вотр отель ен мсье номмэ Проссэр?

— Да, сэр. Есть.

— У него боку дё… (А черт, как по-ихнему «прыщи»?!)

— Baeucoup de boutons, monsieur,[84] — подсказал почтенный француз.

— Соедините меня с ним! — сказал страдалец и вскоре услышал сонный голос: «Алле!»

— Привет, Пуффи, — крикнул абонент. — Это я, Бинго.

— О, Господи! — отозвался собеседник, не внушая особых надежд.

Занимать у Пуффи деньги не стоило, во-первых, потому, что он почти всегда страдал с перепоя, а во-вторых — потому, что только он из Трутней

был богатым. У него вечно просили в долг, он совсем извелся, и Бинго решил его умаслить.

— Увидел, что ты здесь, — защебетал он. — Какая радость! Нет, какая…

— Что нужно? — оборвал его Пуффи.

— Как, что? Хочу тебя угостить. Встретимся за ланчем. Да, он принял РЕШЕНИЕ. Быть может, денег не хватит; быть может, его выведут; но чаевыми он рискнет. Пуффи удивился.

— Что-то с трубкой, — предположил он. — Я услышал: «Хочу тебя угостить».

— Вот именно.

— *Меня?*

— Тебя.

— И счет оплатишь?

— Естественно. Они помолчали.

— Надо бы это послать в отдел «Верьте — не верьте…», — сказал Пуффи.

Такой тон Бинго не понравился, но он себя сдержал.

— Где будем есть? — спросил он. — И когда?

— Да тут, — сообщил Пуффи. — Я спешу, сегодня скачки.

— Ладно, — согласился Бинго. — Ровно в час.

В час он и прибыл со своими скудными средствами. По дороге в Ниццу, в автобусе, он испытывал смешанные чувства — то надеялся, что у Пуффи плохо с животом, то опасался, что недуг усугубит его скупость. Как все сложно на свете…

Пуффи оказался здоровым. Быть может, оттого, что платить не ему, он беспечно упоминал метрдотелю спаржу и тепличный виноград. Когда же — видимо, по привычке — он заказал дорогое шампанское, Бинго показалось, что счет будет не меньше, чем суммы, которые Рузвельт выжимает из Конгресса для поддержки фермеров.

Однако страдалец держался, разве что стиснул кулаки, когда гость налег на икру. Помогало и то, что клубный богач умягчается на глазах. Махнув на все рукой, Бинго спросил сигар и ликеру, а Пуффи, откинувшись в кресле, расстегнул последние пуговицы.

— Да, — заметил он, — будет о чем поведать внукам. *Меня* угостил Трутень! Вот что, Бинго, я бы хотел тоже доставить тебе радость.

Словно услышав нужную реплику, Бинго потянулся к другу и нежно снял пушинку с его рукава.

— Запомни, — продолжал тот, — ставь на Пятнистого Пса. Верное дело!

— Спасибо, Пуффи, — сердечно ответил хозяин. — Если дашь десятку, поставлю.

— Какую десятку?

— У меня больше нет денег.

— И не нужно, — сказал друг, а Бинго удивился, почему ему все время говорят эту фразу. — Здесь мой лондонский букмекер. Он даст тебе кредит.

— Зачем его затруднять? — попытался Бинго, снимая пушинку с другого рукава. — Дай десятку, и ладно.

— Знаешь, — заметил Пуффи, — я бы выпил еще ликеру.

Именно в этот беспросветный миг к столику подошел солидный и благодушный мужчина. Из начавшейся беседы Бинго вывел, что это и есть букмекер.

— Мой друг, мистер Литтл, — сообщил ему Пуффи, — хочет поставить десятку на Пятнистого Пса.

Бинго собрался покачать головой, прибавив, что жена не любит азартных игр, когда средиземноморское солнце во всей своей славе осветило лицо Пуффи Проссера, несомненно — пятнистое. Мало того, у букмекера алело пятно на носу, а лоб у официанта был просто усеян прыщами. Бинго вздрогнул. Он понимал язык знамений.

— Идет, — сказал он.

И они отправились на скачки. Первой пришла Лилия, второй — Кэрри, третьим — Железнобокий, четвертым — Мобурже, пятым — Непобедимый, шестыми — Голубка и Душка, седьмым — Пятнистый Пес.

Оставалось одно — попросить букмекера об отсрочке, что Бинго и сделал.

— Пожалуйста, — сказал тот, похлопав его по плечу. — Буду рад, вы мне нравитесь.

— Да? — обрадовался Бинго. — Нет, правда?

— А то! — подтвердил букмекер. — Похожи, знаете, на моего сынка, который скончался от воспаления легких, когда победил Вустерский Соус. Подожду, как не подождать! Скажем, до пятницы.

Бинго предпочел бы год или, еще лучше, полтора. Букмекер об этом догадался.

— Вы что, не управитесь?

— Да, знаете… Букмекер поджал губы.

— Суеверия глупы, — сказал он, — но так уж выходит: если мне кто

не отдаст, с ним непременно что-нибудь случается. Ну, буквально раз за разом!

— Да? — прохрипел Бинго, вконец уподобившись покойному сынку.

— Да, — твердо отвечал букмекер. — Прямо рок какой-то. Вот недавно такой Уотерспун задолжал мне пятьдесят фунтов. И что же? Нашли на улице без сознания, а там наложили шесть швов.

— Шесть?

— Точнее, семь. Забыл небольшой, над левым глазом. Эй! — крикнул он. — Гырбырт!

Откуда ни возьмись появилось истинное пугало, словно букмекер потер соответствующую лампу.

— Гырбырт, — повторил новый Аладдин, — это мистер Литтл. Рассмотри его получше.

Герберт сделал, что мог. Глаза у него были холодные, как у попугая.

— Тэ-эк… — сказал он. — Тэ-эк. Ясно.

— Молодец, — похвалил его босс. — Значит, до пятницы. Бинго отыскал Пуффи.

— Старик, — взмолился он, — спаси человека!

— Зачем? — отвечал Пуффи. — Я людей не люблю. Да пусть хоть все перегибнут!

— Если я не отдам десятку в пятницу, — настаивал Бинго, — какой-то громила размажет меня по асфальту.

Пуффи немного оживился.

— Это хорошо. Да, неплохо. Можно сказать, прекрасно. И Бинго снова сел в автобус.

К обеду он одевался в большой печали. Да, через три месяца ему выделят денег, но швы-то будут раньше, если только швы. Мысли эти прервал звонок.

— Алле! — сказал женский голос. — Это Рози?

— Нет, — ответил Бинго, — это мистер Литтл.

— О, мистер Литтл! А я — Дора Сперджен. Можно попросить вашу жену?

— Ее нету.

— Пожалуйста, когда она придет, скажите ей, что я уехала на Корсику. Передайте ей привет, и пусть она не волнуется, брошку я послала заказной бандеролью в «Отель де Пари». Бегу-бегу! До свидания.

Бинго присел на кровать, чтобы все обдумать. По-видимому, эта кретинка так и не поняла, что Рози в Лондоне.

Ну что ж, это не страшно. Проблема в другом: когда брошка придет,

отдать деньги букмекеру или попытать счастья в казино?

Утром, как обычно бывает, пришло озарение. Отдавать деньги этому субъекту никак нельзя. Что подумает Рози, узнав, что ее брошь участвует в азартных играх? Нет, нельзя, коту ясно. Путь один — в казино. Заходи и бери деньги.

А что до Герберта, он тоже не страшен. В ломбарде дали за брошку пять фунтов. Он просил-молил, они не уступили, но и то хлеб. Словом, посидев в кофейне, Бинго ровно к двум явился на поле боя.

Я никак не мог понять его пресловутую систему. Кажется, суть была в том, чтобы удваивать ставку не тогда, когда проиграешь, а тогда, когда выиграешь. Приходилось много писать, производя разные действия, но это окупалось. Доходы росли скачками, а всякие крупье имели очень глупый вид.

Трудно было одно: сперва надо выиграть, а это не получалось.

Даже у Пуффи Проссера характер лучше, чем у рулетки в Монте-Карло. Так и просится слово «садизм». Складывай, вычитай, но только ты поставишь деньги, все немедленно меняется. Бинго сразу попал в полный переплет.

Жалкие средства убывали, как заколдованные. Переменив тактику, он поставил на черное. И тут, в страшную минуту, он услышал:

— Ах, вот и ты!

За его плечом стояла Рози.

Сердце у него заскакало, как балерина с крапивницей. Позже он говорил мне, что принял жену за приведение. Попала в Лондоне под автобус и заглянула к мужу, как у призраков водится.

— О! — воскликнул он, словно играл на сцене.

— Я только что приехала, — радостно призналась Рози.

— А-а-а…

— Хотела сделать сюрприз, — все так же ликуя, пояснила она. — Понимаешь, Милли Принта сказала, что такой человек, как лорд Питер, ни за что не пойдет в казино. Если он играет, то в клубе. Я собралась послать тебе телеграмму, но Кэрри Мелроз Бопп растянула лодыжку, ланч отменили, и вот, я здесь. Как хорошо, мой кроличек!

Бинго задрожал от носков до галстука. Он бы не выбрал слова «хорошо». От жены не укрылось, что он похож на труп, оставленный под дождем дня на два.

— Что с тобой? — вскрикнула она.

— Со мной? — удивился он. — Ничего. Что ты имеешь в виду?

— Ты… ты не *играл!*

— Ну, что ты! — отвечал правдивый Бинго, резонно полагая, что *это* игрой не назовешь. Точнее будет сказать, что он просто дарит деньги, вроде филантропа.

— Ах, я так рада! Кстати, я нашла в номере письмо от Доры. Она пишет, что послала сюда брошку. Наверное, к вечеру придет.

Галантный дух Бинго рухнул. Оставалось одно — признание. Лихорадочно думая о том, как бы начать получше, он вдруг увидел краем глаза, что на черном лежит неплохая кучка фишек, тысячи на три или, иначе говоря, фунтов на сорок. Глядя, кому же так повезло, он увидел приветливую улыбку крупье, надеявшегося, как у них принято, что и ему кое-что перепадет.

Понимаете, он забыл, что когда выпадает зеро, те, кто ставил на всякие цифры или там числа, оказываются как бы в тюрьме, то есть на время уходят в тень, ожидая следующих результатов.

Бинго поставил сто франков на черное, и зеро их запер. Потом, судя по всему, вышло черное, но он этого не заметил и деньги на черном остались. Пока он болтал с женой о брошках, рулетка превратилась из скаредного Пуффи в истинного Деда Мороза.

Черное выпало семь раз, оправдав систему Бинго. Так и получилось, что перед ним лежало вдвое больше денег, чем требовали долг и честность.

От полноты чувств он чуть не упал, и упал бы, если бы не понял подвоха. Если он возьмет деньги, все откроется. Жена узнает о его кознях, и в семье, если та не рухнет, будет ненамного приятней, чем в раскаленной картошке.

С другой стороны, если деньги не взять, они могут уйти. Должно быть вы слыхали выражение: «… на распутье». Оно было здесь очень уместно.

Бинго показал крупье, что надо на время отложить выигрыш; но тот, поражаясь его смелости, поставил все как есть снова, заметив собрату «Quelle homme!» или, возможно: «Epatant!».[85]

Рулетка, радостно игравшая роль богатого дядюшки, снова не подвела. Миссис Бинго тем временем разглядывала игроков.

— Какие ужасные лица! — заметила она.

Муж не ответил, поскольку его лицо напоминало мерзейшего из бесов. Он смотрел; и рулетка сохранила ему верность. Снова черное.

Двенадцать тысяч восемьсот франков… больше полутораста фунтов! Таких сумм у него не бывало уже три года, с той поры, когда дядя Уилберфорс, расчувствовавшийся от лимонного пунша, не успел опротестовать чек. В зале было душно, но Бинго вдыхал озон, слушая при

этом щебетание птичек и сладостную музыку.

Рулетка тем временем не унялась и принесла в общей сложности 15 000.

Тут Бинго услышал, что Рози что-то говорит.

— А? — осведомился он.

— Я спросила, ты не согласен?

— С чем?

— С тем, что здесь делать нечего. Милли права, лорд Питер в жизни сюда не пойдет. Возьмем хотя бы запах… Мой герой — изысканный человек. Что ты сказал?

Бинго не сказал ничего. Он застыл, колесо крутилось.

— Бинго! — вскричала жена.

— Да? Что?

— Я пойду в клуб, заплачу взносы.

Лицо его осветилось. Лоб давно вспотел, волосы, должно быть, побелели, но красоту создают взор и улыбка.

Черное, естественно, выиграло. Крупье отложил в сторону 22 800 франков.

— Иди, — согласился Бинго. — Иди, душенька. Какая мысль! А я еще тут побуду. Лица такие занимательные… А ты иди, иди.

Через двадцать минут ушел и он. Двигался он не очень ловко, поскольку рассовал по телу, включая носки, 48 000 франков. Жену он заметил не сразу. Она сидела у бара перед бутылкой «Виттель».

— Пип-пип! — сказал счастливый муж, но тут же осекся. Жена была печальна, если не хуже. Неужели она догадалась?..

— Ну, как ты? — фальшиво спросил он, присаживаясь рядом с ней. — Как делишки? — Она молчала. — Кстати, вот твоя брошь.

— Да?..

— А то как же! Я думал, что ты обрадуешься и… и взял на почте.

— Спасибо, — выговорила Рози. — О, кроличек!

Бинго испуганно схватил ее за руку. А вдруг поможет?

— Кроличек, — продолжала жена, — мы ведь всё говорим друг другу?

— Мы? О чем речь! Конечно.

— Помню, ты мне это обещал во время медового месяца.

— Еще бы! — подтвердил он, удивляясь, чего только не сделают влюбленные.

— Мне было бы очень неприятно, если бы ты что-то скрывал.

— Естественно.

— Значит, если ты захочешь играть, ты мне скажешь? Бинго вздохнул.

От этого он мог бы и треснуть, но что с того? Он задыхался. И вообще, чем быстрее треснешь, тем лучше.

— Понимаешь… — начал он. Но жена его перебила.

— Когда я *туда* пришла и направилась к столу, на меня что-то накатило…

— ?!

— … и я потеряла двести фунтов за десять минут. О, Бинго! Прости!

Бинго не выпустил ее руки, да он и не смог бы. Что там, он не выжал бы сока из виноградины.

— Ну-ну… — выговорил он.

— О, Бинго!!!

— Ну-ну-ну…

— Ты меня простишь?

— Конечно. Хр-р… Конечно.

— О, Бинго! — глаза ее засияли. — Таких как ты на свете нет!

— Ты думаешь?

— Вылитый сэр Галахад. Другие мужья…

— Ах, что там! — сказал он. — Я понимаю такие порывы. Не испытываю, но — понимаю. В конце концов, что двести фунтов перед мгновением радости?

От полноты чувств он закричал бы, но это не дозволяется. Нельзя и запеть, воспротивится бармен, а то и посетители. Тут он увидел бутылку.

— Душенька! — сказал он.

— Да, дорогой?

— Вот, смотри. Я ставлю ее так. Теперь, если хранить равновесие…

БРЭМЛИ ТАК БОДРИТ!

Клуб «Трутни» созвал общее собрание, чтобы решить, где состоится ежегодная игра в гольф. Верх стала брать школа мысли, предпочитавшая морской курорт Брэмли, но Фредди Виджен с удивительным красноречием посоветовал собратьям не приближаться к заклятому месту на 50 миль. Он так живо создал образ земли, где царит закон джунглей, что Трутни пошатнулись и отдали голоса за Куден Бич.

Позже, в баре, начались обсуждения.

— Фредди не любит Брэмли, — сказал проницательный Трутень, стимулируя работу мозга джином с тоником «Ангостура».

— Может быть, — предположил Трутень-2, — дело в том, что он там учился.

Трутень-3, подошедший к ним, покачал головой.

— Нет, — сказал он. — Бедный Фредди очень там пострадал, в частности — утратил любимую девицу.

— Как, опять?

— Да. Странно… — заметил новый Трутень, вдумчиво попивая мартини. — Он постоянно влюбляется и постоянно теряет этих барышень. Поистине, чемпион. И в помолвках, и в потерях.

— Кто же его отверг на этот раз? — спросил один из Трутней.

— Мэвис Пизмарч, дочь лорда Бодшема.

— Чепуха! — возразил Трутень. — Она прогнала его гораздо раньше. Ты же сам рассказывал. Это было в Нью-Йорке, когда он случайно попал к дамочке в розовом халате.

Трутень кивнул.

— Верно. Как ты справедливо заметил, она его тогда прогнала. Но Фредди красноречив, если ему дадут время хорошо обработать свой рассказ. Вернувшись в Англию, он ей все объяснил, и она, так сказать, взяла его на поруки или, если хочешь, на испытание. Больше не провинится — и все, свадьба. Провинится — полный разрыв.

Таким было положение дел, когда Мэвис сообщила, что едет с отцом к морю, в Брэмли, где остановится в отеле «Манифик».

Конечно (продолжал Трутень) Фредди решил поехать туда же и приложил всю силу ума к тому, чтобы это обдумать. С одной стороны, противно тратить деньги на дорогой отель, с другой — его гордая душа

противилась пансиону. Он оказался бы в тупике, если бы не узнал, что именно на этот курорт собираются Бинго Литтл с женой, чтобы их сын глотнул озона. Вероятно, вы видели плакаты «Брэмли так бодрит!» Родителям это важно. Ободри свое дитя, и твое дело в шляпе.

Фредди мигом добился приглашения и через несколько дней приехал на курорт в двухместной машине, с чемоданом. Чемодан он сдал, машину загнал в гараж, поцеловал юного Литтла и стал устраиваться.

Многие отказались бы жить рядом с младенцем, но компанейский Фредди быстро с ним подружился. Он регулярно водил его к морю на пляж, где Литтл-младший прилежно делал куличики. И в один солнечный день их застала там откормленная блондинка.

— Он строит песочный замок? — спросила она с милой улыбкой.

— Как вам сказать… — ответил Фредди. — Он думает именно так, но, на мой взгляд, постройка ненадежна.

— Зато ему хорошо.

— Это да.

— Какая погода!

— Это верно.

— Интересно, который час?

— Ровно одиннадцать.

— Ой! Бегу, а то опоздаю. У меня свидание в пол-одиннадцатого.

Вот так вот, случайная встреча, в чисто курортном духе, стыдиться совершенно нечего. Подчеркиваю «нечего», так как блондинка играет большую роль в последовавших бедах. Фредди с самого начала был чист, как свежевыпавший снег. Сэр Галахад мог бы у него поучиться.

Дня через два он получил открытку, сообщавшую, что Мэвис с отцом уже в отеле. Соответственно, он сел в машину и отправился туда в немалом волнении, собираясь выманить ее на прогулку и выпить с ней где-нибудь чаю.

Проект провалился сразу. По словам ее отца, Мэвис повела в школу младшего брата, которого звали Уилфрид.

— Он был тут к завтраку, — сообщил лорд.

— Неужели? — отозвался Фредди. — Я думаю, не очень вкусно, а?

Довольный своим остроумием, он засмеялся, но понял, что шутка пропала втуне, а там и припомнил, что лорд Бодшем славится суровостью и даже зовется в своем кругу Грозой Восточных графств.

— Значит, он в школе? — быстро поправил Фредди свою ошибку.

— Да. У святого Асафа. Там директором мой школьный друг, преподобный Обри Адджон.

— Однако! — воскликнул Фредди, удивляясь тому, как мал этот мир. — Я тоже учился у св. Асафа.

— Да?..

— Абсолютно! Отбыл три года, от звонка до звонка, а потом уж поступил в Итон. Что ж, я пойду. Передайте привет Мэвис. Скоро заскочу. Пип-пип.

Он сел в машину и с полчаса ездил по Брэмли, не зная, что делать. Лишь оказавшись в чаще пансионов, называвшейся Марина-кресчент, он заметил, что творится что-то странное.

К машине приближалась откормленная блондинка. Фредди не придал этому значения, разве что подумал: «А, эта тетя, с пляжа!», но она припустила галопом, издавая звук, похожий на рычание льва, гоняющегося за жертвой. Из переулка тем временем выскочил пожилой субъект, который, судя по виду, мог быть капитаном, или москательщиком, или еще кем-нибудь в том же роде.

Фредди удивился. Он знал, что Брэмли бодрит, но не до такой же степени! Повернувшись, чтобы лучше все увидеть, он удивился еще больше, ибо блондинка достигла машины и открыла дверцу.

— Скорей! — воскликнула она, садясь рядом с ним.

— Скорей? — переспросил он. — В каком смысле? Развить тему не удалось, так как подбежал субъект с усами и выдернул блондинку из машины, словно улитку из ракушки.

Блондинка вцепилась во Фредди, Фредди — в руль, субъект — в блондинку, и на какое-то время эта цепочка замерла. Потом послышался треск: блондинку от Фредди оторвали.

Субъект сурово глядел на него.

— Здесь люди, — сказал он, — а то бы я вас высек. Если бы у меня был кнут.

С этими словами он увел со сцены блондинку. Нетрудно представить, что Фредди ничего не понял и пребывал в растерянности.

Из машины его почти вытянули, и он вылез совсем, чтобы посмотреть, не поцарапан ли кузов. К счастью, все было в порядке. Опершись о капот, он собирался закурить, когда услышал голос любимой девушки.

— Фредерик! — сказала она.

Позже он рассказывал мне, что подскочил на 6 футов, но я думаю, что это преувеличение. Дюймов на восемнадцать[86] — пожалуйста. Но не в том суть. Он прыгнул достаточно высоко, чтобы местные жители, глядевшие из окон, приняли его за танцовщика, отрабатывающего новое па.

— О, здравствуй! — сказал Фредди, как можно веселей и беспечней, но тут же понял, что это ему не удалось. Мэвис смотрела строго, что ему не понравилось. Взор ее был холоден, губы — сжаты. Словом, каждой порой она выделяла ту пуританскую суровость, из-за которой соседи избегали ее отца.

— Вот и ты! — продолжал тем не менее Фредди, уповая на беспечность.

— Да, — отвечала Мэвис.

— И я тут, — сообщил Фредди.

— Вижу, — признала Мэвис.

— Думал, приеду сюда, а ты удивишься.

— Я и удивилась.

Мэвис издала звук, напоминающий треск разрываемого паруса, а потом спросила:

— Что это значит?

— А?

— Эта особа.

— Ах, особа! Ясно-ясно. Значит, особа. Поразительно, *а!*

— Весьма.

— Прыгает в чужую машину! Ты заметила?

— Вполне. Ты с ней знаком?

— Ну, что ты! Совершенно не знаком.

— Вот как? — Мэвис снова издала тот же звук. — А кто этот старик?

— Не знаю.

— Он хотел тебя высечь.

— Да-да. Удивительно! Какая наглость!

— Почему он этого хотел?

— Чего не знаю, того не знаю. Загадка!

— Мне кажется, он сердит на то, что ты опозорил его дочь.

— Я не позорил. Когда бы я успел, сама подумай!

— Вот как?

— Видимо, это кви-про-кво в духе Филлипса Оппенхейма. Да, не иначе. Вот, слушай. Девица — международный шпион. Она украла планы укреплений и собирается отдать их сообщнику. Субъект — из нашей разведки. Усы — накладные. Он решил, что сообщник — я.

— Во-от как?

— Кстати, ты отвела Уилфрида? — спросил Фредди, меняя тему.

— Отвези меня в отель, если не трудно, — сказала Мэвис, опять ее меняя.

— Хорошо, — сказал Фредди, — отвезу.

Ночью, лежа без сна, он думал о том, что, судя по всему, Мэвис ему не поверила. Проводив ее, он хотел зайти, но она не пустила, сославшись на мигрень. Он сказал, что она прекрасно выглядит; и услышал: «Вот как?» Когда же он спросил, любит ли она своего Фредди, он ничего не услышал.

Теперь, думал он, мечась по подушке, нужен какой-нибудь жест, поступок, повод, который покажет его во всей красе. Хорошо, но какой?

Можно спасти Мэвис на море — но она не заходит в воду дальше, чем есть дно.

Можно спасти Бодшема от огня — но где огонь? Нельзя же поджечь отель «Манифик».

Перебирая членов семьи, он дошел до Уилфрида, и тут его осенило. Вот он, путь спасения! Надо пойти в школу и попросить преподобного Обри Апджона, чтобы тот отпустил учеников после двух уроков. Да, этот добрый поступок вернет утраченное.

Фредди просто видел эту сцену: Уилфрид вбегает в номер; Мэвис восклицает: «О! Что ты тут делаешь? Ты сбежал?» — «Нет, — отвечает У. — Скажи спасибо Фредди. Нас отпустили до вечера». «Вот это да! — восклицает Мэвис. — Какой человек! Я знала, что к нему несправедлива».

Подумав так, Фредди заснул.

Нередко, придумав что-то ночью, мы обнаруживаем утром, что замысел не так уж хорош. Здесь было иначе. Если я скажу вам, что Фредди нравился его план, я вас обману, он внушал ему истинный ужас. Память о директоре не угасла. Дисциплинарные методы преподобного Обри наводили на мысль о Саймоне Легри и покойном капитане «Баунти».[87] На нежную душу юного Фредди они произвели глубокое впечатление, и перспектива встречи, повторим, внушала ему ужас.

Поддерживали его две вещи: 1) великая любовь и 2) возможность прихватить с собой младшего Литтла.

Он знал, что учитель всегда заботится о будущем. Младенец для него — потенциальный школьник. Позиция Фредди укрепится до неузнаваемости, если он предъявит ему дитя и скажет: «Вот что, Апджон! Его родители прислушиваются ко всем моим советам. Отпустите учеников, и он поступит в вашу школу».

Дождавшись, пока супруги Литтл отвернулись, Фредди схватил их сына и отправился по назначению. Вскоре он стучался в дверь св. Асафа, перекинув через руку ребенка, прикрытого плащом. Горничная провела его в кабинет, и он остался там, узнавая полузабытые приметы незабываемой

комнаты.

Случилось так, что в это самое время преподобный Одри гонял старший класс по библейской истории, а когда директор вцепится в класс, он его легко не отпустит. Тем самым, ждать пришлось долго, и с каждой минутой дух кабинета становился тяжелее.

Понимаете, Фредди был тут последний раз при неприятных обстоятельствах. Он стоял, перегнувшись через стул, а преподобный О.А. примерялся, куда бы опустить добрую старую палку. Такие картины наводят печаль.

Солнце сияло за окном, и Фредди решил прогуляться. Выбравшись и дойдя до ограды, он заглянул за нее от нечего делать. Там был садик, а в садике — домик, а в окне второго этажа — девушка, машущая руками.

За сорок ярдов трудно понять, зачем ими машут, и все же Фредди догадался, что девушка обращается к нему. На самом деле она хотела сообщить, что встретила здесь некоего Джорджа, служившего в Лондоне букмекером; глубоко его полюбила; узнала, что и он ее любит; услышала от отца, принадлежащего к суровой секте, что о браке не может быть и речи; не получила записки, где верный Джордж предлагал пожениться тайно, предварительно встретившись в пансионе на Марина-кресчент, поскольку ее (записку) перехватил отец, и сидит теперь взаперти, пока, по словам того же отца, она не одумается. Фредди она просила ее выпустить, ибо Джордж ждет ее с разрешением на брак все там же, в пансионе.

Как мы помним, Фредди понял не все, но главное было ясно: перед ним — дева в беде. Ему казалось, что это бывает только в романах, да и то рыцарских. Перед ним же стоял не замок, окруженный рвом, а двухэтажный домик, окруженный небольшим садом. Именно в таких домиках обитают, Уйдя в отставку, капитаны и москательщики.

Истинный рыцарь, Фредди перепрыгнул через ограду. Глаза его сверкали, и только под окном он узнал в злосчастной деве, глядящей сквозь стекло, как рыба в аквариуме, старую знакомую, блондинку.

Это умерило его пыл. Он был суеверен, и чувствовал, что встречи с нею — не к добру. Когда-то цыганка велела ему остерегаться блондинок, и он чуть не убежал, но рыцарский дух сделал свое дело. Догадавшись по движению ее бровей, что дверь заперта изнутри, он влез в окно, побежал наверх — и через секунду-другую девица выскочила из комнаты, как пробка из бутылки, сбежала вниз по лестнице, ворвалась в гостиную, выпрыгнула из окна и понеслась по газону. Вылезая из того же окна, Фредди сразу заметил усатого субъекта, на сей раз — с вилами, который бил свою дочь их ручкой, страшно сверкая глазами.

Фредди удивился. Из ее жестов он понял, что отец — в крикетном клубе. Сперва он не знал, что делать. Потом решил уйти. Рыцарь не позволит, чтобы деву в беде били ручкой от вил, но в данном случае это — чисто семейное дело. Тем самым, Фредди начал свой путь; однако субъект заметил его и замахнулся, издавая боевой клич москательщиков. Понять его можно. Он принял Фредди за влюбленного букмекера и хотел с ним расправиться. Особенно волновало то, что теперь он держал вилы за ручку.

Что бы случилось, мы сказать не можем, но, к счастью, он споткнулся о цветочный горшок, а пока он вставал, Фредди схватил девицу, перебросил ее через ограду, перепрыгнул сам и потащил ее к машине, оставленной перед входом в школу.

Они так запыхались, что, только отъехав, блондинка повторила, отдуваясь, адрес пансиона. В конце пути она все еще пыхтела. Фредди выгрузил ее, отъехал — и вспомнил, что чего-то не хватает.

Что бы это могло быть?

Портсигар?

Нет, он здесь.

Шляпа?

Нет, и она здесь.

Деньги?

И тут он вспомнил: ребенок. Сын Бинго Литтла остался в кабинете с ластиком во рту.

Последние события усугубили его волнение, но Фредди, человек здравомыслящий, понимал, что нельзя разбрасывать повсюду младенцев. Пришлось ехать обратно. А там, заглянув в окно, он увидел директора, меряющего шагами кабинет, несомненно — в крайней растерянности.

Я думаю, всякий холостяк меньше всего ожидает найти в своем кабинете неизвестного младенца. Вернувшись почти сразу после того, как Фредди вышел, преподобный Обри очень испугался, не говоря об удивлении.

Вскоре, меряя шагами пол, он испугался еще раз. Через стекло, нагло ухмыляясь, на него смотрел какой-то тип. На самом деле Фредди приветливо улыбался. Но нельзя требовать от человека, чтобы он в такую минуту это понял.

— Привет! — сказал Фредди. — Вы меня помните?

— Нет! — вскричал преподобный Обри. — Вон отсюда! Фредди увеличил улыбку дюйма на два.

— Я у вас учился. Виджен фамилия.

О.А. отер рукою лоб. Мы его понимаем. Сначала шок, теперь — человек, которого он надеялся больше не увидеть.

— Да, — глухо произнес он. — Я вас помню. Виджен.

— Ф.Ф.

— Именно, Ф. и Ф. Что вам нужно?

— Я за ребенком пришел.

— Это ваш ребенок?!

— Не совсем. Я его взял напрокат. Понимаете, мой друг Бинго Литтл женился на Рози М. Бэнкс, известной писательнице. Перед вами, так сказать, плод их брака.

Преподобный Обри боролся с каким-то сильным чувством.

— Но оставили его вы?

— Вообще-то я. Однако…

— Ах, так! — вскричал Обри и разразился пламенной речью.

Фредди говорил мне, что она необычайно поразила его. Нельзя сказать, что она ему понравилась, но поразить — поразила. Священнослужитель не может пользоваться тем словарным богатством, какое предоставлено мирянину, но преподобный Обри одной силой духа преодолел эту преграду. Не произнеся ни единого слова, неуместного в гостиной, он создал ощущение, что ты слушаешь пьяного матроса. Кроме того, по мере его речи, было все труднее сказать что-то самому.

Задолго до «А в-третьих…» Фредди чувствовал, что его перемалывает мощная машина. Какое-то время казалось, что директор велит перегнуться через стул; и так сильна была личность преподобного Одри, что он бы перегнулся не пикнув.

Словом, радуясь, что сумел спастись, он поехал к Бинго и сразу увидел, что тот стоит на крыльце, явно волнуясь.

— Фредди, — жалобно спросил он, — ты не видел Алджернона?

— Нет, — ответил замороченный Фредди. — Вроде бы не встречал. А какого именно? Это что, твой приятель?

Бинго подпрыгнул, как холмы.

— Идиот! Это мой сын.

— А, сын! Он у меня.

— Чтобы ты треснул! — сказал Бинго. — Куда ты его увез? Мы все утро с ума сходим.

— Он тебе очень нужен?

— Я собирался идти в полицию!

Фредди понял, что стоит попросить прощения.

— Прости, — сказал он. — Ну все хорошо, что хорошо кончается. Вот

он. Ой, нет! Какая незадача! Опять я его забыл.

— Забыл?

— Как-то выпал из памяти. Ничего, я дам тебе адрес. Школа св. Асафа, кабинет директора. Это на Мейфкинг-род. Езжай и бери голыми руками. Как там насчет второго завтрака?

— Ха-ха! — Бинго зловеще засмеялся. Во всяком случае, Фредди так показалось. — Завтрак ему нужен! Кухарка рыдает, посудомойка в истерике, равно как и вся прислуга. Рози начала раньше всех, в половине двенадцатого, теперь лежит с ледяным компрессом. Когда она все узнает, не хотел бы я быть в твоей шкуре ни за какие деньги. Миллион? Хо-хо! Два? Еще чего! Три? Ну, знаешь!

Этот аспект не приходил Фредди в голову.

— Знаешь, Бинго, — сказал он, — мне нужно поехать в Лондон.

— Что верно, то верно.

— Много всяких дел. Очень важных. Ты перешлешь мой чемодан?

— С удовольствием.

— Спасибо. Напоминаю адрес: Мейфкинг-род, школа св. Асафа. Сошлись на меня и забирай. А я схожу к Мэвис. Она, наверное, волнуется.

Через несколько минут он вошел в холл отеля и сразу увидел Мэвис с отцом, стоящих у пальмы.

— Привет-привет! — сказал он.

— А, Фредерик, — сказал лорд Бодшем.

Быть может, вы помните, что в Нью-Йорке Фредди сравнил этого пэра с треской, у которой что-то на уме. Сравнение подошло бы и сейчас.

— Фредерик, — продолжал Бодшем, — Мэвис рассказала мне очень неприятную историю. По ее словам, вы связались с какой-то блондинкой.

— Толстой блондинкой, — уточнила Мэвис. Фредди замахал руками, словно нервный семафор.

— Ничего подобного! — воскликнул он. — Чушь какая-то! Мэвис, ты меня удивляешь. Я надеялся, что мы доверяем друг другу. Простая вера важнее знатного родства, — прибавил он, поскольку помнил эту сентенцию с тех пор, как переписал ее 200 раз за то, что подложил в класс пузырь с сероводородом. — Я же тебе сказал, что мы с ней незнакомы.

— Тогда почему вы все утро возили ее в машине? — поинтересовался лорд Бодшем.

— Да, — поддержала его Мэвис, — я тоже хотела бы знать.

— Мы оба, — подытожил пэр, — ждем объяснений.

Именно в такие минуты Фредди представал в самом лучшем виде. Сердце его билось о передние зубы, но никто бы этого не заметил. Смотрел

он взором младенца, претерпевшего жестокую, незаслуженную обиду.

— Вы о ком говорите? — осведомился он.

— О вас, — ответил Бодшем.

— О тебе, о тебе, — прибавила Мэвис. — Я сама вас видела. Вряд ли хоть один Трутень смог бы издать такой беспечный, невинный смешок.

— Удивительно! — сказал он. — Неужели у меня есть двойник? Поверьте, сегодня утром мне было не до блондинок. Какие блондинки?! Ради Уилфрида я поехал в школу св. Асафа, чтобы попросить Обри Апджона о небольшой услуге: он бы мог, думал я, отпустить их после первых уроков. Нет-нет, не благодарите! Я просто объясню, почему не мог разъезжать с блондинками. Директор охотно сообщит вам, что я беседовал с ним достаточно долго. Потом я беседовал со своим другом Бинго. Потом приехал сюда.

Все помолчали.

— Странно, — сказал лорд.

— Д-да… — сказала Мэвис.

Они были явно растеряны. Фредди уже ощутил, что все, слава Богу, обошлось, когда вращающаяся дверь, повинуясь неумолимой силе, впустила в холл блондинку, чьи объемистые формы облегало что-то розовое. Другими словами, героиню дня.

— У-ух! — вскричала она, завидев Фредди. — Вот ты где, лапочка! Ужасно извиняюсь, — обратилась она к Бодшему с Мэвис, схватила Фредди под руку и уволокла.

— Не успела сказать спасибо, — объяснила она. — И потом, не отдышалась. Папа у меня шустрый, а вилы — тоже не подарочек. Ты меня сгрузил, мы сразу поженились, сейчас пойдем в ресторан. Если б не ты, мы бы в ресторан не пошли, ха-ха! Так что, спасибо, лапочка.

Ощущая, что дела сильнее слов, она от всего сердца его поцеловала. Потом побежала в туалет, попудриться, а он остался, где был.

Стоял он недолго. Бросив взгляд на Бодшема с Мэвис, он кинулся к выходу. Взгляд, хоть и недолгий, показал, что ждать нечего. Лорд смотрел на дочь, дочь — на лорда.

Затем оба посмотрели на Фредди, и что-то такое было в их взоре. При всем своем красноречии Фредди не мог бы объяснить, что именно.

Вот почему, если матч будет в Брэмли, мы не увидим там юного Виджена. Он не скрывает отвращения к этому курорту. Если тот и впрямь бодрит, пусть бодрит кого-нибудь другого.

НУ КАК, СУДЬЯ?

История великой любви Тони Биддла началась без четверти семь, в июне, в мэрилебонской части Лондона.[88] Он провел день на крикетном матче, а возвращаясь, застрял в пробке. Сбоку от его такси оказалась машина, за рулем сидела девушка. Только он закурил и стал размышлять о том о сем, как услышал ее голос:

— Крикет? Разве это игра? Бродят, словно во сне…

Именно в этот миг любовь поймала Тони в свои нежные сети. Он подскочил, как скачущий боб, и выронил сигарету. Если девушка с такими мыслями — не воплощение мечты, он просто не знал, где эти воплощения.

Мы не скажем, что он влюбился с первого взгляда, ибо вид на девушку закрывал субъект в синем костюме. Но с него хватило и голоса. То был дивный голос с американским напевом. По-видимому, в Лондоне приземлился американский ангел.

— Пять тысяч лет не пойду на эти матчи, — продолжал ангел в женском облике. — Нет, больше.

Субъект думал иначе, ибо сердито сказал, что сегодня судить нельзя, матч — не из лучших, дождь очень мешает.

Машины двинулись, незнакомка вырвалась вперед, оставив Тони позади.

Приведенные выше слова так взволновали нашего героя, потому что, кроме дяди и слизняков, он больше всего на свете ненавидел крикет. В детстве его заставляли играть, во взрослом возрасте — смотреть. Из зрелищ, только и знающих, что мучить чувствительную душу, особенное омерзение вызывал у него человек, венец творения, кричащий: «Ну как, судья?»

На матчи он ходил под давлением дяди, который давал ему возможность питаться три раза в день. Лорд Пламтон знал крикет вдоль и поперек еще с той поры, когда играли в баках и цилиндрах, и рассказывал о нем после обеда злосчастному племяннику. При помощи яблока (зимой — апельсина) он охотно показывал, как Боджер из Кента придавал мячу такое вращение, что тот резко нырял перед отбивающим, особенно — при отскоке от влажного грунта.

Сопровождая его на прогулке, Тони нередко ждал той минуты, когда можно попросить десятку, но дядя обрывал разговор в самом удобном

месте, чтобы показать, как Коджер из Сассекса посылал мяч сквозь линию стерегущих подачу.

К этому низкому человеку и ехал сейчас Тони, ибо жил у него, в комнате под крышей. Приехав, он застал истинный переполох: по лестнице спускались врачи с черными чемоданчиками, а поднимались служанки с мисками жидкой каши. Дворецкий объяснил все это тем, что хозяин вывихнул ногу.

И впрямь, в королевской опочивальне Тони увидел дядю, обложенного подушками, который как раз запустил кашей в служанку. Видимо, он был не в духе. Напоминал он убийцу-оптовика, хотя в лице его не было свойственной им приветливости. На Тони он взглянул с тем сожалением, какое испытывают нервные люди, когда к их постели подходит племянник, а каши больше нет.

— Пип-пип, дядя Эверард, — сказал Тони. — Ходят слухи, что ты ногу вывихнул. Как же это, а?

Лорд Пламтон стал похож на убийцу, у которого разыгралась язва.

— Как? А вот так! Оставил я тебя на стадионе, пошел в клуб, у нас там комитет, а на обратном пути смотрю — мальчишки играют в крикет. Один бросил мяч, я, естественно, прыгнул на мостовую, чтобы его перехватить, и перехватил бы, но меня толкнула машина. Сумасшедшая девица гнала ее на бешеной скорости. Вот встану, — дядя облизнулся, — встречу эту ведьму в темной аллее, освежую тупым ножом, сварю в кипящем масле, оторву руки-ноги, разложу их на мостовой и потопчу как следует.

— Так ей и надо, — одобрил Тони. — Это же подумать! Из-за нее ты пропустишь завтрашний матч.

— Пропущу? — удивился дядя. — Ничего подобного. Ты мне и поможешь. А теперь, — прибавил утомившийся лорд, — пошел к черту!

Тони пошел не к черту, но все же вниз, чтобы подышать свежим воздухом. Его охватила печаль. Он надеялся, что хоть завтра будет свободнее — и вот… Он повернулся, чтобы снова войти в дом, но сзади, чуть не наехав на него, затормозила машина.

— Простите, — сказал женский голос, — нельзя ли увидеть лорда Пламтона?

Казалось бы, простые слова, но Тони узнал тот звук, который недавно вверг его в трепет от пробора до подошв. Ахнув, он опять повернулся и увидел ее лицо. Как мы помним, голос был ангельский. Лицо ему соответствовало.

Девушка тоже ахнула. Это случалось с особами ее пола, ибо, при

слабом интеллекте, Тони был исключительно красив, куда лучше Кэри Гранта и даже Грегори Пека.[89]

— Я не ослышался? — спросил он, подходя к машине и ставя ногу на подножку. — Вам нужен мой дядя, лорд Пламтон?

— Да. Я его чуть не раздавила. Хочу подарить ему цветы.

— Не советую, — сказал Тони. — Нет, не советую. Время, великий целитель, должно еще поработать, пока будет безопасно дарить дяде цветы.

— Ах, вон что! Тогда я пойду за угол, найму мальчика. Пусть он и дарит. Ну как, судья?

Тони заморгал, словно ангел осквернил уста цитатой из современного романа.

— Господи! — сказал он. — От кого вы переняли это непристойное выражение?

— От вашего дяди. Он так кричал, когда падал. Видимо, временно свихнулся. А что это значит?

— Игроки в крикет взывают к судье.

— Крикет? — она вздрогнула. — Сказать, что я о нем думаю?

— Спасибо, я слышал. Ваша машина стояла в пробке рядом с моим такси. Я был вот тут, а вы — вон там, к северо-северо-востоку. Благодарю вас от всего сердца.

— Не за что. Вы не любите крикет? Я думала, все англичане его любят.

— Кроме меня. Я его терпеть не могу.

— Я тоже. Зачем я на него пошла? Ах, слаб человек! Fiance[90] уговорил.

Тони покачнулся.

— У вас есть fiance?

— Точнее, был. Тони встал прямо.

— Это с ним вы ехали?

— Да. Юстес Давенпорт-Симмс. Играет за Сассекс или Эссекс. Мои взгляды его ужаснули. Поспорив, мы решили отменить заказ на свадебный пирог.

— Мне показалось, что у него нелегкий характер.

— Сейчас еще хуже.

— За игроков в крикет выходить нельзя.

— Вот и я так подумала.

— Значит, вы опять в обращении?

— Вообще-то да.

— Это хорошо, — одобрил Тони, и неожиданная мысль посетила его. — Можно, я пожму вашу маленькую ручку?

— Как-нибудь в другой раз.

— Когда вам будет угодно.

— Понимаете, я спешу. Надо еще переодеться. Я и так опоздала, а мой отец воет, как голодная гиена, когда ему приходится ждать обеда.

Одним движением прелестной ножки она сдвинула с места машину и исчезла за углом, предоставив Тони смотреть ей вслед. Печаль его росла. Он понял, что не знает ни имени, ни адреса, ни телефона. Если бы ему была ведома строка о кораблях, разминувшихся в ночи,[91] он бы ее произнес сквозь сжатые зубы.

Страдающий, совсем разбитый направлялся он с дядей на стадион. Горько думать, что идеальная девушка вошла в твою жизнь и бесследно сгинула. По пути в Мекку дядя живо и подробно рассказывал о визите австралийской команды в 1891 году, но племянник слушал плохо, так плохо, что пришлось ткнуть его в бок и вполне резонно обозвать пучеглазым кретином.

Садясь на свое место, он еще не вышел из транса, но на стадионе это естественно. Сомнамбулы-игроки мотались туда и сюда, зрители глядели на них остеклевшим взором. Примерно час ничего особенного не было, если не считать, что Хаджер из Миддлекса очнулся, как Абу Адем,[92] от сладостного сна, взмахнул битой и срезал мяч прямо в руки заскучавшего было полевого игрока. Но вдруг лорд Пламтон, до тех пор ограничивавшийся словом «Неплохо», отряхнулся и крикнул: «А, черт!», глядя на трехшиллинговые места, расположенные рядом с крытыми рядами. Поглядел туда и Тони. Сердце его отбило чечетку, а потом превратилось в желе на ветру.

— А, черт! — воскликнул лорд Пламтон. — Вон она, проклятая!

Тони выразился бы иначе и чуть не двинул дядю в ухо, но обуздал себя и сказал:

— Да, это та девушка.

— Ты ее знаешь? — удивился дядя.

— Так, немножко. Вчера на меня чуть не наехала.

— На тебя тоже? Ну, что это! Общественно опасный элемент. Дай ей волю, передавит полгорода. Ничего, сейчас я ей покажу!

— Ты же болен! Тебе нельзя двигаться! Можно, я заменю тебя?

Лорд Пламтон немного подумал.

— Да, сходи, — сказал он. — Хорошая мысль, даже удивительно. Покажи ей, где раки зимуют.

— Конечно-конечно!

Тони поднялся и поспешил к ней, тогда как дядя заговорил с соседом слева. Вскоре они углубились в спор об одном матче 1904 года.

Даже в неверном свете вечера девушка была похожа на высокосортного ангела, чтб говорить о ясном солнечном дне! И глаза ее, и волосы оказались золотисто-русыми. Общий облик наводил на мысль о серафиме, который любит дрожжи.

— Привет! — заметил Тони, садясь рядом с ней. — Опять мы с вами встретились.

Она удивилась, можно сказать — затрепетала, встретив честный взгляд его синих глаз.

— Ой! — вскричала она. — Что вы тут делаете?

— Да так, смотрю матч.

— Вы же говорили, вас от крикета мутит.

— Верно, мутит. Но дядя помешан на этой мерзкой игре, а я от него завишу. Прикажет идти на матч — иду. И смотрю, как рысь, то есть зорко.

Девушка недовольно нахмурилась.

— Зависите? А почему бы вам где-нибудь не служить?

— Сотни раз пытался, но нигде не удерживался. Понимаете, я не очень умен.

— Да?

— Да. Не очень. Потому меня и прозвали Тони.

— Вас так называют?

— Неизменно. Еще в школе учитель как-то сказал: «Ну, Биддл, из вас информации не вытянешь! Вероятно, загадочный Промысел набил вам голову бетоном». Так и пошло — Тони-Бетони.

— Ясно… А где вы служили?

— Где угодно, кроме управы герцогства Ланкастерского.

— И не удерживались?

— Вот именно.

— Какая жалость!

— Спасибо за сочувствие, но тут ничего плохого нет.

— Почему?

Тони заколебался, но подумал, что на ангелов в человеческом образе положиться можно. Он огляделся. Кругом было почти пусто.

— Только никому не говорите, — начал он. — Скоро я разбогатею. Знаете, что такое морская вода?

— Вроде бы знаю. Это по ней мы плыли из Нью-Йорка.

— Вот именно! А не знаете вы, что в ней полно золота. Один человек открыл, как его оттуда выманить. Увидел я объявление в газете и скорее к нему. Его фамилия Мак-Марран. Добрый такой, все мне рассказал. Ну, я наскреб десять фунтов, дал ему и скоро получу двести пятьдесят тысяч, это по меньшей мере. Недурно, а?

— Да, процент большой.

— Нет, какая удача! Деньги — вещь хорошая, но главное, я смогу жениться. Полюблю кого-нибудь, — Тони посмотрел на нее, — и, пожалуйста, предлагаю руку и сердце.

— Вот как?

Тони чуть-чуть придвинулся к ней.

— В сущности, — сказал он, — зачем откладывать?

— И то верно. Мой отец всегда повторяет: «Сейчас или никогда». А он — акула.

— Я думал, это рыба.

— Нет. Это миллионер.

— У вас отец миллионер?

— Да. И все богатеет.

— Вот как?!

Тони похолодел, смелость его исчезла. Он давно решил, что на деньгах не женится. Шесть дядей, семь теток годами убеждали его выгодно продать свою внешность. Перед ним прошла процессия наследниц. Но он устоял, не изменил принципу.

Конечно, теперь все иначе. Эту девушку он любит. И все-таки… Нет, лучше подождать, пока их баланс хоть как-то уравняется. Поэтому он с немалым усилием сменил тему.

— Когда я разбогатею, не буду ходить на матчи. Кстати, что вы здесь делаете?

— О, у меня есть цель!

— Цель? Какая?

Она указала на ряды живых мертвецов, расположенные под навесом. Лорд Пламтон с новым другом, урегулировав спор о матче, откинулись на спинки сидений и прикрыли шляпами глаза. Признаки жизни в них определить было бы трудно.

— Вчера меня поразило это зрелище, — сказала она, — и мне захотелось их расшевелить.

— Вряд ли вам удастся.

— Да, вряд ли. Они напоминают рыбу на льду или зрителей на утреннем спектакле. И все же, попробую. Вчера у меня не было резинки и боеприпасов.

— Простите?

К удивлению Тони, девушка вынула из недр костюма прочную резинку и шарик из фольги. Приспособив шарик к резинке, она зажала ее зубами и, повернувшись, прицелилась в лорда Пламтона.

Результат превзошел все ожидания. Жадно следя за снарядом, Тони увидел, что дядя вскочил и схватился за ухо.

— Господи! — крикнул он, то есть Тони, а не дядя. — Дайте и мне, а? Мы часто пуляли в школьные дни. Проверим, утратил ли я былую прыть.

Через несколько минут лорд Пламтон обернулся к новому другу.

— Что-то много ос в этом году, — заметил он.

— Кос?

— Ос.

— Помню, такой К. Р. Осе играл за Сассекс. Его называли Кросс.

— Не Осе. Ос, с одним «с».

— А что такое?

— Их много. Одна укусила меня в ухо. Другая стукнулась о шляпу. О-очень странно.

Подошел человек с моржовыми усами, который играл за Сёррей в 1911 г. Лорд Пламтон сердечно с ним поздоровался:

— А, Фредди!

— Здрасьте.

— Ничего игра.

— Да, неплохая.

— Только эти осы…

— Осы?

— Осы.

— Какие?

— По имени я их не знаю. Просто кишат!

— Ну, что вы!

— Кишат.

— В павильоне? Сюда пускают только членов клуба.

— Не знаю. Одна чуть не сбила с меня шляпу. А, вот! У Джимми сбила.

Морж покачал головой и, наклонившись, поднял серебряный шарик.

— Кто-то пуляет в вас фольгой. Сам когда-то баловался. — Он огляделся. — А, вот. На трехшиллинговых местах. Какая-то барышня и ваш племянник. Приглядитесь получше, она опять целится.

Лорд Пламтон пригляделся и оцепенел.

— Опять эта ведьма! — возопил он. — Когда она отстанет?! Позовите служащих! Пусть ее немедленно схватят и отведут в зал, где заседает комитет.

Потому и случилось, что Тони не успел хорошо прицелиться, ибо на его плечо легла тяжелая рука. Над ним стоял суровый человек в форме мэрилебонского крикетного клуба. Другая рука, тоже тяжелая, опустилась на плечо девушки, и над нею (девушкой, а не рукой) встал другой человек в форме.

Комитет мэрилебонского клуба собирается в темном, неприютном помещении. Со стен глядят усопшие игроки, многие из них — с бородами, и тому, чья совесть не так чиста, как могла бы, в их взоре чудится угроза. Только снежно-белая душа может войти сюда, не опасаясь, что с нее сдернут галстук пред строем, обрекая тем самым на изгойство.

Особенно это заметно, когда за столом сидит председатель. Лорд Пламтон потребовал, чтобы его вызвали, слишком уж серьезный случай.

С этих слов, он, то есть лорд, и начал обвинительную речь.

— Случай исключительно серьезен, — сказал он. — Я требую самого сурового наказания. Такого еще не бывало за всю историю нашего замечательного клуба. — Он остановился, словно хотел обнажить голову, но заметил, что шляпы нет и так. — Только подумайте, пулять в его членов фольгой! Какое безобразие! Нехорошо пулять и в тех, кто сидит на общих местах, как сказал бы француз, в canaille,[93] но в членов клуба… Неслыханно! Куда мы катимся? Лично я освежевал бы эту девицу, но если мера кажется вам слишком суровой, заменим на двадцать лет одиночного заключения. Перед нами общественно опасный элемент. Сперва давит людей машиной, потом сбивает с них шляпы. Вылитая… как ее, в Библии? Далила? Нет, не то. Сейчас, сейчас… А, Иезавель! Да, современная Иезавель, черт бы ее побрал.

— Дядя Эверард, — сказал Тони, — ты говоришь о девушке, которую я люблю.

Девушка ахнула.

— Нет, правда?!

— Полная, — заверил Тони. — Я как раз собирался сказать. Моя дорогая… э… а…

— Кларисса. Кларисса Бинстед.

— Сколько «с»?

— Если имя с фамилией — три.

— Кларисса, я вас люблю. Вы станете моей женой?

— Конечно. Я все ждала, когда вы предложите. Не могу понять, чего они бесятся. В Америке мы швыряем бутылки.

Все помолчали.

— Вы из Америки, мисс Бинстед? — спросил председатель.

— Естественно. Хотите, спою гимн? Ах ты, слов не помню! Ну, насвищу мелодию.

Председатель отвел лорда в сторону. Лицо его было и робким, и серьезным.

— Дорогой Эверард, — быстро зашептал он, — тут нужна сугубая осторожность. Я не знал, что она из Америки. Надо было мне сказать. Нам не нужны международные… э… инциденты, особенно, когда хотелось бы кое-что… э… получить. Я понимаю и разделяю ваши чувства…

— Она шляпу испортила!

— Мы купим вам новую. Искренне советую, мой дорогой, простите и забудьте.

— То есть, не освежевывать ее?

— Вот именно.

— И не сажать на двадцать лет?

— Ни в коем случае. Могут быть очень неприятные последствия.

— Так, — мрачно сказал лорд Пламтон. — Будь по-вашему. Но одно я могу — лишить наследства этого типа. Эй!

— Да? — откликнулся Тони.

— Ты мне больше не племянник.

— Однако! — сказал Тони.

Когда он вышел из комнаты, его позвали к телефону. Извинившись перед Клариссой, он поспешил куда-то и очень скоро вернулся. Глаза у него вылезли из орбит, челюсть отвисла. Кларисса его ждала.

— Помнишь, — спросил он, — я просил тебя выйти за меня?

— Помню.

— Ты вроде согласилась.

— Да.

— Так вот, ничего не получится. Звонил Мак-Морран. Он что-то неверно подсчитал, десятки мало. Нужны еще триста тысяч. Где я их возьму? В общем, я сказал: «Нет», а он сказал: «Ай-я-яй!» Я спросил,

вернет ли он десятку. Он ответил: «Не верну». Вот оно как. Мы не можем пожениться.

Кларисса наморщила лоб.

— Почему? У отца куча денег.

— Я твердо решил, что не женюсь на деньгах.

— Ты и не женишься на деньгах. Ты женишься на мне, потому что мы любим друг друга.

— Это верно. И все-таки, у тебя куча денег, а у меня — ни гроша.

— Поступи на службу.

— О, если бы!

— Что тут трудного? Отец всегда найдет место для лишнего вице-президента.

— Вице-президента?

— Да.

— Я же ничего не знаю.

— Вице-президент и не должен ничего знать. Надо сидеть на собраниях и, если папа что-нибудь скажет, говорить: «Вот именно!».

— Перед всем честным народом?

— Ну, можешь кивать.

— Да, кивать я могу.

— Вот и прекрасно. Поцелуй меня.

Он поцеловал ее. А потом, раскрасневшись, сверкая глазами, крикнул:

— Ну как, судья?

ПУФФИ, ФРЕДДИ И МЯСНОЙ ТРЕСТ

Беседа шла живо. Трутни, собравшиеся в курилке, намеревались пойти в Альберт-Холл посмотреть чемпионат по вольной борьбе. Один Трутень предложил пригласить и Пуффи Проссера. У Пуффи, сказал он, больше прыщей, чем допустил бы тонкий вкус, отчего он слишком похож на сыр, но недостатки эти уравновешиваются достоинствами, то есть огромным счетом в банке. А потому, если действовать мудро, он может после борьбы угостить всех ужином.

Предложение приняли. Через несколько секунд вошел Пуффи, и его пригласили на матч. Однако вместо благодарности местный миллионер выказал признаки ужаса. При слове «борьба» он буквально перекосился.

— Борьба? — вскричал он. — Тратить деньги на такую пакость? Платить за то, чтобы увидеть непотребные действа двух толстых кретинов, которые валяются на коврике и ведут себя, как спятившие костоправы? Борьба! Хо-хо! Эти борцы — отбросы, сор для мира.[94] Хорошо бы вырыть яму и сунуть туда их всех, предварительно освежевав и сварив на медленном огне. Ха, борцы! Ну, знаете! Тьфу! — сказал Пуффи и вышел из комнаты.

— Вам не кажется, — спросил один Трутень, — что Пуффи недолюбливает борцов?

— Кажется, — согласился другой. — Ты читаешь мои мысли.

— Вы совершенно правы, — согласился третий. — Чутье вас не подвело. Я не успел предупредить, что совсем недавно он потерял на них кучу денег. А вы знаете, как он относится к таким потерям.

Трутни кивнули. Пристрастие Пуффи к деньгам давно вошло в поговорку. Почти все собравшиеся пытались одолжить у него хоть немного и терпели поражение.

— Потому он и поссорился с Видженом, — продолжал Трутень. — Тот втянул его в эту аферу, познакомил с Дж. Уотербери. А если ты знакомишься с Дж., говорил мне Фредди, можешь смело прощаться со своим имуществом.

Не помню, рассказывал ли я об этом Дж. У. Ну, о том, как Фредди выступил на любительском концерте в Боттлтон-ист? Он пел, а на пианино играл субъект, которого он нашел где-то по соседству. Рассказывал? Значит, вы слышали про Дж. У. Позже в кабачке Фредди спас ему жизнь. От полноты чувств Дж. У. заходит иногда к нам и перехватывает у своего

спасителя небольшие суммы.

Вы скажете: если А. спас Б., брать деньги должен именно А. Но девиз Видженов, «noblesse oblige», не позволял Фредди так думать. Он признавал требования Дж. У. и пытался удовлетворить их.

Цепь событий, о которых я поведаю (продолжал все тот же Трутень), развернулась, или что там делают цепи, примерно месяц назад. Погожим майским утром, выглянув из клуба, Фредди заметил у входа Дж. Уотербери, дал ему шиллинг-другой и собирался юркнуть обратно, но жертва его благородства вцепилась ему в рукав.

— Постойте, дорогуша, — сказал Дж. — Заработать не желаете?

Фредди хочет заработать с детства, а потому ответил, что предложение его как-то странно привлекает.

— Это разговор, — одобрил Дж. — Это я понимаю. Гоните сотни две на расходы, и дело в шляпе.

Фредди засмеялся безрадостным смехом. Деньги были у него один раз, когда дядя, лорд Блистер, дал ему подержать бумажник, пока чистил цилиндр.

— Сотни две? — переспросил он. — Да что я, Пуффи?

— Кто-кто?

— Пуффи Проссер, наш клубный богач. Шелковое белье, ботинки от Лобба, цветок в петлице, прыщи от злоупотребления шампанским и куча денег. Попросите две сотни у него, мой заблудший друг, а не у нищего бездельника, которому скоро будет нечем оплатить еду, если за дело не примется ворон.[95]

Горько усмехнувшись тому, что кто-то принял его за плутократа, Фредди повернулся, но Дж. произнес роковые слова:

— А вы нас познакомьте. Даст деньги, вам будет за комиссию. Фредди встрепенулся. Если бы ему сказали на полчаса раньше, что Дж. У. может показаться красивым, он отверг бы такую мысль. Но теперь это с ним случилось.

— За комиссию? — проговорил он. — Да, это разговор. Что ж, пойдем, посмотрим. Сколько сейчас, полдвенадцатого? Поймаем его в столовой.

Миссия удалась. Назавтра, в баре, где я выпивал для здоровья, появился Пуффи. Глаза его сияли, прыщи сверкали, из чего следовало, что он собирается схватить куш. Как вам известно, в обычном состоянии он напоминает снулую рыбу, но если перед ним замаячили деньги, взор его светится странным светом.

— Эй, — сказал он, — что вы знаете про борьбу? Спортивную, конечно. Такие матчи. Доходное дельце, а?

Я отвечал, что дельце доходное, особенно в промышленных городах.

— Уотербери тоже так говорит, — сообщил Пуффи. — Нас познакомил Фредди Виджен, и этот тип сделал неплохое предложение. Насколько я понял, он знает каких-то борцов. Если я дам две сотни, мы снимем зал где-нибудь на севере, в самом городе, и запустим их туда. Он говорит, можно смело написать на афишах «Чемпионат Европы», все равно никто ничего не знает. Даем три матча — простой, матч-реванш и заключительный, потом переезжаем в другой город. Там — всё сначала. Очень выгодное дельце.

Мне стало худо от мысли, что Пуффи еще заработает, но я с ним согласился. Да, дельце выгодное. В этих промышленных городах народ зажиточен и азартен. Можно не сомневаться, что на матч повалят тысячами.

— Сегодня я схожу в один кабачок, — продолжал П.П., — посмотреть на этих субъектов. Уотербери их очень хвалит. Думаю, дело выгорит. Да, конечно, кое-что перепадет Уотербери, и Фредди надо дать десять процентов, но все равно доход немалый.

Пуффи облизнулся, и, пользуясь случаем, я спросил, не одолжит ли он мне пятерку до пятницы. «Нет, — сказал он, — не одолжу, еще чего», на чем эпизод закончился.

Позже, в два часа дня, П.П. на своей шикарной машине отправился в Барнс, а через сорок минут в кабачке «Белый олень» Дж. У. познакомил его с борцами.

По словам Пуффи, он едва не лопнул, удивляясь тому, что столько мяса собрано в одном месте. Завидев борцов, вождь каннибалов взвыл бы от радости и поскорей схватил нож и вилку, ощущая, что на этот раз провизии хватит. Если же вытопить из них жир, можно наделать столько свечек, что жители Барнса будут освещать свои жилища больше года.

Перед ним стояли (читаем слева направо) туша вроде гориллы, злоупотребляющей бананами, и туша, рядом с которой бегемот покажется стройным. Глазки у обоих были маленькие и блестящие, лбов не было вообще, зато волос — больше чем нужно.

Дж. Уотербери представил их.

— Прошу! Свин Джапп, Клин Бошер.

Борцы сказали, что рады познакомиться с Пуффи, но сам он не был уверен, что отвечает тем же. Ему показалось, что он не хотел бы встретиться с новыми знакомыми в темной аллее. Как-то опасно все-таки.

Подозрение это росло, пока он смотрел, как они демонстрируют свое искусство. Оно напоминало сцены из каменного века. Борцы хрипели, сипели, рычали, хрюкали, катались по полу, прыгали друг на друга и друг друга душили, били по физиономии, делали что-то неясное с животами. Больше всего удивляло, что они оставались целыми.

Когда поединок закончился, Пуффи был бледен (хотя и в прыщах) и дышал тяжело, как загнанный олень, но не сомневался, что перед ним — именно то, что нужно. Отдышавшись, он сообщил Дж. У., что немедленно выпишет чек, и выписал, после чего они расстались. Дж. У. увез борцов в сельскую местность, где можно тренироваться, избегая городских соблазнов, а Пуффи поехал домой, радуясь мысли, что вскоре банковский счет распухнет, словно у него водянка.

Он собирался заглянуть на тренировку, отчасти для того, чтобы не спускать отцовского взгляда с многообещающих питомцев, отчасти — чтобы снова увидеть, как эти громилы месят друг друга. Но, знаете, то, се, и он еще две недели торчал в столице.

Правда, он полагал, что там, у них, всё в порядке. Дж., думал он, бегает по коттеджу, не жалея сил; а потому удивился, когда в клуб пришел Фредди и сказал, что упомянутый субъект ждет в холле.

— Мрачный такой, серьезный, — прибавил Фредди. — Взял два шиллинга, и как-то загадочно, рассеянно, что ли… Может, что-то не так?

Именно к этой мысли склонялся Пуффи. Посудите сами, Дж. У. должен быть в деревне, а он пришел в клуб. Направившись в холл под присмотром Фредди, он обнаружил своего компаньона, жевавшего незажженную сигару.

— Мое вам почтение, — заметил тот. — А неплохое местечко!

Пуффи было не до болтовни.

— Шут с ним. Как там у вас? Почему вы от них уехали?

— Вот именно, — поддержал Фредди. — Зачем вы их покинули?

— Закавыка вышла, — сказал Дж., закладывая сигару за ухо и напоминая кусок маргарина, отягощенный тайной скорбью. — Если не подсуетимся — всё псу под хвост.

И лаконично, но выразительно, он обрисовал положение дел.

По-видимому, вольная борьба — исключительно тонкое занятие. Тут все по науке, а не по вдохновению, то есть — не шаляй-валяй. Действия Свина и Клина обретают силу только тогда, когда отработаешь каждое из них, вплоть до зубовного скрежета, мало того, обдумаешь в тиши кабинета, а затем и отполируешь. Иначе ничего не получится, публика не примет.

Тем самым борцы должны пребывать в добром согласии. Свин и Клин

в нем пребывали до недавней поры, помогали друг другу и забывали о себе ради общего блага.

Однажды Свин предложил Клину, чтобы тот дал ему в нос, поскольку это понравится зрителям, а его, Свина, не обидит, даже вызовет приятное ощущение. Клин не уступил ему в благородстве, предоставив живот в его полное распоряжение — прыгай, сколько влезет, живота у него столько, что он и не заметит, если на нем отобьют чечетку.

— Золото, а не парни, — продолжал Дж. У. — Как эти самые, из Библии. Не хочешь, залюбуешься. И что же? Поругались! Сидят, дуются. Так у нас ничего не выйдет. Клин одолеет Свина за пару минут, это ему раз плюнуть. Публика будет швырять в них бутылки.

— Ну и Бог с ней, — сказал Пуффи, подчеркивая светлую сторону. — За билеты она раньше заплатит.

— А как второй матч? А третий, я вас спрашиваю? Кряк-нется первый, больше никто не придет.

Теперь они поняли, к чему он клонит, и Фредди, жалобно вскрикнув, стал лихорадочно сосать набалдашник трости. По лицу Пуффи прошла туча, двигаясь от прыща к прыщу, словно серна в альпийских горах, одолевающая лощины; и он осведомился, насколько испортились отношения подопечных.

— Ну, — отвечал Дж. У, — еще друг с другом разговаривают.

— И на том спасибо.

— Нет, — поправил гонец, — они ругаются. Истинно говорю, хотите вернуть свои деньги, езжайте к ним, чтобы они одумались.

Пуффи сообщил, что его машина у подъезда. Фредди захотел присоединиться, но получил отказ. Дела и так плохи, нечего мотаться под ногами. Дж. У. спросил, не даст ли Ф. два шиллинга. Фредди ответил, что уже дал их. Дж. У. воскликнул: «Тьфу ты, запамятовал!» — и сослался на резонное беспокойство. После чего они с Пуффи отбыли.

Сказав, что П. Проссер — в беспокойстве, мы ничего не скажем. Состояние его мог бы описать только Шекспир, да и то, если очень постарался бы.

Особенно томила его загадочность ситуации. Свин и Клин много лет дружили, водой не разлить, и вдруг… В чем дело? Он тщетно искал ответа.

Дорога показалась ему удивительно длинной. Приехав, П.П. увидел сразу, что чутья Дж. У. хватает. Обе гориллы были исключительно мрачны. Когда они стали бороться, он понял, что имеет в виду антрепренер.

Пыл угас, как не было. Клин двинул Свина холодно и сухо; Свин прыгнул Клину на живот с такой отрешенностью, что публика, завидев это,

немедленно взялась бы за бутылки.

Пуффи остался к обеду. Потом борцы разошлись по комнатам, не пожелав друг другу доброй ночи, а Дж. У. с великой печалью посмотрел на гостя. Если бы у него была душа, ее прошло бы оружие.[96]

— Сами видите, — сказал он. — Всё к собакам.

Но Пуффи, как ни странно, повеселел. Острый разум проник в тайну. Когда дело касается денег, мысль его подобна молнии.

— Чепуха! — отвечал он. — Держите хвост пистолетом. Солнце еще не скрылось.

Дж. У. сообщил, что не видит никакого солнца, но Пуффи заверил его, что солнце — здесь, и скоро засияет вовсю.

— Это проще простого, — развил он тему. — Я сразу заметил за обедом, если то был обед. У них несварение желудка.

Компаньон удивился и выругался, а потом спросил, где это слыхано, чтобы у борцов было несварение? Один, помнится, ел только шкварки и мороженое, запивая любимым напитком, шипучим ситро.

— И, надо сказать, просто цвел, как роза какая-нибудь.

— Да, — сказал Пуффи, — борцы могут лопать что угодно. Но у человеческого желудка есть предел, и вы его перешли. То, что мы ели, могла приготовить стервятнику его неопытная супруга. В детстве я знал козла, который ел дверные ручки. Сегодняшний бифштекс его бы испугал. Кто вам готовит, Лукреция Борджиа?

— Одна тетка из деревни.

— Пусть там и сидит, а я найду вам завтра кого-нибудь. Свин расцветет, как роза, Клин подпрыгнет, как холмы.[97] Через неделю будут тузить друг друга в любви и согласии.

Дж. сказал, что Пуффи, наверное, прав. Пуффи сказал, что он прав точно.

— А, вилы им в бок! — вскричал Дж. У, вдохновившийся его пылом. — Да, не зря вы говорили про это, ну, солнце. Один к одному! Насчет нанять не утруждайтесь, я за племянницей пошлю.

— У вас есть племянница? — удивился Пуффи, жалея несчастную девушку.

— Целых три, — не без гордости отвечал Дж. У. — Эта служит при кухарке, на Грин-стрит, в Мэйфер. Когда кухарки нет, она сама стряпает, и ничего, все довольны.

Обдумав эти слова, Пуффи решил, что не возражает против Миртл Кут (именно так ее звали). Как и его компаньон, он любил бесплатную

помощь и знал, к тому же, что в аристократическом районе абы кого не наймут. Тем самым, условились, что в Лондоне он передаст ей письмо. Это он и сделал на следующее утро.

Миртл оказалась точно такой, какой должна быть племянница Дж. Обликом и взглядом она напоминала мороженую треску. Очки в стальной оправе удачно оттеняли рыжие волосы и гнусавость. Но Пуффи искал не Венеру и не Елену, а первоклассного профессионала. Частная беседа с кухаркой убедила его, что питание борцов вполне можно доверить этой страшиле. Кухарка заверила, что передала ей все знания, и присовокупила рекомендации от прежних хозяев, из которых следовало, что она (кухарка) искушена в искусстве еды от супа до зубочисток.

Словом, Миртл подучили сказать верховному начальству, что у нее дома кто-то заболел, и назавтра Пуффи отвез ее в коттедж вместе с большой коробкой и аденоидами. Чтобы проверить ее умение, он остался к обеду, о чем не пожалел. Она подала им суп, буквально ласкающий чрево, бифштекс с двумя гарнирами и рулет с изюмом. Все таяло во рту.

На мастодонтов это подействовало быстро и благоприятно. Суп они съели в сладостном сне, и эхо плещущих звуков мгновенно сменилось плеском млека милости.

Когда рулет сделал свое дело, раздоры ушли в прошлое Туши нежно улыбались друг другу. Голос Клина, просившего Свина передать ему сахар, сошел бы за голос горлицы, равно как и голос Свина, говорившего: «На, браток, угощайся». Пуффи так умилился, что пошел на кухню и дал этой Миртл десять шиллингов. Если П. добровольно расстается с деньгами, можете не сомневаться, что он тронут до глубины души.

На обратном пути он подумал, что можно увенчать добрые дела, устранив Фредди с его десятью процентами. Проценты мучили его с самого начала; и позже, встретив друга в клубе, он отвечал на его беспокойство тревожным, печальным взглядом. Разлад между Свином и Клином, пояснил он, зашел далеко, надежды нет, и лично он, Пуффи, поставил крест на их замысле, предотвращая неминуемый провал.

Фредди, естественно, вскричал: «Смерть, где твое жало?»,[98] а Пуффи по-дружески положил руку на плечо и сказал, что его понимает.

— Чуть не заболел, старик, за тебя беспокоился, — продолжал он. — Я знаю, как тебе нужны деньги. Так сразу и подумал: «Нельзя его бросать, беднягу». Конечно, пустяк, но вот тебе десятка. Да-да, не спорь. Черкни для проформы, что больше претензий не имеешь, и ладно, и хорошо.

Фредди черкнул с благодарностью во взоре, и дело на этом кончилось.

Сомневаюсь, чтобы в последующие дни на свете был более веселый

богач, чем Пуффи Проссер. Он насвистывал, он подпрыгивал, а как-то в баре просто запел. Оказавшийся там Фредди удивился, но он ответил, что это — личина.

— Я британец, как-никак. Наш девиз — держись, что бы то ни было.

— Вообще-то да, — сказал Фредди.

Сообщения Дж. У. способствовали радости. Тот писал, что все идет как по маслу. Братская любовь крепнет день ото дня. Свин предложил Клину укусить его за ногу, когда он прыгнет на живот, Клин с удовольствием согласился, но попросил, чтобы Свин укусил его за нос. Ко всему прочему, Миртл натушила баранины, которую грех не попробовать, а Клин стал еще толще.

Картина была так хороша, что Пуффи запел в холле, и те, кто там оказался, признали, что никогда не слышали такого беспечного пения. Кошкин Корм, к примеру, сравнил П. П. с соловьем. Действительно, тот ликовал, ничего не скажешь.

Нетрудно представить, каким ударом стала телеграмма от Дж. У. Пуффи вошел в клуб с песней на устах, обнаружил в своей ячейке депешу, лениво ее распечатал, не чуя беды, и почувствовал себя так, словно Свин прыгнул ему на живот.

«Караул воскл. знак, — сообщал союзник, стремившийся и в горе сократить число слов. — Все собакам тчк Уотербери».

Если помните, я говорил, что во время первого визита Пуффи пребывал в беспокойстве. Описать его нынешнее состояние я не берусь. Телеграмма пришибла его начисто. Ему казалось, что над замыслом тяготеет проклятие.

Когда он доехал до места, приближался вечер. Садик окутала прохлада, цветы благоухали, солнце, сделав свое дело, освещало последними лучами деревья и траву. На траве стоял Свин, обрывающий лепестки с ромашки, бормоча: «Любит, не любит…», а немного подальше, у дерева, Клин вырезал перочинным ножиком сердце, пронзенное стрелой. Друг друга они не замечали.

Дж. У. угрюмо смотрел на них с порога. Завидев гостя, он чуть-чуть просветлел и втащил его в дом.

— А, дорогуша? — осведомился он. — Видали? Значит, сами поняли. Коту ясно!

Пуффи попятился, ибо Дж. дышал ему в лицо, а всякий, кому он дышит в лицо, невольно попятится, и ответил не без суровости, что лично ему ничего не ясно. Дж. спросил, заметил ли он ромашку. А сердце? А стрелу? То-то и оно.

— Со-пер-ни-ки, вот они кто. В Мири втюрились. Пуффи покачнулся. Чушь какая-то! Он изо всех сил напряг разум, который бегал кругами, как дрессированная мышь, и уставился на Дж. У.

— В кого, в кого?

— Да в Миртл.

Пуффи опять не уловил смысла.

— В Миртл? — повторил он. — Минутку, минутку. Эти рыла влюбились в *Миртл?* В такую страшилу? Может, тут есть еще какая-то? Вы имеете в виду плосколицую рыбу в человеческом облике?

— Стряпает она здорово.

Наконец, что-то прояснилось. Пуффи любил поесть и понял, какая сила влечет к мисс Кут мужчин, обреченных еще недавно есть то, чем угощала их тетка из деревни. Такие люди, как Свин и Клин, сугубо практичны. Они не ищут в женщине изящества. Что рыбья морда, что аденоиды перед сочным бифштексом, хитрым гарниром, нежным рулетом? Красота убывает, еда остается.

— Какой кошмар! — вскричал он.

— Да уж, не подарок, — согласился Дж. У. — Чего-то им вздумалось, что на ее вкус борьба не-де-ли-кат-на. Хотят сменить профессию. Клин вчера спрашивал, вышла бы она за шпика, а Свин учится по почте разводить ангорских кроликов. В общем, плохо дело, хуже некуда. Накрылось наше предприятие.

Услышав эти горькие слова, Пуффи поплелся к окну глотнуть воздуха и увидел, что Свин уже ощипал ромашку. Теперь, неприятно улыбаясь, он смотрел на Клина, вырезающего сердце. Взгляд его действовал на соперника, как дурная рецензия в газете. Не выдержав, тот сложил ножик и удалился.

— Видали? — поинтересовался Дж. — Вот так и живем. Одно слово, ревнуют.

— А ей кто нравится? — спросил Пуффи.

— Да никто. Я им говорю, а они не верят. Борец, он упрямый. Свин вздумал, она на него как-то смотрит. Клину втемяшилось, что дышит. Все бы хорошо, говорят, если б другой под ногами не мотался. Много о себе понимают. Борцы, они все так. Вот что, дорогуша, есть у меня, это, мысль.

— Ах, ерунда какая-нибудь!

— Ну, прям! Хорошая мысль, сейчас придумал. Надо выбить их одним ударом. Ясно? Явится такой, это, пижон…

Против ожиданий, Пуффи заинтересовался. Он признал, что мысль недурна, а Дж. У. заверил его, что она превосходна.

— Вот, значит, со-пер-ни-ки, — развил он тему. — А вот — еще один тип. Что будет? Они, эт, сплотятся. Ничего не попишешь, тоже люди!

Будь Пуффи поспокойней, он указал бы на то, что Свин и Клин, собственно, не люди, но сейчас хлопнул Дж. по спине и вскричал: «Вы гений!», а тот отвечал, что это у него с детства.

Потом Пуффи призадумался. На роль пижона лучше всех годился Фредди, но к нему он обратиться не мог. Кто же тогда? Не всякого попросишь. Объяснять придется, то, се, а дело, в общем, секретное.

Он поделился соображениями с Дж. У, но тот его не понял.

— Ды я про вас!

— Что?

— Вы, значит, и явитесь.

— Я?!

— Ну!

— Чтобы я ухаживал за этой… — начал П., но, уловив холодный взор, заменил слово «мымра» словом «барышня».

— А чего делать? — объяснил Дж. — Что вам, денег не жалко? То-то и оно.

Он взял верную ноту. Больше всего на свете Пуффи было жалко денег. Трудно ухаживать за Миртл, но выхода нет.

— Хорошо, — сказал он глухо, словно бас с тонзиллитом. — С чего начать?

— Покатайте ее в машине, — посоветовал Дж. У. Миртл позвали, попросили надеть пальто и шляпу, и Пуффи повез ее кататься.

Когда он вернулся, тяжело дыша носом, Дж. сообщил, что снадобье уже действует. Зеленоглазая ведьма ревности побудила Свина и Клина скрежетать зубами, глядя вслед автомобилю; и не успел вечерний бриз развеять терпкий запах духов, как соперники наконец заговорили друг с другом, мало того — заговорили по-дружески.

Дж. не ошибся, предметом их беседы был Пуффи. Они нашли в нем немало дурных черт. Свин осудил прыщи, Клин — бакенбарды. Клин сказал, что Свин буквально вырвал слово у него изо рта, а когда он назвал П. П. чучелом и пугалом, то же самое сказал уже Свин. Дж. У. заметил, что их приятно слушать.

— Я так думаю, — развил он мысль, — они, эт, при-ми-ри-лись. Клин два раза назвал Свина «браток». Свин его глазами ел, когда он сказал, что вы, дорогуша, похожи на хлыща из кинокартины. Я подбавил жару — вы, мол, давно к ней подмазываетесь, цветы носите, туда-сюда водите. Еще немного, дорогуша, и дело в шляпе. Теперь вы ее поцелуйте.

Пуффи покачнулся.

— Поцеловать?

— Страк-те-ги-че-ский ход.

— О-о-о!

— Ну-ну-ну, — укоризненно сказал Дж. — Чего ж теперь кочевряжиться? Вот соберется народ в Хаддерсфилде, — продолжал он, ибо именно в этом городке они собирались начать турне. — Сидят это, целый зал, яблоку упасть негде. Сколько мы на этот зал ухлопали! А стоячие места? То-то и оно. Потом второй матч, потом третий, а потом еще Лидс, Уигем, Миддсборо, Шеффилд, Сандерленд, Ньюкасл, Халл, чего только нету!

Пуффи закрыл глаза, все это себе представил, и не зря. Сомнения исчезли, возобладал дух победы. Конечно, места похуже идут за шиллинг, но Дж. полагал, что за иные можно брать и десять шиллингов, а если мыслишь такими суммами, да еще их складываешь, результаты впечатляют. Словом, когда он открыл глаза, в них сверкала отвага. Да, он смутно ощущал, что лучше бы переплыть в бочке Ниагару, чем целовать Миртл, но никто его не просил переплывать Ниагару в бочках.

— Скоро она понесет суп, — сказал Дж. У. — Не зевайте, дорогуша, перехватите ее в коридоре.

Пуффи не зевал, перехватил, но, увидев рыжие волосы и рыбьи щеки, пожалел, что нельзя вызвать Фредди. Вероятно, думал он, тот легко и просто поцелует любую девушку. Поистине, тяжело, что никак не используешь такого специалиста. Тут пришла мысль о десяти процентах, и решимость вернулась.

Миртл была так похожа на дядю, что, в сущности, ты как бы его и целовал. Закрыв глаза, Пуффи препоручил душу Богу, крепко обнял рыбу в человеческом облике — и тут же раздались два хриплых крика. Тяжкая рука опустилась на его плечо. Вслед за этим на другое плечо опустилась другая рука, не легче первой. Открыв глаза, он увидел двух горилл, глядевших на него с тем омерзением, с каким глядит честный человек на хлыща из кинокартины.

Сердце у Пуффи трижды подпрыгнуло и ударилось о передние зубы. *Этого* он не предвидел.

— Ы-ы! — сказал Свин.

— Ы-ы! — сказал Клин.

— От это да! — сказали оба.

— Хо! — сказал Свин. — С жиру бесишься? Игрушка ему, видите ли! Стой, мы тебя счас разорвем.

— На кусочки, — сказал Клин.

— Во-от такие, — сказал Свин. — Мать родная не узнает. Отцепив сердце от зубов, Пуффи сообщил, что он сирота.

Гориллы ответили, что это не важно, поскольку они имели в виду, что если бы мать была, она бы его не узнала. Беседа становилась сложноватой, но тут слово взял Дж. У.

— Ребятки, — сказал он, — чего вы взъелись? Обижаете мистера Проссера… Может жених целовать невесту, я вас спрашиваю?

Свин поглядел на Клина. Глаз у него практически не было, но Пуффи все же заметил в них ужас. Клин поглядел на Свина, и, если бы у него был лоб, его перерезали бы морщины, порожденные печалью.

— Ы! — сказал Свин. — Жених?

— Ы! — сказал Клин. — Невесту?

— Ну! — сказал Дж. — Правда, мистер Проссер? Пуффи, позеленевший в самом начале беседы, поспешно кивнул. Дж. У. он не любил, но смог оценить его таланты. Да, быстро сообразил, ничего не попишешь. Я думаю, если бы Дж. У. попросил в этот миг десятку, П. безропотно бы ее отдал.

Миртл позвала всех к столу, и все ей безропотно подчинились.

Обедали молча. Легкой беседе мешает разбитое сердце, а Свин с Клином, то есть половина собравшихся, вообще превратились в гуляш. Мрачно подбирали они хлебом жирный соус, скорбно возили по тарелке раскрошенный рулет. После обеда вышли в садик. Дж. У. последовал за ними, чтобы присмотреть и утешить. Пуффи остался и закурил сигарету, ощущая то, что ощущал Даниил, когда, освободившись от львов, смог передохнуть.

Несмотря на тяжкое испытание, он был счастлив. Свин и Клин помирились, они покажут себя в Хаддерсфильде, все прочее — ерунда. Он вынул карандаш, записную книжку и стал подсчитывать прибыль, исходя из того, что хотя бы шесть первых рядов продадут по десятке.

За этим занятием и застал его Дж. У., немедленно заморозивший сад мечтаний.

— Дорогуша, — сказал он, — все пропало.

— Кхо? — спросил Пуффи. Он хотел спросить «Что», но проглотил сигарету.

— Про-па-ло, — повторил Дж. — Псу под хвост.

— В каком смысле? Они — как братья.

— Эт да, — согласился Дж. — Собираются в Африку. Там говорят,

хоть правда есть. Бороться не могут. Этого самого нету, как его? Пороху. Свин говорит, не дам я бить себя в нос. Клин говорит, не дам прыгать на живот. Так и сказали: любовь нас, эт, очистила, и будем мы бродить по Африке. Так-то, дорогуша. Плохо дело.

Они посидели и помолчали. Вспомнив о десятке, отданной Фредди, Пуффи задрожал как вентилятор, но заметил, что Дж. У., судя по выражению лица, что-то придумал. И впрямь, через миг-другой тот поделился с ним мыслью.

— Одно хорошо, — сказал он, — хоть Миртл пристроена. Я ей лучшего мужа и не желаю, — он нежно улыбнулся. — Чего там, зови меня «дядя Джеймс».

Пуффи очень удивился.

— Вы считаете, — спросил он, — что я женюсь на вашей поганой племяннице?

— У меня поганых нет, — отвечал Дж. У. — Их три штуки, одна другой лучше. А Мири лучше всех. Ты что, на ней не женишься?

— Я ее длинной палкой не коснусь.

— Как же это? А мы помолвку объявили при двух свидетелях, — Дж. поджал губы. — Можно и в суд подать. И потом, ребятки обидятся. Опять захотят разорвать, эт, на кусочки. Надо бы их спросить. Эй, ребятки! Зайдите на минуточку, а?

На размышление Пуффи хватило тридцати секунд.

— Сколько? Дж. удивился.

— Сколько? — тут он просветлел. — А, ясно! Хотите Мири утешить, как настоящий джентлемен. Хвалю, хвалю. Сколько, значит? Да немало, она ж глаза выплачет.

— Сколько?

— Ну, тыщу.

— Тысячу!

— То есть две.

— Ладно, сейчас выпишу чек.

Быть может, вам кажется, что эта часть моей повести неправдоподобна. Но учтите, что гориллы уже входили в комнату, глазки их блестели, руки напоминали окорока, мускулы — железные гири. Мало того — в сознание Пуффи, словно пух одуванчика, залетела мысль.

Мысль состояла в том, что можно, уехав поскорее, с самого утра пойти в банк и опротестовать чек. Потратишь два пенни на марку, срочности ради, но это ничего.

Словом, чек он выписал, по просьбе Дж. У. — на предъявителя.

— Что ж, ребятки, — сказал тут же Дж., кладя добычу в карман, — пока. У меня дельце в городе.

— Я тоже еду, — сказал Пуффи. — Прямо сейчас. Пока, пока, пока.

Дж. У. удивленно взглянул на него.

— Минутку! Куда едете, в Лондон?

— Да.

— Прям счас?

— Да.

— А как же Мири? У нее завтра день рождения. Не-ет, вам ехать нельзя. Она сколько ждала, что вы ей, как проснетесь, подарите брильянтовую брошку, или что там у вас.

Пуффи хлопнул себя по лбу.

— Ах ты, забыл! С утра куплю.

— Я и сам куплю, вместо вас.

— Нет. Я должен выбрать.

— Ладно, — сказал Дж. У. — Подарите ей полевых цветочков. Главное — дух. Свин с Клином помогут их нарвать. Как, ребятки? Поможете?

Гориллы сказали, что будут только рады.

— День рождения, ребятки, — продолжал Дж. У. — Это вам не фунт изюму.

— Ы, — отвечали гориллы.

— Значит, вы его не отпускайте.

Они обещали, что не отпустят. Дж. У. сообщил, что спешит, надо успеть на поезд. Пуффи хотел было выйти с ним и быстро юркнуть в машину, но руки тяжело опустились ему на плечи, и он, как бы лишившись костей, осел в кресло.

Примерно через неделю Фредди, входя в клуб, увидел у дверей Дж. У. и был поражен его обликом. Весь, с ног до головы, он являл последний писк моды. Ботинки сверкали на солнце, словно желтые бриллианты; шляпа стоила не меньше полутора фунтов. Он объяснил, что в последнее время ему очень везет, и попросил о помощи. Ему нравится клуб «Трутни», он хотел бы в него вступить.

Только он перешел к тому, что препоручает это Фредди, как из дверей вышел Пуффи. Увидев Дж. У, он закричал так, что, по словам Фредди, если закрыть глаза, можно было подумать, что ты в зоологическом саду, у клетки тигра или барса, ожидающего кормежки. После этого он кинулся на бывшего компаньона и попытался оторвать ему голову.

Фредди не очень любит Дж. У, и был бы рад, если бы тот поскользнулся на банановой шкурке, но человеческая жизнь — это человеческая жизнь. Он оторвал скрюченные пальцы от горла жертвы. Пуффи, лягнув его в голень, побрел по улице, а там — скрылся из вида.

Дж. У. подобрал шляпу и пригладил волосы, явно удивляясь, что голова — на месте.

— Ух ты! — сказал он. — Однако! Как говорится, вся жизнь перед глазами прошла.

— Да, — подтвердил Фредди, — жуткое дело. Дж. У. что-то обдумывал.

— Смотри-ка! — сказал он, наконец. — Опять вы мне жизнь спасли. В Китае вы бы мне все имущество отдали, вот оно как.

— Неужели?

— А то! Такой у них порядок. Спасаешь кого — плати.

— Дураки эти китайцы.

— Ну, нет. Очень хороший закон. А что, так ходи, всех спасай? Задаром? Ладно, я человек добрый. Десятки хватит.

— Хорошо, — сказал Ф. — Как-никак, noblesse oblige.

— Ну!

— Абсолютно, — подтвердил свою мысль Фредди.

БИНГО И БОМБА

Покидая редакцию журнала «Мой малыш», неустанно формирующего мысль в детских Британии, Бинго Литтл был невесел. Вечер пленял красотой, редкой для английского лета, но сердце на нее не отзывалось. Небо улыбалось, Бинго — нет. Солнце смеялось, Бинго усмехался. В самом лучшем случае.

Когда его жена, романистка Рози М. Бэнкс, пристроила мужа в «Малыша», она посоветовала не спорить об оплате, а брать, что дают. Бинго так и делал, радуясь тому, что у него есть хоть какая-то мелочь. Однако возникли осложнения. Увидев во сне свою тетю Миртл, супругу покойного Дж. Дж. Бинстока, которая плясала в бикини перед Бекингемским дворцом, он поставил месячное жалованье на Веселую Вдову, и та пришла пятой. Тем самым у него осталось четыре шиллинга три пенса. Он пошел к Перкису, издателю. Тот недоверчиво на него взглянул.

— Что-что? — спросил он таким тоном, словно чей-то острый зуб впился ему в ногу.

— Подбодрили бы, — развил тему Бинго, — выразили доверие. Не прогадаете… — И он осторожно снял пушинку с хозяйского рукава.

Ничего не вышло. Мистер Перкис, одну за другой, перечислил причины отказа, и его ближайший помощник, можно сказать — правая рука, уныло побрел домой.

Особенно терзало его то, что жена не могла принести утешения. При обычных обстоятельствах он бы выплакался у нее на груди, но она уехала с матерью в Брайтон, где обе кончили школу.

Что же делать целый вечер? На четыре шиллинга не разгуляешься. Лучше всего заглянуть в клуб «Трутни», пообедать и пораньше лечь. Проходя по Трафальгарской площади к Довер-стрит, где этот клуб расположен, Бинго услышал крик, а там — увидел исключительно красивую девушку того удалого вида, какой присущ им в наше смутное время, особенно если они рыжие.

— Привет, — сказал он с легким смущением, вполне уместным, когда женатого человека окликает красивая девушка. Звали ее Мэйбл Мергатройд, а виделись они в игорном клубе, который просвещенная мысль еще не ввела в рамки закона. Там их настигла облава, и они провели приятные полчаса в чьей-то бочке по соседству. Леди Мэйбл явно помнила

эти события.

— А, черт меня дери, да это же Бинго! — вскричала она. — Как жизнь? В бочках не сидели?

— Нет, — отвечал Бинго.

— Равно как и я. Что-то они мне прискучили. Тоска и скука. Я перешла на политику.

— Хотите пройти в парламент?

— Что вы! Борюсь с бомбой.

— С какой?

— С такой, которая нас всех прихлопнет, если дать ей волю.

— А, слышал! Неприятная штука.

— То-то и оно. Вот мы и протестуем. Называется Олдермастонский поход.[99]

— Поход? Значит, идти надо?

— Зато для души полезно. Да и вообще, мы много сидим.

— Сидите?

— Да.

— Где?

— Где придется. Здесь, например.

— Посреди площади? А как же полиция?

— Хватает нас пачками.

— Что ж тут хорошего?

— То есть как? Утром — статьи во всех газетах, они идут на пользу делу. А, вот и гестапо! — вскричала Мэйбл, схватила Бинго за руку и потащила вниз, перекрыв движение шестнадцати такси, трем омнибусам, одиннадцати частным машинам. Шоферы страшно бранились.

Бинго смутился. Не говоря об ущербе для брюк, он не любил публичности. Не понравилась ему и боль — он прикусил язык, но главное, к ним приближался страж порядка, очень высокий и достаточно хмурый.

Понять его можно. Неделю за неделей он поднимал с мостовой девиц, и нелюбовь к ним перекрывалась только нелюбовью к их спутникам. Словом, через считанные секунды Мэйбл и Бинго оказались в укромной камере, где им предстояло ждать до зари, что же решит правосудие.

Конечно, в камерах Бинго бывал еще студентом, после гонок. Однако теперь он — женатый, почтенный член общества. Мало того, если не хочешь просидеть неделю, плати пять фунтов; а где их взять? Что скажет Рози, он и представить не смел. Вполне сравнится с этой бомбой.

На его счастье, судья оказался из тех, кто смягчает справедливость милостью. Возможно, этому способствовала красота подсудимой. Словом,

он отпустил их, ограничившись укором.

Убедившись в правоте псалмопевца, обещавшего наутро радость, Бинго, однако, не совсем понимал чувства подельницы. Она была какой-то озабоченной, если не огорченной. Когда Бинго спросил, почему она не скачет, как холмы, она сообщила, что ее беспокоит реакция Джорджа Франсиса Огастеса Деламера, пятого графа Ипплтонского, приходившегося ей отцом.

— Да он не узнает, — заверил Бинго.

— Он узнаёт всё. Прямо шестое чувство! Вас никто ругать не будет?

— Жена могла бы, но она в отъезде.

— Везет людям!

Бинго с ней не согласился. Конечно, они с Рози жили как голубки, но он достаточно знал женщин, чтобы не переоценивать горлинок. При всей своей кротости миссис Литтл могла, если надо, уподобиться одному из тех ураганов, которые особенно неприятны у мыса Гаттерас. К счастью, она не узнает, что он провел ночь в полиции с рыжей красоткой.

Размышляя о том, что мир этот не из лучших, хотя терпеть его можно, он пришел на службу и сел к столу. Да, он не выспался и не позавтракал, но стал как-то чище, глубже. Когда он читал письмо Тони Бутла (12 лет) об ангорском кролике Кеннете, раздался звонок.

— Бинго? — сказала Рози.

— А, привет. Когда ты приехала?

— Только что.

— Как дела?

— Ничего, неплохо.

— Мамаша Перкис выступала?

— Да, миссис Перкис сказала речь.

— Видела много подруг?

— Да…

— Это хорошо. Вспоминали, наверное, как Мод и Андже-лу застали с сигаретой за спортивным залом.

— Д-да… Бинго, ты видел «Миррор»?

— Вот, лежит, но еще не развернул.

— Посмотри восьмую страницу, — сказала Рози, вешая трубку.

Он развернул газету, немного удивленный и странной просьбой, и необычной интонацией. Обычно голос Рози легко было спутать со звоном бубенцов на солнечном весеннем лугу, но сейчас ему послышалась какая-то жесткая нотка, и он удивился.

Удивлялся он недолго. Взглянув на нужную страницу, он ощутил, что комната скачет, как Нижинский. Если хотите, можете сравнить ее и с бомбой, уже по другим признакам.

Восьмую полосу уснащали фотографии. Премьер-министр открывал благотворительную распродажу. Старейший житель Чиппинг Нортона справлял сотую годовщину. В Пернамбуко или в Мозамбике безобразничали студенты. А в самом низу огромный полисмен держал одной рукой исключительно красивую девушку, другой — молодого человека. Газетные фото мутноваты, но это поражало четкостью.

Подпись гласила:

Леди Мэйбл Мергатройд со своими друзьями

Бинго долго смотрел на все это, словно улитка. Потом ему захотелось выпить. Он схватил шляпу и побежал в клуб. Напитки там не лучше других, но можно не платить наличными. Кроме того, кто-то из Трутней что-нибудь посоветует. К счастью, первым встретился Фредди Виджен, человек большого ума, непременно выкарабкивавшийся из затруднений, связанных с противоположным полом.

Прослушав историю, Фредди признал, что опыт таких передряг подсказывает лишь один выход.

Бинго сказал, что одного вполне достаточно.

— Так, — заметил Фредди, — а ты не мог бы выступить в роли супермена?

— Кого?

— Супермена. Холодный взгляд, выдвинутый подбородок, насмешливые реплики: «Вот как?», «Ну и что?».

Бинго сокрушенно ответил, что это ему не под силу.

— Ясно. Да, это нелегко чувствительному человеку. Остается несчастный случай.

Бинго не совсем понял. Фредди объяснил.

— Ну, знаешь такой стишок: женщина — не подарок, а чуть что случится — ангел-служитель. Глубокая мысль. Придешь домой здоровым, тебе крышка. Забинтуйся, как мумия — и дело в шляпе. Закричит: «О, Бинго!», а уж слез будет…

— Как мумия? — проверил он.

— Именно.

— Одни бинты?

— Они самые. Лучше — с пятнами крови. Знаешь что, прыгни под

машину.

— А еще что можно?

— Иногда я падал в угольный погреб, но где их теперь найдешь? Нет, машина и машина! Скажем, такси.

— Неприятно все же.

— Ну, грузовик.

— Да ты что!

— Ладно. Иди в редакцию и урони машинку на ногу.

— Я палец сломаю.

— Вот именно. Можно и два-три. Что уж мелочиться? Бинго задрожал.

— Нет, не буду.

— Трудно с тобой! Так-так-так… Есть! Выдумай двойника. Скажи, что вас родная мать не различит.

Бинго расцвел, как июньская роза. Да, это вам не машина и даже не машинка!

— Этих двойников очень много, — пояснил Фредди. — Вот, у Филиппса Оппенхейма один англичанин как две капли воды похож на одного немца. И наоборот, естественно. Кто-то там за кого-то себя выдавал.

— И ничего, сошло?

— А то как же!

— Фредди, — сказал Бинго, — ты гений! Как хорошо, что мы встретились.

Однако в редакции он снова приуныл. Рози писала всякую чушь, но ума у нее хватало, а чутья — тем более. Замысел хорош, это да, но надо бы его подкрепить. Лучше всего, если Мэйбл сама скажет, что в жизни не видела Бинго, а субъект на фото — ее кузен, скажем, Эрнест Мальтраверс или Юстес Финч-Финч. Найдя в телефонной книге номер пятого графа, Бинго спросил:

— Лорд Ипплтон?

— Да.

— Добрый день.

— Почему это?

— Разрешите представиться, моя фамилия Литтл.

— Что ж, — отозвался пэр, — у меня вообще нет имени.

— То есть как?

— Атак. Я опозорен.

— Опозорены?

— Хуже некуда. Как я покажусь в клубе? Нет, вы подумайте, сидит на площади, а ее тащит полисмен! Куда мы катимся? Если бы моя матушка так себя вела, отец бы ей выдал по первое число. Собственно, я поговорил с Мэйбл. «Смотри, что ты натворила! — сказал я, когда она вернулась. — Запятнала наш герб. Такого позора не было с тех пор, как леди Эванджелина забыла отказать Карлу II!» Да. Так и сказал.

Бинго попытался его смягчить.

— Что поделаешь, девушки…

— Я бы назвал их иначе, — парировал граф. Заслышав, что несчастный пэр скрежещет зубами (если это не дрель на улице), Бинго решил сменить тему.

— Можно мне поговорить с Мэйбл?

— Нельзя.

— Почему?

— Потому что я отослал ее в Эдинбург, к тетке.

— А, тьфу!

— Что-что?

— Тьфу.

— В каком смысле?

— В обычном. Что тут еще скажешь?

— Да что угодно. Зависит от воли. Вы кто, репортер?

— Нет, приятель.

Бинго никогда не слышал, как воет канадский волк, но подумал, что примерно так же.

— Приятель? Вон оно что! Это вы сбиваете с толку недоразвитых дур? Ну, я бы вам показал! Я бы вас… Да что говорить, шваль бородатая!

— У меня нет бороды.

— Не верю. Все обросли, кусты какие-то! Побриться трудно, да?

— Я каждый день бреюсь.

— И сегодня?

— Сегодня — нет. Занят был, не успел…

— Тогда не окажите ли любезность?

— С удовольствием.

— Идите в свое логово и побрейтесь. Опасной бритвой, опасной! Даст Бог, перережете артерию. Как выразился какой-то поэт: «Мечты, мечты…»

Бинго задумчиво повесил трубку. Да, графа он не пленил, но не это плохо. Мэйбл — в Эдинбурге, Бог знает, когда вернется, так что свидетеля нет. А без него не обойтись, что бы ни выдумал этот Оппенхейм.

Поразмыслив о том, не использовать ли машинку, он даже поднял ее, но струсил. Окажись тут Шекспир с Беном Джонсоном, тот заметил бы: «Видал, друг? Истинно кошка из присловья, как у меня в пьесе».

Скорбно опустившись в кресло, Бинго услышал какие-то звуки, вроде эхо. Взглянув наверх, он понял, что ошибся — это не отзвук, а человеческий голос. В дверях стоял сам Перкис, заметно изменившийся. Под глазами темнели круги, сами же глаза легко сошли бы за несвежие яйца. Нервы тоже не блистали — когда воробей, присевший на окно, зачирикал, издатель побил рекорд по прыжкам в высоту.

— Трудитесь… — выговорил он. — Похвально, похвально. В почте что-нибудь есть?

— Да нет, одна чушь, — ответил Бинго. — Почему среди наших подписчиков столько слабоумных? Уилфрид Уотерсон (7 лет) написал про какаду такое, что его охотно примут в сумасшедший дом. Видите ли, эта тварь спрашивает: «Орешка не хотите?»

Мистер Перкис был менее строг.

— Что с них взять! — вздохнул он. — Молодые головы… Кстати о головах, нет ли у вас аспирина? Или томатного сока, туда можно капнуть вустерского соуса. Нету? Жаль-жаль. Мне стало бы легче.

На Бинго снизошло озарение.

— Господи! — воскликнул он. — Вы вчера… э… напились?

Перкис помахал рукой, едва не свалившись от усилия.

— Вы уж скажете! Жена уехала, решил с горя сыграть с друзьями в карты. Засиделись, знаете, то-се… Да и как откажешься, когда нальют? Но «напился» — это уж слишком.

Сутки назад Бинго не посмел бы сделать такое предположение, но теперь, увидев, что Перкис — свой, несовершенный человек, он решился. В конце концов, они оба спасут друг друга. Рози поверит такому авторитету. Он начал складывать фразу, но хозяин его перебил:

— А вообще-то вы правы. Лучше скажем, надрался. Но как это ни назвать, дело мое плохо. Служанка сообщила, что жена звонила мне пять раз: в 10.30, в 11.15, ровно в полночь, в 2 часа ночи и, наконец, в 4.20. Боюсь…

— Вас *до утра* не было?

— Да, мистер Литтл.

Если бы Бинго не сидел, он бы свалился на пол. Вот и все, конец. Теперь не убедишь жену, что он всю ночь работал с Перкисом. От горя он вскрикнул, а хозяин взмыл к потолку, сбивая головой штукатурку.

— Поэтому, — продолжал он, приземлившись, — я был бы вам очень

обязан, если бы вы убедили миссис Перкис, что мы засиделись допоздна, а потом я ночевал у вас в кабинете.

Бинго втянул воздух. Босс не был красив, но сейчас казался прекрасным, словно Тадж Махал при лунном свете.

Однако чувств редактор не выдал. Что-то нашептывало ему, что пришел его шанс. Он нахмурился и поджал губы.

— Правильно ли я понял? Вы просите меня солгать?

— Это не ложь! Это милость!

Чтобы заговорить, губы пришлось разжать, но лоб — ему-то что?

— Не уверен, — холодно ответил Бинго. — Вчера я, помнится, просил вас о милости, а вы резко отказали.

— Какая тут резкость, мистер Литтл! Какая резкость?

— Такая.

— Может быть. Но я подумал и решил увеличить ваше жалованье на десять фунтов.

— На пятьдесят.

— На пятьдесят!

— Ну, на сорок.

— А не на тридцать?

— Нет.

— Хорошо.

— Хорошо?

— Да.

Тут зазвонил телефон.

— А, — сказал Бинго, — опять жена. Я слушаю.

— Бинго!

— Здравствуй, кроличек. Что с тобой случилось? Какой-то писк, треск…

— Я пошла к миссис Перкис.

— А что с ней?

— Она страдает. Перкис где-то был всю ночь. Бинго мило засмеялся.

— Был. В твоем доме. Со мной.

— Что?

— То. Мы заговорились, и он у меня остался. Спал в кабинете.

Рози ответила не сразу.

— А как же этот снимок?

— Какой еще снимок? А, в газете! Да, немного похож. Вообще-то я слышал о двойниках, но никогда их не видел. В книгах — другое дело. Скажем, у Филиппса Оппенхейма один англичанин как две капли воды

похож на одного немца. Получилась целая заварушка. А тут — я же был с Перкисом! Хочешь, я его позову? Перкис, это вас. — И он передал трубку.

СИГАРА — ЭТО ВЕЩЬ

Ланселот Бингли, входящий в моду художник, обручился с поэтессой по имени Гледис Уэзерби, которая, кроме таланта, обладала прекрасной фигурой, прелестным личиком и глазами, напоминавшими Средиземное море в хорошую погоду. Обручившись, он решил, что незачем откладывать свадьбу, и сказал об этом невесте, когда они ели poulet roti au cresson[100] в «Мятом нарциссе», известном своей духовностью.

— Знаешь, — заметил он, — если ты не слишком занята на этой неделе, пойдем-ка в регистратуру и все проделаем. Я слышал, там люди шустрые, раз — и готово. Займет минут десять, зато можно будет больше об этом не думать.

Как ни странно, Гледис не всплеснула ручками и не сказала: «Какой ты умный!», а покачала головой.

— Не так все просто.

— А в чем дело?

— Понимаешь, дядя Франсис…

— Чей это дядя?

— Мой.

— Не знал, что у тебя есть дядя.

— Есть. Мамин брат, полковник Пэшли-Дрейк.[101] Наверное, ты о нем слышал.

— Нет. От меня все скрывают.

— Он очень известный охотник на крупную дичь.

Ланселот помрачнел. Он не любил таких охотников. Если бы ему довелось встретить вапити или гну, он предложил бы им сандвич, и самая мысль о том, чтобы убивать их, была ему противна.

— Хорошо, что мы не встречались, — сказал жених. — Он бы мне не понравился.

— А вот маме он нравился. Она его очень уважала и оставила ему кучу денег. Они перейдут ко мне, когда я выйду замуж.

— Замечательно!

— Да нет, не очень. Он мне их даст, если жених понравится ему. А ты — не в его вкусе.

— Почему?

— Ты художник.

— Что тут плохого?

— Дядя считает, что они или кутят в мастерской, или пишут голых иностранок, лежащих на леопардовой шкуре.

— Дурак он, твой дядя.

— Это верно. Но деньги — у него.

— Ты думаешь, он их не даст?

— Ни за что.

— Ничего, обойдемся, — сказал Ланселот, у которого был неплохой капиталец.

Гледис покачала головой. Ему показалась, что она только это и делает.

— Нет, — возразила она. — Я не хочу подлизываться к мужу ради каждой шляпки. Мои замужние подруги говорят, что они плачут-заливаются, пока он уступит. Я бы так не могла. Гордость не позволяет.

Ланселот пылко спорил с ней и над poulet roti, и позже, над кофе, но тщетно. Мрачно проводив ее, он как следует напился, гадая при этом, что же делать. Он пытался убедить себя, что слова ее — причуда, каприз, но не утешился. Кто-кто, а он знал, что причуды у нее железные.

Утром, с похмелья, он мог думать только о соде, но когда животворящий напиток сделал свое дело, он все равно не обрел прежней беспечности. В тоске и отчаянии сидел он перед мольбертом, не в силах взяться за кисть. Если бы голая иностранка заглянула к нему, чтобы заказать свой портрет, он бы послал ее, куда следует. С горя он, как всегда, взял укулеле, проложил дорогу через «Там, над радугой» и подступил к «Старику-реке», как вдруг дверь отворилась, и вошла Гледис. Глаза ее горели, и он с первого взгляда уподобил их звездам.

— Отложи своего Страдивари, — воскликнула она, — и слушай! Сейчас ты запляшешь, как гурия. Угадай, что пришло сегодня по почте. Хорошо, скажу. Письмо от дяди.

Ланселот не понял, чему тут радоваться.

— Да? — откликнулся он, не разделяя ее восторгов.

— Знаешь, о чем он просит? — продолжала она. — Найти художника, чтобы тот написал его портрет для Охотничьего клуба. Вот и пиши.

Ланселот заморгал, все еще не радуясь. Голова заболела снова, и ему казалось, что писать охотника с ружьем и в шлеме, попирающего ногой чучело антилопы, не так уж приятно.

— А при чем тут я? — спросил он.

— Ну, как ты не видишь! Вы будете много общаться, и если ты его не очаруешь, значит, я в тебе ошиблась. Недели через две он будет есть из рук. Тогда и скажи о наших планах, а он тебя благословит и вынет чековую книжку. Вопросы есть?

Ланселот очнулся. Разум его работал слабо, но суть этих замыслов уловил.

— Какие вопросы? — воскликнул он. — Ты гений!

— Я знала, что тебе понравится.

— Но…

Дело в том, что Ланселот был исключительно современным и выражал себя в коробках из-под сардин, пустых бутылках, пучке моркови и усопшей кошке, что, взятое вместе, называлось «Париж. Весна» Сможет ли он работать в другой манере?

— А я смогу написать портрет?

— Для этих рыл — сможешь. Они там все подслеповатые. Смотрели в Нижнем Замбези на восходящее солнце.

— Ну, что ж, если ты уверена… Как будем действовать?

— Дядя живет в Сассексе. Езжай туда завтра со всеми своими кистями. А я ему сегодня позвоню. Значит, Сассекс, Биттлтон.

Ланселоту пришла еще одна мысль.

— Как у него с едой? Эти охотники, наверное, питаются пеммиканом и маисом.

— Может быть, но не дядя. У него замечательная кухарка. Каждое блюдо — поэма.

— Это хорошо, — обрадовался художник. Как и его коллеги, он обходился ветчиной и консервами, но мог оценить хорошую кухню и, сидя в «Мятом нарциссе», нередко мечтал о том, чтобы poulet была побольше roti. — Когда ехать, завтра?

— Лучше — послезавтра. Просмотришь его книгу «Моя жизнь и приключения в Западной Африке». Он подарил мне ее на Рождество. Я, правда, хотела часики…

— Такова жизнь, — посочувствовал ей Ланселот.

— Именно, такова, — согласилась Гледис. — Ты представляешь, книжка за три пенса! Правда, она больше не стоит. Зайди вечером, возьми.

— Значит, послезавтра?

— Да. Я тебя провожу, приеду на вокзал.

Ожидая, когда поезд двинется, и глядя в окно на невесту, Ланселот думал о том, как он ее любит, и сокрушался о разлуке. Однако ему сразу пришлось узнать, что эта беда — не единственная.

— Да, кстати, мой ангел, — сказала Гледис, — совсем забыла. Дядя не разрешает курить.

— Вот как? — удивился жених, чувствуя, что каждое сведение

умножает его неприязнь к загадочному субъекту.

— Так что ты потерпи.

Ланселот задрожал. Курил он много, хотя целых две тетки непрестанно посылали ему брошюры о вреде табака. Челюсть у него отвисла.

— То есть не курить? — проверил он.

— Вот именно.

— Месяц с лишним? Не могу.

— Не можешь?

— Нет.

— Лучше бы смог, а то…

— Что?

— Сам знаешь. Поезд тронулся.

Поезд не приспособился к нынешнему духу спешки и суеты, так что у Ланселота было время подумать о последних словах невесты. Чем больше он думал, тем меньше их одобрял, и неудивительно. Кого обрадуют такие намеки? В них есть что-то зловещее. Самый крепкий, и то дрогнет.

Мы не скажем, что Ланселот дошел до распутья, поскольку он не шел, а сидел, но сидел он перед трудной дилеммой. Если, смирившись, он бросит курить, все его нервы вскоре вылезут наружу и завьются колечками. Нежнейшее чириканье за окном подбросит его к потолку, словно какой-то шутник взорвал над ним бомбу. Он уже бросал курить, выдержал дня два и знал, что это такое.

Если он бестрепетно и сурово выкурит пятьдесят отборных сигар, которые взял с собой, будет еще хуже. О свадебных колоколах и даже регистратурах придется забыть. Гледис — истинный ангел, но, как многие девицы, не терпит всякой чепухи. В том, что она сочтет чепухой его вполне понятную слабость, Ланселот не сомневался. Узнав о непослушании, она вернет письмо, кольцо и остаток подаренных духов.

Тут ему припомнились строки из стихов Редьярда Киплинга: «Впрочем, баба — это баба, а сигара — это вещь». Несколько страшных мгновений он думал, что поэт не ошибся. Потом он вспомнил ее глаза, похожие на звезды, стройный стан, веснушку на кончике носа и обрел силу. К станции он подъехал в твердой решимости, и вскоре увидел того, чьи черты собрался перенести на полотно.

Черты эти впечатляли, особенно — третий подбородок. Полковник был солиден, так солиден, что у Ланселота мелькнула мысль: для портрета во весь рост надо было взять холст побольше. Из книги он узнал, что автор

нередко прятался за деревом, и прикинул, что теперь сгодился бы только баобаб. Позже, за столом, он понял, как добился хозяин таких размеров.

Обед был долгим и невыразимо прекрасным. С первой же ложки супа Ланселот убедился в том, что Гледис не преувеличивала достоинств кухарки. Рыба укрепила его в этом мнении, о чем он и сказал полковнику, а тот, в священном экстазе, заверил его, что миссис Поттер — мастерица высшей пробы. После этого он не говорил, занятый едою.

Кофе подали в библиотеку, увешанную головами несчастных, которым довелось повстречать полковника с ружьем. Когда хозяин и гость усаживались, хозяин несколько замялся.

— Простите, — сказал он, — сигару я вам предложить не могу.

Ланселот поднял руку, как бы предостерегая.

— И очень хорошо, — ответил он, — иначе мне пришлось бы отказаться. Я не курю. Табак, — тут Ланселот вспомнил брошюры о вреде, — вызывает диспепсию, бессонницу, мигрень, близорукость, дальнозоркость, астму, бронхит, неврастению, ревматизм, люмбаго, ишиас, амнезию, облысение и прыщи. Я бы не взял сигары ради умирающей бабушки. Друзья подшучивают над моей причудой — так они это именуют, — но я не сдаюсь.

— Похвально, — сказал полковник, явно одобряя гостя, и тот подумал, что очаровать его не так уж трудно. Потерпим немного, и старый хрыч будет лежать кверху лапами, как такса, которой чешут живот.

То был истинный пир любви. Полковник умилился, узнав, что Ланселоту нравится его книжка, и благодарно поведал о встречах с тиграми, а также посоветовал, что делать, если завидишь носорога, сдабривая рассказ интересными случаями из жизни гну, жирафов и всех тех, чьи головы украшали комнату. Наговорившись вдоволь, он зевнул, попрощался и расстался с гостем в обстановке чрезвычайной сердечности.

Как мы уже говорили, обед был долгим, сытным, и, чтобы его утрясти, Ланселот решил прогуляться. Красота вечера и мысли о Гледис способствовали длине прогулки. Он провел на воздухе два часа, а вернувшись, обнаружил, что кто-то запер входную дверь.

Такой удар сломил бы слабого, но Ланселот был не так-то прост. Обнаружив, что взломать дверь невозможно, он решил разбить окно, что и сделал без особого шума, а потом, судя по запаху, оказался в кухне. Пытаясь найти в темноте выход в коридор, он услышал резкий, хрипловатый голос, ранивший чувствительный слух, хотя его неприятно поразил бы и самый нежный щебет.

— Кто там? — спросил голос. Ланселот понял, что нужна мягкость.

— Простите, — сказал он — Входная дверь…

— Кто там? — не унялся голос.

— Я здесь гощу, — продолжал Ланселот — Моя фамилия Бингли. Полковник Пэшли-Дрейк заказал мне свой портрет. Сейчас его не надо будить, но утром спросите, он подтвердит мои слова.

— Кто там?

Ланселот перешел от растерянности к раздражению. Если голоса тебя о чем-то спрашивают, они могли бы выслушать ответы.

— Мне кажется, — сухо заметил он, — что я только что представился, и…

— Ор-решек? — осведомился голос.

Ланселот лязгнул зубами. Гордому человеку нелегко признать, что он тратил время на задабривание какой-то птицы. Презрев бестактное и неуместное замечание: «Поскрребу головку», он ощупью нашел дверь и вышел.

Потом все было просто. Взбежав по ступенькам, он ворвался к себе и, не зажигая света, рухнул на постель, точнее, на что-то мягкое, что, по исследовании, оказалось полковником. Несколько ошеломленный беседой с попугаем, несчастный гость перепутал комнаты.

Он побыстрее слез с хозяйского брюха, но было поздно. Полковник проснулся и какое-то время пылко говорил на незнакомом языке.

— Какого черта? — перешел он на родную речь. На Ланселота снизошло вдохновение.

— Я все думал, — сказал он, — не написать ли вас во весь рост.

Полковник задрожал, словно собирался танцевать современный танец.

— И вы меня будите ради этого?!

— Я-а-а…

— Нет, ради этого? Я уже решил, что на меня свалился слон. Знаете, что бы я с вами сделал в Западной Африке? Застрелил, как собаку.

— Д-да?

— Можете не сомневаться. Там это просто.

— Расскажите мне про Западную Африку, — попытался умаслить его гость.

— К ч-черту! — отвечал хозяин. — Вон отсюда! Скажите спасибо, что вы не в дырках, как дуршлаг.

Что делала в это время Гледис? Трудясь над сонетом, она ощутила неясную тревогу, мешавшую добиться того, чтобы строчки были равной длины. С тех пор, как она проводила Ланселота, ее томили опасения. Любовь к нему уже породила шесть сонетов, балладу и полдюжины vers

libre,[102] но все девушки считают возлюбленных слабоумными. Своему жениху она отпускала интеллект семилетнего ребенка. Если можно что-то напортить, он напортит. Только мысль о том, что портить у дяди нечего, разрешила его отпустить. Что нужно, в конце концов? Писать портрет, очаровывать дядю. Даже он на это способен.

Однако ей было не по себе, и она не очень удивилась, получив телеграмму, гласящую: «Приезжай можно скорей тчк нуждаюсь моральной поддержке тчк люблю зпт целую».

Она постояла, думая о том, что худшие страхи подтвердились. Потом пошла в спальню, сложила вещи и вызвала такси. Через двадцать минут она сидела в вагоне, а билет в Биттлтон лежал в ее сумочке. Еще через час и сорок пять минут она входила в сад при дядином доме. Там она сразу увидела жениха, шагавшего взад-вперед и чрезвычайно напоминавшего кошку на раскаленной крыше.

— Слава Богу! — вскричал он, кидаясь к ней. — Мне нужен твой женский ум. Я совсем запутался.

Гледис молча глядела на него.

— Вот факты, — продолжал Ланселот. — Ночью я прыгнул дяде на брюхо.

— Прыгнул на брюхо? — переспросила Гледис.

— Нечаянно, нечаянно! Но он обиделся. Понимаешь… — он быстро изложил события. — Но это бы ничего, если бы не сегодняшнее утро. Я вышел в сад покурить…

Он замолчал, услышав тот пронзительный звук, который издает кошка, если на нее наступить. Глаза невесты, обычно нежные, буквально метали пламя.

— Я же тебе сказала, не кури!

— Знаю-знаю, но я думал, он не заметит. Надо же покурить после завтрака! Зачем тогда завтракать? В общем, я закурил и не успел выпустить дым, как услышал голоса.

— Господи!

— Вот и я так сказал, прячась в кусты. К ним приближались двое, не станет же человек беседовать с самим собой. Хотя у Шекспира бывает. Гамлет, к примеру…

— Ланселот!

— Нет, Гамлет. Что, душенька?

— Не отвлекайся.

— Что ты, что ты! На чем я остановился?

— На том, что ты нырнул в кусты с сигарой.

— Ты ошибаешься. Нырнуть я нырнул, но без сигары. Услышав голоса, я уронил ее на газон.

Он помолчал. Гледис снова издала тот визг, какой издает домашняя кошка, если наступить ей на хвост тяжелым ботинком.

— Ты с ума сошел!

— Да-да, только ты помолчи, а то я собьюсь. Итак, эти двое подошли к лавровому кусту, за которым я сидел, и я невольно подслушал их беседу. Один из них был твой дядя, другой, вернее — другая, в виде шара, явно была кухаркой, так как они обсуждали меню обеда. Красота, а не меню! Дядя тоже так думал, он поддакивал, у меня текли слюнки, как вдруг кухарка заорала. Выглянув из-за куста, я увидел, что она указывает на газон. То есть на мою сигару.

Отчаяние охватило Гледис.

— Значит, они тебя поймали?

— Нет. Они меня не заметили. А главное, они не знали, чья это сигара. Судя по репликам, подозрения пали на садовника и шофера. Меня подозревать не могли, вчера я сказал, что не курю.

Гледис охватила ярость. Ну, что это? Едешь по жаре невесть куда, потому что жених в беде, а никакой беды и нет.

— Тогда чего ты волнуешься? — спросила она. — Зачем меня вызвал? У тебя же все в порядке.

Ланселот неназойливо ее поправил.

— Нет, душенька. Отнюдь не в порядке.

— Почему?

— Сейчас услышишь. По совету кухарки дядя отдаст сигару в полицию, чтобы сняли отпечатки пальцев.

— Что!

— То. Отдаст. Кажется, у кухарки брат или кузен в Скотланд-Ярде. Дядя сказал, что запрет сигару в столе, и осторожно взял ее носовым платком. Как видишь, я тебя вызвал не зря. Она — вся в отпечатках, полиция разберется за пять минут.

С нежных уст сорвалось восклицание, подобранное в клубе поэтов.

— Помолчи минутку, — сказала Гледис. — Я хочу подумать. Она застыла, но мозг ее явно работал на максимальной скорости. На левую бровь присела муха, она ее не согнала. Ланселот тревожно смотрел на невесту.

— Ну, как? — спросил он. Гледис вышла из транса.

— Вот что, — ответила она свежим, бодрым голосом. — Ночью, когда все заснут, мы выкрадем сигару. Я знаю, где второй ключ от дядиного

стола, когда-то он хранил там конфеты. Жди меня у дверей примерно в полночь.

— Ты думаешь, выкрадем?

— Еще бы! — сказала Гледис. — Это нам раз плюнуть.

Художники — нервные, чуткие люди. Ожидая невесту, Ланселот беспокоился. Случилось так, что он никогда не плевался, но признавал, что это под силу самым отсталым. Неясно было другое — почему Гледис сравнила с этим нехитрым действием их страшный замысел. Мало ли что случится! Скажем, попугай перебудит весь дом.

Однако, завидев ее, он приободрился. Растерянного мужчину очень утешает мысль о том, что рядом с ним — энергичная женщина. Вспомним, к примеру, Макбета.

— Ш-ш-ш! — сказала Гледис, хотя он молчал, и кое-что ему разъяснила. — Слушай, мой ангел. Я понимаю, тебя так и тянет споткнуться и упасть, производя немалый шум. Но удержись. Согласен? Очень хорошо. Тогда пошли.

Поначалу ничто не мешало им. Правда, Ланселот споткнулся, но вцепился в перила, так что удалось бесшумно спуститься вниз и проникнуть в библиотеку. Гледис вынула заветный ключ. Жених ее подумал было, что на месте букмекера расценил бы свои шансы как минимум четыре к одному, но тут случилось непредвиденное. За дверью послышались шаги. Кто-то направлялся в ту же комнату.

И жених, и невеста действовали с похвальной прытью. Когда дверь открылась, Гледис стояла за гардиной, а Ланселот, перепрыгнув через стол, сидел на полу, стараясь не дышать.

Тут он услышал позвякиванье ключа. Потом чиркнула спичка и, наконец, явственно запахло сигарой. Гадая, что бы это могло значить, он увидел, что мимо пролетает его невеста, показывая на что-то пальцем. Судя по выкрику на суахили, в комнате был полковник Пэшли-Дрейк.

— Интересно! — сказала Гледис.

На это трудно ответить, тем более — без подготовки, и дядя какое-то время молчал. Но когда она повторила то же самое слово, он заговорил.

— Да, моя дорогая, — сказал он, — такие дела. Прости, я немного растерялся. Думал, ты спишь. Если хочешь, я тебе объясню, что со мной происходит.

— Насколько я понимаю, ты сидишь в кресле и куришь большую сигару. Что это значит?

— Сейчас, сейчас. Надеюсь, ты мне посочувствуешь. Когда я нанял

кухарку, тебя здесь не было?

— Не было.

— Так я и думал. С ее талантом я познакомился у одного приятеля. Потом он сел на диету — давление, знаешь, то-се, и я ее переманил. Как ни странно, она спросила, курю ли я, поскольку она не выносит табачного дыма. Все ясно?

— Пока — да.

— Согласись, положение сложное. С одной стороны, я любил сигары. С другой стороны, я любил хорошо поесть. Что же выбрать, что для меня важнее? Я не спал всю ночь и утром понял: надо сказать, что я не курю. До сих пор так и было, но вчера шофер или еще кто-то уронил сигару на газон. Я их не видел три года и не устоял. Надеюсь, ты меня не выдашь.

— Ну, что ты!

— Спасибо, спасибо. Ты сняла груз с моей души. Честное слово, я не был так счастлив с тех пор, как один носорог, бежавший на меня, вывихнул лодыжку. Подумать страшно, что было бы, узнай миссис Поттер о моей… слабости. Сбежала бы, как последний кролик, или, если хочешь, исчезла бы, как сон на рассвете. Если ты ничего не скажешь…

— Не скажу, не скажу.

— Спасибо, моя дорогая. Значит, я на тебя полагаюсь.

— А кроме того, выписываешь чек на мои деньги. Видишь ли, я выхожу замуж.

— Да? За кого же?

— За Ланселота Бингли.

Полковник что-то хрипло воскликнул на малоизвестном сенегальском наречии.

— За художника? — уточнил он.

— Вот именно.

— Ты шутишь.

— Нет, не шучу.

— Тебе нравится это пучеглазое чучело?

— Пучеглазое? Не заметила.

— Ну, что он чучело, ты признаешь?

— Никоим образом. Он — ягненок.

— Ягненок?

— Вот именно.

— Мне так не показалось. Скорее, он напоминает недоеденную мышь.

Ланселот в своем укрытии покраснел как роза. Он чуть не встал, чтобы выразить протест, но здравомыслие его удержало.

— И вообще, дело не во внешности, — продолжал дядя. — Наверное, он тебе не говорил, что прыгает людям на живот.

— Говорил.

— Вот видишь! Разве можно выходить за психопата? Не дам ни пенса.

— А я расскажу кухарке, что ты куришь.

Полковник ахнул и выронил сигару, потом поднял, почистил и сунул в рот.

— Это шантаж! — проговорил он хриплым дрожащим голосом.

— Да, — согласилась Гледис. — Лучший друг девицы, кроме, может быть, бриллиантов.

Воцарилось молчание. Полковник хмурил лоб, виски его подрагивали, он напряженно думал. Поединок закончился так, как и можно было ожидать.

— Хорошо, — сказал несчастный. — Деньги я дам, с превеликим отвращением. Это надо же, выйти за такого… эхм… да. Что ж, делать нечего. Без ее обедов мне крышка.

— Они остаются при тебе.

— Мало того, — сказал Ланселот, вылезая из укрытия, что обратило дядю в дрожащее желе. — Курите, сколько хотите. У меня в коробке пятьдесят, то есть сорок девять сигар. После завтрака я покажу вам хорошее местечко за кустами.

Глаза у дяди засветились странным светом, подбородки задрожали от счастья. Он произнес что-то на диалекте буров и услужливо перевел:

— Дорогая моя, я не мыслю для тебя лучшего мужа. Да, он — ягненок, и, на мой взгляд, из самых лучших. Ты будешь с ним очень счастлива.

Из сборника «Погромче и посмешнее»

Перевод с английского Н.Трауберг

ОБ ЭТОЙ КНИЖКЕ

Заглавие для этой книжки я взял из старой истории, которая, как говорится, может быть для кого-нибудь новой. Один нервный джентльмен должен был сказать застольную речь. Как многие люди его рода, начал он едва слышно, и вскоре раздался суровый голос:

— Погромче, если не трудно.

Через минуту-другую еще один голос глубже проник в суть дела.

— Да, погромче, — сказал он, — *и* посмешнее.

На этом история кончается. Читатель волен решать, послушался ли выступавший, как слушаюсь сейчас я.

Почти все заметки написаны лет десять с лишним назад для американского журнала «Вэнити Фейр». Волк, поджидавший у дверей, не оставлял времени для терпеливых поисков слова. У меня были жена, две кошки и щенок, так что я старался поскорее заработать. Вам будет приятно узнать, что это мне удалось, и я платил налоги так шустро, что на Лонг-Айленде, в нашей деревне, меня прозвали «Этот, честный».

Но если пишешь для будущего (что я сейчас и делаю), легкая небрежная манера никак не годится. Когда Фейбер и Фейбер, близнецы с Рассел-сквер, спросили меня, нет ли в моих закромах очерков на целый сборник, я тут же ответил: «Как не быть!» Мне представлялось, что надо извлечь их, обдуть с них пыль, а там — грести гонорары. Только принявшись за дело, понял я свою ошибку.

Чтобы угодить просвещенному британцу, заметки мои должны быть погромче и посмешнее. Не чуть-чуть посмешнее, не чуть-чуть погромче, а настолько, насколько можно. Вот я и стал трудиться над ними, как бобер.

Так что помните, пожалуйста, что если книжка вам противна, она могла быть намного хуже.

Писать в таком жанре нелегко по двум причинам. 1) Сразу вспоминаются десятки людей, которые сделали бы это лучше. 2) Очерк — коварная штука, это вам не история. Историю всякий выслушает. А тут что? Хватаешь человека за лацкан, что-то порешь, хотя он с тоскою смотрит вдаль. «Сколько еще? — думает он, украдкой взглядывая на часы. — Нет, сколько же еще?» Когда он вырвется, ясно, что он предостережет других; и теперь, завидев вас, они сразу скажут себе: «Вообще-то он ничего, но лучше бы не острил». Первая часть фразы

придет в голову только уж очень добрым людям.

Я бы хотел, чтобы об этой книжке судили в незлобивом, послеобеденном духе. Напрягите воображение. Представьте, что вы доверху полны petite marmite, poulet roti[103] и тем странным мороженым, похожим на лосьон для волос, которое подают на банкетах; что вы упились хорошим вином; что вы расстегнули жилетку и раскурили сигару. Тогда все предстанет в ином свете.

А вообще-то и правда, поешьте как следует перед тем, как читать. Не берите книжку в руки после легкого завтрака или в серый предвечерний час. Дождитесь обеда. Потом, когда кофе и бренди — под рукой, а душа полна уютного чувства «да что там, потерплю», читайте смело. Вы сами удивитесь, насколько все иначе.

Издатели меня поддержат. Фейбер-старший, с которым я чаще имею дело, рассказывал, что рукопись пришла утром, и они с Фейбером-младшим просто не знали, как с ней быть. Целый день перебрасывали они ее друг другу. Потом позвали служащего по фамилии Симмонс, чтобы подсунуть ему, но он тут же уволился и теперь разводит в Кении кофе. Оказавшись в тупике, они внезапно решили, что надо сначала пообедать.

Обед их был таким:

LE DINER
Hors d'oevres varies
Consomme Julienne
Жареная корюшка
Faisan Roti
Вальдшнепы по-шотландски
Souffle au Maitre d'hotel.[104]

Пили они при этом самое лучшее шампанское, а потом чуть не подрались, поскольку Фейбер-младший вцепился в манускрипт, Фейбер же старший, рассерженный его пыхтением и сопением, ударил брата по голове croissan'ом, то есть рогаликом.

Итак, если вы еще колеблетесь, скажите себе: «Сделать это можно. Вот Фейберы…» — и приступайте к чтению.

ГОЛЛИВУДСКИЙ КАВАРДАК

Всякий, кто любит писателей (а, кроме пекинесов, они — самые привязчивые и приятные из домашних животных), заметил, я думаю, как их, бедняжек, мало. Когда-то Лондон кишел ими. Мы встречали их кучками в любом издательстве, куда бы случайно ни зашли. Их присутствие украшало и первый, и второй антракт любой премьеры, что же до таких мест, как Челси или Блумсбери, приходилось смотреть под ноги, чтобы на них не наступить.

А что теперь?

Проверьте сами. Уильям Шекспир… Когда его в последний раз видели? Перси Б. Шелли… Что с Перси? Диккенс, Теккерей, Троллоп, Мартин Таппер…[105] Где они? Их нет.

Иногда мне рассказывают страшные истории.

— Знаете этого романиста с висячими ушами? Ну, крапчатый такой, весь пиджак в пятнах. Так вот, он исчез.

— Исчез?

— Бесследно. Попрощались у входа в клуб, а захожу туда — его нету.

— И со мной то же самое, — говорит другой. — Были у меня прекрасные драматурги. Как в воду канули!

Мы, конечно, решили, что они попали под машину. Писатель мечтателен и, как его не дрессируй, встает посреди улицы, чтобы отработать диалог. Но недавно правда вышла наружу.

Они — в Голливуде, пишут сценарии для звуковых фильмов.

Как и следовало ожидать, с появлением звукового кино Голливуд кардинально изменился. Теперь картину запросто не сделаешь. Все знают, как их делали раньше — беспечно, по-приятельски, словно стайка школьников. У Айка есть пленка, у Спайка — камера (дядя подарил на Рождество), у Майка — два-три приятеля, которые любят наряжаться и сниматься, так что можно, сложив свои карманные деньги, основать кинокорпорацию. О сценариях никто и не думал. Их создавали по ходу дела.

Прошли эти добрые времена. Теперь нельзя облачиться в тогу, крутануть ручку и назвать то, что получится, «Великий Рим». Нужна сложнейшая организация. Нужны продюсер, режиссер, второй режиссер, помреж, ассистент, оператор, директор группы и множество помощников.

Нужны высококлассные специалисты. А главное, нужны писатели.

Получился неслыханный кавардак. Чтобы исправить дело, надо смело выйти вперед и выложить всю правду.

Прошу вас, не преуменьшайте опасности. Не отмахивайтесь от нее, беззаботно замечая: «Чем больше, тем лучше» или «Один куда-то денется, а тут — другой». Англия, очнись! Если не действовать решительно, писатели исчезнут совсем. Кто будет писать в газетах о современной девушке и упадке домашнего уюта? Представьте, что вы понадеялись на Инга,[106] а его нигде нет. Вы призадумались, а?

Нам скажут, что это нелепо — только динамит мог бы изгнать настоятеля из «Ивнинг Стандард». Не зарекайтесь. Дело дошло до того, что ничему нельзя верить. Знаете ли вы, например, что весь год, когда меня не было в Лондоне, я был не в Дартмуре, как полагали, а в Голливуде? Если бы я не подкупил дочь тюремщика, и она не сунула в пирог напильник, я бы там и сидел. Что скажете?

Голливуд ужасно влияет на нравственность. Он дышит обманом и лукавством. Ни один предмет, ни одно явление не равны самому себе. Дерево — крашеный столб, подпертый какими-то бочечками. Дворец Гарун аль Рашида, который мы видим на экране, был в жизни картонным макетом (4 фута на 3). Поэтичная лагуна — дурно пахнущий бассейн, по которому, вздымая волны, ходит ассистент в трусах.

Представьте, как действует это на чувства творца. С детства наученный любить правду, он попадает туда, где наживаются на подлоге. Поневоле задумаешься, правильно ли тебя воспитывали. Через месяц-другой уже нельзя положиться на то, что он не будет мошенничать в гольфе или при подсчетах налога.

Страдает и его достоинство. Сценаристов держат в закутках. На каждой студии располагаются ряды жалких хижин, в каждой из которых сидит писатель. Сквозь решетку белеют испуганные лица, и порой, жалобно скуля, злосчастные авторы просят, чтобы их вывели на прогулку. Как, по-вашему, легко это видеть? Сердце буквально истекает кровью. Только очень жестоких людей не тронет такое зрелище.

Как-никак, писатель — человек. Ему положены жизнь, свобода и стремление к счастью. Можно ли держать его на привязи?

Нет, я не хочу сказать, что их очень мучают. На лучших студиях к ним даже добры. Часто видишь, как Уорнер или Ласки кормят их салатом через решетку. Относится это и к самым гуманным режиссерам.

Что там, сценаристы нередко дружат с режиссерами. Кинг Видор рассказывал мне трогательную историю. Как-то утром он шел в ателье,

сосредоточившись на будущей съемке, и ощутил, что его дергают за полу пиджака. Посмотрев вниз, он увидел своего ручного сценариста, Уильма Эдгара Деламера, глядевшего на него так странно, словно он хотел его предостеречь.

Поначалу мистер Видор принял это за шутку, но что-то подсказало ему, что где-то таится опасность. Он вспомнил детские книги, в которых верный пес оттаскивал хозяина от пропасти. Повернувшись на 180°, он пошел в кафе, где выпил обезжиренного молока. И правильно сделал, поскольку в ателье ожидала заморская звезда с тяжелым характером. Можете не сомневаться, что Эдгар получил хороший ужин.

Однако это — частный случай. Не все режиссеры подобны Кингу Видору. Большей частью они изводят узника поправками, от чего тот теряет и достоинство, и аппетит. Губит сценаристов то, что с ними никто не считается. Режьте по живому, кромсайте, давайте понять, что диалог сырой, и вскоре вы добьетесь того, что розы на его ланитах безвозвратно поблекнут.

Говорят, в Голливуде есть сценаристы, которые годами получают жалованье, хотя ни одна их строчка применения не нашла. Есть и такие, кого никто не видел, словно узников Бастилии. Они сидят в своем закутке и растят бороду. Время от времени с ними возобновляют контракт, а потом опять забывают.

Если все так, как я описал, напрашивается вопрос — почему писатели туда едут? Ответ уложится в одно слово: «Насилие».

Честности ради скажу, что киномагнаты очень редко прибегают к физическим методам. Иногда особенно упорному автору дают мешком по голове в темной аллее, чтобы отправить в пустыню, пока он не очнулся, но, как правило, действуют мягче, деликатней.

Два-три магната — скажем, Ласки и Цукор, — завидев добычу, следуют за ней в кафе или ресторан, а там садятся за соседний столик.

Минуту-другую царит тишина, нарушаемая хрустом салата. Потом Ласки, чуть повысив голос, задумчиво произносит:

— Как ее фамилия?

— Чья? — осведомляется Цукор.

— Да этой высокой блондинки.

— Какой именно?

— Ну, она была в пляжном клубе.

— Э?

— На ней еще такой розовый купальник.

— А, эта, с веснушкой на спине!

— С веснушкой? С родинкой, насколько я понял.
— Нет. С веснушкой. В самом низу позвоночника.
— Да ладно. Как ее зовут?
— Забыл. Спрошу, когда увижу. Мы с ней хорошо знакомы.

Тут они недолго молчат. Слышится учащенное дыхание. Автор стоит у столика, жадно поблескивая глазами.

— Простите, — говорит он, — я вмешался в частную беседу, но вы сказали, что знакомы с высокой блондинкой именно того типа, который я люблю. Как ни странно, такую девушку я годами искал по всей стране. Где ее можно найти?

— В большом саду, — отвечает Ласки. — В Голливуде.
— Далековато, а? — сочувствует автору Цукор.
— Если бы вы были писателем, — вступает в беседу Ласки, — мы бы завтра взяли вас с собой.

— Поразительно! — говорит жертва. — Я писатель, Дж. Монтегю Бримуорти. «Мастер сюжета» («Нью-Йорк Тайме»), «Могучий, беспримесный реализм» («Гералд Трибьюн»), «Ни одной скучной страницы» («Уимен'з Уир»).

— Что ж, — говорит Ласки, вынимая контракт, — подпишитесь вот здесь.

— Тут-тут, где мой палец, — поясняет Цукор.
Ловушка захлопнулась.

Если этот метод не сработает, выбирают другой, покруче. Потребность в сценаристах вернула к жизни добрый старый обычай — людей крадут. Соперничество между студиями так остро, что никто не защищен.

Я слышал об очень занятном случае. Один человек отправился на Запад, чтобы поискать там нефть. Он был из тех, кто буквально помешан на этом ископаемом. Меньше всего на свете думал он стать писателем. Кроме писем и поздравительных телеграмм, он ничего не писал.

Случилось так, что его внешность наводила на мысль о сценаристе. У него были высокий лоб, похожий на купол, пронзительный взор и та циничная усмешка, которая обычно означает, что ждать эпиграммы недолго.

Однако писателем он не был, и очень удивился, когда на пустынной улице Лос-Анджелеса, где он размышлял о нефти, какие-то люди в масках схватили его, усыпили и увезли в закрытой машине. Очнулся он в конурке. Перед ним лежал отточенный карандаш, а строгий субъект советовал ему

не лениться и подпустить секса, но в меру, из-за цензоров.

У этой истории есть странное продолжение. Герой ее философски смирился с неизбежностью, забыл о нефти и написал несколько фраз. Оказалось, что это легче легкого. Вскоре он строчил не хуже самых старых и высоколобых коллег. Так начал свою карьеру Ноэл Кауард.[107]

ЛИТЕРАТУРА И ХУДОЖЕСТВА

1. ПИСЬМО ИЗДАТЕЛЮ

Успех приходит к нам исподволь, и писатель вздрагивает, оглянувшись и осознав, на какие высоты взобрался. Теперь издатели так и хватают мои сочинения. Читатели давно говорят приятные слова, но мне в голову не приходило, что я недалеко от высот, пока я не повстречался в клубе с Многодетной Матерью, которая ткнула пальцем в мое письмо о дружбе и современных девушках и сказала, что никто другой в Англии не мог бы так написать. Конечно, она перегнула, но я хотя бы понял, как далеко ушел от того далекого лета, когда веселым юнцом приехал в Лондон и начал свои попытки напечатать письмо-другое в ежедневной газете.

Думая о тяжких днях, когда мне казалось, что я не найду ни одного издателя, я испытываю и гордость, и смущение. Как завидовал я удачникам — Отцу семейства, Негодующему либералу и прочим! Они казались мне великанами. Помню мой восторг, когда меня подбодрил джентльмен из Брондсбери, подписывавший письма словами «Две трудящиеся девушки».

— Стойте насмерть! — сказал он, помахивая седой бородой, когда я показал ему мои отвергнутые опусы. — Прыть у вас есть, пафос — тоже. Нужно только упорство. Не забывайте, мой юный друг, что нет царского пути к успеху. Я ждал шесть лет, пока напечатали первое письмо, да и то его ужали до трех строчек.

И, допив свое пиво, он рассказал мне, что пишет. Насколько я помню, это было одно из тех прекрасных посланий, которые начинаются так:

> «Издателю «Дейли Экспресс»
>
> Глубокоуважаемый N!
>
> Мало кто заметил любопытный факт, связанный с Альберт-холлом…»

Конечно, письмо вы читали. Оно включено в собрание сочинений. Многие ценители полагают, что это — его шедевр.

Мы, авторы газетных писем, народ гордый. И не зря. Никогда не забуду слова Возмущенного Домовладельца, блестяще выразившего наши

взгляды: «Романы пишут те, кому не удалось попасть в газету».

Чтобы проверить, прав ли он, спросите тех, кто писал и романы, и письма. Спросите Голсуорси, что он чувствовал, когда печатали «Сагу о Форсайтах», и он зевнет. Упомяните вскользь, что вы читали его письмо в газете «Сассекский фермер» о том, что дорожку, ведущую к баптистской молельне, давно пора почистить, и он засияет. В конце концов, за роман много платят, а вот письмо — искусство для искусства.

Если бы я давал совет юнцу, пытающемуся преуспеть на этом труднейшем поприще, я бы сказал: «Пишите на одной стороне листа. Сгущайте свою мысль. Приготовьтесь к обидам. Наконец, не пытайтесь бегать, пока не научитесь ходить. Другими словами, начните, как мы все, с кукушки».

Почему-то издатели газет их очень любят. Каждый, кто про них напишет, попадет в колонку. Однако кукушничать, как мы это называем, не так-то легко, нужно точно рассчитать время. Если запоздаете, вас обскачут; для второго опуса об этих птицах *рынка нет*. С другой стороны, если выступить слишком рано, получится глупо. Иначе говоря, не стоит писать в январе: «Глубокоуважаемый N! С Новым годом. Быть может, Вас заинтересует, что новогодней ночью, в 19.45, я услышал кукушку…» Издатель просто засмеется, и не очень добрым смехом.

Однако продолжайте и, повторю, начинайте с кукушки. Будьте осторожны; проверьте, кукушка ли это. Уиндэм Льюис[108] поведал, что однажды написал в газету о снегире, но письмо отвергли, ибо оно задевало чьи-то интересы.

Дам еще один совет: следите за собой. Не разрешайте письмописанию перейти в порок. Вы скажете, что вам ничего не стоит его бросить, но так ли это? Удостоверьтесь в том, что вы не похожи на тигренка, который довольствуется бананами, пока не почует запах крови, а там — не съест первого индуса. Как ни печально, сам я очень испортился. Я был кротким и непритязательным, а теперь стал ментором и занудой. Увидев напечатанную ошибку, я хватаю перо, бумагу и, нередко — с большим ехидством, начинаю письмо: «Глубокоуважаемый N! Во вчерашнем номере появилось поразительное утверждение…».

Ну вот. Я себя выдал. Другими словами, несмотря на успех, я — не из великих. Далеко мне до вершин. Истинный автор газетных писем творит без причины и понужденья, словно жаворонок.

«Глубокоуважаемый N!

> Хотел бы я знать, сколько Ваших читателей осведомлены о том, что из давленых слив и салатной заправки можно сделать прекрасный лосьон…»

Или

> «Глубокоуважаемый N!
>
> Моя мать, седьмая дочь седьмой дочери, вышла замуж за моего отца, который был седьмым сыном седьмого сына. Случилось это в 1877 году. Я седьмой их ребенок, родился седьмого июля (7.07) в семь часов утра. Объем груди у меня — 49 (7 х 7), и в моем доме живет семь сиамских кошек…»

Перед таким текстом остается преклонить голову и воскликнуть: «Здравствуй, дух веселый!».[109]

А вот и другое доказательство того, что я не из лучших (как, скажем, Удивленный подписчик или Стародум). Гоняясь за наживой, я написал это в виде статьи. Соответственно, мне заплатят. Подписчик выше таких соображений, равно как и Стародум, и Полковник-в-отставке. Приписав в начале заветные слова, они послали бы свой труд в газету.

2. ЛЮБЕЗНЫЙ ЧИТАТЕЛЬ

Мне искренне жаль Цицерона, Диогена Лаэртского или, скажем, Плиния Старшего, которые действовали раньше, чем появилась почта. Они не могли доподлинно знать, какой у них успех, ибо всякому известно, что измеряется он количеством читательских писем. Вот она, лакмусовая бумажка.

Конечно, у Плиния были школьные друзья, которые считали его молодцом или хотя бы называли, когда надеялись, что он заплатит за фалернское. Порой добродушный сенатор похлопывал Цицерона по плечу, приговаривая: «Недурно, недурно…» Но, говоря строго, несчастные трудились в темноте, что сбивает писателя с толку.

Писатели наших дней очень остро реагируют на эти письма. Нетрудно представить себе, как Голсуорси подходит в клубе к Киплингу и говорит с нарочитой небрежностью:

— Редьярд, вы не слышали часом о хорошем секретаре? А то я совсем измучился. У машинистки — судорога, а на письма отвечать надо. Так и

валят, так и валят…

— Вы меня знаете, Джон, — отвечает Киплинг. — Если бы я мог, я бы вас выручил. Но со мной — буквально то же самое. Оба секретаря упали утром в обморок, теперь в больнице. Лавина какая-то!

— Скажите, — нервно спрашивает Голсуорси, — сколько писем вы получили на прошлой неделе?

— А вы? — парирует Киплинг.

— Я первый спросил, — обижается Голсуорси, и они расходятся.

Тем временем, в уголке, Хью Уолпол[110] резко отходит от Г. Дж. Уэллса.

Если подвергнуть тесту меня, я окажусь где-то в середине — и не чемпион, и не полный неудачник. Словом, ни то ни се. Книги мои находят отклик у особой публики — у больных, у заключенных и у собакокрадов. Насчет Обуази я не так уверен.

Из Обуази (или «от»? Вообще, что это?) недавно пришло письмо, подписанное: «Англия, П.Г. Вудхаузу», что, согласитесь, лестно.

Письмо — такое.

> «Уважаемый мистер Вудхауз!
>
> Один приятель дал мне Ваши координаты, уверяя, что Вы — лучший торговец в Лондоне. Прошу выслать мне каталог. Я готов вести с Вами дело, пока жив. Высылайте как можно скорее!
>
> Искренне Ваш…»

Прямо не знаю, как быть. На первый взгляд автор письма хорошо клюкнул. Но может случиться, что это — ошибка или недоразумение. Если издатели наводнят Обуази моими книгами, раскупят их, или там решили, что я торгую чем-то другим? Легко спутать на расстоянии. Вспомним историю о торговце досками, который кинулся было Бог знает куда, заслышав, что на его товар есть спрос в Пернамбуку, но выяснил, к счастью, что там нужны не доски, а соски.

Я думаю, лучше, махнув рукой на Обуази, держаться больных и заключенных, не говоря уж о собакокрадах. Тому, кто не обезумел от сребролюбия, этой публики вполне достаточно.

Популярность у больных меня немного смущает. Конечно, я люблю, чтобы мои книжки читало как можно больше народа — но, по природной доброте, не радуюсь мысли о том, что для этого нужно тяжело захворать. Вроде бы дело обстоит именно так.

Понять я это могу. Когда вы здоровы, вам сам черт не брат. «Мне и так хорошо, — говорите вы. — Зачем мне читать Вудхауза?». И не читаете.

Что ж, прекрасно. Однако придет день скорби — температура подскочит, горло заболит, перед глазами поплывут пятна. Тогда, так или иначе, перед вами окажется моя книжка, а через неделю вы напишете:

> «Глубокоуважаемый N!
>
> Поскольку я с детства был здоров и крепок, я никогда Вас не читал. Но недавно, напившись сырой воды, я покрылся красными пятнами. Приятель дал мне Вашу последнюю книгу, и я с удовольствием ее прочел. Пожалуйста, пришлите мне свою фотографию и остальные книги с автографами.
>
> Заранее благодарный
>
> ».

Понимаете, перед какой он меня ставит дилеммой? С одной стороны, я рад, что страдальцу полегчало. С другой — я чувствую, что до следующего недуга он моих книг читать не будет. Если хотите увидеть растерянного человека, посмотрите на меня, когда газеты сообщают о новой эпидемии.

Зачем, спросите вы, страдать из-за больных, когда есть собакокрады? Тут мне придется сделать неприятное признание: я похвастался. Меня читает один-единственный собакокрад, да еще неудачник, поскольку его поймали. Кроме того, он писал мне по сомнительный причине — им двигала не чистая, как пламя, любовь к большому мастеру, но стремление узнать, не дам ли я ему денег. Чем больше я думаю над этим письмом, тем меньше верю в то, что автор поспособствует сбыту моих творений.

Посмотрите фактам в лицо. Чтобы покупать мои книги, он должен красть собак, а чтобы красть их в достаточном количестве, он должен совершенствовать технику. Ненадежно, а? Может выпасть хороший, урожайный год, когда он будет покупать мои книжки не только для себя, но и для друзей. Но гораздо больше оснований предположить, что его несовершенные методы приведут к новому аресту, а какой мне толк от человека, который сидит в тюрьме?

Дело в том, что сидит он в английской тюрьме, а в английских тюрьмах дают читать только первый том «Уоверли»[111] и относительно научный опус «Чудеса в пруду». Мои читатели находятся в американских тюрьмах. Я получаю от них столько писем, что заподозрил: а вдруг преступный американец считает мою книжку непременной частью своей экипировки?

Так и вижу, как мать посылает его на дело.

— Какао не выпьешь, Кларенс?

— Нет, мама, спасибо. Надо идти.

— И то верно. Ты все взял?

— Да. Все.

— Теплую фуфайку надел?

— Надел, не беспокойся.

— Револьвер не забыл? Ацетиленовую горелку? Книжку Вудхауза? Кастет? Отмычку? Маску?

— Не беспокойся ты!

— Тогда иди, мой мальчик. С Богом. Помни, что говорил папа: «Ступай легко, читай Вудхауза и не стреляй, пока не увидишь белки их глаз».

В Чикаго не так давно жил гангстер, который, совсем замотавшись, прихватил по ошибке Гарольда Белла Райта.[112] После одиннадцатой главы он понял, что наделал, и так расстроился, что не сумел уложить полисмена с трех ярдов и был с позором изгнан из банды. На ближайшем собрании у него отобрали пулемет. Теперь он продает газировку в канзасском городишке. Если ты занимаешься трудным и прибыльным делом, нужна особая осторожность.

Словом, в американских тюрьмах меня читают; читают и на одре болезни. Однако, рискуя получить упрек в неблагодарности, скажу, что этого мало. Не будем говорить о том, что чтение моих книжек входит, быть может, в приговор. Мне просто хочется, чтобы мной занялись здоровые люди, не принадлежащие к преступному миру. Что говорить, неплохо облегчать страдания при кори, свинке или перемежающейся лихорадке. Кроме того, приятно знать, что ты развлек человека, занятого столь скучным делом, как взламывание сейфа. А все же я мечтаю о здоровом читателе, и был бы рад, если бы сумел привлечь тех, кого не влечет преступление.

Вчера я решил было, что мечта моя сбылась. Рядом со мной на званом обеде сидела одна их тех очаровательных женщин, которых годы не лишили ни проницательности, ни чутья.

— Какое счастье! — сказала она. — Не могу поведать вам, как я горжусь знакомством с вами. Я читала буквально все, каждую строчку…

Я зорко на нее посмотрел. Черты ее не искажала боль. Если на Олимпийских играх введут марафонский бег для старых дам, она его выиграет.

— Ваши родные не болеют? — спросил я для верности.

— О, нет! У нас очень здоровая семья. И все вас читают. Мой старший сын ничего другого в руки не берет. Сейчас он в Америке.

Ага, вот оно!

— В Синг-Синге? — осведомился я. — Или в Джолиет?

— В английском посольстве.

— А как его здоровье?

— Спасибо, очень хорошо.

— И он читал мои книжки?

— Все до единой. У внуков вся комната ими уставлена. Приду домой, — сообщила она, — и сразу расскажу, что сидела рядом с Эдгаром Уоллесом.[113]

3. КНИГИ ОБ УБИЙСТВЕ[114]

Люди вдумчивые полагают, что самые страшные напасти вползали в мир тихо, без предупреждения. Никто ничего не замечает, а потом проснутся и — и на тебе!

Скажем, в Средние века все шло тихо-мирно — рыцари сражались, свинопасы пасли свиней, землевладельцы занимались землей, как вдруг утром, во вторник, за шесть недель до первого августа,[115] один оружейник встретил между Саутхемптоном и Уинчестером (там, где сейчас бензоколонка) одного смерда и вступил с ним в беседу, по обычаю тех времен.

— Привет, — сказал оружейник.

— Наше вам, — вежливо ответил смерд.

После чего они молчали минут двадцать, как обычно бывает, когда беседует низкий люд.

— А у нас что было! — заметил в конце концов смерд. — Одно слово, чудеса. Старый Билл вышел погулять, а он весь черный.

— Черный? — удивился оружейник.

— Ну!

— Дела-а… Там, у нас, Джордж-пастух тоже почернел.

— Да ты что?!

— То.

— С чего бы это?

— Не знаю. Я не здешний.

А через неделю чума охватила всю страну и тот, кто не выглядел, как

негр из джаза, поистине был белой вороной.

Примерно так же, исподволь, затопили нашу страну детективные романы. Недавно их было совсем немного, теперь от них спасенья нет.

По-видимому, появился вирус, побуждающий писать в таком духе. Это бы ничего, если бы не заразились и плохие писатели.

Результат не радует. Престол царей, священная земля, второй Эдем, оплот несокрушимый, природой созданный, чтоб мор и враг не тронули счастливейших из смертных, алмаз в серебряной оправе моря, подобного ограде или рву, надежно защищающему замок,[116] — словом, Англия превратилась в сумасшедший дом, где пациенты читают друг другу страшные истории. Причем девяносто девять из ста — истинный хлам.

Да, неприятно.

А хуже всего то, что в девяносто шести есть девушка и любовь.

Почему решили, что в разгаре сюжета под ногами должна мотаться девушка, я понять не могу. Никто не ценит девушек больше меня, но на своем месте. На скачках — пожалуйста, на крикетном матче между Итоном и Харроу — просим, в ночном клубе без них вообще не обойтись, а вот в портовом притоне ласкара[117] Джо им делать совершенно нечего. Кроме всего прочего, они теряют свое царственное достоинство, если сунуть их в шкаф, надев им на голову мешок. Как ни крути, с героиней детектива это рано или поздно случится.

Дело в том, что, несмотря на серые глаза и волосы цвета спелой ржи, героини эти умом не блещут. Я не преувеличу, сравнив их интеллект с интеллектом таракана, причем не среднего, а такого, которого уронили в младенчестве. Девушка из детектива прекрасно знает, что за ней гонится прославленная банда. Но если глубокой ночью явится посланник с запиской «Приходите немедленно», она тут же хватает шляпу и пускается в путь. Одноглазому рябому китайцу со зловещей усмешкой она верит, как родному, даже когда он сажает ее в машину со стальными шторками на окнах и везет в халупу на болотах. Когда же герой, рискуя жизнью и удобствами, приходит ей на помощь, она не хочет иметь с ним дела, ибо безносый мулат сказал ей, что это он убил ее брата Джима.

Хватит! Мы, читатели, требуем, чтобы девушек убрали. Конечно, издатель так хочет, чтобы в романе была героиня, что готов связать ей руки и, хищно сверкая глазами, поместить ее на суперобложку, но мы стоим на своем. Лучше суперобложка с субъектом в маске, вонзающим нож в миллионера, чем такие дуры, как Миртл, Гледис или, скажем, Элейн.

Шерлок Холмс тем и хорош, что относится к ним, как надо. Да, иногда он позволяет им зайти на Бейкер-стрит и рассказать о странных поступках отчима или дяди, мало того — он разрешил им выйти за Ватсона, но когда сюжет развернется, он ставит их на место. Нам бы так!

Конечно, легче всего с ними справится злодей, и, отдадим ему должное, он не дремлет. У него есть и пыл, и мастерство слова — буквально все, что нужно; но по той или иной причине он терпит поражение. Даже когда девица надежно прикручена цепями, а в подвал течет вода, мы в глубине души надеемся на счастливую развязку. Опыт учит, что злодей что-нибудь да упустит; слишком часто это с ним бывало, и он утратил наше доверие. Поистине, надломленная трость.[118]

Можно сказать, что злодей в детективе слишком сложно мыслит. Должно быть, наивные родители уверили его в том, что он мальчик умный, чем сделали непригодным к будущему ремеслу.

Если обычному человеку надо убить знакомую, он берет револьвер, патроны и оборачивается за пять минут, в свободное время. Какие там хитрости, какие козни! Задумано — сделано.

Злодей простоты не понимает. Долго и нудно заманивает он жертву туда, где кинжал или револьвер быстро сделали бы свое дело, а потом, несчастный глупец, сам все губит. Ему не приходит в голову просто застрелить девицу. Мало того, если мы ему это посоветуем, он решит, что мы шутим. Сам он решает привязать ее к стулу, соорудить треножник, приспособить на нем револьвер, прикрепить тесемку к курку, протянуть эту тесемку по стене, зацепить за крюк, присобачить к ней шнур, подвесить на нем кирпич и зажечь под ним свечку. Мысль его движется так: свечка подпалит шнур, кирпич упадет, натянув тесемку, спустит курок, и вот вам, пожалуйста. Потом кто-нибудь приходит и задувает свечу, разрушив тем самым всю систему.

Однако не стоит сердиться на несчастных — что могут, то и делают. Чего вы хотите? Работа сложная, а подготовки не хватает. Злодею надо бы забыть все и начать с самой основы. Школы, школы у него нет. Поверьте, он ее получит, как только мы уберем девиц.

Программа будет нацелена на максимальную простоту. Начинаем с детского садика. Будущий злодей бьет мух. Потом, неспешно поднимаясь по лестнице живой природы, он совершенствуется. Когда он получает аттестат, Миртл и Гледис, завидев его издалека, мгновенно лезут на дерево. Он уже опасен.

Самое трудное — обуздать его хитроумие. Сам по себе, чтобы пришибить муху, он подпилил бы балки, на которых держится пол,

протянул шнурок в коридор и послал мухе анонимку, побуждающую ее немедленно явиться, чтобы узнать хорошую новость. По его замыслу, она споткнется в спешке, упадет на пол, провалится и сломает шею.

Лучших способов он не знает. Следовательно, учитель, не щадя сил, должен объяснить ему, что гораздо эффективней скрученная газета, скрепленная чем-нибудь клейким.

Больно думать, что хитроумный злодей проявляется только с девицами. С представителями своего пола он прост и прям. Дайте ему баронета, и он его тут же заколет. А вот чтобы убить девицу, он подвешивает змей на люстры или заводит граммофон и подкладывает бомбы, которые откликаются только на верхнее «до».

Я знавал злодея, который посадил героиню на бочонок с порохом и стал ждать, пока в него ударит молния. Ну, что это, честное слово!

Надо бы запомнить, что золотоволосых девиц лучше и проще всего стукнуть по золотоволосой макушке. Совать тарантула в сумочку или подмешивать в помаду малоизвестный яд — просто бессмысленно, одна морока. Пусть они усвоят эту нехитрую истину, и посмотрим, что будет.

Но даже если мы предположим, что когда-то удастся изгнать девиц, значит ли это, что наступит тысячелетнее царство? Навряд ли. Средний роман этого рода достаточно плох и без них.

Конечно, исключения есть. Хороша Дороти Сэйерс. Хороши Антони Беркли, Филип Макдоналд,[119] Агата Кристи. Старый добрый Оппенгейм тоже ничего. У Эдгара Уоллеса девятьсот книг из каждой тысячи стоят своих денег. А вот другие…

Обычный человек, видимо, не понимает, как трудно писать хорошо в этом жанре. Не понимает он и того, что если детектив написан плохо, он ужасен. Если бы у меня был сын, собирающийся их писать (научившись держать в руке перо, он бы непременно об этом подумал), я бы отвел его в сторонку и попытался ознакомить с грозящими ему трудностями.

— Джеймс (или Джон), — сказал бы я, — подумай хорошенько! Время еще есть. Пиши о нечастных браках и внебрачных связях в интеллигентной среде. Говоришь, все обдумал? Пришла пора узнать правду жизни. Открою тебе, что в писании детективов есть загвоздка, и не очень приятная. Над каждым «Делом» витает тень читателя, который говорит, зевая: «Ну и что?» Ты сообщаешь ему, что сэра Грегори Булстрода убили в его библиотеке. «Да-а?» — равнодушно, даже устало откликается он. Дело в том, что он знает сотни, нет — тысячи библиотек с трупами самых разных типов — простыми, тощими, средними. Библиотека есть — значит, жди трупа.

Немного опешив, вы прибавляете, что окна и двери заперты.

— Ах, всегда они заперты! — говорит он.

— Подозреваемых — с полдюжины.

— Но убил-то один? — парирует он.

Видите, как сложно? Поле подозрений невелико. Читатель знает, что герой или героиня совершить убийство не могут. Практически он уверен, что не совершил его и Реджи Бэнкс, персонаж комический, ибо малейший след юмора автоматически исключает из числа подозреваемых. Не совершил и дядя Джо, поскольку он любит собак. О нервных гувернантках и мрачных дворецких нечего и думать, так как они с самого начала ведут себя подозрительно.

Словом, остается предположить, что убийца — неприметный субъект, который появляется под самый конец и оказывается сыном ученого, обманутого убитым сорок лет назад. Или кто-нибудь в этом роде.

Если бы я писал детектив, я взял бы курс на сенсацию. Преступление совершил бы тот, кого в книге нет. Предлагаю финал одной вещички, которую я обдумывал, когда сам стал жертвой эпидемии.

«— Судя по вашим словам, — удивился я, — вы разгадали неразрешимую загадку. Неужели вам и впрямь известно, кто прикончил сэра Ральфа?

Трэверс Джернингем кивнул. Я снова удивился, заметив, что он не проявляет вполне понятной гордости. Чело его омрачила скорбь. Губы сжались в тонкую линию.

— Знаю, — ответил он.

— Почему же вы так мрачны?

— Потому что преступников нельзя осудить.

— Преступников? Их много?

— Двое. Один держал баронета, другой закалывал.

— Если вы в этом уверены, почему не воздать им по заслугам?

Трэверс Джернингем горько засмеялся.

— Потому что, друг мой, их нет в романе. Они слишком хитры, и не пошли дальше титульного листа. Сэра Ральфа Рэкстроу убили издатели».

Неплохо, а? Но тут же пойдут подражания. Кто-нибудь напишет роман, где преступниками будут Отис и Гудж (отделения — в Лондоне, Харринге и Глазго), а потом затронут и лучшего моего друга, Дж. Б. Стокса, без чьей неустанной поддержки эта книга не была бы написана. И так далее. Копирайт не касается замыслов. А времена для детективщиков тяжкие, и они пожирают любую выдумку, как голодные волки.

Понимаете, убийцу просто неоткуда брать. Было все, что только

возможно. Теперь не положишь даже на того, кто дружит с сыщиком. После «Роджера Экройда»[120] такой персонаж очень подозрителен. Доктору Ватсону повезло, он жил в докристианскую эру.

Можно заметить, что до сих пор я говорил об обычном, Расхожем романе. Трэверс Джернингем — еще один из сыщиков-любителей с ястребиным профилем. Нет, дело не в том, что мне лень придумать другого; просто, если нам нужен сыщик-любитель, такой вполне годится. Отойдите от образца, и вы только запутаетесь. Альтернативы ему три:

1) Сухарь,

2) Зануда,

3) Эксцентрик,

и не одна из них мне не нравится.

Сухарь немолод. Он носит пенсне и смешную шляпу. Он часто покашливает. Он суетлив и чопорен. Конечно, загони его в угол, и он себя покажет, но пока не загонишь, с ним скучно.

Но не настолько, как с Занудой. Он раскрывает преступление благодаря тому, что скрупулезно изучил токсикологию или, скажем, вычислил убийцу, потому что тот брахицефал. Держитесь от него подальше.

Эксцентрик — довольно новая выдумка. Он молод, независим, богат, и сыск — его хобби. В Скотланд-Ярде к нему относятся неплохо, он же над ними подшучивает. Иногда инспектор Фарадей качает головой, но рад признать, что Тони Далримпл зря не скажет.

А он так легок, так беспечен. В его устах немыслимы слова: «Холмс, кто совершил это страшное дело?» Насилие над кем-нибудь другим он переносит прекрасно, вид мертвого тела стимулирует его остроумие.

— Значит, это наш добрый старый труп? Так-так-так… Черепушка — к собакам? Ай-я-я-яй! Мамочке бы это не понравилось. Конечно, инспектор, вы заметили, что убийца — торговец, левша, с прямым пробором? Однако наделал он дел!

Неприятный субъект, мне кажется. Но, как ни жаль, популярный. Куда ни взгляни — он.

Лучшие авторы детективов, скажем — Эдгар Уоллес, держатся Скотланд-Ярда. Когда тебя измучил любитель, приятно отдохнуть среди профессионалов. У них есть фон, есть основа. Им веришь. Если бы я не смог отговорить сына, я бы посоветовал ему дать сыщику официальный статус. Тогда за ним (сыщиком, не сыном) стоит Отдел отпечатков, а чтобы злодей не отбыл из Лондона, он может поставить на дорогах три тысячи

полисменов.

Конечно, злодей, если надо, ускользнет, но моральная поддержка трех тысяч — тоже не шутка.

Итак, я объяснил Джеймсу, а если хотите — Джону, как быть с сыщиком. Но главное — впереди. Как быть со злодеями?

Разделить их, грубо говоря, можно на три подвида:

1) зловещая личность из Китая, Сиама, Индии (словом — любого места, кроме английского города), которая интересуется сокровищами, похищенными из храма;

2) человек, тридцать лет лелеющий досаду;

3) профессионал.

Что до 1), я посоветовал бы Джеймсу избегать его, пока можно. Мне кажется, зловещие азиаты перенасытили раствор. Кроме того, порождающие их народы стали уж очень обидчивыми. Опиши китайца, и через неделю в издательство посыплются письма, подписанные «Возмущенный кули» или «Многодетная мать из Гонконга». Куда ни ткнись, тебя поджидает Отец семейства с Явы или Любитель честной игры с Тибета.

Однако и 2) не подарок. Наше время так практично, так деловито и трезво. Нам уже не верится, что можно лелеять обиду четверть века. Раньше — другое дело, им не хватало развлечений, а сейчас — и тебе гольф, и теннис, и кроссворды, и машина, и собака, так что маловероятно, что вы таите дурное чувство с ранней весны 1904 года.

Тем самым мы подходим к 3-му подвиду, Профессионалу, или Мастеру.

Душу этого субъекта мне понять не дано. Доводы человека, который скучным дождливым днем отравит дядю, застрелит кузину-другую и подделает завещание, вполне ясны. Он делает дело. У него здравый коммерческий расчет. А профессионалу просто неймется. Деньги у него есть — изумруды Деланси и жемчуг Стойвезантов, похищенный у Монтрезоров, принесли не меньше миллиона. Что же ему нужно? Почему бы не отдохнуть?

Однако не надейтесь вбить ему это в голову. Куда там! Недавно я читал повесть о таком недоумке. Верный ремеслу, он жил в протекающем подвале, у вонючей реки, притворясь, что держит захудалую гостиницу, и с утра до вечера колол дрова на заднем дворе, хотя, если вычесть жалованье служащим, то есть одноглазым китайцам, рябым мексиканцам и глухонемому метателю ножей, у него оставалось два-три миллиона.

Казалось бы, купи яхту, целый флот моторных лодок, дом в

фешенебельном квартале, недурную усадьбу, охотничий домик в Шотландии, виллу на Ривьере, конюшню. А хочешь, заведи газету, вдохни новую жизнь в английскую оперу, ставь Шекспира для малоимущих. Так нет же, он жил в каморке, которую заливало каждой весной, только потому, что любил свою профессию.

Просто не знаю, смеяться мне или плакать. Помню одного Мастера, который послал весь штат копать подкоп. И что же? Проникнув в банк, он похитил 12 000 фунтов. Нет, не гиней; фунтов.

12 000! Ну, что это? Примерно столько я получу за этот очерк.

Так что, любезный Джеймс, избегай всех трех подвидов и держись Истинного Чудища. Хорошо оно тем, что от него не надо ждать осмысленных действий. Он — психопат, и способен на все. Человеку с давней обидой можно сказать: «Одумайтесь. Ну, заколете сэра Джорджа, а дальше? Что вы будете делать зимними вечерами?» Мастеру можно указать, что денег и так хватает, зачем зря беспокоиться? Ему самому неприятно, наклеив фальшивые баки, мерзнуть у героя под окном, пуская в щелочку ядовитый газ, или, скажем, лезть на скользкую крышу, чтобы сунуть кобру-другую в каминную трубу. Чудище же можно, похлопав по плечу, напутствовать словами:

— Ну, старик, валяй! Сам разберешься.

Что с ним еще делать?

Зарычав и приветливо скрипнув зубами, оно займется, чем хотело.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ОБ УВЕСЕЛИТЕЛЬНЫХ САДАХ

Когда историк читает летописи, он печально, если не гневно, думает о том, что драгоценные идеи нередко приходят кому-то в голову, когда мир к ним не готов. Поистине жаль первопроходцев, упустивших свое счастье.

Возьмем испанскую инквизицию. Прохаживаясь по темницам во время утренних пыток, Торквемада[121] заметил в углу мелкого исполнителя. Он сразу понял, что тот печален, и, по своей доброте, спросил, в чем дело.

— Что-то ты скис, Себастьян, — сказал Томас. — Что случилось?

— Да дела…

— Какие еще дела?

— А вот какие, — отвечал служитель, рассеянно раскаляя щипцы на близлежащей жаровне. — Заняться нечем! Нет работы.

Торквемада предположил, что виноваты звуковые фильмы, но собеседник покачал головой.

— О, нет!.. — вздохнул он.

— Может, еретики перевелись?

— Ну, что вы! Методы устарели, вот что я вам скажу. Возьмем, к примеру, дыбу. Если мы хотим растянуть на ней человека, мы выслеживаем его, сажаем в темницу, в общем, тратим много сил. А если назвать ее растяжкой, или там разминкой, и еще назначить сходную плату — сотнями повалят! В очереди будут стоять.

Ну, вы же знаете Торквемаду. Перестраховщик. Консерватор. Дедам годилось, и нам сгодится. Словом, он только посмеялся, и смотрите, что вышло. Инквизиции — как не было. Она провалилась во всех смыслах слова, разоряя вкладчиков, потому что не понимала природы человеческой.

А спустя столетия появились курорты с увеселительными парками и процветают, как не знаю что. Основали их знатоки упомянутой природы. Как и знакомый Торквемады, они понимали, что за плату примут и расхвалят то, на что смотреть не стали бы, предложи им это даром.

Представьте, что кто-то засунул вас в большую бочку, а потом пустил ее вниз по рытвинам и ухабам, так что сердце ваше подскакивает к так называемому язычку.

Что будет? Назавтра с ним свяжется ваш поверенный. Но если это

происходит в парке, вы просто упиваетесь. Выбравшись из бочки, вы бежите к старту и прыгаете в другую. А почему? Потому, что с вас берут деньги.

Не захочешь, а призадумаешься, читая, что Блекпул и другие курорты ожидают в этом году больше народа, чем раньше, и владельцы увеселительного парка с надеждой смотрят в будущее.

Поневоле подумаешь и о том, что сердце нации — в полном порядке. Проекты разоружения вряд ли повлияют на ее воинскую силу. Шекспир считал, что Англию не будет попирать надменный завоеватель. Живи он теперь и съезди на свободный день в Блекпул, он сказал бы то же самое. Неосмотрительно попирать землю, обитатели которой едят горячие колбаски, запивая их холодным лимонадом, закусывают все это заливным угрем, а потом весело садятся на колесо или лезут в упомянутую бочку.

Да, в этих людях что-то есть, кроме заливного и колбасок.

Если вы, как и я, ничего не изобретали (замена запонки скрепкой не в счет), вас особенно удивит, что эти парки выдумывают каждый год новые аттракционы. Мне кажется, что их владельцы — мрачные, скорбные субъекты с очень большими головами и объемистыми затылками. В юности они пережили беду или разочарование, а поскольку закон не дает им мстить за это прямо, стали изобретать увеселения. Ближних они ненавидят. Когда им кажется, что кого-то удалось окончательно сломить, они улыбаются кривой улыбкой и хоть на миг бывают счастливы.

— Опекун прикарманил все мои деньги, — говорит один, — но я придумал аттракцион. Вас подкидывают вверх, шатая из стороны в сторону и поливая при этом водой.

— Жена сбежала с шофером, — подхватывает другой, — зато, уплатив 6 пенсов, можно провалиться в люк прямо на острые колья.

— Раскаленные?

— Какая мысль! Жаль, сам не подумал.

— Вот что, — говорит первый, неназойливо сияя, — давайте объединимся. Сперва их будет подкидывать, шатать и обливать, а потом уж — швырять в люк на эти колья. Кстати, накинем лишний шиллинг.

И они уходят рука об руку, чтобы спрыснуть сделку скипидаром с сельтерской.

Пока я писал, из кухни донесся шум. Видимо, взорвалась плита.

Как выяснилось, на кухарке загорелось платье, что повергло ее в истерику.

Чтобы кончить очерк в мажоре, предложу неплохую идею —

установить роскошный аттракцион под названием Веселая Плита. Успех обеспечен, все элементы налицо — вы слышите взрыв, взлетаете вверх и чудом спасаетесь от гибели. Согласен на небольшие отчисления.

ОЧЕРК О ШЕКСПИРЕ

Очередная годовщина приходится на этот год,[122] и я чувствую, что не помешает небольшой очерк о великом писателе или, как считают многие, великом синдикате. Когда я пишу «Шекспир», я признаю, что нельзя сказать точно, как писалась и читалась эта фамилия.

Есть две, резко отличные друг от друга школы. Та, что побольше, почитает Ш. как автора пьес, подписанных его именем, не отрицая при этом, что вопрос открыт. Мне кажется, так честнее.

Однако в цирке всегда найдутся зрители, бурчащие: «Тоже мне, фокус! Да кролик был в рукаве». Что до шекспировских пьес, имеется небольшая группа, утверждающая, что Ш. не писал их, а только подписывал, одалживая свое имя небольшому избранному кругу, состоящему из Фрэнсиса Бэкона, сэра Уолтера Рэли, графа Оксфордского, графа Эссекского, королевы Елизаветы, Гордона Сэлфриджа[123] и второй девицы справа в первом ряду хористок («Веселая вдова»[124]).

По мнению этого круга, Шекспир расписывался на папке, в которой лежала рукопись. Самое большее, он был, как сказали бы теперь, редактором. Чтобы это подкрепить, один знакомый адепт Бэкона охотно сообщает аргументированные факты, с которыми, как ни жаль, может ознакомиться только он, ибо они строго зашифрованы.

Согласно этим данным, Ф. Бэкон, известный читателям своей эпохи как автор двух занятных вещиц — «Нового органона» и «Об истолковании природы», — твердо верил, что может написать шикарную пьесу. Словом, он был мечтателем; а кто из нас не мечтал? Улучив минуту от дел (служил он канцлером), Бэкон взял перо, роговую чернильницу и настрочил трагедию «Гамлет».

Потом он стал посылать ее в театры.

Первый из них держал пьесу полгода, а когда Бэкон спросил в письме, как там что, вернул ему чью-то комедию. Бэкон вздохнул и послал вторую копию в другой театр. Через год, прося извинения за назойливость, он письменно осведомился, что с его трагедией «Гамлет». Недели не прошло, как он получил свою рукопись, а также, отдельно, письмо, в котором секретарь директора сообщал, что произошло недоразумение, никакие «Гамлеты» в театр не поступали.

К этой поре Бэкон начал понимать, как многие драматурги, что театральная жизнь подобна бреду, а театр как таковой напоминает желтый

дом. Он решил бросить гиблое дело и приступить к новому сборнику, как вдруг режиссер, державший пьесу три года, пригласил его зайти. Несчастный совсем забыл о нем, но пойти — пошел; и, отсидев четыре часа среди синевато-бритых мужчин, рассказывающих друг другу, что они в последний момент спасли спектакль, дождался приема.

— Э… как вас там… — сказал босс. — Этот «Гамлет» (название, конечно, изменим) ничего, да, ничего. Есть в нем что-то этакое. Но подработать надо, подработать.

— Простите?

— Не оставлять же так! Публика не примет. Вы человек новый, да?

Бэкон пробормотал, что вообще-то он писатель.

— А что пишете? Не пьесы?

— Да нет, очерки.

— Ха! — сказал шеф. — В общем, займемся. Как раз у нас есть такой Шекспир. Голова! Ему это раз плюнуть. Теперь — условия. Я так думаю, один процент с выручки.

Канцлеры считать умеют, и Бэкон быстро понял, что это очень мало.

— Дорогуша, — сказал босс, — не дерите с меня шкуру. А я-то подумал, вот приличный разумный человек. Не то, что прочие. Вы же не хотите, чтобы я переменил… э-э… мнение? Не хотите. Один процент! Да, кругленькая набежит сумма. Распишитесь здесь.

Умный Бэкон понял, что делать нечего. Ему был чужд предрассудок, бытующий в театральных кругах, согласно которому драматург сродни чародею, а тайн ремесла не постигнешь, если не сидишь в таверне «Русалка», способствуя прибыли хозяина. Он был ему чужд. Бэкон считал, что «Гамлет» — пьеса хорошая, но уже догадался, что ее не поставят, если не отдадут на растерзание своему человеку. Поэтому он подписал контракт, и режиссер послал в «Русалку» за Шекспиром.

Через два дня они втроем завтракали в этой таверне. Шекспир принес текст и сразу после еды извлек длинный перечень поправок.

— Значит, так, — сказал он, — прочитал я вашу пьеску. Ну что ж, вытянем. Но работы много. Первым делом, провисает финал. Под занавес все должны порешить друг друга. Король у нас отравит вино, Лаэрт — шпагу. Он пырнет Гамлета, а тот потом примет шпагу за свою и пырнет его. Королева выпьет вино. Гамлет пырнет короля все той же шпагой. Вот это я понимаю.

— Здорово! — одобрил босс.

— Вам не кажется, — спросил Бэкон, — что это не очень вероятно?

— Это нравится зрителям, — холодно ответил Шекспир. — Уж я то

знаю!

— Да-да, он знает, — заверил босс. — А вы сидите тихо. Мы же хотим, как лучше. Что там у тебя? Еще есть?

— Как не быть! — воскликнул Шекспир. — Интересный вопрос! Вот, например, у него герой спятил.

— Его свели с ума страдания, — пояснил Бэкон.

— Да-а! Ну, знаете!.. Думает меня учить!

— Ладно, Билл, ладно, — сказал босс, гладя его по руке. — Кто спорит? Мистер Бэкон согласен. Понимаете, дорогуша, на утренних спектаклях бывают барышни. Они очень нервные. Тут надо учитывать каждую мелочь. Значит, он в своем уме?

— Ну, прямо! Он *притворяется,* что спятил. Зрителям ясно, а персонажам — нет.

— Голова! — шепнул босс Бэкону, который заметно побледнел и что-то бормотал.

— Юмор, понимаешь, — объяснил Ш.

— А то! Не бойтесь, наш Билл вас не обидит. У него девица свихнется. Это ничего.

— Девицы так и так сумасшедшие, — заметил Шекспир, видимо, припомнив какую-то обиду. — Да, значит — юмор. Напишу сцену, где ваш Гамлет разделывает двух умников. Из университета.

— Здорово, — признал шеф. — Пустим, когда у них гонки.[125]

Шекспир вдумчиво хмурился, листая страницы.

— Тэ-эк… «Быть или не быть»… Прям не знаю, что и делать. Не любят они монологов.

— Да? — ехидно спросил Бэкон.

— Ну! — ответил Шекспир.

— Вот как?

— Именно так.

— А Юджин О'Нил?[126]

— Американец. Им закон не писан.

— Ну-ну, ребята! — вмешался миролюбивый босс. — Чего спорить? Я эту сцену прочел. Рабочие как раз успеют сменить задник. Оставим, э?

— Ладно, — сказал Шекспир, — тогда ее надо растянуть. Впишу строчку-другую. Вот, к примеру: «Вооружиться против моря бед».

— Вооружиться против моря нельзя, — твердо сказал Бэкон. — Это смешанная метафора.

— Чего-чего?

— Сме-шан-на-яме-та…
— Мальчики, мальчики!
— Ах, пишите, что хотите!
— Куда вы, мистер Бэкон? Посидели бы.
— Мне надо принять аспирин, — сказал канцлер, — и обо всем забыть.
Премьеры он не ждал, на спектакли не ходил.
Такую повесть рассказал мне его нынешний адепт. Когда я спросил, почему до нас не дошли упоминания о том, что «Гамлета» хотя бы отчасти написал лорд Веруламский,[127] ответ нашелся и на это.
Шекспир, по словам адепта, предложил такую афишу:

УИЛЬЯМ ШЕКСПИР
и
Ф. Бэкон
ГАМЛЕТ

Однако, посетив репетицию и прочитав новый текст, Бэкон наотрез отказался ставить свое имя.

Довольно много народа думает так о Шекспире и его претензиях на роль короля драматургов. Но лично я им не очень доверяю, предпочитая общепринятую версию, которую вкратце и расскажу.
Бард с Эвона родился в 1564 году и был крещен 26 апреля. Драматургией он занялся не сразу. По-видимому, в юности ему казалось, что выгодно и приятно таскать кроликов, принадлежащих все-таки сквайрам; и только подойдя к поре умеренности, он внезапно понял, что еще лучше красть сюжеты. В 1591-м он начал писать пьесы. С того времени всякий, у кого была пьеса, мог запереть ее в сейф и сесть на крышку; Шекспир все равно был тут как тут.
Конечно, молодого человека понять нетрудно. Тогда пьесы шли в лучшем случае два раза. Лишний день буквально всех поражал.
Соответственно, Шекспир сдавал «Макбета» в субботу вечером, чтобы не сорвать воскресную премьеру, а во вторник, в шесть часов утра, к нему прибегал Бербедж.
— Господи, Билл! — кричал он. — Ты еще не встал! Что нам сейчас делать, по-твоему?
— А как там «Макбет»? — сонно спрашивал Ш.
— Прошел с успехом. Если ничего не дашь, закроем лавочку.

Шекспир вылезал из постели, копался в ящике, где хранились чужие сюжеты, и ко второму завтраку вручал Бербеджу «Отелло». Тот пробегал глазами пьесу, говорил: «Нет, какая чушь!» и убегал ее сдавать.

В таких условиях не распишешься, чем и объясняется, на мой взгляд, одна ускользнувшая от ученых странность: звучит хорошо, а смысла нет. Когда время поджимало, Ш., несомненно, строчил, что придется, полагаясь на милость зрителей. Каждые две минуты заглядывал Бербедж, спрашивая, какого черта он тянет, и бедный бард валял, вообще не думая.

— Напомни, какой этот опал, — говорил Бербедж на репетиции.

— Ну, мутный такой. Брошки из него делают.

— А почему у тебя «Ужель опал былой накал страстей?»

— Ничего, со сцены все примут. Главное — сказать побыстрее.

Так и шло, пока не дошло до «Перикла», где кто-то кому-то говорит: «Вас ожидает омут воздаяний». Шекспир кое-как убедил, что это — особый экипаж, но передышка была недолгой. Вскоре его спрашивали, что такое «отверзла» — глагол или существительное, а также просили уточнить значение слов «гиппогриф», «китоврас», «тайноязденье», «апокатаста-зис», «червец» и «пумело». Так жить тяжело. Шекспир держался, повторял в «Русалке», что трудно только первые сто лет, но, поверьте, ему приходилось туго.

Словом, если он крал сюжеты, Бог ему в помощь.

Кроме того, он, несомненно, испытывал муки новичка, стремящегося в сферы. Предание гласит, что начал он скромно — присматривал за лошадьми у театра. Легко представить, как будущий король английской сцены пытается перехватить спешащего в «Русалку» Бербеджа, чтобы прочитать ему первую сцену комедии, одновременно уворачиваясь от лошади, норовящей укусить его сзади.

Однако в конце концов талант пробил себе дорогу, и нашего героя взяли в труппу. Вскоре пошли его пьесы.

Легче ему не стало. Только он начал подсчитывать, сколько он получит, если брать за билет 15 дукатов, а по субботам — по монете, называвшейся в ту пору «благородной розой»,[128] как нагрянула чума, и в феврале 1593 года театры закрыли. Он написал «Тита Андроника», в 1594 году его поставили, и, пожалуйста — опять чума!

Но хорошего человека не сломишь. Как раз в эту пору Ш. стал воровать сюжеты, а значит, печь пьесы без особого труда. Когда театры снова открыли, у него было «Укрощение строптивой», «Бесплодные усилия любви», «Ромео и Джульетта». Их ставили до конца года, после чего увидели, что театры закрывать бессмысленно.

О первой пьесе Ш. мы знаем мало. Поскольку она написана вместе с Марлоу, Грином и Пилем, это, скорее всего, мюзикл. Я думаю, Ш. написал текст, М. прибавил сценку-другую, Г. — несколько строчек, П. — еще что-то. Особого успеха она не имела, доказывая тем самым, что в этом жанре ничего не добьешься без Лесли Хенсона и Хизер Тэтчер.[129]

И личную жизнь, и театральную карьеру Ш. окружает тайна. Никто, в сущности, не знает, что он делал, где жил, на ком женился, как выглядел. Считается, что женился он на Анне Хэтауэй, но существует запись о свадьбе Уильяма Шекспира с Анной Уэйгли из Темпл Грифтона. Остается предположить, что писарь был еще безграмотней жениха, и пытался так передать фамилию «Хэтауэй». Вообще-то для тех времен совсем неплохо.

Что до облика, в книге, которой я многим обязан, есть шестнадцать портретов, совершенно разных, если не считать того, что Шекспир, видимо, не брился. Я понимаю, изображать Шекспира трудно — он или бежал или сидел взаперти у Бербеджа, и в замочную скважину удавалось увидеть только спину.

А может быть, чтобы не отрываться от работы, он позировал письменно. Расскажет в письме, какой он, и положится на художника.

---

notes

Примечания

1

…сзывал коров на дюнах Ди — отсылка к стихотворению Чарлза Кингсли (1819–1875).

2

…*Сказал «Иди» и не пошел* — см. Мф. 21:30.

З

Роджет, Питер Марк (1779–1869) — автор словаря.

4

…*Спенсер Трейси (1900–1967).* — американский актер, игравший умных и сильных мужчин («Нюрнбергский процесс», «Этот безумный, безумный, безумный мир» и множество других фильмов).

5

…*Эрик Блор (1887–1959)* — актер, судя по тексту — некрасивый (мы его картин не видели).

6

…*Роберт Тейлор (1911–1996)* — тоже актер, до неприятного красивый («Мост Ватерлоо», «Дама с камелиями» и др.).

7

…*Скрудж* — герой повести Диккенса (1812–1870) «Рождественская песнь» (1843).

8

Валтасаров пир — см. Книгу Даниила, 5.

9

…что чувствовала Мэри… — речь идет о детской песенке про Мэри, за которой неотступно следовал ягненок.

10

…ты попадешь в густой туман, когда решишься на обман — строки из поэмы Вальтера Скотта (1771–1832) «Мармион» (1808).

11

Два реала *(исп.)*.

12

…*Пиппа* — героиня поэмы Роберта Браунинга (1812–1889) «Проходит Пиппа» (1841).

13

…*нет на свете слов…* — цитата из «Мод Маллер» Дж. Т. Уиттьера (1807–1892).

14

…жители Гента гонцам из Аахена — часто ссылаясь на балладу Браунинга «Как привезли добрую весть из Гента в Аахен», Вудхауз непременно путает эти города (весть везут из Аахена в Гент).

15

Папа *(франц.)*.

16

…пыль под моей колесницей… — несколько искаженная строка из стихотворения Лоуренса Хоупа (псевдоним Аделы Франсис Марджори Хоуп Николсон, 1885–1905). Искажение в том, что у Хоупа — «*Мы* пыль под *твоей* колесницей».

17

…*половина девятого* — традиционные английские трапезы не совпадают с нашими. Главные из них — первый завтрак, второй завтрак (ланч) часа в 2–3, пятичасовой чай, обед — чем вы знатнее, тем позже, и ужин, едва ли не ночью. Теперь это несколько сдвинулось, но проблема «ланча» и «обеда» остается. Можно переводить «ланч» как «обед», но это — не главная трапеза. Если же передавать «dinner» словом «ужин», что тогда делать с «supper»?

18

…оружие просто торчало… из сердца — искаженная отсылка к словам Евангелия от Луки (Лк. 2:35).

19

…*олень… потоков вод* — перифраза слов из Пс. 41:2.

20

Мятный ликер *(франц.)*.

21

Точное слово *(франц.)*.

22

…*Ананию и Сапфиру* — см. Деян. 5:1—10.

23

…Гость на свадьбе (Брачный гость) — персонаж поэмы СТ. Колриджа (1772–1834) «Сказание о Старом Мореходе» (1798).

24

…Гладстон Уильям Юарт (1809–1898) — глава либеральной партии, несколько раз был премьер-министром.

25

Хозяйка замка *(франц.)*.

26

…*приличная птичка* — имеется в виду английская пословица «Червяка ловит ранняя птичка».

27

…*изгнали беса* — см. Мф. 12:45.

28

…*радость приходит поутру* — см. Пс. 29 («…а наутро радость»).

29

…*Руритания* — вымышленная страна в романе Энтони Хоупа (сэр Энтони Хоуп Хоукинс, 1868–1938) «Узник Зенды» (1894). Сравнительно недавно издан новый русский перевод Е. Доброхотовой-Майковой.

30

…*Далила* — см. Книгу Судей, *Иезавель* — см. Книгу Царств, Вавилонская блудница — см. Откровение.

31

Благодушие, хорошее настроение *(франц.)*.

32

…*прыгать как холмы* — см. Пс. 113:6.

33

…как Артур на Гвиневеру — речь идет о той сцене артуровского цикла, в которой король Артур убеждается в измене жены.

34

…*«Пробуждение души»* — картина Джеймса Сента (1820–1916), появившаяся на выставке в 1888 г., очень популярная в последний период правления королевы Виктории (ум. 1901) и при Эдуарде VII (1901–1910). На картине изображена двоюродная внучка Сента, Энни Кэтрин Рэндл (род. 1875).

35

Омар Делатель Палаток — Омар Хайям, потому что именно так переводится слово Хайям.

36

Богарт, Хэмфри (1899–1957) — американский киноактер, снимался в амплуа обаятельных гангстеров.

37

подобно царице Савской, чувствовала, что ей не сказали и половины — «…и сказала царю: верно то, что я слышала в земле своей о делах твоих и о мудрости твоей; но я не верила словам, доколе не пришла, и не увидели глаза мои: и вот, мне и в половину не сказано; мудрости и богатства у тебя больше, нежели как я слышала». 3 Царств, 10, 6–7.

38

Вдруг, сердце озарив желанным светом, на ум уловка дерзкая пришла
— Дж. Китс, «Канун св. Агнессы», пер. Е. Витковского.

39

Муж величавейшей осанки — А. Теннисон, «Смерть Артура».

40

лицо… не погнало бы в дальний путь тысячи судов — в пьесе К. Марло «Трагическая история доктора Фауста» эти слова сказаны о Прекрасной Елене: «Вот этот лик, что тысячи судов гнал в дальний путь» (пер. Н. Амосовой).

41

Он верно не придет — слова из стихотворения А. Тенни-сона «Мариана».

42

На яркий цвет решимости природной легла бледная немощность заботы — слегка измененная цитата из «Гамлета» — «На яркий цвет решимости природной ложится бледность немощная мысли» (пер. В. Набокова.)

43

Чарлз Пис (1832–1879) — знаменитый британский грабитель и убийца. Его жизнь стала материалом для множества романов и фильмов.

44

Валтасар (2—539до н. э.) — царь Вавилона. Согласно Ветхому Завету, во время пира увидел на стене таинственные письмена, которые пророк Даниил истолковал как предсказание его гибели.

45

Он человек был, человек во всем. Ему подобных нам (в оригинале «мне») уже не встретить — «Гамлет», акт 1, сцена 2, пер. М. Лозинского.

46

Джек (Уильям Гаррисон) Демпси (1895–1983) — американский боксер в тяжелом весе, чемпион мира с 1919 по 1926 гг.

47

Взор, как у Марса, властная гроза — «Гамлет», III, 4, пер. М. Лозинского.

48

…вооружился доблестью так крепко — В. Шекспир, «Юлий Цезарь», IV, 3 (перевод Мих. Зенкевича). В оригинале Брут обращается к Кассию: «Мне не страшны твои угрозы, Кассий, вооружен я доблестью так крепко, что все они, как легкий ветер, мимо проносятся».

49

дума, что слишком для слез глубока — У. Вордсворт «Ода на предвкушение бессмертия в воспоминаниях раннего детства: «И мне цветок самый скромный внушал / думы, что слишком для слез глубоки».

50

Как лань желает к потокам вод — Пс. 41, 2.

51

По улицам метались привиденья, ужасным воем оскорбляя слух — В.Шекспир, «Юлий Цезарь». Акт 2, сцена 2, пер. М.Зенкевича.

52

В глухой ночи без берегов… мой несокрушимый дух… — и далее *«пусть страшны тяготы борьбы… я капитан моей души», «лишенья были велики, и я в крови, но несогбен»* — Уильям Хенли, «Invictus», пер. В. Рогова; *«не вскрикнул я, не содрогнулся»* — это же стихотворение, но в переводе А. Курошевой.

53

скоро свершится проклятье! — Альфред Теннисон, «Леди из Шалотта».

54

как глухого аспида, который затыкает уши свои и не слушает голоса заклинателя — Пс. 57, 6.

55

Рафт, Джордж (1885–1980), — американский актер, игравший роли гангстеров и заключенных. Ходили слухи, что он и сам гангстер.

56

Доктор Криппен (Криппен Хоули Харви) — английский зубной врач. В 1910 году убил жену и, спрятав тело, бежал. Внимание широкой публики привлекло романтически-авантюрное бегство убийцы с переодетой мальчиком любовницей, равно как и тот факт, что арестовать убийцу на борту парохода удалось благодаря новейшему тогда изобретению — беспроволочному телеграфу.

57

Сидни Картон — герой «Повести о двух городах» Диккенса, человек, добровольно пошедший за другого на гильотину.

58

Байяр, Пьер дю Террайлъ (143?-1524) — французский рыцарь. Заслужил титул «рыцарь без страха и упрека».

59

Эскофье, Огюст — французский повар конца XIX — начала XX века, «король поваров и повар королей», первый шеф-повар «Риц», отец-основатель классической французской кухни.

60

был в буре чувств — Отелло, V, 2 «был нелегко ревнив, но в буре чувств впал в бешенство», пер. Б. Пастернака.

61

Непременное условие *(лат.)*.

62

Как сердцу те детские сцены милы — первые строчки стихотворения «Старая деревянная бадья» американского поэта Сэмюэля Вудворта (1785–1842).

63

не так спокоен (в оригинале спокойна), как Вер-де-Веров знатный род
— Альфред Теннисон, «Леди Клара Вер-де-Вер», пер. А. Плещеева.

64

«Великолепный Башвиль» — ранняя пьеса Дж. Б. Шоу, посвященная знаменитому боксеру, но на самом деле слова «сплошная червлень» принадлежат Гамлету (пер. М. Лозинского).

65

…в исторической переигровке — речь о легендарном Открытом чемпионате США по гольфу 1913 года, когда 20-летний спортсмен-любитель из Массачусетса Френсис Уйме потряс весь мир профессионального гольфа, победив мощнейший британский дуэт — Гарри Вардона и Теда Рея, с чего, собственно, и начался настоящий интерес американцев к гольфу.

66

Д.Г. Тейлора — Джон Генри Тейлор (1871–1963) — профессиональный британский гольфист. Вместе с Г. Вардоном и Д.Брейдом составлял так называемый «Великий триумвират». Эти три гольфиста выигрывали British Open с 1894 по 1914 год (победы Тейлора пришлись на 1894, 1895, 1900, 1909 и 1913 гг.). Он первым из английских профессионалов выиграл British Open, в котором до 1893 года доминировали шотландские игроки. В 1901 году при участии Тейлора была основана «Ассоциация профессиональных гольфистов Великобритании», первым председателем которой был избран сам Тейлор.

67

…в состязании ораторов Синг-Синг и Оберна — известная тюрьма в городе Оберн, штат Нью-Йорк.

68

Бобби Джонса — Роберт Тайер (Бобби) Джонс младший (1902–1971) — легендарный американский гольфист. Выиграл пять чемпионатов США среди любителей, четыре US Open, три British Open и один British Amateur.

69

…*лелеять лани нежной* — строка из поэмы Томаса Мура «Огнепоклонники».

70

Джеймс Брейд (1870–1950) — легендарный британский гольфист, входивший вместе с Вардоном и Тейлором в так называемый «Великий триумвират». Неоднократный победитель British Open.

71

Эдвард Блэквелл — английский гольфист; второе место British Amateur 1904 года.

72

…*тысячелетнее царство* — см., например, Откровение 20:4–6. Тысячелетний период царствования, о котором говорится в этих стихах книги Откровения, истолковывался по-разному. В частности, было распространено мнение, согласно которому тысячелетнее царство — это период блаженства на небесах или на земле.

73

Кракка-Бита-Рок — искаж. Каппа-Бета-Ро. В университетах США распространены т. н. студенческие братства — мужские организации, названия которых обычно состоят из трех греческих букв. Первой подобной группой стало академическое общество «Фи-Бета-Каппа», основанное в 1776 году.

74

Хват Вардона — один из возможных хватов клюшки в гольфе, популяризованный Г. Вардоном и названный в его честь.

75

Лё Тукэ — морской курорт на севере Франции. У Вудхауза был там домик, где его и застала немецкая оккупация. Рассказ написан раньше не только оккупации, но и домика, в 1933 году.

76

«На Западном фронте без перемен». — роман Эриха Марии Ремарка (1898–1970), изданный в 1929 г.

77

Noblesse oblige — «положение обязывает». Обычно кажется, что это выражение существовало всегда. Однако восходит оно к «Максимам и размышлениям» герцога де Леви (1764–1830).

78

Талула Банкхед (1902–1968) — американская киноактриса.

79

Набережная в Каннах *(франц.)*.

80

Ва-банк *(франц.)*.

81

Бинг Кросби (1904–1977) — популярный американский певец и киноактер.

82

…в Ист-энде — то есть в восточных районах Лондона, там жили «низшие классы», в Вест-энде, на Западе — высшие. Сейчас фактически это не так, но ощущение осталось. Интересно, что такое же противопоставление «Востока» и «Запада» свойственно Москве. Почему восточная часть города чаще бывает индустриальной? Заметим, что Боттлтон-иста на свете нет. Его выдумал Вудхауз и прекрасно изобразил в рассказе «Арчибальд и массы».

83

королем Гарольдом Саксонским — последний король англосаксов Гарольд был убит стрелой в битве при Гастингсе (1066).

84

— Скажите мне… нет ли в вашем отеле месье по фамилии Проссер? …много… …Много прыщей, месье *(франц.*, у Бинго — с очень плохим акцентом).

85

«Какой человек!» «Поразительно!» *(франц.)*.

86

Дюймов на восемнадцать — в футе (30,48 см) — 12 дюймов. Тем самым, 18 дюймов — 1,5 фута. Остальное читатель может вычислить сам.

87

…о Саймоне Легри и покойном капитане «Баунти» — Саймон Легри — злой надсмотрщик из «Хижины дяди Тома». Капитан Блай вызвал своей жестокостью мятеж на корабле «Баунти».

88

…в мэрилебонской части Лондона — район в северозападной части Лондона. Там расположен крикетный стадион «Лордз».

89

Кэри Гранта и даже Грегори Пека — Кэри Грант (1904— 86), Грегори Пек (1916–2003) — американские киноактеры.

90

Жених *(франц.)*.

91

…о кораблях, разминувшихся в ночи — строка о кораблях — из серии стихов ГУ. Лонгфелло (1807–1889) «Рассказы в придорожном кабачке».

92

…*какАбу Адем* — стихи Джеймса Генри Ли Ханта (1784–1859).

93

Чернь, низкий люд *(франц.)*.

94

…*сор для мира* — 1 Кор. 4:13.

95

…если за дело не примется ворон — Вудхауз, любивший библейские аллюзии, имеет в виду 3 Книгу Царств 17:4–6, где пророка Илию кормят вороны.

96

…душа, ее прошло бы оружие — очень искаженная отсылка к стиху из Евангелия от Луки (2:35).

97

Клин подпрыгнет, как холмы — отсылка к Пс. 113:6.

98

«Смерть, где твое жало?» — 1 Кор. 15:55.

99

Олдермастонский поход — весенние демонстрации английских сторонников мира и участников борьбы за запрещение ядерного оружия. В рамках британского движения «Кампания за ядерное разоружение». Организуются обычно по маршруту Олдермастон-Лондон и заканчиваются митингом на Трафальгарской площади. (Рассказ написан в 1965 году.)

100

Жареная курица с салатом *(франц.)*.

101

Пэшли-Дрейк — читатель, наверное, помнит, что тот же полковник — дядя Трефьюзиса в рассказе «Злые чары Бладли Корта».

102

Верлибр, свободный стих *(франц.)*.

103

Мясо, запеченное в горшочке, жареная курица *(франц.)*.

104

Обед. Закуски разные. Консоме «Жюльен». Жареный фазан. Суфле по-метрдотельски *(франц.)*.

105

Троллоп, Таппер… — Троллоп, Антони (1815–1882) — английский романист. Таппер, Мартин Фарквер (1810–1889) — автор знаменитых изречений, издававшихся в 1832—42 гг.

106

понадеялись на Инга — Уильям Ральф Инг («Индж» — неправильно) (1860–1954) — настоятель собора Святого Павла (1911–1934), полемизировавший в газетах со многими, в том числе — с Г. К. Честертоном. Известен под прозванием Мрачный настоятель.

107

Кауард, Ноэл (1899–1974) — знаменитый английский драматург. Кроме того, писал музыку, а иногда и играл на сцене.

108

Льюис, (Перси) Уиндэм (1884–1957) — английский критик, художник и романист.

109

«Здравствуй, дух веселый!» — первая строка из стихотворения «Жаворонок» Перси Биши Шелли (1792–1822), написанного в 1819 г.

110

Уолпол, сэр Хью Сеймур (1884–1941) — английский романист.

111

«Уоверли» *(«Веверлей»)* — первый роман Вальтера Скотта (1771–1832), вышел в 1814 г.

112

Райт, Гарольд Белл (1872–1944) — американский писатель, автор бестселлеров.

113

Уоллес, Эдгар (1875–1932) — автор детективов, которые теперь и по-русски назвали бы «триллерами».

114

Книги об убийстве — заметим, что 3-й раздел мы назвали иначе, поскольку речь идет о времени, когда в русском языке слова «триллер» не было (на наш взгляд, его нет и теперь). Вообще же речь там явно идет о детективах. Кто-кто, а Кристи или Сэйерс не писали «триллеров».

115

1 августа — т. н. «праздник урожая» (Lammas).

116

…надежно защищающему замок — отрывок из монолога Джона Гонта из пьесы Шекспира «Ричард II» 1,2.

117

Ласкар — матрос-индиец на английских кораблях.

118

Поистине, надломленная трость — Мф. 12:30; Ис. 42:3.

119

Сэйерс, Дороти Ли (1893–1957), Беркли, Антони (1893–1970), Макдоналд, Филип (внук шотландского сказочника Джорджа Макдоналда, 1824–1905), Кристи, Агата (1891–1976), Оппенгейм, Эдвард Филлипс (1866–1946) — каждый знает хотя бы кого-то из этих писателей; даем для любопытствующих годы их жизни.

120

«Роджера Экройда» — роман Агаты Кристи «Убийство Роджера Экройда» (1926 г.) написан от лица убийцы, который дружит с сыщиком, Эркюлем Пуаро.

121

…*Томас де Торкемада* — традиционно — Торквемада (1420–1498) — великий инквизитор Испании, прославившийся своей жестокостью.

122

…*годовщина приходится на этот год* — по-видимому, очерк написан в 1924 г., когда со дня рождения Шекспира (1564) прошло 260 лет.

123

Сэлфридж, Гордон — основатель и владелец одного из лондонских универсальных магазинов.

124

«Веселая вдова» (1905) — оперетта Франца Легара (1870–1948).

125

Пустим, когда у них гонки — речь идет о лодочных гонках между Оксфордом и Кембриджем (март — апрель, Лондон).

126

Юджин О'Нил (1888–1953) — американский драматург.

127

лорд Веруламский — Фрэнсис Бэкон (1561–1626) получил титулы барона Веруламского и виконта Сэнт-Олбенского.

128

«Благородная роза» («роузнобль») — золотая монета, имевшая хождение в XIV–XVI вв.

129

Хенсон, Лесли (1891–1957) — английский актер. *Тэтчер, Хизер (1896–1987)* — английская киноактриса.